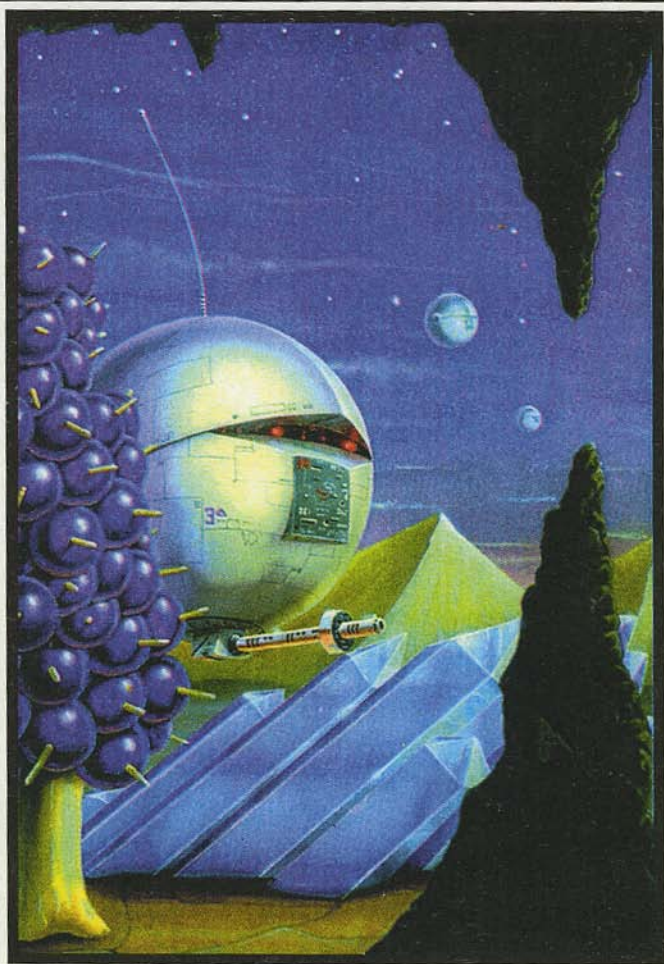

НОВЫЕ МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

**NEW
WORLDS
OF ISAAC
ASIMOV**

Volume two

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

**НОВЫЕ
МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Том второй

РАССКАЗЫ

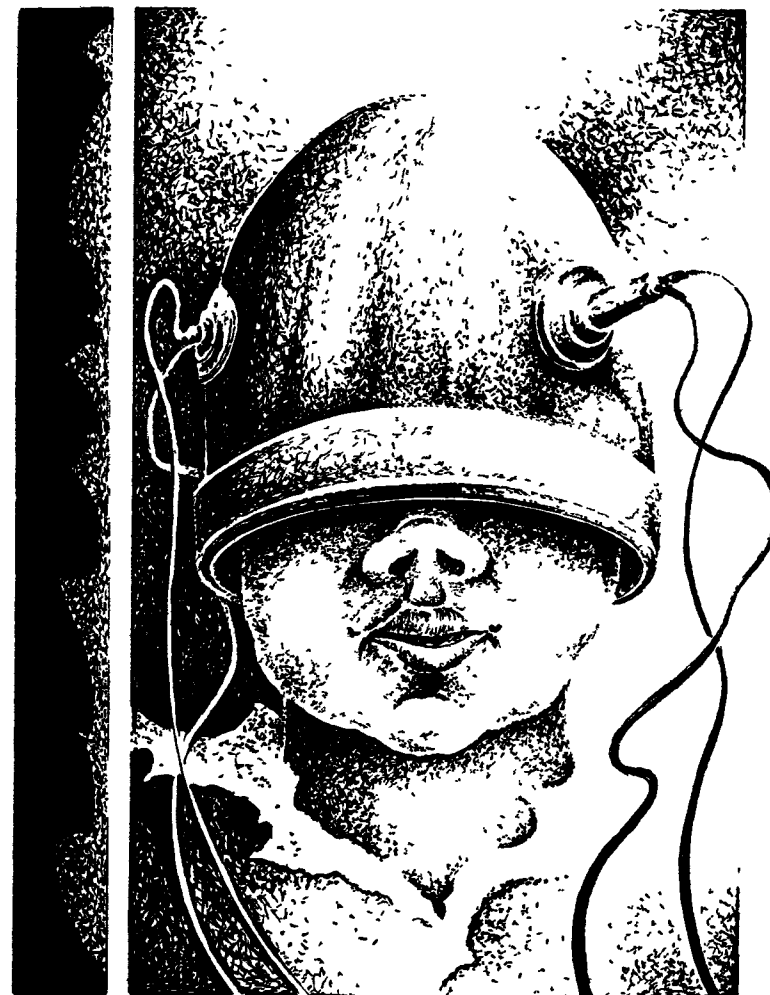
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Новые Миры Айзека Азимова. Т. 2 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 383 с.**

Во второй том собрания рассказов одного из основателей современной научной фантастики вошли произведения из сборников «На Земле достаточно места» и «Девять завтра».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

НА ЗЕМЛЕ ДОСТАТОЧНО МЕСТА

ISBN 5-88132-182-0

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1996

МЕРТВОЕ ПРОШЛОЕ

Арнольд Поттерли, доктор философии, преподавал древнюю историю. Занятие, казалось бы, самое безобидное. И мир претерпел неслыханные перемены именно потому, что Арнольд Поттерли выглядел совершенно так, как должен выглядеть профессор, преподающий древнюю историю.

Обладая профессор Поттерли массивным квадратным подбородком, сверкающими глазами, орлиным носом и широкими плечами, Тэджиус Эремен, заведующий отделом хроноскопии, несомненно, принял бы надлежащие меры.

Но Тэджиус Эремен видел перед собой только тихого человека с курносым носом-путовкой между выпуклыми голубыми глазами, грустно глядевшими на заведующего отделом хроноскопии, — короче говоря, он видел перед собой щуплого, аккуратно одетого историка, который от редущих каштановых волос на макушке до тщательно вычищенных башмаков, довершавших респектабельный старомодный костюм, казалось, был помечен штампом «разбавленное молоко».

— Чем могу быть вам полезен, профессор Поттерли? — любезно осведомился Эремен.

И профессор Поттерли ответил негромким голосом, который отлично гармонировал с его наружностью:

— Мистер Эремен, я пришел к вам, потому что вы глава всей хроноскопии.

Эремен улыбнулся:

— Ну, это не совсем точно. Я ответствен перед Всемирным комиссаром научных исследований, а он, в свою очередь, — перед Генеральным секретарем ООН. А они оба, разумеется, ответственны перед суверенными народами Земли.

The Dead Past

© 1956 by Isaac Asimov

Мертвое прошлое

© И. Гурова, перевод, 1973

Профессор Поттерли покачал головой:

— Они не интересуются хроноскопией. Я пришел к вам, сэр, потому что вот уже два года я пытаюсь получить разрешение на обзор времени — то есть на хроноскопию — в связи с моими изысканиями по истории древнего Карфагена. Однако получить разрешение мне не удалось. Дотацию на исследования мне дали в самом законном порядке. Моя интеллектуальная работа протекает в полном соответствии с правилами, и все же...

— Разумеется, о нарушении правил и речи быть не может, — перебил его Эремен еще более любезным тоном, перебирая тонкие репродукционные листки в папке с фамилией Поттерли. Эти листки были получены с Мультивака, чей обширный аналогический мозг содержал весь архив отдела. После окончания беседы листки можно будет уничтожить, а в случае необходимости репродуцировать вновь за какие-нибудь две-три минуты.

Эремен просматривал листки, а в его ушах продолжал звучать тихий, монотонный голос профессора Поттерли:

— Мне следует объяснить, что проблема, над которой я работаю, имеет огромное значение. Карфаген знаменовал высший расцвет античной коммерции. Карфаген доримской эпохи во многом можно сравнить с доатомной Америкой. По крайней мере в том отношении, что он придавал огромное значение ремеслу, коммерции и вообще деловой деятельности. Карфагеняне были самыми отважными мореходами и открывателями новых земель до викингов и в этом отношении намного превосходили хваленых греков. Истинная история Карфагена была бы очень поучительной. Однако до сих пор все, что нам известно о нем, извлекалось из письменных памятников его злейших врагов — греков и римлян. Карфаген ничего не написал в собственную защиту или эти труды не сохранились. И вот карфагеняне вошли в историю как кучка архизлодеев, и, возможно, без всякого к тому основания. Обзор времени облегчил бы установление истины.

И так далее и тому подобное.

Продолжая проглядывать репродукционные листки, Эремен заметил:

— Поймите, профессор Поттерли, хроноскопия, или обзор времени, как вы предпочитаете ее называть, процесс весьма трудный.

Профессор Поттерли, недовольный, что его перебили, нахмурился и сказал:

— Я ведь прошу только сделать отдельный обзор определенных эпох и мест, которые я укажу.

Эремен вздохнул:

— Даже несколько обзоров, даже один... Это же невероятно тонкое искусство. Скажем, наводка на фокус, получение на экране искомой сцены, удержание ее на экране. А синхронизация звука, которая требует абсолютно независимой цепи!

— Но ведь проблема, над которой я работаю, достаточно важна, чтобы оправдать значительную затрату усилий.

— Разумеется, сэр! Несомненно, — сразу ответил Эремен (отрицать важность чьей-то темы было бы непростительной грубостью). — Но поймите, даже самый простой обзор требует длительной подготовки. Список тех, кому необходимо воспользоваться хроноскопом, огромен, а очередь к Мультиваку, снабжающему нас необходимыми предварительными данными, еще больше.

— Но неужели ничего нельзя сделать? — расстроено спросил Поттерли. — Ведь уже два года...

— Вопрос первоочередности, сэр. Мне очень жаль... Может быть, сигарету?

Историк вздрогнул, его глаза внезапно расширились, и он отпрянул от протянутой ему пачки. Эремен удивленно отодвинул ее, хотел было сам достать сигарету, но передумал.

Когда он убрал пачку, Поттерли вздохнул с откровенным облегчением и сказал:

— А нельзя ли как-нибудь пересмотреть список и поставить меня на самый ранний срок, какой только возможен? Право, не знаю, как объяснить...

Эремен улыбнулся. Некоторые его посетители на этой стадии предлагали деньги, что, конечно, тоже не приносило им никакой пользы.

— Первоочередность тем устанавливает счетно-вычислительная машина, — объяснил он. — Самовольно менять ее решения я не имею права.

Поттерли встал. Он был очень небольшого роста — от силы пять с половиной футов.

— В таком случае всего хорошего, сэр, — сухо сказал он.

— Всего хорошего, профессор Поттерли, и, поверьте, я искренне сожалею.

Он протянул руку, и Поттерли вяло ее пожал.

Едва историк вышел, как Эремен позвонил секретарше и, когда она появилась, вручил ей папку.

— Это можно уничтожить, — сказал он.

Оставшись один, он с горечью улыбнулся. Еще одна услуга из тех, которые он уже четверть века оказывает человечеству. Услуга через отказ. Ну, во всяком случае, с этим чудачком затруднений не было. В иных случаях приходилось оказывать давление по месту работы, а иногда и отбирать дотации. Через пять минут Эремен уже забыл про профессора Поттерли, а когда он впоследствии вспоминал этот день, то неизменно приходил к выводу, что никакие дурные предчувствия его не томили.

В течение первого года после того, как его впервые постигло это разочарование, Арнольд Поттерли испытывал... только

разочарование. Однако на втором году из этого разочарования родилась мысль, которая сперва напугала его, а потом увлекла. Воплотить эту мысль в дело ему мешали два обстоятельства, но к ним не относился тот несомненный факт, что такие действия были бы вопиющим нарушением этики.

Мешала ему, во-первых, еще не угасшая надежда, что власти в конце концов дадут необходимое разрешение. Но теперь, после беседы с Эременом, эта надежда окончательно угасла.

Вторым препятствием была даже не надежда, а горькое сознание собственной беспомощности. Он не был физиком и не знал ни одного физика, к которому мог бы обратиться за помощью. На физическом факультете его университета работали люди, избалованные дотациями и поглощенные своей специальностью. В лучшем случае они просто не стали бы его слушать, а в худшем доложили бы начальству о его интеллектуальной анархии, а тогда его, пожалуй, вообще лишили бы дотации на изучение Карфагена, от которой зависело все.

Пойти на такой риск он не мог. Но, с другой стороны, продолжать исследования он мог бы только с помощью хроноскопии. Без нее и дотация лишалась всякого смысла.

За неделю до свидания с Эременом перед Поттерли, хотя тогда он этого не осознал, открылась возможность преодолеть второе препятствие. Это произошло на одном из традиционных факультетских чаепитий. Поттерли неизменно являлся на такие официальные сборища, потому что видел в этом свою обязанность, а к своим обязанностям он относился серьезно. Однако, исполнив этот долг, он уже не считал нужным поддерживать светский разговор или знакомиться с новыми людьми. Всегда воздержанный, он выпивал не больше двух рюмок, обменивался двумя-тремя вежливыми фразами с деканом или заведующими кафедрами, сухо улыбался остальным и уходил домой как мог раньше.

И на этом последнем чаепитии он при обычных обстоятельствах не обратил бы ни малейшего внимания на молодого человека, который одиноко стоял в углу. Ему бы и в голову не пришло заговорить с этим молодым человеком. Но сложное стечение обстоятельств заставило его на этот раз поступить наперекор своим привычкам.

Утром за завтраком миссис Поттерли грустно сказала, что ей опять снилась Лорель, но на этот раз взрослая Лорель, хотя лицо ее оставалось лицом той трехлетней девочки, которая была их дочерью. Поттерли не перебивал жену. В давние времена он пытался бороться с этими ее настроениями, когда она бывала способна думать только о прошлом и о смерти. Ни сны, ни разговоры не вернут им Лорель. И все же, если Кэролайн Поттерли так легче, пусть она грезит и разговаривает.

Однако, отправившись на утреннюю лекцию, Поттерли вдруг обнаружил, что на этот раз нелепые мысли Кэролайн как-то действовали на него. Взрослая Лорель! Прошло уже почти двадцать лет со дня ее смерти — смерти их единственного ребенка и тогда и до веки веков. И все это время, вспоминая ее, он вспоминал трехлетнюю девочку.

Но теперь он подумал: будь она жива сейчас, ей было бы не три года, а почти двадцать три!

И против своей воли он попытался вообразить, как Лорель постепенно становилась бы старше, пока наконец ей не исполнилось бы двадцать три года. Это ему не удалось.

И все же он пытался: Лорель красит губы, за Лорель ухаживают, Лорель... выходит замуж!

Вот почему, когда он увидел, как этот молодой человек заспешивает в стороне от равнодушно спящей вокруг группы преподавателей, ему пришла в голову мысль, достойная Дон Кихота: ведь такой вот мальчишка мог жениться на Лорель! А может быть, даже и этот самый мальчишка...

Ведь Лорель могла бы познакомиться с ним — здесь, в университете, или как-нибудь вечером у себя дома, если бы они пригласили этого молодого человека в гости. Они могли бы понравиться друг другу. Лорель, несомненно, была бы хорошенькой, а этот юноша даже красив — смуглое, худое, сосредоточенное лицо, уверенные, легкие движения.

Эти сны наяву внезапно рассеялись. Однако Поттерли поймал себя на глупом ощущении, что молодой человек уже не посторонний ему, а как бы его возможный зять в стране того, что могло бы быть. И вдруг заметил, что уже подошел к юноше. Это был почти самогипноз. Он протянул руку:

— Я Арнольд Поттерли с исторического факультета. Если не ошибаюсь, вы здесь недавно?

Молодой человек, по-видимому, удивился и неловко перехватил рюмку левой рукой, чтобы освободить правую.

— Меня зовут Джонас Фостер, сэр, — сказал он, пожимая руку Поттерли, — я преподаватель физики. Я в университете недавно — первый семестр.

Поттерли кивнул:

— Желаю вам здесь счастья и больших успехов!

На этом тогда все и кончилось. Поттерли опомнился, смутился и отошел. Он было оглянулся, но иллюзия родственной связи полностью рассеялась. Действительность вновь вступила в свои права, и он рассердился на себя за то, что поддался нелепым рассказам жены про Лорель.

Однако спустя неделю, в тот момент, когда Эремен что-то толковывал ему, Поттерли вдруг вспомнил про молодого человека. Преподаватель физики! Молодой преподаватель! Неужели в ту минуту он оглох? Неужели произошло короткое замыкание

где-то между ухом и мозгом? Или сработала подсознательная самоцензура, так как в ближайшем будущем ему предстояло свидание с заведующим отделом хроноскопии?

Свидание это оказалось бесполезным, но воспоминание о молодом человеке, с которым он обменялся парой ничего не значащих фраз, помешало Поттерли настаивать на своей просьбе. Ему даже захотелось поскорее уйти.

И, возвращаясь в скоростном вертолете в университет, Поттерли чуть не пожалел, что никогда не был суеверным человеком. Ведь тогда он мог бы утешиться мыслью, что это случайное, ненужное знакомство в действительности было делом рук всеведущей и целеустремленной Судьбы.

Джонас Фостер неплохо знал академическую жизнь. Одна только долгая изнурительная борьба за первую ученую степень сделала бы ветераном кого угодно, а ему ведь потом был поручен курс лекций, и это окончательно его отполировало.

Однако теперь он стал «преподавателем Джонасом Фостером». Впереди его ждало профессорское звание. И поэтому его отношение к университетским профессорам стало иным.

Во-первых, его дальнейшее повышение зависело от того, отдадут ли они ему свои голоса, а во-вторых, он пробыл на кафедре так недолго, что еще не знал, кто именно из ее членов близок с деканом или даже с ректором. Роль искушенного университетского политика его не привлекала, и он был даже убежден, что интриган из него получится самый посредственный, но какой смысл лягать самого себя, чтобы доказать себе же эту истину?

Вот почему Фостер согласился выслушать этого тихого историка, в котором тем не менее чувствовалось какое-то непонятное напряжение, вместо того чтобы тут же оборвать его и указать ему на дверь. Во всяком случае, именно таково было его первое намерение.

Он хорошо помнил Поттерли. Ведь это Поттерли подошел к нему на факультетском чаепитии (жуткая процедура!). Старичок посмотрел на него остекленевшими глазами, выдавил из себя две неловкие фразы, а потом как-то сразу опомнился и быстро отошел.

Тогда Фостера это позабавило, но теперь...

А вдруг Поттерли подошел к нему не случайно, вдруг он искал этого знакомства, а вернее, старался внушить ему мысль, что он, Поттерли, — чудак, эксцентричный старик, но вполне безобидный? И вот теперь пришел проверить лояльность Фостера, нащупать неортодоксальные убеждения. Разумеется, его проверяли, прежде чем назначить на это место. И все же...

Возможно, конечно, что Поттерли вполне искренен, возможно, он действительно не понимает, что делает. А может быть, превосходно понимает; может быть, он попросту опасный провокатор. Пробормотав: «Ну что ж...», Фостер, чтобы выиграть время, вытащил пачку сигарет: сейчас он предложит сигарету Поттерли, даст ему огонька, закурит сам — и проделает все это очень медленно, чтобы выиграть время.

Однако Поттерли воскликнул:

— Ради Бога, доктор Фостер, уберите сигареты!

— Простите, сэр, — с недоумением сказал Фостер.

— Что вы! Просить извинения следует мне. Но я не выношу запаха табачного дыма. Идиосинкразия. Еще раз прошу извинения.

Он заметно побледнел, и Фостер поспешил убрать сигареты.

Страдая от невозможности закурить, Фостер решил выйти из положения самым простым образом.

— Я очень польщен, что вы обратились ко мне за советом, профессор Поттерли, но дело в том, что я не занимаюсь нейтриникой. В этой области я не профессионал. С моей стороны неуместно даже высказать какое-либо мнение, и, откровенно говоря, я предпочел бы, чтобы вы не расспрашивали меня об этом. Чопорное лицо старика стало суровым.

— Я не понял ваших слов о том, что вы не занимаетесь нейтриникой. Вы ведь пока ничем не занимаетесь. Вам еще не дали никакой дотации, не так ли?

— Это же мой первый семестр.

— Я знаю. Вероятно, вы даже еще не подали заявку на дотацию?

Фостер слегка улыбнулся. За три месяца, проведенных в университете, он так и не сумел привести свою заявку о дотации на научно-исследовательскую работу в мало-мальски приличный вид — ее нельзя было даже вручить для доработки профессиональному писателю при науке, не говоря уже о том, чтобы прямо подать в Комиссию по делам науки.

(К счастью, заведующий его кафедрой отнесся к этому вполне терпимо. «Не торопитесь, Фостер, — сказал он, — поразмыслите над темой, убедитесь, что хорошо знаете свой путь и то, куда он приведет. Ведь едва вы получите дотацию, как тем самым официально закрепите за собой область вашей специализации и, на радость или на горе, не расстанетесь с ней до конца вашей академической карьеры». Этот совет был достаточно банален, однако банальность нередко обладает достоинством истины, и Фостеру это было известно.)

— По образованию и по склонности, доктор Поттерли, я гипероптик с уклоном в малую гравитику. Так я охарактеризовал себя, когда подавал заявление на факультет. Официально это пока еще не моя область специализации, но именно ее я

собираюсь выбрать. Только ее! А нейтриникой я вообще не занимался.

— Почему? — немедленно спросил Поттерли.

Фостер с недоумением посмотрел на него. Такие бесцеремонные расспросы о чужом профессиональном статусе, естественно, вызывали раздражение. И он ответил уже менее любезным тоном:

— Там, где я учился, курса нейтриники не читали.

— Бог мой, где же вы учились?

— В Массачусетском технологическом институте, — невозмутимо ответил Фостер.

— И там не преподают нейтринику?

— Нет. — Фостер чувствовал, что краснеет, и начал оправдываться: — Это же очень узкая тема, не имеющая особого значения. Хроноскопия, пожалуй, обладает некоторой ценностью, но другого практического применения у нейтриники нет, а сама по себе хроноскопия — это тупик.

Историк бросил на него возбужденный взгляд:

— Скажите мне только одно: вы можете назвать специалиста по нейтринике?

— Нет, не могу, — грубо ответил Фостер.

— Ну, в таком случае вы, может быть, знаете учебное заведение, где преподают нейтринику?

— Нет, не знаю.

Поттерли улыбнулся кривой невеселой улыбкой.

Фостеру эта улыбка не понравилась, она показалась ему оскорбительной, и он настолько рассердился, что даже сказал:

— Позволю себе заметить, сэр, что вы переступаете границы.

— Что?

— Я говорю, что вам, историку, интересоваться какой-либо областью физики, интересоваться профессионально, — это... — он умолк, не решаясь все-таки произнести последнее слово вслух.

— Неэтично?

— Вот именно, профессор Поттерли.

— Меня толкают на это результаты моих исследований, — сказал Поттерли напряженным шепотом.

— В таком случае вам следует обратиться в Комиссию по делам науки. Если Комиссия разрешит...

— Я уже обращался туда, но безрезультатно.

— Тогда вы, разумеется, должны прекратить эти исследования.

Фостер чувствовал, что говорит, как самодовольный педант, гордящийся своей добропорядочностью, но не мог же он допустить, чтобы этот человек спровоцировал его на проявление интеллектуальной анархии. Он ведь только начинает свою научную карьеру и не имеет права рисковать по-глупому.

Но, очевидно, его слова задели Поттерли. Без всякого предупреждения историк разразился бурей слов, каждое из которых свидетельствовало о полной безответственности.

— Ученые, — сказал он, — могут считаться свободными только в том случае, если они свободно следуют своему свободному любопытству. Наука, — сказал он, — силой заглавная в заранее определенную колею теми, в чьих руках сосредоточены деньги и власть, становится рабской и неминуемо загнивает. Никто, — сказал он, — не имеет права распоряжаться интеллектуальными интересами других.

Фостер слушал его с большим недоверием. Ничего нового в этом потоке слов для него не было: студенты любили шокировать своих преподавателей подобными рассуждениями, да и он сам раза два позволил себе поразвлечься таким способом. Вообще каждый человек, изучавший историю науки, прекрасно знал, что в старину многие придерживались подобных взглядов. И все же Фостеру казалось странным, почти противоестественным, что современный ученый может проповедовать столь дикую чепуху. Никому бы и в голову не пришло организовать производственный процесс так, чтобы каждый рабочий занимался тем, что хотел и когда хотел, и никто не осмелится повести корабль, руководствуясь противоречивыми мнениями каждого отдельного члена команды. Все считают бесспорным, что и на заводе, и на корабле должно существовать какое-то одно центральное руководство. Так почему же то, что идет на пользу заводу и кораблю, вдруг может оказаться вредным для науки?

Можно, конечно, возразить, что человеческий интеллект обладает качественным отличием от корабля или завода, однако история научно-исследовательских изысканий доказывала обратное.

Быть может, в дни, когда наука была юной и вся или почти вся совокупность человеческих знаний оказывалась доступной индивидуальному человеческому уму, — быть может, в те дни она и не нуждалась в руководстве. Слепое блуждание по обширнейшим областям неведомого порой случайно приводило к удивительным открытиям.

Однако по мере накопления знаний приходилось изучать и суммировать все больше и больше уже известных фактов для того, чтобы путешествие в неведомое оказалось плодотворным. Ученым пришлось специализироваться. Исследователь уже нуждался в услугах библиотеки, которую сам собрать не мог, а также в приборах, которые сам купить был не в состоянии. Индивидуальный исследователь все больше и больше уступал место группе исследователей, а потом и научно-исследовательскому институту.

Фонды, необходимые для научных исследований, с каждым годом увеличивались, а приборы и инструменты становились

все более многочисленными. Где сейчас найдется на Земле настолько захудалый колледж, что в нем не окажется хотя бы одного ядерного микрореактора или хотя бы одной трехступенчатой счетно-вычислительной машины?

Субсидирование научных исследований оказалось не по плечу отдельным частным лицам уже много веков назад. К 1940 году только государство, ведущие отрасли промышленности и наиболее крупные университеты и научные центры имели возможность выделять достаточные средства на научную работу в широких масштабах.

К 1960 году даже крупнейшие университеты уже полностью существовали лишь на государственные дотации, а научные центры держались только на налоговых льготах и средствах, собиравшихся по подписке. К 2000 году промышленные объединения стали частью всемирного правительства, и с тех пор финансирование научно-исследовательской работы, а значит, и общее руководство ею, естественно, сосредоточились в руках специального государственного органа.

Все сложилось само собой и очень удачно. Каждая отрасль науки была точно приспособлена к нуждам общества, а работы, проводившиеся в различных ее областях, умело координировались. Материальный прогресс, которым была ознаменована последняя половина века, достаточно убедительно свидетельствовала о том, что наука отнюдь не загнивает.

Фостер попытался изложить хоть малую часть этих соображений своему собеседнику, но Поттерли нетерпеливо перебил его:

— Вы, как попугай, повторяете измышления официальной пропаганды. У вас же под самым носом пример, начисто опровергающий официальную точку зрения. Вы верите мне?

— Откровенно говоря, нет.

— Ну а почему же вы утверждаете, что обзор времени — это тупик? Почему нейтриника не имеет никакого значения? Вы это утверждаете. Вы утверждаете это категорически. А ведь вы ее не изучали. По вашим же словам, вы не имеете о ней ни малейшего представления. Ее даже не преподавали в вашем учебном заведении...

— Но разве это не является прямым доказательством ее бесполезности?

— А, понимаю! Ее не преподают, потому что она бесполезна. А бесполезна она потому, что ее не преподают. Вам нравится такая логика?

Фостер растерялся:

— Но так говорится в книгах...

— Вот именно. В книгах говорится, что нейтриника не имеет никакого значения. Ваши профессора говорят вам это, почерпнув свои сведения из книг. А в книгах это утверждается потому,

что их пишут профессора. Но кто утверждал это, опираясь на собственные знания и опыт? Кто ведет исследовательскую работу в этой области? Вам это известно?

— По-моему, этот спор бесплоден, профессор Поттерли, — сказал Фостер. — А мне необходимо закончить работу...

— Еще минутку! Я хотел бы обратить ваше внимание на одну вещь. Как она вам покажется? Я утверждаю, что правительство активно препятствует работам в области нейтриники и хроноскопии. Оно препятствует практическому применению хроноскопии.

— Не может быть!

— Почему же? Это вполне в его силах. То самое централизованное руководство наукой, о котором вы говорили. Если правительство отказывает в фондах какой-либо отрасли науки, эта отрасль гибнет. Так оно уничтожило нейтринику. Оно имело возможность это сделать, и оно это сделало.

— Но зачем?

— Не знаю. И хочу, чтобы вы это выяснили. Я бы и сам попробовал, но у меня нет специальных знаний. Я пришел к вам потому, что вы молоды и только что завершили свое образование. Неужели артерии вашего интеллекта уже поддались склерозу? Неужели в вас не осталось ни любознательности, ни любопытства? Неужели вам не хочется просто *знать*? Находить ответы на загадки?

Говоря это, историк впивался взглядом в лицо Фостера. Их носы почти соприкасались, но Фостер до того растерялся, что даже не догадался отступить на шаг.

Ему, разумеется, следовало бы попросту указать Поттерли на дверь. Или даже самому вышвырнуть его.

Удерживало его отнюдь не уважение к возрасту и положению историка. И, уж конечно, Поттерли его ни в чем не убедил. Нет, в нем вдруг заговорила бывшая студенческая гордость.

В самом деле, почему в МТИ не читался курс нейтриники? И, кстати, насколько он помнил, в институтской библиотеке не было ни единой книги по нейтринике. Во всяком случае, он ни разу не видел там ничего подобного.

Фостер невольно задумался.

И это его погубило.

Кэролайн Поттерли когда-то была очень привлекательна. И даже теперь в отдельных случаях — на званых обедах, например, или на университетских приемах — ей удавалось отчаянным усилием воли возродить частицу этой привлекательности.

В обычной же обстановке она «обмякала». Именно это слово она употребляла, когда ее охватывало отвращение к себе. С возрастом она располнела, но не только этим объяснялась ее

дряблость. Казалось, будто ее мускулы совсем расслабили, так что она еле волочила ноги, когда шла, под глазами набухли мешки, а щеки обвисали тяжелыми складками. Даже ее седующие волосы казались не просто прямыми, но бесконечно усталыми. Они не вились как будто только потому, что тупо подчинились силе земного тяготения.

Кэролайн Поттерли поглядела в зеркало и решила, что сегодня она выглядит особенно скверно, — и ей не нужно догадываться о причине.

Все тот же сон про Лорель. Такой странный — Лорель вдруг стала взрослой. С тех пор Кэролайн не находила себе места. И все-таки напрасно она рассказала об этом Арнольду. Он ничего не сказал — он давно уже ничего не говорит в подобных случаях, — но все-таки это дурно на него повлияло. Несколько дней после ее рассказа он был особенно сдержан. Возможно, он действительно готовился к этому важному разговору с высокопоставленным чиновником (он все время твердил, что не ждет от их беседы ничего хорошего), но возможно также, что все дело было в ее сне.

Уж лучше бы он, как раньше, резко прикрикнул на нее: «Перестань думать о прошлом, Кэролайн! Разговорами ее не вернешь, да и сны помогут не больше».

Им обоим было тяжело тогда. Невыносимо тяжело. Ее постоянно терзало ощущение неискупимой вины: в тот вечер ее не было дома! Если бы она не ушла, если бы она не отправилась за совершенно ненужными покупками, их было бы тогда двое. И вдвоем они спасли бы Лорель.

А бедному Арнольду это не удалось. Он сделал все, что мог, и чуть было сам не погиб. Из горящего дома он выбежал, шатаясь, обнаженный, задыхающийся, полуслепший от жара и дыма — с мертвой Лорель на руках.

И с тех пор длится этот кошмар, никогда до конца не рассеиваясь.

Арнольд постепенно замкнулся в себе. Он говорил теперь тихим голосом, держался мягко и спокойно — и сквозь эту оболочку ничто не вырывалось наружу, ни одной вспышки молнии. Он стал педантичным и поборол свои дурные привычки: бросил курить и перестал ругаться в минуты волнения. Он добился дотации на составление новой истории Карфагена и все подчинил этой цели.

Сначала она пыталась помогать ему: подбирала литературу, перепечатывала его заметки, микрофильмировала их. А потом вдруг все оборвалось.

Как-то вечером она внезапно вскочила из-за письменного стола и едва успела добежать до ванной, как у нее началась мучительная рвота. Муж бросился за ней, растерянный и перепуганный.

— Кэролайн, что с тобой?

Он дал ей выпить коньяку, и она постепенно пришла в себя.

— Это правда? То, что они делали?

— Кто?

— Карфагеняне.

Он с недоумением посмотрел на нее, и она кое-как, обняв его, попыталась объяснить ему, в чем дело. Говорить об этом прямо у нее не было сил.

Карфагеняне, по-видимому, поклонялись Молоху — медному, полному внутри идолу, в животе которого была устроена печь. Когда городу грозила опасность, перед идиолом собирались жрецы и народ, и после надлежащих церемоний и песнопений опытные руки умело швыряли в печь живых младенцев.

Перед жертвоприношением им давали сласти, чтобы действенность его не ослабела из-за испуганных воплей, оскорбляющих слух Бога. Затем раздавался грохот барабанов, заглушавший предсмертные крики детей, — на это требовалось несколько секунд. При церемонии присутствовали родители, которым было положено радоваться: ведь такая жертва угодна богам...

Арнольд Поттерли утрюмо нахмурился. Все это гнуснейшая ложь, сказал он, выдуманная врагами Карфагена. Ему следовало бы предупредить ее заранее. История знает немало примеров такой пропагандистской лжи. Греки утверждали, будто древние евреи в своей святой святых поклонялись ослиной голове. Римляне говорили, будто первые христиане были человеконенавистниками и приносили в катакомбах в жертву детей язычников.

— Так, значит, они этого не делали? — спросила Кэролайн.

— Я убежден, что нет. Хотя у первобытных финикийцев и могло быть что-нибудь подобное. Человеческие жертвоприношения не редкость в первобытных культурах. Но культуру Карфагена в дни его расцвета никак нельзя назвать первобытной. Человеческие жертвоприношения часто перерождаются в определенные символические ритуалы вроде обрезания. Греки и римляне по невежеству или по злобе могли истолковать символическую карфагенскую церемонию как подлинное жертвоприношение.

— Ты в этом уверен?

— Пока еще нет, Кэролайн. Но когда у меня накопится достаточно материала, я попрошу разрешения применить хроноскопию, и это даст возможность разрешить вопрос раз и навсегда.

— Хроноскопию?

— Обзор времени. Можно будет настроиться на древний Карфаген в период серьезного национального кризиса, например на 202 год до нашей эры, год высадки Сципиона Африканского, и посмотреть собственными глазами, что происходило. И ты увидишь, что я был прав.

Он ласково погладил ее по руке и ободряюще улыбнулся, но ей вот уже две недели каждую ночь снилась Лорель, и она больше не помогала мужу в его работе над историей Карфагена. И он не обращался к ней за помощью.

А теперь она собиралась с силами, готовясь к его возвращению. Он позвонил ей днем, как только вернулся в город, сказал, что видел главу отдела и что все кончилось, как он и ожидал. Значит — неудачей... И все же в его голосе не проскользнула так много говорящая ей нота отчаяния, а его лицо на телеэкране казалось совсем спокойным. Ему нужно побывать еще в одном месте, объяснил он.

Значит, Арнольд вернется домой поздно. Но это не имело ни малейшего значения. Оба они не придерживались определенных часов еды и были совершенно равнодушны к тому, когда именно банки извлекались из морозильника, и даже — какие именно банки, и когда приводился в действие саморазогреватель.

Однако когда Поттерли вернулся домой, Кэролайн невольно удивилась. Вел он себя как будто совершенно нормально: поцеловал ее и улыбнулся, снял шляпу и спросил, не случилось ли чего-нибудь за время его отсутствия. Все было почти так же, как всегда. Почти.

Однако Кэролайн научилась подмечать мелочи, а он выполнял привычный ритуал с какой-то торопливостью. И этого оказалось достаточно для ее тренированного глаза: Арнольд был чем-то взволнован.

— Что произошло? — спросила она.

Поттерли сказал:

— Послезавтра у нас к обеду будет гость, Кэролайн, ты не против?

— Не-ет. Кто-нибудь из знакомых?

— Ты его не знаешь. Молодой преподаватель. Он тут недавно. Я с ним разговаривал сегодня.

Внезапно он повернулся к жене, подхватил ее за локти и несколько секунд продержал так, а потом вдруг смущенно отпустил, словно стыдясь проявления своих чувств.

— С каким трудом я пробился сквозь его скорлупу, — сказал он. — Подумать только! Ужасно, ужасно, как все мы склонились под ярмо и с какой нежностью относимся к собственной сбруе.

Миссис Поттерли не совсем поняла, что он имел в виду, но она не зря в течение года наблюдала, как под его спокойствием нарастал бунт, как мало-помалу он начинал все смелее критиковать правительство. И она сказала:

— Надеюсь, ты был с ним осмотрителен?

— Как так — осмотрителен? Он обещал заняться для меня нейтриникой.

«Нейтриника» была для миссис Поттерли всего лишь звонкой бессмыслицей, однако она не сомневалась, что к истории это, во всяком случае, никакого касательства не имеет.

— Арнольд, — тихо произнесла она. — Зачем ты это делаешь? Ты лишишься своего места. Это же...

— Это же интеллектуальный анархизм, дорогая моя, — перебил он. — Вот выражение, которое ты искала. Прекрасно, значит, я анархист. Если государство не позволяет мне продолжать мои исследования, я продолжу их на свой страх и риск. А когда я проложу путь, за мной последуют другие... А если не последуют, какая разница? Карфаген — вот что важно! И расширение человеческих познаний, а не ты и не я.

— Но ты же не знаешь этого молодого человека. Что, если он агент комиссара по делам науки?

— Вряд ли. И я готов рискнуть. — Сжав правую руку в кулак, Поттерли легонько потер им левую ладонь. — Он теперь на моей стороне. В этом я уверен. Хочет он того или не хочет, но это так. Я умею распознавать интеллектуальное любопытство в глазах, в лице, в поведении, а это смертельное заболевание для прирученного ученого. Даже в наше время выбить такое любопытство из индивида оказывается не так-то просто, а молодежь особенно легко заражается... И почему, черт возьми, мы должны перед чем-то останавливаться? Нет, мы построим собственный хроноскоп, и пусть государство отправляется к...

Он внезапно умолк, покачал головой и отвернулся.

— Будем надеяться, что все кончится хорошо, — сказала миссис Поттерли, в беспомощном ужасе чувствуя, что все кончится очень плохо и придется забыть о дальнейшей карьере мужа и об обеспеченной старости.

Только она из них всех томила предчувствием беды. И, конечно, совсем не той беды.

Джонас Фостер явился в дом Поттерли, расположенный за пределами университетского городка, с опозданием на полчаса. До самого конца он не был уверен, что пойдет. Затем в последний момент он почувствовал, что не может нарушить правила вежливости, не явившись на обед, как обещал, и даже не предупредив хозяев заранее. А кроме того, его разбирало любопытство.

Обед тянулся бесконечно. Фостер ел без всякого аппетита. Миссис Поттерли была рассеянна и молчалива — она только однажды вышла из своего транса, чтобы спросить, женат ли он, и, узнав, что нет, неодобрительно хмыкнула. Профессор Поттерли задавал ему нейтральные вопросы о его академической карьере и чопорно кивал головой.

Трудно было придумать что-нибудь более пресное, тягучее и нудное.

Фостер подумал:

«Он кажется таким безвредным...»

Последние два дня Фостер изучал труды профессора Поттерли. Разумеется, между делом, почти исподтишка. Ему не слишком-то хотелось показываться в Библиотеке социальных наук. Правда, история принадлежала к числу смежных дисциплин, а широкая публика нередко развлекалась чтением исторических трудов — иногда даже в образовательных целях.

Однако физик — это все-таки не «широкая публика». Стоит Фостеру заняться чтением исторической литературы, и его сочтут чудачком — это ясно, как закон относительности, а там заведующий кафедрой, пожалуй, задумается, насколько его новый преподаватель «подходит для них».

Вот почему Фостер действовал крайне осторожно. Он сидел в самых уединенных нишах, а входя и выходя, старался низко опускать голову.

Он выяснил, что профессор Поттерли написал три книги и несколько десятков статей о государствах древнего Средиземноморья, причем все статьи последних лет (напечатанные в «Историческом вестнике») были посвящены доримскому Карфагену и написаны в весьма сочувственном тоне.

Это, во всяком случае, подтверждало объяснения историка, и подозрения Фостера несколько рассеялись... И все же он чувствовал, что правильное и более разумное всего было бы отказать наотрез с самого начала.

Ученому вредно излишнее любопытство, думал он, сердясь на себя. Оно чревато опасностями.

Когда обед закончился, Поттерли провел гостя к себе в кабинет, и Фостер в изумлении остановился на пороге: стены были буквально скрыты книгами.

И не только микропленочными. Разумеется, здесь были и такие, но их число значительно уступало печатным книгам — книгам, напечатанным на бумаге! Просто не верилось, что существует столько старинных книг, да еще годных для употребления.

И Фостеру стало не по себе. С какой стати человеку вдруг понадобилось держать дома столько книг? Ведь все они наверняка есть в университетской библиотеке или, на худой конец, в Библиотеке конгресса — нужно только побеспокоиться и заказать микрофильм.

Домашняя библиотека отдавала чем-то недозволенным. Она была пропитана духом интеллектуальной анархии. Но, как ни странно, именно это последнее соображение успокоило Фостера. Уж лучше пусть Поттерли будет подлинным анархистом, чем провокатором.

И с этой минуты время помчалось на всех парах, принося с собой много удивительного.

— Видите ли, — начал Поттерли ясным, невозмутимым голосом, — я попробовал отыскать кого-нибудь, кто пользовался бы в своей работе хроноскопией. Разумеется, задавать такой вопрос прямо я не мог — это значило бы предпринять самочинные изыскания.

— Конечно, — сухо заметил Фостер, удивляясь про себя, что подобное пустячное соображение могло остановить его собеседника.

— Я наводил справки косвенно...

И он их наводил! Фостер был потрясен объемом переписки, посвященной мелким спорным вопросам культуры древнего Средиземноморья, в процессе которой профессору Поттерли удавалось добиться от своих корреспондентов случайных упоминаний вроде: «Разумеется, ни разу не воспользовавшись хроноскопией...» или «Ожидая ответа на мою просьбу применить хроноскоп, на что в настоящий момент вряд ли можно рассчитывать...»

— И я адресовал эти вопросы отнюдь не наугад, — объяснил Поттерли. — Институт хроноскопии издает ежемесячный бюллетень, в котором печатаются исторические сведения, полученные путем обзора времени. Обычно бюллетень включает одно-два таких сообщения. Меня сразу поразила тривиальность сведений, добытых таким образом, их незначительность. Так почему же подобные изыскания считаются первоочередными, а мое исследование нет? Тогда я начал писать тем, кто скорее всего мог заниматься работами, упоминавшимися в бюллетене. И, как я вам только что показал, никто из этих ученых не пользовался хроноскопом. Ну а теперь давайте рассмотрим все по пунктам...

Наконец Фостер, у которого голова шла кругом от множества свидетельств, трудолюбиво собранных Поттерли, растерянно спросил:

— Но для чего же все это делается?

— Не знаю, — ответил Поттерли. — Но у меня есть своя теория. Когда Стербинский изобрел хроноскоп, — как видите, мне это известно, — о его изобретении много писали. Затем правительство конфисковало аппарат и решило прекратить дальнейшие исследования в этой области и воспрепятствовать дальнейшему использованию уже готового хроноскопа. Но в этом случае людям непременно захотелось бы узнать, почему он не используется. Любопытство — ужасный порок, доктор Фостер.

Физик внутренне согласился с ним.

— Так вообразите, — продолжал Поттерли, — насколько умнее было бы сделать вид, будто хроноскоп используется. Прибор потерял бы всякий элемент таинственности и перестал бы

служить предлогом для законного любопытства или приманкой для любопытства противозаконного.

— Но вы-то полюбоществовали, — заметил Фостер.

Поттерли, казалось, смутился.

— Со мной дело обстоит иначе, — сердито сказал он. — Моя работа действительно важна, а их проволочки и отказы граничат с издевательством, и я не намерен с этим мириться.

«Почти мания преследования, помимо всего прочего», — уныло подумал Фостер.

И тем не менее историк, страдал он манией преследования или нет, сумел кое-что обнаружить: Фостер не мог уже больше отрицать, что с нейтриникой дело обстоит действительно как-то странно.

Но чего добивается Поттерли? Это по-прежнему тревожило Фостера. Если Поттерли затеял все это не для того, чтобы проверить этические принципы Фостера, так чего же он все-таки добивается?

Фостер старался рассуждать логично. Если интеллектуальный анархист, страдающий легкой формой мании преследования, хочет воспользоваться хроноскопом и твердо верит, что власти препятствующие сознательно ему препятствуют, что он предпримет?

«Будь я на его месте, — подумал он, — что сделал бы я?»

Он сказал размеренным голосом:

— Но, может быть, хроноскопа вообще не существует.

Поттерли вздрогнул. Его неизменное спокойствие чуть не разлетелось вдребезги. На мгновение Фостер уловил в его взгляде нечто менее всего похожее на спокойствие.

Однако историк все же не утратил власти над собой. Он сказал:

— О нет! Хроноскоп, несомненно, должен существовать.

— Но почему? Вы видели его? А я? Может быть, именно этим все и объясняется? Может быть, они вовсе не прячут имеющийся у них хроноскоп, а его у них вовсе нет?

— Но ведь Стербинский действительно жил! Он же построил хроноскоп! Это факты.

— Так говорится в книгах, — холодно возразил Фостер.

— Послушайте! — Поттерли забылся настолько, что схватил Фостера за рукав. — Мне необходим хроноскоп. Я должен его получить. И не говорите мне, что его вообще нет. Нам просто нужно разобраться в нейтринике настолько, чтобы...

Поттерли вдруг умолк.

Фостер выдернул свой рукав из его пальцев. Он знал, как собирался историк закончить эту фразу, и закончил ее сам:

— ...чтобы самим его построить?

Поттерли насунился, словно ему не хотелось говорить об этом прямо, но все же отозвался:

— А почему бы и нет?

— Потому что об этом не может быть и речи, — отрезал Фостер. — Если то, что я читал, соответствует истине, значит, Стербинскому потребовалось двадцать лет, чтобы построить свой аппарат, и двадцать миллионов в разного рода дотациях. И вы полагаете, что нам с вами удастся проделать то же нелегально? Предположим даже, у нас было бы время (а его у нас нет) и я мог бы почерпнуть достаточно сведений из книг (в чем я сомневаюсь), — где мы раздобыли бы оборудование и деньги? Ведь хроноскоп, как утверждают, занимает пятиэтажное здание! Поймите же это наконец!

— Так вы отказываетесь помочь мне?

— Ну вот что: у меня есть возможность кое-что выяснить...

— Какая возможность? — тотчас осведомился Поттерли.

— Неважно. Но мне, может быть, удастся узнать достаточно, чтобы сказать вам, правда ли, что правительство сознательно не допускает работы с хроноскопом. Я могу либо подтвердить собранные вами данные, либо доказать их ошибочность. Не берусь судить, что это вам даст как в том, так и в другом случае, но это все, что я могу сделать. Это мой предел.

И вот наконец Поттерли проводил своего гостя. Он досадовал на самого себя. Проявить такую неосторожность — позволить мальчишке догадаться, что он думает именно о собственном хроноскопе! Это было преждевременно.

Но как смел этот молокосос предположить, что хроноскопа вовсе не существует?

Он должен существовать! Должен! Какой же смысл отрицать это?

И почему нельзя построить еще один? За пятьдесят лет, истекших со смерти Стербинского, наука ушла далеко вперед. Нужно только узнать основные принципы.

И пусть этим займется Фостер. Пусть он думает, что ограничится какими-то крохами. Если он не увлечется, то даже этот шаг явится достаточно серьезным проступком, который вынудит его продолжать. В крайнем случае придется прибегнуть к шантажу.

Поттерли помахал уходящему гостю и посмотрел на небо. Начиная капать дождь.

Да-да! Пусть шантаж, если другого способа не будет, но он добьется своего!

Фостер вел машину по утрюмой городской окраине, не замечая дождя.

Конечно, он дурак, но остановиться теперь он уже не в состоянии. Ему необходимо узнать, в чем же тут дело. Проклятое любопытство, ругал он себя. И все-таки он должен узнать!

Однако в своих розысках он ограничился дядей Ральфом. И Фостер дал себе страшную клятву, что больше ничего предпринимать не станет. Таким образом, против него нельзя будет найти явных улик. Дядя Ральф — сама осмотрительность.

В глубине души он немного стыдился дяди Ральфа. И не сказал про него Поттерли отчасти из осторожности, а отчасти и потому, что опасался увидеть поднятые брови и неизбежную ироническую улыбочку. Профессиональные писатели при науке считались людьми не слишком солидными, достойными лишь снисходительного презрения, хотя никто не отрицал пользы их занятия. Тот факт, что в среднем они зарабатывали больше настоящих ученых, разумеется, ничуть не улучшал положения.

И все-таки в определенных ситуациях иметь такого родственника весьма полезно. Ведь писатели не получали настоящего образования и не были обязаны специализироваться. В результате хороший писатель при науке был сведущ практически во всех вопросах... А дядя Ральф, подумал Фостер, безусловно, принадлежит к одним из лучших.

Ральф Ниммо не имел специализированного университетского диплома и гордился этим. «Специализированный диплом, — объяснил он как-то Джонасу Фостеру, в дни, когда оба они были значительно моложе, — это первый шаг по пути к гибели. Человеку жалко не воспользоваться полученной привилегией, и вот он уже готовит магистерскую, а затем и докторскую диссертацию. И в конце концов ты оказываешься глубочайшим невеждой во всех областях знания, кроме крохотного кусочка выведенного яйца.

С другой стороны, если ты будешь оберегать свой ум и не загромождать его единообразными сведениями, пока не достигнешь зрелости, а вместо этого тренировать его в логическом мышлении и снабжать широкими представлениями, то ты получишь в свое распоряжение могучее орудие и сможешь стать писателем при науке».

Первое задание Ниммо выполнил в двадцатипятилетнем возрасте, всего лишь через три месяца после того, как получил право на самостоятельную работу. Ему была поручена пухлая рукопись, язык которой даже самый квалифицированный читатель мог бы постигнуть только после тщательнейшего изучения и вдохновенных догадок. Ниммо разъял ее на составные части и воссоздал заново (после пяти длительных и выматывающих душу бесед с авторами — биофизиками по специальности), придав ее языку емкость и точность, а также до блеска отполировав стиль.

«И что тут такого? — снисходительно спрашивал он племянника, который парировал его нападки на специализацию насмешками в адрес тех, кто предпочитает цепляться за бахрому науки. — Бахроме тоже важна. Твои ученые писать не умеют. И не обязаны уметь. Никто же не требует, чтобы они были шахматистами-гроссмейстерами или скрипачами-виртуозами, так с какой стати требовать, чтобы они владели даром слова? Почему бы не предоставить эту область специалистам? Бог мой, Джонас! Почитай, что писали твои собратья сто лет назад. Не обращай внимания на то, что научная сторона устарела, а некоторые выражения больше не употребляются. Просто читай и попробуй понять, о чем там говорится. И ты убедишься, что это безнадежно дилетантское зубодробительное крошево. Целые страницы печатались зря, и многие статьи поражают своей ненужностью или неудобопонятностью, а то и тем и другим».

«Но вы же не добьетесь признания, дядя Ральф, — спорил юный Фостер (на пороге своей университетской карьеры он был полон самых радужных надежд и иллюзий). — А ведь из вас мог бы выйти потрясающий ученый!»

«Ну, признания мне более чем достаточно, — ответил Ниммо, — можешь мне поверить. Конечно, какой-нибудь биохимик или стратометеоролог смотрят на меня сверху вниз, но зато прекрасно мне платят. Знаешь, что происходит, когда какой-нибудь ведущий химик узнает, что комиссия урезала его ежегодную дотацию на обработку материала? Да он будет драться за то, чтобы иметь средства платить мне или кому-нибудь вроде меня куда яростнее, чем добиваться нового ионографа».

Он ухмыльнулся, и Фостер улыбнулся ему в ответ. По правде говоря, он гордился своим круглолицым толстеющим дядюшкой, с короткими толстыми пальцами и оголенной макушкой, которую тот, движимый тщеславием, тщетно старался скрыть под жиденькими прядями волос, зачесанных с висков. И то же тщеславие заставляло его одеваться так, что он вечно вызывал мысль о неплотно уложенном стоге, так как неряшество было его фирменным знаком. Да, Фостер, хоть и стыдился своего дяди, очень гордился им.

Но на этот раз, войдя в захлавленную квартиру дядюшки, Фостер менее всего был склонен обмениваться улыбками. С того времени он постарел на девять лет, как, впрочем, и дядя Ральф. И в течение этих девяти лет дядя Ральф продолжал полировать статьи и книги, посвященные самым различным вопросам науки, и каждая из них оставила что-то в его обширной памяти.

Ниммо с наслаждением ел виноград без косточек, бросая в рот ягоду за ягодой. Он тут же кинул гроздь Фостеру, который в последнюю секунду успел-таки ее поймать, а затем наклонился и принялся подбирать с пола упавшие виноградинки.

— Пусть их валяются. Не хлопочи, — равнодушно заметил Ниммо. — Раз в неделю кто-то является сюда для уборки. Что случилось? Не получается заявка на дотацию?

— У меня до этого никак не доходят руки.

— Да? Потерпись, мой милый. Может быть, ты ждешь, чтобы за нее взялся я.

— Вы мне не по карману, дядя Ральф.

— Ну, брось! Это же дело семейное. Предоставь мне исключительное право на популярное издание, и мы обойдемся без денег.

Фостер кивнул:

— Идет! Если, конечно, вы не шутите.

— Договорились.

Разумеется, в этом был известный риск, но Фостер достаточно хорошо знал, как высока квалификация Ниммо, и понимал, что сделка может оказаться выгодной. Умело сыграв на интересе широкой публики к первобытному человеку, или к новой хирургической методике, или к любой отрасли космонавтики, можно было весьма выгодно продать статью любому массовому издательству или студии.

Например, именно Ниммо написал рассчитанную на сугубо научные круги серию статей Брайса и сотрудников, которая детально освещала вопрос об особенностях структуры двух вирусов рака, причем потребовал за эти статьи предельно мизерную плату — всего полторы тысячи долларов при условии, что ему будет предоставлено исключительное право на популярные издания. Затем он обработал ту же тему, придав ей более драматическую форму, для стереовидения и получил одновременно двадцать тысяч долларов плюс проценты с каждой передачи, которые продолжали поступать еще и теперь, пять лет спустя.

Фостер без обиняков приступил к делу:

— Что вы знаете о нейтринике, дядя Ральф?

— О нейтринике? — Ниммо изумленно вытаращил маленькие глазки. — С каких пор ты занимаешься нейтриникой? Мне почему-то казалось, что ты выбрал псевдогравитационную оптику.

— Правильно. А про нейтринику я просто навожу справки.

— Опасное занятие. Ты переходишь демаркационную линию. Это тебе известно?

— Ну, не думаю, чтобы вы сообщили в комиссию, что я интересуюсь чем-то посторонним.

— Может быть, и следует сообщить, пока ты еще не натворил серьезных бед. Любопытство — профессиональная болезнь ученых, нередко приводящая к роковому исходу. Я-то видел, как она протекает. Какой-нибудь ученый работает себе тихонько над своей проблемой, но вот любопытство уводит его далеко в

сторону, и, глядишь, собственная работа уже настолько запущена, что на следующий год его дотация не возобновляется. Я мог бы назвать столько...

— Меня интересует только одно, — перебил Фостер. — Много ли материалов по нейтринике проходило через ваши руки за последнее время?

Ниммо откинулся на спинку кресла, задумчиво посасывая виноградину.

— Никаких. И не только за последнее время, но и вообще. Насколько я помню, мне ни разу не приходилось обрабатывать материалы, связанные с нейтриникой.

— Как же так? — Фостер искренне изумился. — Кому в таком случае их поручают?

— Право, не знаю, — задумчиво ответил Ниммо. — На наших ежегодных конференциях, насколько помнится, об этом никогда не говорилось. По-моему, в области нейтриники фундаментальных работ не ведется.

— А почему?

— Ну-ну, не рычи на меня. Я же ни в чем не виноват. Я бы сказал...

— Следовательно, вы твердо не знаете? — нетерпеливо перебил его Фостер.

— Ну-у-у... Я могу сказать тебе, что именно я знаю о нейтринике. Нейтриника — это наука об использовании движения нейтрино и связанных с этим сил...

— Ну разумеется. А электроника — наука о применении движения электронов и связанных с этим сил, а псевдогравитика — наука о применении полей искусственной гравитации. Я пришел к вам не для этого. Больше вам ничего не известно?

— А кроме того, — невозмутимо закончил дядюшка, — нейтриника лежит в основе обзора времени. Но больше мне действительно ничего не известно.

Фостер откинулся на спинку стула и принялся с ожесточением массировать худую шею. Он испытывал злость и разочарование. Сам того не сознавая, он пришел сюда в надежде, что Ниммо сообщит ему самые последние данные, укажет на наиболее интересные аспекты современной нейтриники, и он получит возможность вернуться к Поттерли и доказать историку, что тот ошибся, что его факты — чистейшее недоразумение, а выводы из них неверны.

И тогда он мог бы спокойно вернуться к своей работе. Но теперь...

Он сердито убеждал себя: «Хорошо, пусть в этой области не ведется больших исследований. Это же еще не означает сознательной обструкции. А что, если нейтриника — бесплодная наука? Может быть, так оно и есть. Я же не знаю. И Поттерли не

знает. Зачем расходовать интеллектуальные ресурсы человечества на погоню за пустотой? А возможно, работа засекречена по какой-то вполне законной причине. Может быть...»

Беда заключалась в том, что он хотел знать правду, и теперь уже не может махнуть на все рукой. Не может — и конец!

— Существует ли какое-нибудь пособие по нейтринике, дядя Ральф? Что-нибудь простое и ясное? Какой-нибудь элементарный курс?

Ниммо задумался, тяжело вздыхая, так что его толстые щеки задергались.

— Ты задаешь сумасшедшие вопросы. Единственное пособие, о котором я слышал, было написано Стербинским и еще кем-то. Сам я его не видел, но один раз мне попалось упоминание о нем... Да, да, Стербинский и Ламарр. Теперь я вспомнил.

— Тот самый Стербинский, который изобрел хроноскоп?

— По-моему, да. Значит, книга должна быть хорошей.

— Существует ли какое-нибудь переиздание? Ведь Стербинский умер пятьдесят лет назад.

Ниммо только пожал плечами.

— Вы не могли бы узнать?

Несколько минут длилась тишина, и только кресло Ниммо ритмически поскрипывало — писатель беспокойно ерзал на сиденье. Затем он медленно произнес:

— Может быть, ты все-таки объяснишь мне, в чем дело?

— Не могу. Но вы мне поможете, дядя Ральф? Достанете экземпляр этой книги?

— Разумеется, все, что я знаю о псевдогравитике, я знаю от тебя и должен как-то доказать свою благодарность. Вот что: я помогу тебе, но с одним условием.

— С каким же?

Лицо писателя вдруг стало очень серьезным.

— С условием, что ты будешь осторожен, Джонас. Чем бы ты ни занимался, ясно одно — это не имеет никакого отношения к твоей работе. Не губи свою карьеру только потому, что тебя заинтересовала проблема, которая тебе не была поручена, которая тебя вообще не касается. Договорились?

Фостер кивнул, но он не слышал, что говорил ему дядя. Его мысль бешено работала.

Ровно через неделю кругленькая фигура Ральфа Ниммо осторожно проскользнула в двухкомнатную квартиру Джонаса Фостера в университетском городке.

— Я кое-что достал, — хриплым шепотом сказал писатель.

— Что? — Фостер сразу оживился.

— Экземпляр Стербинского и Ламарра. — И Ниммо извлек книгу из-под своего широкого пальто, вернее, показал ее уголок.

Фостер почти машинально оглянулся, проверяя, хорошо ли закрыта дверь и плотно ли занавешены окна, а затем протянул руку.

Футляр потрескался от старости, а когда Фостер извлек пленку, он увидел, что она выцвела и стала очень хрупкой.

— И это все? — довольно грубо спросил он.

— В таких случаях следует говорить «спасибо», мой милый. — Ниммо, крикнув, опустился в кресло и извлек из кармана яблоко.

— Спасибо, спасибо. Только пленка такая старая...

— И тебе еще очень повезло, что ты можешь получить хотя бы такую. Я пробовал заказать микрокопию в Библиотеке конгресса. Ничего не получилось. Эта книга выдается только по особому разрешению.

— Как же вам удалось ее достать?

— Я ее украл. — Ниммо сочно захрустел яблоком. — Из нью-йоркской публички.

— Как?

— А очень просто. Как ты понимаешь, у меня есть доступ к полкам. Ну, я и улучил минуту, когда никто на меня не смотрел, перешагнул через барьер, отыскал ее и унес. Персонал там очень доверчив. Да и хватятся-то они пропажи разве что через несколько лет... Только ты уж лучше никому не показывай ее, племянничек.

Фостер смотрел на катушку с пленкой так, словно она могла сию минуту взорваться.

Ниммо бросил огрызок в пепельницу и вытащил второе яблоко.

— А знаешь, странно: ничего новее этого в нейтринике не появлялось. Ни единой монографии, ни единой статьи или хотя бы краткого отчета. Абсолютно ничего со времени изобретения хроноскопа.

— Угу, — рассеянно ответил Фостер.

Теперь Фостер по вечерам работал в подвале у Поттерли. Его собственная квартира в университетском городке была слишком опасна. И эта вечерняя работа настолько его захватила, что он совсем махнул рукой на свою заявку для получения дотации. Сначала это его тревожило, но вскоре он перестал даже тревожиться.

Первое время он просто вновь и вновь читал в аппарате пленку. Потом начал думать, и тогда случалось, что пленка, заложенная в карманный проектор, долгое время прокручивалась впустую.

Иногда к нему в подвал спускался Поттерли и долго сидел, внимательно глядя на него, словно ожидая, что мыслительные процессы овеществятся и он сможет зримо наблюдать весь их

сложный ход. Он не мешал бы Фостеру, если бы только позволил ему курить и не говорил так много.

Правда, говоря сам, он не требовал ответа. Он, казалось, тихо произносил монолог и даже не ждал, что его будут слушать. Скорее всего это было для него разрядкой.

Карфаген, вечно Карфаген!

Карфаген, Нью-Йорк древнего Средиземноморья. Карфаген, коммерческая империя и властелин морей. Карфаген, бывший всем тем, на что Сиракузы и Александрия только претендовали. Карфаген, оклеветанный своими врагами и не сказавший ни слова в свою защиту.

Рим нанес ему поражение и вытеснил его из Сицилии и Сардинии. Но Карфаген с лихвой возместил свои потери, покори́в Испанию и взрастив Ганнибала, шестнадцать лет державшего Рим в страхе.

В конце концов Карфаген потерпел второе поражение, смирился с судьбой и кое-как наладил жизнь на жалких остатках бывшей территории — и так преуспел в этом, что завистливый Рим поспешил навязать ему третью войну. И тогда Карфаген, у которого не оставалось ничего, кроме упорства и рук его граждан, начал ковать оружие и два года отчаянно сопротивлялся Риму, пока наконец война не кончилась полным разрушением города, — и жители предпочитали бросаться в пламя, пожирившее их дома, лишь бы не попасть в плен.

— Неужели люди стали бы так отчаянно защищать город и образ жизни, действительно настолько скверные, какими рисовали их античные писатели? Ни один римский полководец не мог сравниться с Ганнибалом, и его солдаты были абсолютно ему преданны. Даже самые ожесточенные враги хвалили Ганнибала. А ведь он был карфагенянином! Очень модно утверждать, будто он был нетипичным карфагенянином, неизмеримо превосходившим своих сограждан, бриллиантом, брошенным в мусорную кучу. Но почему же в таком случае он хранил столь нерушимую верность Карфагену, до самой своей смерти после долголетнего изгнания? Ну конечно, все рассказы о Молохе...

Фостер не всегда прислушивался к бормотанию историка, но порой голос Поттерли все же проникал в его сознание, и страшный рассказ о принесении детей в жертву вызывал у него физическую тошноту.

Однако Поттерли продолжал с непоколебимым убеждением:

— И все-таки это ложь. Утка, пущенная греками и римлянами свыше двух с половиной тысяч лет назад. У них у самих были рабы, казни на кресте, пытки и гладиаторские бои. Их никак не назовешь святыми. Эта басня про Молоха в более позднюю эпоху получила бы название военной пропаганды, беспардонной лжи. Я могу доказать, что это была ложь. Я могу доказать это,

и Богом клянусь, что докажу... Докажу... — И он увлеченно повторял и повторял это обещание.

Миссис Поттерли также спускалась в подвал, но гораздо реже, обычно по вторникам и четвергам, когда профессор читал лекции вечером и возвращался домой поздно.

Она тихонько сидела в углу, не произнося ни слова. Ее глаза ничего не выражали, лицо как-то все обвисало, и вид у нее был рассеянный и отсутствующий.

Когда она пришла в первый раз, Фостер неловко намекнул, что ей лучше было бы уйти.

— Я вам мешаю? — спросила она глухо.

— Нет, что вы, — раздраженно солгал Фостер. — Я только потому... потому... — И он не сумел закончить фразы.

Миссис Поттерли кивнула, словно принимая приглашение остаться. Затем она открыла рабочий мешочек, который принесла с собой, вынула моток витроновых полосок и принялась сплетать их с помощью пары изящно мелькающих тонких четырехгранных деполяризаторов, подсоединенных тонкими проволочками к батарее, так что казалось, будто она держит в руке большого паука.

Как-то вечером она сказала негромко:

— Моя дочь Лорель — ваша ровесница.

Фостер вздрогнул — так неожиданно она заговорила. Он пробормотал:

— Я и не знал, что у вас есть дочь, миссис Поттерли.

— Она умерла много лет назад.

Ее умелые движения превращали витрон в рукав какой-то одежды — какой именно, Фостер еще не мог отгадать. Ему оставалось только глупо пробормотать:

— Я очень сожалею.

— Она мне часто снится, — со вздохом сказала миссис Поттерли и подняла на него рассеянные голубые глаза.

Фостер вздрогнул и отвел взгляд.

В следующий раз она спросила, осторожно отклеивая полосу витрона, прилипшую к ее платью:

— А что, собственно, это означает — обзор времени?

Ее слова нарушили чрезвычайно сложный ход мысли, и Фостер почти огрызнулся:

— Спросите у профессора Поттерли.

— Я пробовала. Да, да, пробовала. Но, по-моему, его раздражает моя непонятливость. И он почти все время называет это хроноскопией. Что, действительно можно видеть образы прошлого, как в стереовизоре? Или аппарат пробивает маленькие дырочки, как эта ваша счетная машинка?

Фостер с отвращением посмотрел на свою портативную счетную машинку. Работала она неплохо, но каждую операцию приходилось проводить вручную, и ответы выдавались в закоди-

рованном виде. Эх, если бы он мог воспользоваться университетскими машинами... Пустые мечты! И так уж, наверное, окружающие недоумевают, почему он теперь каждый вечер уносит свою машинку из кабинета домой. Он ответил:

— Я лично никогда не видел хроноскопа, но, кажется, он дает возможность видеть образы и слышать звуки.

— Можно услышать, как люди разговаривают?

— Кажется, да... — И, не выдержав, он продолжал в отчаянии: — Послушайте, миссис Поттерли, вам же здесь, должно быть, невероятно скучно! Я понимаю, вам неприятно бросать гостя в одиночестве, но, право же, миссис Поттерли, не считайте себя обязанной...

— Я и не считаю себя обязанной, — сказала она. — Я сижу здесь и жду.

— Ждете? Чего?

— Я подслушала, о чем вы говорили в тот первый вечер, — невозмутимо ответила она, — когда вы в первый раз разговаривали с Арнольдом. Я подслушивала у дверей.

— Да? — сказал он.

— Я знаю, что так поступать не следовало бы, но меня очень тревожил Арнольд. Я подозревала, что он намерен заняться чем-то, чем он не имеет права заниматься. И я хотела все узнать. А потом, когда я услышала... — Она умолкла и, наклонив голову, стала внимательно рассматривать витроновое плетение.

— Услышали что, миссис Поттерли?

— Что вы не хотите строить хроноскоп.

— Конечно, не хочу.

— Я подумала, что вы, может быть, передумаете.

Фостер бросил на нее свирепый взгляд:

— Так, значит, вы приходите сюда, надеясь, что я построю хроноскоп, рассчитывая, что я его построю?

— Да, да, доктор Фостер. Я так хочу, чтобы вы его построили!

С ее лица словно упало мохнатое покрывало — оно вдруг приобрело мягкую четкость очертаний, щеки порозовели, глаза оживились, а голос почти зазвенел от волнения.

— Как это было бы чудесно! — шепнула она. — Вновь ожили бы люди из прошлого — фараоны, короли и... и просто люди. Я очень надеюсь, что вы построите хроноскоп, доктор Фостер. Очень...

Миссис Поттерли умолкла, словно не выдержав напряжения собственных слов, и даже не заметила, что витроновые полоски соскользнули с ее колен на пол. Она вскочила и бросилась вверх по лестнице, а Фостер следил за неуклюже движущейся фигурой в полной растерянности.

Теперь Фостер почти не спал по ночам, напряженно и мучительно думая. Это напоминало какое-то несварение мысли.

Его заявка на дотацию в конце концов отправилась к Ральфу Ниммо. Он больше на нее не рассчитывал и только подумал тупо: «Одобрения я не получу».

В таком случае не миновать скандала на кафедре, и, возможно, в конце академического года его не утвердят в занимаемой должности.

Но Фостера это почти не трогало. Сейчас для него существовало нейтрино, нейтрино, только нейтрино! След частицы прихотливо извивался и уводил его все дальше по неведомым путям, неизвестным даже Стербинскому и Ламарру. Он позвонил Ниммо.

— Дядя Ральф, мне кое-что нужно. Я звоню не из городка.

Лицо Ниммо на экране, как всегда, излучало добродушие, но голос был отрывист.

— Я знаю, что тебе нужно: пройти курс по ясному формулированию собственных мыслей. Я совсем измотался, пытаюсь привести твою заявку в божеский вид. Если ты звонишь из-за нее...

— Нет, не из-за нее, — нетерпеливо замотал головой Фостер. — Мне нужно вот что... — Он быстро нацарапал на листке бумаги несколько слов и поднес листок к приемнику.

Ниммо испустил короткий вопль:

— Ты что, думаешь, мои возможности ничем не ограничены?

— Это вы можете достать, дядя, можете!

Ниммо еще раз прочел список, беззвучно шевеля пухлыми губами и все больше хмурясь.

— И что вы получите, когда ты соберешь все это воедино? — спросил он.

Фостер только покачал головой:

— Что бы из этого ни получилось, исключительное право на популярное издание будет принадлежать вам, как всегда. Только, пожалуйста, пока больше меня ни о чем не спрашивайте.

— Видишь ли, я не умею творить чудеса.

— Ну а на этот раз сотворите! Обязательно! Вы же писатель, а не ученый. Вам не приходится ни перед кем отчитываться. У вас есть связи, друзья. Наверно, они согласятся на минутку отвернуться, чтобы ваш следующий публикационный срок мог сослужить им службу?

— Твоя вера, племянничек, меня умиляет. Я попытаюсь.

Попытка Ниммо увенчалась полным успехом. Как-то вечером, заняв у приятеля машину, он привез материалы и оборудование. Вместе с Фостером они втащили их в дом, громко пытая, как люди, не привыкшие к физическому труду.

Когда Ниммо ушел, в подвал спустился Поттерли и вполголоса спросил:

— Для чего все это?

Фостер откинул прядь волос и принялся осторожно растирать ушибленную руку.

— Мне нужно провести несколько простых экспериментов, — ответил он.

— Правда? — Глаза историка вспыхнули от волнения.

Фостер почувствовал, что его безбожно эксплуатируют. Словно кто-то ухватил его за нос и повел по опасной тропинке, а он, хоть и ясно видел зияющую впереди пропасть, продвигался охотно и решительно. И хуже всего было то, что его нос сжимали его же собственные пальцы!

И все это заварил Поттерли. А сейчас Поттерли стоит в дверях и торжествует. Но принудил себя идти по этой дорожке он сам.

Фостер сказал злобно:

— С этих пор, Поттерли, я хотел бы, чтобы сюда никто не входил. Я не могу работать, когда вы и ваша жена то и дело врываются сюда и мешают мне.

Он подумал: «Пусть-ка обидится и выгонит меня отсюда. Пусть сам все и кончает».

Однако в глубине души он отлично понимал, что с его изгнанием не кончится ровно ничего.

Но до этого не дошло. Поттерли, казалось, вовсе не обиделся. Кроткое выражение его лица не изменилось.

— Ну конечно, доктор Фостер, конечно, вам никто не будет мешать.

Фостер угрюмо посмотрел ему вслед. Значит, он и дальше пойдет по тропе, самым гнусным образом радуясь этому и ненавидя себя за свою радость.

Теперь он ночевал у Поттерли на раскладушке все в том же подвале и проводил там все свое свободное время.

Примерно в это время ему сообщили, что его заявка (отшлифованная Ниммо) получила одобрение. Об этом ему сказал сам заведующий кафедрой и поздравил его.

Фостер посмотрел на него невидящими глазами и промямлил:

— Прекрасно... Я очень рад.

Но эти слова прозвучали так неубедительно, что профессор нахмурился и молча повернулся к нему спиной.

А Фостер тут же забыл об этом эпизоде. Это был пустяк, не заслуживавший внимания. Ему надо было думать о другом, о самом важном: в этот вечер предстояло решающее испытание.

Вечер, и еще вечер, и еще — и вот, измученный, вне себя от волнения, он позвал Поттерли. Поттерли спустился по лестнице и взглянул на самодельные приборы. Он сказал обычным мягким тоном:

— Расход электричества очень повысился. Меня смущает не денежная сторона вопроса, а то, что городские власти могут заинтересоваться причиной. Нельзя ли что-нибудь сделать?

Вечер был жаркий, но на Поттерли была рубашка с крахмальным воротничком и пиджак. Фостер, работавший в одной рубашке, поднял на него покрасневшие глаза и хрипло сказал:

— Об этом можно больше не беспокоиться, профессор Поттерли. Но я позвал вас сюда, чтобы сказать вам кое-что. Хроноскоп построить можно. Небольшой, правда, но можно.

Поттерли ухватился за перила. Его ноги подкосились, и он с трудом прошептал:

— Его можно построить здесь?

— Да, здесь, в вашем подвале, — устало ответил Фостер

— Боже мой, но вы же говорили..

— Я знаю, что я говорил! — раздраженно крикнул Фостер — Я сказал, что сделать это невозможно. Но тогда я ничего не знал. Даже Стербинский ничего не знал.

Поттерли покачал головой:

— Вы уверены? Вы не ошибаетесь, доктор Фостер? Я не вынесу, если...

— Я не ошибаюсь, — ответил Фостер. — Черт побери, сэр! Если бы можно было обойтись одной теорией, то обозреватель времени был бы построен более ста лет назад, когда только открыли нейтрино. Беда заключалась в том, что первые его исследователи видели в нем только таинственную частицу без массы и заряда, которую невозможно обнаружить. Она служила только для бухгалтерии — для того, чтобы спасти уравнение энергии — масса.

Он подумал, что Поттерли, пожалуй, его не понимает, но ему было все равно. Он должен высказаться, должен как-то привести в порядок свои непослушные мысли... А кроме того, ему нужно было подготовиться к тому, что он скажет Поттерли после. И Фостер продолжал:

— Стербинский первым открыл, что нейтрино прорывается сквозь барьер, разделяющий пространство и время, что эта частица движется не только в пространстве, но и во времени, и Стербинский первым разработал методику остановки нейтрино. Он изобрел аппарат, записывающий движение нейтрино, и научился интерпретировать след, оставляемый потоком нейтрино. Естественно, что этот поток отклонялся и менял направление под влиянием всех тех материальных тел, через которые он проходил в своем движении во времени. И эти отклонения можно было проанализировать и превратить в образы того, что послужило причиной отклонения. Так стал возможен обзор времени. Этот способ дает возможность улавливать даже вибрацию воздуха и превращать ее в звук.

Но Поттерли его не слушал.

— Да, да, — сказал он. — Но когда вы сможете построить хроноскоп?

— Погодите! — потребовал Фостер. — Все зависит от того, как улавливать и анализировать поток нейтрино. Метод Стербинского был крайне сложным и окольным. Он требовал чудовищного количества энергии. Но я изучал псевдогравитацию, профессор Поттерли, науку об искусственных гравитационных полях. Я специализировался на изучении поведения света в подобных полях. Это новая наука. Стербинский о ней ничего не знал. Иначе он — как и любой другой человек — легко нашел бы гораздо более надежный и эффективный метод улавливания нейтрино с помощью псевдогравитационного поля. Если бы я прежде хоть немного сталкивался с нейтриникой, я сразу это понял бы.

Поттерли заметно приободрился.

— Я так и знал, — сказал он. — Хотя правительство и прекратило дальнейшие работы в области нейтриники, оно не могло воспрепятствовать тому, чтобы в других областях науки совершались открытия, как-то связанные с нейтриникой. Вот оно — централизованное руководство наукой! Я сообразил это давным-давно, доктор Фостер, задолго до того, как вы появились в университете.

— С чем вас и поздравляю, — огрызнулся Фостер. — Но надо учитывать одно...

— Ах, все это неважно! Ответьте же мне, будьте так добры, когда вы можете изготовить хроноскоп?

— Я же и стараюсь вам объяснить, профессор Поттерли: хроноскоп вам совершенно не нужен.

(«Ну, вот это и сказано», — подумал Фостер.)

Поттерли медленно спустился со ступенек и остановился в двух шагах от Фостера.

— То есть как? Почему он мне не нужен?

— Вы не увидите Карфагена. Я обязан вас предупредить. Именно потому я и позвал вас. Карфагена вы никогда не увидите.

Поттерли покачал головой:

— О нет, вы ошибаетесь. Когда у нас будет хроноскоп, его надо будет настроить как следует...

— Нет, профессор, дело не в настройке. На поток нейтрино, как и на все элементарные частицы, влияет фактор случайности, то, что мы называем принципом неопределенности. При записи и интерпретации потока фактор случайности проявляется как затуманивание, или шум, по выражению радиоспециалистов. Чем дальше в прошлое вы проникаете, тем сильнее затуманивание, тем выше уровень помех. Через некоторое время помехи забивают изображение. Вам понятно?

— Надо увеличить мощность, — сказал Поттерли безжизненным голосом.

— Это не поможет. Когда помехи смазывают детали, увеличение этих деталей увеличивает и помехи. Ведь, как ни увеличивай засвеченную пленку, ничего увидеть не удастся. Не так ли? Постарайтесь это понять. Физическая природа Вселенной ставит на пути исследователей непреодолимые барьеры. Хаотическое тепловое движение молекул воздуха определяет порог звуковой чувствительности любого прибора. Длина световой или электронной волны определяет минимальные размеры предмета, который мы можем увидеть посредством приборов. То же наблюдается и в хроноскопии. Обозревать время можно только до определенного предела.

— До какого же? До какого?

Фостер перевел дух и ответил:

— Максимально — сто двадцать пять лет.

— Но ведь в ежемесячном бюллетене Института хроноскопии указываются события, относящиеся почти исключительно к древней истории! — Профессор хрипло засмеялся. — Значит, вы ошибаетесь. Правительство располагает сведениями, восходящими к трехтысячному году до нашей эры.

— С каких это пор вы стали верить сообщениям правительства? — презрительно спросил Фостер. — Не вы ли доказывали, что правительство лжет и еще ни один историк не пользовался хроноскопом? Так неужели вы теперь не понимаете, в чем здесь причина? Хроноскоп мог бы пригодиться только ученому, занимающемуся новейшей историей. Ни один хроноскоп ни при каких условиях не в состоянии заглянуть дальше 1920 года.

— Вы ошибаетесь. Вы не можете знать всего, — упрямо твердил Поттерли.

— Однако истина не станет приспосабливаться к вашим желаниям! Взгляните правде в глаза: правительство стремится только к одному — продолжить обман.

— Но зачем?

— Этого я не знаю.

Курносый нос Поттерли дернулся, глаза налились кровью. Он сказал умоляюще:

— Это же только теория, доктор Фостер. Попробуйте построить хроноскоп. Постройте и испытайте его.

Неожиданно Фостер злобно схватил Поттерли за плечи:

— А вы думаете, что я его не построил? Вы думаете, что я сказал бы вам подобную вещь, не проверив своего вывода всеми возможными способами? Я построил хроноскоп! Он вокруг вас. Глядите!

Фостер бросился к выключателям и по очереди включил их. Он сдвинул ручку реостата, нажал какие-то кнопки и погасил свет.

— Погодите, дайте ему прогреться.

В центре одной из стен засветилось небольшое пятно. Поттерли, захлебываясь, что-то бормотал, но Фостер не слушал его и только повторил:

— Глядите!

Пятно стало более четким и распалось на черно-белый узор. Люди! Как в тумане. Лица смазаны. Вместо рук и ног — дрожащие полосы. Промелькнул старинный наземный автомобиль, очень нечеткий, — и все же, несомненно, одна из тех машин, в которых применялись двигатели внутреннего сгорания, работавшие на бензине.

— Примерно середина двадцатого века, — сказал Фостер. — Сконструировать звукоприемник я пока еще не могу. Со временем можно будет получить и звук. Но, как бы то ни было, середина двадцатого века — это практически предел. Поверьте мне, лучшей фокусировки добиться невозможно.

— Постройте большой аппарат, более мощный, — сказал Поттерли. — Усовершенствуйте его питание.

— Да послушайте же! Принцип неопределенности обойти невозможно, так же как невозможно поселиться на Солнце. Все мы есть свой физический предел.

— Вы лжете, я вам не верю! Я...

Его перебил новый голос, пронзительный и настойчивый:

— Арнольд! Доктор Фостер!

Физик сразу обернулся. Поттерли замер и через несколько секунд сказал, не повернув головы:

— В чем дело, Кэролайн? Пожалуйста, не мешай нам.

— Нет! — Миссис Поттерли торопливо спускалась по лестнице. — Я все слышала. Вы так кричали. У вас правда есть обзоратель времени, доктор Фостер, здесь, в нашем подвале?

— Да, миссис Поттерли. Примерно. Хотя аппарат и не очень хорош. Я еще не могу получить звука, а изображение чертовски смазанное. Но аппарат все-таки работает.

Миссис Поттерли прижала к груди стиснутые руки:

— Замечательно! Как замечательно!

— Ничего замечательного! — рявкнул Поттерли. — Этот монокосос не может заглянуть дальше чем...

— Послушайте... — начал Фостер, выйдя из себя.

— Погодите! — воскликнула миссис Поттерли. — Послушайте меня. Арнольд, разве ты не понимаешь, что аппарат работает на двадцать лет назад и, значит, мы можем вновь увидеть Лорель? К чему нам Карфаген и всякая древность? Мы же можем увидеть Лорель! Она оживет для нас! Оставьте аппарат здесь, доктор Фостер. Покажите нам, как с ним обращаться.

Фостер переводил взгляд с миссис Поттерли на ее мужа. Лицо профессора побелело, и его голос, по-прежнему тихий и ровный, утратил обычную невозмутимость.

— Идиотка!

Кэролайн растерянно ахнула:

— Арнольд, как ты можешь!

— Я сказал, что ты идиотка. Что ты увидишь? Прошлое. Мертвое прошлое. Лорель будет повторять только то, что она делала прежде. Ты не увидишь ничего, кроме того, что ты уже видела. Значит, ты хочешь вновь и вновь переживать одни и те же три года, следя за младенцем, который никогда не вырастет, сколько бы ты ни смотрела?

Казалось, его голос вот-вот сорвется. Профессор подошел к жене, схватил ее за плечо и грубо дернул:

— Ты понимаешь, чем это может тебе грозить, если ты попробуешь сделать это? Тебя заберут, потому что ты сойдешь с ума. Да, сойдешь с ума. Неужели ты хочешь попасть в приют для душевнобольных? Чтобы тебя заперли, подвергли психической проверке?

Миссис Поттерли вырвалась из его рук. От прежней кроткой рассеянности не осталось и следа. Она мгновенно превратилась в разъяренную фурию.

— Я хочу увидеть мою девочку, Арнольд! Она спрятана в этой машине, и она мне нужна!

— Ее нет в машине. Только образ. Пойми же, наконец! Образ! Иллюзия, а не реальность.

— Мне нужна моя дочь! Слышишь? — Она набросилась на мужа с кулаками, и ее голос перешел в визг. — Мне нужна моя дочь!

Историк, вскрикнув, отступил перед обезумевшей женщиной. Фостер кинулся между ними, но тут миссис Поттерли, бурно зарывав, упала на пол.

Поттерли обернулся, озираясь как затравленный зверь. Внезапно резким движением он вырвал из подставки какой-то стержень и отскочил, прежде чем Фостер, оглушенный всем происходящим, успел его остановить.

— Назад, — прохрипел Поттерли, — или я вас убью! Слышите? Он размахнулся, и Фостер отступил.

Поттерли с яростью набросился на аппаратуру. Раздался звон бьющегося стекла, и Фостер замер на месте, тупо наблюдая за историком.

Наконец ярость Поттерли утасла, и он остановился среди хаоса обломков и осколков, сжимая в руке согнувшийся стержень.

— Убирайтесь, — сказал он Фостеру сдавленным шепотом, — и не смейте возвращаться. Если вы потратили на это свои деньги, пришлите мне счет, и я заплачу. Я заплачу вдвойне.

Фостер пожал плечами, взял свою куртку и направился к лестнице. До него доносились громкие рыдания миссис Поттерли.

На площадке он оглянулся и увидел, что доктор Поттерли склонился над женой и на его лице написано мучительное страдание.

Два дня спустя, когда занятия кончились и Фостер устало осматривал свой кабинет, проверяя, не забыл ли он еще каких-нибудь материалов, относящихся к его одобренной теме, на пороге открытой двери вновь появился профессор Поттерли.

Историк был одет с обычной тщательностью. Он поднял руку — этот жест был слишком неопределенен для приветствия и слишком краток для просьбы. Фостер смотрел на своего неожиданного гостя ледяным взглядом.

— Я подождал пяти часов, чтобы вы... — сказал Поттерли. — Разрешите войти?

Фостер кивнул.

Поттерли продолжал:

— Мне, конечно, следует извиниться за мое поведение. Меня постигло страшное разочарование, я не владел собой, но тем не менее оно было непростительным.

— Я принимаю ваши извинения, — отозвался Фостер. — Это все?

— Если не ошибаюсь, вам звонила моя жена?

— Да.

— У нее непрерывная истерика. Она сказала мне, что звонила вам, но я не знал, можно ли поверить...

— Да, она мне звонила.

— Не могли бы вы сказать мне... Будьте так добры, скажите, что ей было нужно.

— Ей был нужен хроноскоп. Она сказала, что у нее есть собственные деньги и она готова заплатить.

— А вы... что-нибудь обещали?

— Я сказал, что я не приборостроитель.

— Прекрасно. — Поттерли с облегчением вздохнул. — Будьте добры, не отвечайте на ее звонки. Она не... не вполне...

— Послушайте, профессор Поттерли, — сказал Фостер, — я не намерен вмешиваться в супружеские споры, но вы должны твердо усвоить: хроноскоп может построить любой человек. Стоит только приобрести несколько простых деталей, которые продаются в магазинах оборудования, и его можно построить в любой домашней мастерской. Во всяком случае, ту его часть, которая связана с телевидением.

— Но ведь об этом же никто не знает, кроме вас. Ведь никто же еще до этого недоумался!

— Я не собираюсь держать это в секрете.

— Но вы не можете опубликовать свое открытие. Вы сделали его нелегально.

— Это больше не имеет значения, профессор Поттерли. Если я потеряю мою дотацию, значит, я ее потеряю. Если университет будет недоволен, я уйду. Все это просто не имеет значения.

— Нет, нет, вы не должны!

— До сих пор, — заметил Фостер, — вас не слишком заботило, что я рискую лишиться дотации и места. Так почему же вы вдруг принимаете это так близко к сердцу? А теперь разрешите, я вам кое-что объясню. Когда вы пришли ко мне впервые, я верил в строго централизованную научную работу, другими словами, в существующее положение вещей. Вас, профессор Поттерли, я считал интеллектуальным анархистом, и притом весьма опасным. Однако случилось так, что я сам за последние месяцы превратился в анархиста и при этом сумел добиться великолепных результатов. Добился я их не потому, что я блестящий ученый. Вовсе нет. Просто научной работой руководили сверху, и остались пробелы, которые может восполнить кто угодно, лишь бы он догадался взглянуть в правильном направлении. И это случилось бы уже давно, если бы государство активно этому не препятствовало. Поймите меня правильно: я по-прежнему убежден, что организованная научная работа полезна. Я вовсе не сторонник возвращения к полной анархии. Но должен существовать какой-то средний путь, научные исследования должны сохранять определенную гибкость. Ученым следует разрешить удовлетворять свою любознательность, хотя бы в свободное время.

Поттерли сел и сказал вкрадчиво:

— Давайте обсудим это, Фостер. Я понимаю ваш идеализм. Вы молоды, вам хочется получить луну с неба. Но вы не должны губить себя из-за каких-то фантастических представлений о том, как следует вести научную работу. Я втянул вас в это. Вся ответственность лежит на мне. Я горько упрекаю себя за собственную неосторожность. Я слишком поддавался своим эмоциям. Интерес к Карфагену настолько меня ослепил, что я поступил как последний идиот.

— Вы хотите сказать, что полностью отказались от своих убеждений за последние два дня? — перебил его Фостер. — Карфаген — это пустяк? Как и то, что правительство препятствует научной работе?

— Даже последний идиот вроде меня может кое-что уразуметь, Фостер. Жена кое-чему меня научила. Теперь я знаю, почему правительство практически запретило нейтринику. Два дня назад я этого не понимал, а теперь понимаю и одобряю. Вы же сами видели, как действовало на мою жену известие, что у нас в подвале стоит хроноскоп. Я мечтал о хроноскопе как о приборе для научных исследований. Для нее же он стал бы только средством истерического наслаждения, возможностью вновь пережить собственное, давно исчезнувшее прошлое.

А настоящих исследователей, Фостер, слишком мало. Мы теряемся среди таких людей, как моя жена. Если бы государство разрешило хроноскопию, оно тем самым сделало бы явным прошлое всех нас до единого. Лица, занимающие ответственные должности, стали бы жертвой шантажа и незаконного нажима — ведь кто на Земле может похвастаться абсолютно незапятнанным прошлым? Таким образом, вся государственная система рассыпалась бы в прах.

Фостер облизнул губы и ответил:

— Возможно, что и так. Возможно, что в глазах правительства его действия оправданны. Но, как бы то ни было, здесь задет важнейший принцип. Кто знает, какие еще достижения науки остались неосуществленными только потому, что ученых силой загоняют на узенькие тропки? Если хроноскоп станет кошмаром для кучки политиканов, то эту цену им придется заплатить. Люди должны понять, что науку нельзя обрекать на рабство, и трудно придумать более эффективный способ открыть им глаза, чем сделать мое изобретение достоянием гласности, легальным или нелегальным путем — все равно.

На лбу Поттерли блестели капельки пота, но голос его был по-прежнему ровен.

— О нет, речь идет не просто о кучке политиканов, доктор Фостер. Не думайте этого. Хроноскоп станет и моим кошмаром. Моя жена с этих пор будет жить только нашей умершей дочерью. Она совершенно утратит ощущение действительности и сойдет с ума, вновь и вновь переживая одни и те же сцены. И таким кошмаром хроноскоп станет не только для меня. Разве мало людей, подобных ей? Люди будут искать своих умерших родителей или собственную юность. Весь мир станет жить в прошлом. Это будет повальное безумие.

— Соображения нравственного порядка ничего не решают, — ответил Фостер. — Человечество умудрялось искажать практически каждое научное достижение, какие только знала история. Человечеству пора научиться предохранять себя от этого. Что же касается хроноскопа, то любителям возвращаться к мертвому прошлому вскоре надоест это занятие. Они достигнут своих возлюбленных родителей за какими-нибудь неблагоприятными делишками, и это поубавит их энтузиазм. Впрочем, все это мелочи. Меня же интересует важнейший принцип.

— К черту ваш принцип! — воскликнул Поттерли. — Попробуйте подумать не только о принципах, но и о людях. Как вы не понимаете, что моя жена захочет увидеть пожар, который убил нашу девочку! Это неизбежно, я ее знаю. Она будет впивать каждую подробность, пытаясь помешать ему. Она будет вновь и вновь переживать этот пожар, каждый раз надеясь, что он не вспыхнет. Сколько раз вы хотите убить Лорель? — Голос историка внезапно осип.

И Фостер вдруг понял.

— Чего вы на самом деле боитесь, профессор Поттерли? Что может узнать ваша жена? Что произошло в ночь пожара?

Историк закрыл лицо руками, и его плечи задергались от беззвучных рыданий. Фостер смущенно отвернулся и уставился в окно.

Через несколько минут Поттерли произнес:

— Я давно отучил себя вспоминать об этом. Кэролайн отправилась за покупками, а я остался с Лорель. Вечером я заглянул в детскую проверить, не сползло ли с девочки одеяло. У меня в руках была сигарета. В те дни я курил. Я, несомненно, погасил ее, прежде чем бросить в пепельницу на комод, — я всегда следил за этим. Девочка спокойно спала. Я вернулся в гостиную и задремал перед телевизором. Я проснулся, задыхаясь от дыма, среди пламени. Как начался пожар, я не знаю.

— Но вы подозреваете, что причиной его была сигарета, не так ли? — спросил Фостер. — Сигарета, которую на этот раз вы забыли погасить?

— Не знаю. Я пытался спасти девочку, но она умерла, прежде чем я успел вынести ее из дома.

— И, наверное, вы никогда не рассказывали своей жене об этой сигарете?

Поттерли покачал головой:

— Но все это время я помнил о ней.

— А теперь с помощью хроноскопа ваша жена узнает все. Но вдруг дело было не в сигарете? Может быть, вы ее все-таки погасили? Разве это невозможно?

Редкие слезы уже высохли на лице Поттерли. Покрасневшие глаза стали почти нормальными.

— Я не имею права рисковать, — сказал он. — Но ведь дело не только во мне, Фостер. Для большинства людей прошлое таит в себе ужасы. Спасите же от них человечество.

Фостер молча расхаживал по комнате. Теперь он понял, чем объяснялось страстное, иррациональное желание Поттерли во что бы то ни стало возвеличить карфагенян, обожествить их, а главное, опровергнуть рассказ об огненных жертвоприношениях Молоху. Снимая с них жуткое обвинение в детоубийстве посредством огня, он тем самым символически очищал себя от той же вины.

И вот пожар, благодаря которому историк стал причиной создания хроноскопа, теперь обрекал его же на гибель. Фостер грустно поглядел на старика:

— Я понимаю вас, профессор Поттерли, но это важнее личных чувств. Я обязан сорвать удавку с горла науки.

— Другими словами, вам нужны слава и деньги, которые обещает такое открытие! — в бешенстве крикнул Поттерли.

— Оно может и не принести никакого богатства. Однако и это соображение, вероятно, играет не последнюю роль. Я ведь всего только человек.

— Значит, вы отказываетесь утаить свое открытие?

— Наотрез.

— Ну, в таком случае... — Историк вскочил и свирепо уставился на Фостера, и тот на мгновение испугался.

Поттерли был старше его, меньше ростом, слабее и, по-видимому, безоружен, но все же...

Фостер сказал:

— Если вы намерены убить меня или совершить еще какую-нибудь глупость в том же роде, то учтите, что все мои материалы находятся в сейфе и в случае моего исчезновения или смерти попадут в надлежащие руки.

— Не говорите ерунды, — сказал Поттерли и выбежал из комнаты.

Фостер поспешно закрыл за ним дверь, сел и задумался. Глупейшая ситуация. Конечно, никаких материалов в сейфе у него не было. При обычных обстоятельствах подобная мелодраматичная ерунда никогда не пришла бы ему в голову. Но обстоятельства были необычными.

И, чувствуя себя еще более глупо, он целый час записывал формулы применения псевдогравитационной оптики к хроноскопии и набрасывал общую схему приборов. Кончив, он запечатал все в конверт, на котором написал адрес Ральфа Ниммо.

Всю ночь он проворочался с боку на бок, а утром, по дороге в университет, занес конверт в банк и отдал соответствующее распоряжение контролеру, который предложил ему подписать разрешение на вскрытие сейфа в случае его смерти.

После этого Фостер позвонил дяде и сообщил ему про конверт, сердито отказавшись объяснить, что именно в нем содержится.

Никогда в жизни он еще не чувствовал себя в таком глупом положении.

Следующие две ночи Фостер почти не спал, пытаясь найти решение весьма практической задачи — каким способом опубликовать материал, полученный благодаря вопиющему нарушению этики.

Журнал «Сообщения псевдогравитационного общества», который был знаком ему лучше других, разумеется, отвергнет любую статью, лишенную магического примечания: «Исследование, изложенное в этой статье, оказалось возможным благодаря дотации №... Комиссии по делам науки при ООН». И, несомненно, так же поступит «Физический журнал».

Конечно, всегда имеется возможность обратиться к второстепенным журналам, которые в погоне за сенсацией не стали бы слишком придираться к источнику статьи, но для этого требовалось совершить небольшую финансовую операцию, крайне для него неприятную. В конце концов он решил оплатить издание небольшой брошюры, предназначенной для распространения среди ученых. В этом случае можно будет даже пожертвовать тонкостями стиля ради быстроты и обойтись без услуг писателя. Придется поискать надежного типографа. Впрочем, дядя Ральф, наверное, сможет ему кого-нибудь порекомендовать.

Он направлялся к своему кабинету, тревожно раздумывая, стоит ли медлить, и собираясь с духом, чтобы позвонить Ральфу по служебному телефону и тем самым отрезать себе пути к отступлению. Он был так поглощен этими мрачными размышлениями, что, только сняв пальто и подойдя к своему письменному столу, заметил наконец, что в кабинете он не один.

На него смотрели профессор Поттерли и какой-то незнакомец.

Фостер смерил их удивленным взглядом:

— В чем дело?

— Мне очень жаль, — сказал Поттерли, — но я вынужден был найти способ остановить вас.

Фостер продолжал недоуменно смотреть на него.

— О чем вы говорите?

Неизвестный человек сказал:

— По-видимому, я должен представиться. — И улыбнулся, показав крупные, слегка неровные зубы. — Мое имя Тэддиус Эремен, заведующий отделом хроноскопии. Я пришел побеседовать с вами относительно сведений, которые мне сообщил профессор Арнольд Поттерли и которые подтверждены нашими собственными источниками...

— Я взял всю вину на себя, доктор Фостер, — поспешно сказал Поттерли. — Я рассказал, что именно я толкнул вас против вашей воли на неэтичный поступок. Я готов принять на себя всю полноту ответственности и понести наказание. Мне бы не хотелось ничем вам навредить, но появления хроноскопии допускать нельзя.

Эремен кивнул:

— Он действительно взял всю вину на себя, доктор Фостер. Но дальнейшее от него не зависит.

— Ах вот как! — сказал Фостер. — Так что ж вы собираетесь предпринять? Внести меня в черный список и лишить права на дотацию?

— Я могу это сделать, — ответил Эремен.

— Приказать университету уволить меня?

— И это я тоже могу.

— Ну ладно, валийте! Считайте, что это уже сделано. Я уйду из кабинета теперь же, вместе с вами, а за книгами пришлю позднее. Если вы требуете, я вообще могу оставить книги здесь. Теперь все?

— Не совсем, — ответил Эремен. — Вы должны дать обязательство прекратить дальнейшие работы в области хроноскопии, не публиковать сведений о ваших открытиях в этом направлении и, разумеется, не собирать хроноскопов. Вы навсегда останетесь под наблюдением, которое помешает вам нарушить это обещание.

— Ну а если я откажусь дать такое обещание? Как вы меня заставите? Занимаясь не тем, чем я должен заниматься, я, возможно, нарушаю этику, но это же не преступление.

— Когда речь идет о хроноскопе, мой юный друг, — терпеливо объяснил Эремен, — это именно преступление. Если понадобится, вас посадят в тюрьму, и навсегда.

— Но почему? — вскричал Фостер. — Чем хроноскопия так замечательна?

— Как бы то ни было, — продолжал Эремен, — мы не можем допустить дальнейших исследований в этой области. Моя работа в основном сводится именно к тому, чтобы препятствовать им. И я намерен выполнить мой служебный долг. К несчастью, ни я, ни сотрудники моего отдела не подозревали, что оптические свойства псевдогравитационных полей имеют столь прямое отношение к хроноскопии. Одно очко в пользу всеобщего невежества, но с этих пор научная работа будет регулироваться соответствующим образом и в этом направлении.

— Ничего не выйдет, — ответил Фостер. — Найдется еще какой-нибудь смежный принцип, не известный ни вам, ни мне. Все области в науке тесно связаны между собой. Это единое целое. Если вам нужно остановить какой-то один ее процесс, вы вынуждены будете остановить их все.

— Несомненно, это справедливо, — сказал Эремен, — но только теоретически. На практике же нам прекрасно удавалось в течение пятидесяти лет удерживать хроноскопию на уровне первых открытий Стербинского. И, вовремя остановив вас, доктор Фостер, мы надеемся и впредь справляться с этой проблемой не менее успешно. Должен вам заметить, что на грани катастрофы мы сейчас оказались только потому, что я имел неосторожность судить о профессоре Поттерли по его внешности.

Он повернулся к историку и поднял брови, словно посмеиваясь над собой.

— Боюсь, сэр, во время нашей первой беседы я считал вас всего лишь обыкновенным профессором истории. Будь я более добросовестным и проверь вас повнимательнее, этого не случилось бы.

— Но кому-то разрешается пользоваться государственным хроноскопом? — отрывисто спросил Фостер.

— Вне нашего отдела — никому и ни под каким предлогом. Я говорю об этом только потому, что вы, как я вижу, уже сами об этом догадались. Но должен предостеречь вас, что оглашение этого факта будет уже не нарушением этики, а уголовным преступлением.

— И ваш хроноскоп проникает не дальше ста двадцати пяти лет, не так ли?

— Вот именно.

— Значит, ваш бюллетень и сообщения о хронокопировании античности — сплошное надувательство?

Эремен невозмутимо ответил:

— Собранные вами данные доказывают это с достаточной неопровержимостью. Тем не менее я готов подтвердить ваши слова. Этот ежемесячник — надувательство.

— В таком случае, — заявил Фостер, — я не намерен давать обещания скрывать то, что мне известно о хроноскопии. Если вы решили меня арестовать — что ж, это ваше право. Моей защитительной речи на суде будет достаточно, чтобы раз и навсегда сокрушить вредоносный картонный домик руководства наукой. Руководить наукой — это одно, а тормозить ее и лишать человечество ее достижений — это совсем другое.

— Боюсь, вы не вполне понимаете положение, доктор Фостер, — сказал Эремен. — В случае отказа сотрудничать с нами вы отправитесь в тюрьму немедленно. И к вам не будет допущен адвокат. Вам не будет предъявлено обвинение. Вас не будут судить. Вы просто останетесь в тюрьме.

— Ну нет, — ответил Фостер. — Вы стараетесь меня запутать. Сейчас ведь не двадцатый век.

За дверью кабинета раздался шум, послышался топот и визгливый вопль, который показался Фостеру знакомым. Заскрежетал замок, дверь распахнулась, и в комнату влетел клубок из трех тел.

В тот же момент один из боровшихся поднял свой бластер и из всех сил ударил противника по голове. Послышался глухой стон, и тот, кого ударили, весь обмяк.

— Дядя Ральф! — крикнул Фостер.

— Посадите его в это кресло, — нахмурившись, приказал Эремен, — и принесите воды.

Ральф Ниммо, осторожно потирая затылок, заметил с легкой брезгливостью:

— Право же, Эремен, прибегать к физическому насилию не было никакой надобности.

— Жаль, что охрана прибегла к физическому насилию слишком поздно и вы все-таки ворвались сюда, Ниммо, — ответил Эремен. — Ну, тем хуже для вас.

— Вы знакомы? — спросил Фостер.

— Я уже имел дело с этим человеком, — вздохнул Ниммо, продолжая потирать затылок. — Уж если он явился к тебе собственной персоной, племянничек, значит, беды тебе не миновать.

— И вам тоже, — сердито сказал Эремен. — Мне известно, что доктор Фостер консультировался у вас относительно литературы по нейтринике.

Ниммо было нахмурился, но тут же вздрогнул от боли и поспешил разгладить морщины на лбу.

— Вот как? — сказал он. — А что еще вам про меня известно?

— В ближайшее время мы узнаем о вас все. А пока достаточно и этого. Зачем вы сюда явились?

— Дражайший доктор Эремен, — сказал Ниммо, к которому отчасти вернулась его обычная легкомысленная манера держаться. — Позавчера мой осел племянник позвонил мне. Он поместил какие-то таинственные документы...

— Молчите, не говорите ему ничего! — воскликнул Фостер.

Эремен холодно взглянул на молодого физика:

— Нам все известно, доктор Фостер. Ваш сейф вскрыт, и его содержимое конфисковано.

— Но откуда вы узнали... — Фостер умолк, задохнувшись от ярости и разочарования.

— Как бы то ни было, — продолжал Ниммо, — я решил, что кольцо вокруг него уже замыкается, и, приняв кое-какие меры, явился сюда, намереваясь убедить его бросить заниматься тем, чем он занимается. Ради этого ему не стоило губить свою карьеру.

— Из этого следует, что вы знали, чем он занимается? — спросил Эремен.

— Он мне ничего не рассказывал, — ответил Ниммо, — но я же писатель при науке с чертовски большим опытом! Я ведь знаю, почем фунт электронов. Мой племянничек специализируется по псевдогравитационной оптике и сам же втолковал мне ее основные принципы. Он уговорил меня достать ему учебник по нейтринике, и, прежде чем отдать ему пленку, я сам быстро ее просмотрел. А помножить два на два я умею. Он попросил меня достать ему определенное физическое оборудование, что также о многом говорило. Думаю, я не ошибусь, сказав, что мой племянник построил полупортативный хроноскоп малой мощности. Да или... Да?

— Да. — Эремен задумчиво достал сигарету, не обратив ни малейшего внимания на то, что профессор Поттерли, который наблюдал за происходящим, как во сне, со стоном отшатнулся от белой трубочки. — Еще одна моя ошибка. Мне следует подать в отставку. Я должен был бы присматривать и за вами, Ниммо,

а не заниматься исключительно Поттерли и Фостером. Правда, у меня было мало времени. Вы сами благополучно сюда явились. Но это не может служить мне оправданием. Вы арестованы, Ниммо.

— За что? — возмущенно спросил писатель.

— За нелегальные научные исследования.

— Я их не вел. И к тому же я не принадлежу к категории зарегистрированных ученых, и, значит, подобное определение ко мне не подходит. Да в любом случае — это не уголовное преступление.

— Бесполезно, дядя Ральф, — свирепо перебил его Фостер. — Этот бюрократ вводит собственные законы.

— Например? — спросил Ниммо.

— Например, пожизненное заключение без суда.

— Чушь! — воскликнул Ниммо. — Сейчас же не двадцать...

— Я уже это говорил, — пояснил Фостер. — Ему все равно.

— И все-таки это чушь, — Ниммо уже кричал. — Слушайте, Эремен! К вашему сведению, у меня и моего племянника есть родственники, которые поддерживают с нами связь. Да и у профессора, наверное, тоже. Вам не удастся убрать нас без шума. Начнется расследование, и разразится скандал. Сейчас не двадцатый век, что бы вы ни говорили. Так что не пробуйте нас запугать.

Сигарета в пальцах Эремена лопнула, и он с яростью отшвырнул ее в сторону.

— Черт возьми! Не знаю, что и делать, — сказал он. — Впервые встречаюсь с подобным случаем... Ну вот что: вы, трое идиотов, не имеете ни малейшего представления, что именно вы затеяли. Вы ничего не понимаете. Будете вы меня слушать?

— Отчего же, — мрачно сказал Ниммо.

(Фостер молчал, крепко сжав губы. Глаза его сердито сверкали. Руки Поттерли извивались, как две змеи.)

— Для вас прошлое — мертвое прошлое, — сказал Эремен. — Если вы обсуждали этот вопрос, так уж, наверное, пустили в ход это выражение. Мертвое прошлое! Если бы вы знали, сколько раз я слышал эти два слова, то вам бы они тоже стали поперек глотки. Когда люди думают о прошлом, они считают его мертвым, давно прошедшим, исчезнувшим навсегда. И мы стараемся укрепить их в этом мнении. Сообщая об обзоре времени, мы каждый раз называли давно прошедшее столетие, хотя вам, господа, известно, что заглянуть в прошлое больше чем на сто лет вообще невозможно. И всем это кажется естественным. Прошлое для широкой публики означает Грецию, Рим, Карфаген, Египет, каменный век. Чем мертвее, тем лучше. Но вы-то знаете, что пределом является столетие. Так что же в таком случае для вас прошлое? Ваша юность. Ваша первая любовь.

Ваша покойная мать. Двадцать лет назад. Тридцать лет назад. Пятьдесят лет назад. Чем мертвее, тем лучше... Но когда же все-таки начинается прошлое?

Он задохнулся от гнева. Его слушатели не сводили с него замороженных глаз, а Ниммо беспокойно заерзал в кресле.

— Ну, так когда же оно начинается? — сказал Эремен. — Год назад, пять минут назад? Секунду назад? Разве не очевидно, что прошлое начинается сразу же за настоящим? Мертвое прошлое — это лишь другое название живого настоящего. Если вы наведете хроноскоп на одну сотую секунды тому назад? Ведь вы же будете наблюдать прошлое! Ну как, проясняется?

— Черт побери! — сказал Ниммо.

— Черт побери! — передразнил Эремен. — После того как Поттерли пришел ко мне позавчера вечером, каким образом, по-вашему, я собрал сведения о вас обоих? Да с помощью хроноскопа! Просмотрев все важнейшие моменты по самую последнюю секунду.

— И таким образом вы узнали про сейф? — спросил Фостер.

— И про все остальное. А теперь скажите, что, по-вашему, произойдет, если мы допустим, чтобы про домашний хроноскоп узнала широкая публика? Разумеется, сперва люди начнут с обзора своей юности, захотят увидеть вновь своих родителей и прочее, но вскоре они сообразят, какие потенциальные возможности таятся в этом аппарате. Домашняя хозяйка забудет про свою бедную покойную мамочку и примется следить, что делает ее соседка дома, а ее супруг у себя в конторе. Делец будет шпионить за своим конкурентом, хозяин — за своими служащими. Личная жизнь станет невозможной. Подслушивание по телефону, наблюдение через замочную скважину покажутся детскими игрушками по сравнению с этим. Публика будет любоваться каждой минутой жизни кинозвезд, и никому не удастся укрыться от любопытных глаз. Даже темнота не явится спасением, потому что хроноскоп можно настроить на инфракрасные лучи и человеческие тела будут видны благодаря излучаемому ими теплу. Разумеется, это будут только смутные силуэты на черном фоне. Но пикантность от этого только возрастет... Техники, обслуживающие хроноскоп, продельвают подобные эксперименты, несмотря на все запрещения.

Ниммо сказал, словно борясь с тошнотой:

— Но ведь можно же запретить частное пользование...

— Конечно, можно. Но что толку? — яростно набросился на него Эремен. — Удастся ли вам с помощью законов уничтожить пьянство, курение, разврат или сплетни? А такая смесь грязного любопытства и щекотания нервов окажется куда более сильной приманкой, чем все это. Да ведь за тысячу лет нам не удалось покончить даже с употреблением наркотиков! А вы говорите о

том, чтобы в законодательном порядке запретить аппарат, который позволит наблюдать за кем угодно и когда угодно, аппарат, который можно построить у себя дома!

— Я ничего не опубликую! — внезапно воскликнул Фостер.

Поттерли сказал с рыданием в голосе:

— Мы все будем молчать. Я глубоко сожалею...

Но тут его перебил Ниммо:

— Вы сказали, что не проверили меня хроноскопом, Эремен?

— У меня не было времени, — устало ответил Эремен. — События в хроноскопе занимают столько же времени, сколько в реальной жизни. Этот процесс нельзя ускорить, как, например, прокручивание пленки в микрофильме. Нам понадобились целые сутки, чтобы установить наиболее важные моменты в деятельности Поттерли и Фостера за последние шесть месяцев. Ни на что другое у нас не хватило времени. Но и этого было достаточно.

— Нет, — сказал Ниммо.

— Что вы хотите этим сказать? — Лицо Эремена исказилось от мучительной тревоги.

— Я же объяснил вам, что мой племянник Джонас позвонил мне и сообщил, что спрятал в сейф важнейшие материалы. Он вел себя так, словно ему грозила опасность. Он же мой племянник, черт побери! Я должен был как-то ему помочь. На это потребовалось время. А потом я пришел сюда, чтобы рассказать ему о том, что сделал. Я же сказал вам, когда ваш охранник хлопнул меня по голове, что принял кое-какие меры.

— Что?! Ради Бога...

— Я всего только послал подробное сообщение о портативном хроноскопе в десяток периодических изданий, которые меня печатают.

Ни слова. Ни звука. Ни вдоха. У них уже не осталось сил.

— Да не глядите на меня так! — воскликнул Ниммо. — Неужели вы не можете понять, как обстояло дело! Право популярного издания принадлежало мне. Джонас не будет этого отрицать. Я знал, что легальным путем он не сможет опубликовать свои материалы ни в одном научном журнале. Мне было ясно, что он собирается издать свои материалы нелегально и для этого поместил их в сейф. Я решил сразу опубликовать детали, чтобы вся ответственность пала на меня. Его карьера была бы спасена. А если бы меня лишили права обрабатывать научные материалы, я все равно был бы обеспечен до конца своих дней, так как только я мог бы писать о хронокопии. Я знал, что Джонас рассердится, но собирался все ему объяснить, а доходы поделить пополам... Да не глядите же на меня так! Откуда я знал...

— Никто ничего не знал, — с горечью сказал Эремен, — однако вы все считали само собой разумеющимся, что правительство

состоит из глухих бюрократов, злобных тиранов, запрещающих научные изыскания ради собственного удовольствия. Вам и в голову не пришло, что мы по мере наших сил старались оградить человечество от катастрофы.

— Да не тратьте же время на пустые разговоры! — вскричал Поттерли. — Пусть он назовет тех, кому сообщил...

— Слишком поздно, — ответил Ниммо, пожимая плечами. — В их распоряжении было больше суток. За это время новость успела распространиться. Мои издатели, несомненно, обратились к различным физикам, чтобы проверить материалы, прежде чем подписать их в печать, ну а те, конечно, сообщили об этом открытии всем остальным. А стоит физику соединить нейтрино и псевдогравитику, как создание домашнего хроноскопа станет очевидным. До конца недели по меньшей мере пятьсот человек будут знать, как собрать портативный хроноскоп, и проверить их всех невозможно. — Пухлые щеки Ниммо вдруг обвисли. — По-моему, не существует способа загнать грибовидное облако в симпатичный блестящий шар из урана.

Эремен встал.

— Конечно, мы попробуем, Поттерли, но я согласен с Ниммо. Слишком поздно. Я не знаю, в каком мире мы будем жить с этих пор, но наш прежний мир уничтожен безвозвратно. До сих пор каждый обычай, каждая привычка, каждая крохотная деталь жизни всегда опирались на тот факт, что человек может остаться наедине с собой, но теперь это кончилось.

Он поклонился им с изысканной любезностью:

— Вы втроем создали новый мир. Поздравляю вас. Счастливо плескаться в аквариуме! И вам, и мне, и всем. И пусть каждый из нас во веки веков горит в адском огне! Арест отменяется.

ВЫБОРЫ

Из всей семьи только одна десятилетняя Линда, казалось, была рада, что наконец наступило утро. Норман Маллер слышал ее беготную сквозь дурман тяжелой дремы. (Ему наконец удалось заснуть час назад, но это был не столько сон, сколько мучительное забытие.)

Девочка вбежала в спальню и принялась его расталкивать:

— Папа, папочка, проснись! Ну, проснись же!

Он с трудом удержался от стога.

— Оставь меня в покое, Линда.

— Папочка, ты бы посмотрел, сколько крутом полицейских! И полицейских машин понаехало!

Норман Маллер понял, что сопротивляться бесполезно, и, тупо мигая, приподнялся на локте. Занимался день. За окном едва брезжил серый и унылый рассвет, и так же серо и уныло было у Маллера на душе. Он слышал, как Сара, его жена, возится в кухне, готовя завтрак. Его тесть, Мэтью, яростно полоскал горло в ванной. Конечно, агент Хэндли уже дожидается его.

Ведь наступил знаменательный день.

День Выборов!

Поначалу этот год был таким же, как и все предыдущие. Может быть, чуть-чуть похуже, так как предстояли выборы президента, но, во всяком случае, не хуже любого другого года, на который приходились выборы президента.

Политические деятели разглагольствовали о супер-ренных избирателях и мощном электр-ронном мозге, который им служит. Газеты оценивали положение с помощью промышленных вычислительных машин (у «Нью-Йорк таймс» и «Сенс-Луис пост диспэтч» имелись собственные машины) и не скупились на

Franchise

© 1955 by Isaac Asimov

Выборы

© Н Гвоздарева, перевод, 1966

туманные намеки относительно исхода выборов. Комментаторы и обозреватели состязались в определении штата и графства, давая самые противоречивые оценки.

Впервые Маллер почувствовал, что этот год все-таки не будет таким же, как все предыдущие, вечером четвертого октября (ровно за месяц до выборов), когда его жена Сара Маллер сказала:

— Кэнгуэлл Джонсон говорит, что штатом на этот раз будет Индиана. Я от него четвертого это слышу. Только подумать, на этот раз наш штат!

Из-за газеты выглянуло мясистое лицо Мэтью Хортенвейлера. Посмотрев на дочь с кислой миной, он проворчал:

— Этим типам платят за вранье. Нечего их слушать.

— Но ведь уже четверо называют Индиану, папа, — кротко ответила Сара.

— Индиана — действительно ключевой штат, Мэтью, — также кротко вставил Норман, — из-за закона Хоукинса—Смита и скандала в Индианаполисе. Значит...

Мэтью грозно нахмурился и проскрипел:

— Никто пока еще не называл Блумингтон или графство Монро, верно?

— Да ведь... — начал Маллер.

Линда, чье острое личико поворачивалось от одного собеседника к другому, спросила тоненьким голоском:

— В этом году ты будешь выбирать, папочка?

Норман ласково улыбнулся:

— Вряд ли, детка.

Но все-таки это был год президентских выборов и октябрь, когда страсти разгораются все сильнее, а Сара вела тихую жизнь, пробуждающую мечтательность.

— Но ведь это было бы замечательно!

— Если бы я голосовал?

Норман Маллер носил светлые усики; когда-то их элегантность покорила сердце Сары, но теперь, тронутые сединой, они лишь подчеркивали заурядность его лица. Лоб изрезали морщины, порожденные неуверенностью, да и, вообще говоря, его душе старательного приказчика была совершенно чужда мысль, что он рожден великим или волей обстоятельств еще может достигнуть величия. У него была жена, работа и дочка, и, кроме редких минут радостного возбуждения или глубокого уныния, он был склонен считать, что его жизнь сложилась вполне удачно.

Поэтому его смутила и даже встревожила идея, которой загорелась Сара.

— Милая моя, — сказал он, — у нас в стране живет двести миллионов человек. При таких шансах стоит ли тратить время на пустые выдумки?

— Послушай, Норман, двести миллионов здесь ни при чем, и ты это прекрасно знаешь, — ответила Сара. — Во-первых, речь идет только о людях от двадцати до шестидесяти лет, к тому же это всегда мужчины, и, значит, остается уже около пятидесяти миллионов против одного. А в случае если это и в самом деле будет Индиана...

— В таком случае останется приблизительно миллион с четвертью против одного. Вряд ли бы ты обрадовалась, если бы я начал играть на скачках при таких шансах, а? Давайте-ка лучше ужинать.

Из-за газеты донеслось ворчание Мэтью:

— Дурацкие выдумки...

Линда задала свой вопрос еще раз:

— В этом году ты будешь выбирать, папочка?

Норман отрицательно покачал головой, и все пошли в столовую.

К двадцатому октября волнение Сары достигло предела. За кофе она объявила, что мисс Шульц — а ее двоюродная сестра служит секретарем у одного члена Ассамблеи — сказала, что «Индиана — дело верное».

— Она говорит, президент Виллерс даже собирается выступить в Индианаполисе с речью.

Норман Маллер, у которого в магазине выдался нелегкий день, только поднял брови в ответ на эту новость.

— Если Виллерс будет выступать в Индиане, значит, он думает, что Мультивак выберет Аризону. У этого болвана Виллерса духу не хватит сунуться куда-нибудь поближе, — высказался Мэтью Хортенвейлер, хронически недовольный Вашингтоном.

Сара, обычно предпочитавшая, когда это не походило на прямую грубость, пропускать замечания отца мимо ушей, сказала, продолжая развивать свою мысль:

— Не понимаю, почему нельзя сразу объявить штат, потом графство и так далее. И все, кого это не касается, были бы спокойны.

— Сделай они так, — заметил Норман, — и политики налетят туда как воронье. А едва объявили бы город, как там уже на каждом углу торчало бы по конгрессмену, а то и по два.

Мэтью сощурился и в сердцах провел рукой по жидким седым волосам.

— Да они и так настоящее воронье. Вот послушайте...

Сара поспешила вмешаться:

— Право же, папа...

Но Мэтью продолжал свою триаду; не обратив на дочь ни малейшего внимания:

— Я ведь помню, как устанавливали Мультивак. Он положит конец борьбе партий, говорили тогда. Предвыборные кампании больше не будут пожирать деньги избирателей. Ни одно

ухмыляющееся ничтожество не пролезет больше в конгресс или в Белый дом, так как с политическим давлением и рекламной шумихой будет покончено. А что получилось? Шумихи еще больше, только действуют вслепую. Посылают людей в Индиану из-за закона Хоукинса—Смита, а других — в Калифорнию, на случай если положение с Джо Хэммером окажется более важным. А я говорю — долой всю эту чепуху! Назад к доброму старому...

Линда неожиданно перебила его:

— Разве ты не хочешь, дедушка, чтобы папа голосовал в этом году?

Мэтью сердито поглядел на внучку:

— Не в этом дело. — Он снова повернулся к Норману и Саре. — Было время, когда я голосовал. Входил прямо в кабину, брался за рычаг и голосовал. Ничего особенного. Я просто говорил: этот кандидат мне по душе, и я голосую за него. Вот как нужно!

Линда спросила с восторгом:

— Ты голосовал, дедушка? Ты и вправду голосовал?

Сара поспешила прекратить этот диалог, из которого легко могла родиться нелепая сплетня:

— Ты не поняла, Линда. Дедушка вовсе не хочет сказать, будто он голосовал, как сейчас. Когда дедушка был маленький, все голосовали, и твой дедушка тоже, только это было не настоящее голосование.

Мэтью взревел:

— Вовсе я тогда был не маленький! Мне уже исполнилось двадцать два года, и я голосовал за Лэнгли, и голосовал настоящему. Может, мой голос не очень-то много значил, но был не хуже всех прочих. Да, всех прочих. И никакие Мультиваки не...

Тут вмешался Норман:

— Хорошо, хорошо, Линда, пора спать. И перестань расспрашивать о голосовании. Вырастешь, сама все поймешь.

Он поцеловал ее нежно, но по всем правилам антисептики, и девочка неохотно ушла после того, как мать пригрозила ей наказанием и позволила смотреть вечернюю видеопрограмму до четверти десятого с условием, что она умоется быстро и хорошо.

— Дедушка, — позвала Линда.

Она стояла, упрямо опустив голову и заложив руки за спину, и ждала, пока газета не опустилась и из-за нее не показались косматые брови и глаза в сетке тонких морщин. Была пятница, тридцать первое октября.

— Ну?

Линда подошла поближе и оперлась локтями о колено деда, так что он вынужден был отложить газету.

— Дедушка, ты правда голосовал? — спросила она.

— Ты ведь слышала, как я это сказал, так? Или, по-твоему, я вру? — последовал ответ.

— Н-нет, но мама говорит, тогда все голосовали.

— Правильно.

— А как же это? Как же могли голосовать все?

Мэтью мрачно посмотрел на внучку, потом поднял ее, посадил к себе на колени и даже заговорил несколько тише, чем обычно:

— Понимаешь, Линда, раньше все голосовали, и это кончилось только лет сорок назад. Скажем, хотели мы решить, кто будет новым президентом Соединенных Штатов. Демократы и республиканцы выдвигали своих кандидатов, и каждый человек говорил, кого он хочет выбрать президентом. Когда выборы заканчивались, подсчитывали, сколько народа хочет, чтобы президент был от демократов, и сколько — от республиканцев. За кого подали больше голосов, тот и считался избранным. Поняла?

Линда кивнула и спросила:

— А откуда все знали, за кого голосовать? Им Мультивак говорил?

Мэтью свирепо сдвинул брови:

— Они решали это сами!

Линда отодвинулась от него, и он опять понизил голос:

— Я не сержусь на тебя, Линда. Ты понимаешь, порою нужна была целая ночь, чтобы подсчитать голоса, а люди не хотели ждать. И тогда изобрели специальные машины — они смотрели на первые несколько бюллетеней и сравнивали их с бюллетенями из тех же мест за прошлые годы. Так машина могла подсчитать, какой будет общий итог и кого выберут. Понятно?

Она кивнула:

— Как Мультивак.

— Первые вычислительные машины были намного меньше Мультивака. Но они становились все больше и больше и могли определить, как пройдут выборы, по все меньшему и меньшему числу голосов. А потом в конце концов построили Мультивак, который способен абсолютно все решить по одному голосу.

Линда улыбнулась, потому что это ей было понятно, и сказала:

— Вот и хорошо.

Мэтью нахмурился и возразил:

— Ничего хорошего. Я не желаю, чтобы какая-то машина мне говорила, за кого я должен голосовать, потому, дескать, что какой-то зубоскал в Мульвоки высказался против повышения тарифов. Может, я хочу проголосовать не за того, за кого надо,

коли мне так нравится, может, я вообще не хочу голосовать. Может...

Но Линда уже сползла с его колен и побежала к двери.

На пороге она столкнулась с матерью. Сара, не сняв ни пальто, ни шляпу, проговорила, еле переводя дыхание:

— Беги играть, Линда. Не путайся у мамы под ногами.

Потом, сняв шляпу и приглаживая рукой волосы, она обратилась к Мэтью:

— Я была у Агаты.

Мэтью окинул ее сердитым взглядом и, не удостоив это сообщение даже обычным хмыканьем, потянулся за газетой.

Сара добавила, расстегивая пальто:

— И знаешь, что она мне сказала?

Мэтью с треском расправил газету, собираясь вновь погрузиться в чтение, и ответил:

— Не интересуюсь.

Сара начала было: «Все-таки, отец...», но сердиться было некогда. Новость жгла ей язык, а слушателя под рукой, кроме Мэтью, не оказалось, и она продолжала:

— Ведь Джо, муж Агаты, — полицейский, и он говорит, что вчера вечером в Блумингтон прикатил целый грузовик с агентами секретной службы.

— Это не за мной.

— Как ты не понимаешь, отец! Агенты секретной службы, а выборы совсем на носу. *В Блумингтон!*

— Может, кто-нибудь ограбил банк.

— Да у нас в городе уже сто лет никто банков не грабит. Отец, с тобой бесполезно разговаривать.

И она сердито вышла из комнаты.

И Норман Маллер не слишком взволновался, узнав эти новости.

— Скажи, пожалуйста, Сара, откуда Джо знает, что это агенты секретной службы? — спросил он невозмутимо. — Вряд ли они рассказывают по городу, приклеив удостоверения на лоб.

Однако на следующий вечер, первого ноября, Сара торжественно заявила:

— Все до одного в Блумингтоне считают, что избирателем будет кто-то из местных. «Блумингтон ньюс» почти прямо сообщила об этом по видео.

Норман поежился. Жена говорила правду, и сердце у него упало. Если Мультивак и в самом деле обрушит свою молнию на Блумингтон, это означает несметные толпы репортеров, журналистов, особые видеопрограммы — всякую непривычную суету.

Норман дорожил тихой и спокойной жизнью, и его пугал все нарастающий гул политических событий.

Он заметил:

— Все это пока только слухи.

— А ты подожди, подожди немножко.

Ждать пришлось недолго. Раздался настойчивый звонок, и, когда Норман открыл дверь со словами: «Что вам угодно?», высокий человек с хмурым лицом спросил его:

— Вы Норман Маллер?

Норман растерянным, замирающим голосом ответил:

— Да.

По тому, как себя держал незнакомец, можно было легко догадаться, что он лицо, облеченное властью, а цель его прихода вдруг стала настолько же очевидной, неизбежной, насколько за мгновение до того она казалась невероятной, немислимой.

Незнакомец предъявил свое удостоверение, вошел, закрыл за собой дверь и произнес ритуальные слова:

— Мистер Норман Маллер, от имени президента Соединенных Штатов я уполномочен сообщить вам, что на вас пал выбор представлять американских избирателей во вторник, четвертого ноября 2008 года.

Норман Маллер с трудом сумел добраться без посторонней помощи до стула. Так он и сидел — бледный как полотно, еле созная, что происходит, а Сара поила его водой, в смятении растирала руки и бормотала сквозь стиснутые зубы:

— Не заболейте, Норман. Только не заболейте. А то найдут кого-нибудь еще.

Когда к Норману вернулся дар речи, он прошептал:

— Прошу прощения, сэр.

Агент секретной службы уже снял пальто и, расстегнув пиджак, непринужденно расположился на диване.

— Ничего, — сказал он. (Он оставил официальный тон, как только покончил с формальностями, и теперь это был просто рослый и весьма доброжелательный человек.) — Я уже шестой раз делаю это объявление — видел всякого рода реакции. Но только не ту, которую показывают по видео. Ну вы и сами знаете: человек самоотверженно, с энтузиазмом восклицает: «Служить своей родине — великая честь!» Или что-то в таком же духе и не менее патетически. — Агент добродушно и дружелюбно засмеялся.

Сара вторила ему, но в ее смехе слышались истерически-визгливые нотки.

Агент продолжал:

— А теперь придется вам некоторое время потерпеть меня в доме. Меня зовут Фил Хэнди. Называйте меня просто Фил. До Дня Выборов мистеру Маллеру нельзя будет выходить из дома. Вам придется сообщить в магазин, миссис Маллер, что он

заболел. Сами вы можете пока что заниматься обычными делами, но никому ни о чем ни слова. Я надеюсь, вы меня поняли и мы договорились, миссис Маллер?

Сара энергично закивала:

— Да, сэр. Ни слова.

— Прекрасно. Но, миссис Маллер, — лицо Хэндли стало очень серьезным, — это не шутки. Выходите из дома только в случае необходимости, и за вами будут следить. Мне очень неприятно, но так у нас положено.

— Следить?

— Никто этого не заметит. Не волнуйтесь. К тому же это всего на два дня, до официального объявления. Ваша дочь...

— Она уже легла, — поспешно вставила Сара.

— Прекрасно. Ей нужно будет сказать, что я ваш родственник или знакомый и приехал к вам погостить. Если же она узнает правду, придется не выпускать ее из дома. А вашему отцу не следует выходить в любом случае.

— Он рассердится, — сказала Сара.

— Ничего не поделаешь. Итак, значит, со всеми членами вашей семьи мы разобрались и теперь...

— Похоже, вы знаете про нас все, — еле слышно сказал Норман.

— Немало, — согласился Хэндли. — Как бы то ни было, пока у меня для вас инструкций больше нет. Я постараюсь быть полезным чем могу и не слишком надоедать вам. Правительством оплачивает расходы по моему содержанию, так что у вас не будет лишних затрат. Каждый вечер меня будет сменять другой агент, который будет дежурить в этой комнате. Значит, лишняя постель не нужна. И вот что, мистер Маллер...

— Да, сэр?

— Зовите меня просто Фил, — повторил агент. — Эти два дня до официального сообщения вам дадут для того, чтобы вы успели привыкнуть к своей роли и предстали перед Мультиваком в нормальном душевном состоянии. Не волнуйтесь и постарайтесь себя убедить, что ничего особенного не случилось. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Норман и вдруг яростно замотал головой. — Но я не хочу брать на себя такую ответственность. Почему непременно я?

— Ладно, — сказал Хэндли. — Давайте сразу во всем разберемся. Мультивак обрабатывает самые различные факторы, миллиарды факторов. Один фактор, однако, неизвестен и будет неизвестен еще долго. Это умонастроение личности. Все американцы подвергаются воздействию слов и поступков других американцев. Мультивак может оценить настроение любого американца. И это дает возможность проанализировать настроение всех граждан страны. В зависимости от событий года одни американцы

больше подходят для этой цели, другие меньше. Мультивак выбрал вас как самого типичного представителя страны для этого года. Не как самого умного, сильного или удачливого, а просто как самого типичного. А выводы Мультивака сомнению не подлежат, не так ли?

— А разве он не может ошибиться? — спросил Норман.

Сара нетерпеливо прервала мужа:

— Не слушайте его, сэр. Он просто нервничает. Вообще-то он человек начитанный и всегда следит за политикой.

Хэндли сказал:

— Решения принимает Мультивак, миссис Маллер. Он выбрал вашего мужа.

— Но разве ему все известно? — упрямо настаивал Норман. — Разве он не может ошибиться?

— Может. Я буду с вами вполне откровенным. В 1993 году избиратель скончался от удара за два часа до того, как его должны были предупредить о назначении. Мультивак этого не предсказал — не мог предсказать. У избирателя может быть неустойчивая психика, невысокие моральные правила, или, если уж на то пошло, он может быть вообще нечестным. Мультивак не в состоянии знать все о каждом человеке, пока он не получил о нем всех сведений, какие только имеются. Поэтому всегда наготове запасные кандидатуры. Но вряд ли на этот раз они нам понадобятся. Вы вполне здоровы, мистер Маллер, и вы прошли тщательную заочную проверку. Вы подходите.

Норман закрыл лицо руками и замер в неподвижности.

— Завтра к утру, сэр, — сказала Сара, — он придет в себя. Ему только надо свыкнуться с этой мыслью, вот и все.

— Разумеется, — согласился Хэндли.

Когда они остались наедине в спальне, Сара Маллер выразила свою точку зрения по-другому и гораздо энергичнее. Смысл ее нотаций был таков: «Возьми себя в руки, Норман. Ты ведь из всех сил стараешься упустить возможность, которая выпадает раз в жизни».

Норман прошептал в отчаянии:

— Я боюсь, Сара. Боюсь всего этого.

— Господи, почему? Неужели так страшно ответить на один-два вопроса?

— Слишком большая ответственность. Она мне не по силам.

— Ответственность? Никакой ответственности нет. Тебя выбрал Мультивак. Вся ответственность лежит на Мультиваке. Это знает каждый.

Норман сел в кровати, охваченный внезапным приступом гнева и тоски:

— Считается, что знает каждый. А никто ничего знать не хочет. Никто...

— Тише, — злобно прошипела Сара. — Тебя на другом конце города слышно.

— ...ничего знать не хочет, — повторил Норман, сразу понизив голос до шепота. — Когда говорят о правительстве Риджли 1988 гда, разве кто-нибудь скажет, что он победил на выборах потому, что наобещал золотые горы и плел расистский вздор? Ничего подобного! Нет, они говорят «выбор сволочи Маккомбера», словно только Хамфри Маккомбер приложил к этому руку, а он-то отвечал на вопросы Мультивака и больше ничего. Я и сам так говорил, а вот теперь я понимаю, что бедняга был всего-навсего простым фермером и не просил назначать его избирателем. Так почему же он виноват больше других? А теперь его имя стало ругательством.

— Рассуждаешь, как ребенок, — сказала Сара.

— Рассуждаю, как взрослый человек. Вот что, Сара, я откажусь. Они меня не могут заставить, если я не хочу. Скажу, что я болен. Скажу...

Но Саре это уже надоело.

— А теперь послушай меня, — прошептала она в холодной ярости. — Ты не имеешь права думать только о себе. Ты сам знаешь, что такое избиратель года. Да еще в год президентских выборов. Реклама, и слава, и, может быть, куча денег...

— А потом опять становишься к прилавку.

— Никаких прилавков! Тебя назначат по крайней мере управляющим одного из филиалов, если будешь все делать по-умному, а уж это я беру на себя. Если ты правильно разыграешь свои карты, то «Универсальным магазинам Кеннелла» придется заключить с тобой выгодный для нас контракт — с пунктом о регулярном увеличении твоего жалованья и обязательством выплачивать тебе приличную пенсию.

— Избирателя, Сара, назначают вовсе не для этого.

— А тебя — как раз для этого. Если ты не желаешь думать о себе или обо мне — я же прошу не для себя! — то о Линде ты подумать обязан.

Норман застонал.

— Обязан или нет? — грозно спросила Сара.

— Да, милочка, — прошептал Норман.

Третьего ноября последовало официальное сообщение, и теперь Норман уже не мог бы отказаться, даже если бы у него хватило на это мужества.

Они были полностью изолированы от внешнего мира. Агенты секретной службы, уже не скрываясь, преграждали всякий доступ в дом.

Сначала беспрерывно звонил телефон, но на все звонки с чарующе-виноватой улыбкой Филип Хэндли отвечал сам. В конце

концов станция попросту переключила телефон на полицейский участок.

Норман полагал, что так его спасают не только от захлебывающихся от поздравлений (и зависти) друзей, но и от бессовестных пристававших коммивояжеров, чующих возможную прибыль, от расчетливой вкрадчивости политиканов со всей страны... А может, и от полоумных фанатиков, готовых разделаться с ним.

В дом запретили приносить газеты, чтобы оградить Нормана от их воздействия, а телевизор отключили — деликатно, но решительно, и громкие протесты Линды не помогли.

Мэтью ворчал и не покидал своей комнаты; Линда, когда первые восторги улеглись, начала дуться и капризничать, потому что ей не позволяли выходить из дома; Сара делила время между стряпней и планами на будущее; а настроение Нормана становилось все более и более угнетенным под влиянием одних и тех же мыслей.

И вот наконец настало утро четвертого ноября 2008 года, наступил День Выборов.

Завтракать сели рано, но ел один только Норман Маллер, да и то по привычке. Ни ванна, ни бритье не смогли вернуть его к действительности или избавить от чувства, что и вид у него такой же скверный, как душевное состояние.

Хэндли изо всех сил старался разрядить напряжение, но даже его дружеский голос не мог смягчить враждебности серого рассвета. (В прогнозе погоды было сказано: облачность, в первую половину дня возможен дождь.)

Хэндли предупредил:

— До возвращения мистера Маллера дом остается по-прежнему под охраной, а потом мы избавим вас от своего присутствия.

Агент секретной службы на этот раз был в полной парадной форме, включая окованную медью кобуру на боку.

— Вы же совсем не были нам в тягость, мистер Хэндли, — сладко улыбнулась Сара.

Норман выпил две чашки кофе, вытер губы салфеткой, встал и произнес каким-то страдальческим голосом:

— Я готов.

Хэндли тоже поднялся.

— Прекрасно, сэр. И благодарю вас, миссис Маллер, за любезное гостеприимство.

Бронированный автомобиль урча неся по пустынным улицам. Даже для такого раннего часа на улицах было слишком пусто.

Хэндли обратил на это внимание Нормана и добавил:

— На улицах, по которым пролегает наш маршрут, теперь всегда закрывается движение — это правило было введено после того, как покушение террориста в девяносто втором году чуть не сорвало выборы Леверетта.

Когда машина остановилась, Хэндли, предупредительный, как всегда, помог Маллеру выйти. Они оказались в подземном коридоре, вдоль стен которого шеренги солдат замерли по стойке «смирно».

Маллера проводили в ярко освещенную комнату, где три человека в белых халатах встретили его приветливыми улыбками.

Норман сказал резко:

— Но ведь это же больница!

— Неважно, — тотчас же ответил Хэндли. — Просто в больнице есть все необходимое оборудование.

— Ну так что же я должен делать?

Хэндли кивнул. Один из трех людей в белых халатах шагнул к ним и сказал:

— Вы передаете его мне.

Хэндли небрежно козырнул и вышел из комнаты.

Человек в белом халате проговорил:

— Не угодно ли вам сесть, мистер Маллер? Я Джон Полсон, старший вычислитель. Это Самсон Левин и Питер Дорогобуж, мои помощники.

Норман тупо пожал всем руки. Полсон был невысок, его лицо с расплывчатыми чертами, казалось, привыкло вечно улыбаться. Он носил очки в старомодной пластиковой оправе и накладку, плохо маскировавшую плешь. Разговаривая, Полсон закурил сигарету. (Он протянул пачку и Норману, но тот отказался.)

Полсон сказал:

— Прежде всего, мистер Маллер, я хочу предупредить вас, что мы никуда не торопимся. Если понадобится, вы можете пробыть здесь с нами хоть целый день, чтобы привыкнуть к обстановке и избавиться от ощущения, будто в этом есть что-то необычное, какая-то клиническая сторона, если можно так выразиться.

— Это мне ясно, — сказал Норман. — Но я предпочел бы, чтобы это кончилось поскорее.

— Я вас понимаю. И тем не менее нужно, чтобы вы ясно представляли себе, что происходит. Прежде всего, Мультивак находится не здесь.

— Не здесь? — Все это время, как он ни был подавлен, Норман тайл надежду увидеть Мультивак. По слухам, он достигал полумили в длину и был в три этажа высотой, а в коридорах внутри его — подумать только! — постоянно дежурят пятьдесят специалистов. Это было одно из чудес света.

Полсон улыбнулся:

— Вот именно. Видите ли, он не совсем портативен. Говоря серьезно, он помещается под землей, и мало кому известно, где именно. Это и понятно, ведь Мультивак — наше величайшее богатство. Поверьте мне, выборы не единственное, для чего используют Мультивак.

Норман подумал, что разговорчивость его собеседника не случайна, но все-таки его разбирало любопытство.

— А я думал, что увижу его. Мне бы этого очень хотелось.

— Разумеется. Но для этого нужно распоряжение президента, и даже в таком случае требуется виза Службы безопасности. Однако мы соединены с Мультиваком прямой связью. То, что сообщает Мультивак, можно расшифровать здесь, а то, что мы говорим, передается прямо Мультиваку; таким образом, мы как бы находимся в его присутствии.

Норман огляделся. Крутом стояли непонятные машины.

— А теперь разрешите мне объяснить вам процедуру, мистер Маллер, — продолжал Полсон. — Мультивак уже получил почти всю информацию, которая ему требуется для определения кандидатов в органы власти всей страны, отдельных штатов и местные. Ему нужно только свериться с не поддающимся выведению умонастроением личности, и вот тут-то ему и нужны мы. Мы не в состоянии сказать, какие он задаст вопросы, но они и вам, и даже нам, возможно, покажутся почти бессмысленными. Он, скажем, спросит вас, как, на ваш взгляд, поставлена очистка улиц вашего города и как вы относитесь к централизованному мусоросжигателю. А может быть, он спросит, лечитесь ли вы у своего постоянного врача или пользуетесь услугами Национальной медицинской компании. Вы понимаете?

— Да, сэр.

— Что бы он ни спросил, отвечайте своими словами, как вам угодно. Если вам покажется, что объяснять нужно многое, не стесняйтесь. Говорите хоть час, если понадобится.

— Понимаю, сэр.

— И еще одно. Нам потребуется использовать кое-какую несложную аппаратуру. Пока вы говорите, она будет автоматически записывать ваше давление, работу сердца, проводимость кожи, биотоки мозга. Аппараты могут испугать вас, но все это совершенно безболезненно. Вы даже не почувствуете, что они включены.

Его помощники уже хлопотали около мягко поблескивающего агрегата на хорошо смазанных колесах.

Норман спросил:

— Это чтобы проверить, говорю ли я правду?

— Вовсе нет, мистер Маллер. Дело не во лжи. Речь идет только об эмоциональном напряжении. Если машина спросит ваше мнение о школе, где учится ваша дочь, вы, возможно, ответите: «По-моему, классы в ней переполнены». Это только

слова. По тому, как работает ваш мозг, сердце, железы внутренней секреции и потовые железы, Мультивак может точно определить, насколько вас волнует этот вопрос. Он поймет, что вы испытываете, лучше, чем вы сами.

— Я об этом ничего не знал, — сказал Норман.

— Конечно! Ведь большинство сведений о методах работы Мультивака являются государственной тайной. И когда вы будете уходить, вас попросят дать подписку, что вы не будете разглашать, какого рода вопросы вам задавались, что вы на них ответили, что здесь происходило и как. Чем меньше известно о Мультиваке, тем меньше шансов, что кто-то посторонний попытается повлиять на тех, кто с ним работает. — Он мрачно улыбнулся. — У нас и без того жизнь нелегкая.

Норман кивнул:

— Понимаю.

— А теперь, быть может, вы хотите есть или пить?

— Нет. Пока что нет.

— У вас есть вопросы?

Норман покачал головой.

— В таком случае скажите нам, когда вы будете готовы.

— Я уже готов.

— Вы уверены?

— Вполне.

Полсон кивнул и дал знак своим помощникам начинать.

Они двинулись к Норману с устрашающими аппаратами, и он почувствовал, как у него участилось дыхание.

Мучительная процедура длилась почти три часа и прерывалась всего на несколько минут, чтобы Норман мог выпить чашку кофе и, к величайшему его смущению, воспользоваться ночным горшком. Все это время он был прикован к машинам. Под конец он смертельно устал.

Он подумал с иронией, что выполнить обещание ничего не разглашать будет очень легко. У него уже от вопросов была полная каша в голове.

Почему-то раньше Норман думал, что Мультивак будет говорить загробным, нечеловеческим голосом, звучным и рокоучим; очевидно, это представление ему навяли бесконечные телевизионные передачи, решил он теперь. Действительность оказалась до обидного неромантической. Вопросы поступали на полосках какой-то металлической фольги, испещренных множеством проколов. Вторая машина превращала проколы в слова, и Полсон читал эти слова Норману, а затем передавал ему вопрос, чтобы он прочел его сам.

Ответы Нормана записывались на магнитофонную пленку, их проигрывали, а Норман слушал, все ли верно, и его поправки и добавления тут же записывались.

Затем пленка заправлялась в перфорационный аппарат и результаты передавались Мультиваку.

Единственный вопрос, запомнившийся Норману, был словно выхвачен из болтовни двух кумушек и совсем не вязался с торжественностью момента: «Что вы думаете о ценах на яйца?»

И вот все позади: с его тела осторожно сняли многочисленные электроды, распустили пульсирующую повязку на предплечье, убрали аппаратуру.

Норман встал, глубоко и судорожно вздохнул и спросил:

— Все? Я свободен?

— Не совсем. — Полсон спешил к нему с ободряющей улыбкой. — Мы бы просили вас задержаться еще на часок.

— Зачем? — встревожился Норман.

— Приблизительно такой срок нужен Мультиваку, чтобы увязать полученные новые данные с миллиардами уже имеющихся у него сведений. Видите ли, он должен учитывать тысячи других выборов. Дело очень сложное. И может оказаться, что какое-нибудь назначение окажется неувязанным, скажем, санитарного инспектора в городе Феникс, штат Аризона, или же муниципального советника в Уилксборо, штат Северная Каролина. В таком случае Мультивак будет вынужден задать вам еще несколько решающих вопросов.

— Нет, — сказал Норман. — Я ни за что больше не соглашусь.

— Возможно, этого и не потребуется, — заверил его Полсон. — Такое положение возникает крайне редко. Но просто на всякий случай вам придется подождать. — В его голосе зазвучали еле заметные стальные нотки. — Ваши желания тут ничего не решают. Вы обязаны.

Норман устало опустил на стул и пожал плечами.

Полсон продолжал:

— Читать газеты вам не разрешается, но, если детективные романы, или партия в шахматы, или еще что-нибудь в этом роде помогут вам скоротать время, вам достаточно только сказать.

— Ничего не надо. Я просто посижу.

Его провели в маленькую комнату рядом с той, где он отвечал на вопросы. Он сел в кресло, обтянутое пластиком, и закрыл глаза.

Хочешь не хочешь, а нужно ждать, пока истечет этот последний час.

Он сидел не двигаясь, и постепенно напряжение спало. Дыхание стало не таким прерывистым, и дрожь в пальцах уже не мешала сжимать руки.

Может, вопросов больше и не будет. Может, все кончилось.

Если это так, то дальше его ждут факельные шествия и выступления на всевозможных приемах и собраниях. Избиратель этого года!

Он, Норман Маллер, обыкновенный продавец из маленького универмага в Блумингтоне, штат Индиана, не рожденный великим, не добившийся величия собственными заслугами, попал в необычайное положение: его вынудили стать великим.

Историки будут торжественно упоминать Выборы Маллера в 2008 году. Ведь эти выборы будут называться именно так — Выборы Маллера.

Слава, повышение в должности, сверкающий денежный поток — все то, что было так важно для Сары, почти не занимало его. Конечно, это очень приятно, и он не собирается отказываться от подобных благ. Но в эту минуту его занимало совершенно другое.

В нем вдруг проснулся патриотизм. Что ни говори, а он представляет здесь всех избирателей страны. Их чаяния собраны в нем, как в фокусе. На этот единственный день он стал воплощением всей Америки!

Дверь открылась, и Норман весь обратился в слух. На мгновение он внутренне сжался. Неужели опять вопросы?

Но Полсон улыбался.

— Все, мистер Маллер.

— И больше никаких вопросов, сэр?

— Ни единого. Прошло без всяких осложнений. Вас отвезут домой, и вы снова станете частным лицом, конечно, насколько вам позволит широкая публика.

— Спасибо, спасибо. — Норман покраснел и спросил: — Интересно, а кто избран?

Полсон покачал головой:

— Придется ждать официального сообщения. Правила очень строгие. Мы даже вам не имеем права сказать. Я думаю, вы понимаете.

— Конечно. Ну конечно, — смущенно ответил Норман.

— Агент Службы безопасности даст вам подписать необходимые документы.

— Хорошо.

И вдруг Норман ощутил гордость. Неимоверную гордость. Он гордился собой.

В этом несовершенном мире суверенные граждане первой в мире и величайшей Электронной Демократии через Нормана Маллера (да, через него!) вновь осуществили принадлежащее им свободное, ничем не ограниченное право выбирать свое правительство!

СЕКРЕТ БРОНЗОВОЙ КОМНАТЫ

— Н у же, смелее, — довольно вежливо для демона произнес Шапур. — Ты только понапрасну тратишь мое время. Да и свое, пожалуй, тоже, поскольку тебе осталось лишь полчаса. — И его хвост дернулся.

— Это не дематериализация? — задумчиво спросил Исидор Уэлби.

— Я уже говорил, что нет, — ответил Шапур.

В который раз Уэлби окинул взглядом монолитную бронзу, окружавшую его со всех сторон. Демон испытал поистине дьявольское наслаждение (да и какое еще ему испытывать?), демонстрируя безупречно гладкую поверхность пола, потолка и четырех стен, состоявших из массивных бронзовых плит двухфутовой толщины, скрепленных между собой без единого признака сварных швов. Уэлби находился в абсолютно замкнутом пространстве. В его распоряжении оставалось только полчаса и ни минутой больше, в то время как демон в нетерпеливом ожидании наблюдал за ним.

Исидор Уэлби подписался ровно за десять лет до настоящих событий (день в день, разумеется).

— Мы платим тебе авансом, — убеждал его демон. — В течение десяти лет у тебя будет все, что пожелаешь, — в разумных пределах, конечно, — а затем ты становишься демоном. Одним из нас. Ты получишь новое имя, означающее демоническую мощь, и, кроме того, множество других привилегий. Тебе едва ли даже будут известны те муки ада, на какие обречены проклятые души. Ну а если ты не распишешься, то не исключено, что естественный ход твоей жизни все равно приведет тебя к

Gimmicks Three

© 1956 by Isaac Asimov

Секрет бронзовой комнаты

© Издательство «Полярис», перевод, 1996

адскому огню. Никогда не знаешь, что случится завтра... Взять хотя бы меня. Дела мои не так уж плохи. Я подписался, прожил свои десять лет и — вот он я. Совсем неплохо.

— Тогда почему тебя волнует, поставлю я свою подпись или нет, если мне, похоже, все равно не избежать мук ада? — спросил Уэлби.

— Не очень-то легко вербовать новых сотрудников в штат ада, — признался демон, пожимая плечами. От этого движения слабый запах сернистого ангидрида в воздухе чуть усилился. — Каждому хочется попасть в число счастливицов, выигравших место в раю. Шансов на выигрыш почти никаких, но люди все равно продолжают ставить на него. Мне кажется, что ты слишком благодарен для такой игры. А между тем осужденных душ у нас больше, нежели идей, что с ними делать, и все острее ощущается нехватка административных кадров.

Уэлби, только что оставивший службу в армии и обнаруживший, что она ничего ему не дала, кроме хромоты и прощального письма от девушки, которую почему-то все еще любил, уколол палец и подписался.

Сначала он, конечно, ознакомился с коротким текстом договора. Подписание этого документа кровью означало, что ему, Исидору Уэлби, отныне передавалась определенная часть демонической власти. В документе подробно не раскрывалось, как обращаться с данными ему сверхъестественными силами, о механизме действия которых также многое умалчивалось. Но все его желания, тем не менее, исполнялись бы таким образом, что их воплощение в реальность казалось бы вполне обычным делом и ни у кого не вызывало бы подозрений.

Правда, ни одно желание, которое шло бы вразрез с высшими целями и замыслами относительно развития человеческой истории, осуществиться бы не смогло.

При чтении этого пункта Уэлби поднял брови.

Шапур кашлянул.

— Мера предосторожности, навязанная нам... э-э... свыше. Ты здраво мыслишь. Эти ограничения не послужат тебе помехой.

— Тут, кажется, есть и каверзное условие, — проговорил Уэлби.

— Да, что-то в этом роде. В конце концов, нам ведь надо проверить твое соответствие будущей должности. Как видишь, условие заключается в том, что по прошествии десяти лет тебя попросят выполнить для нас какое-либо задание. Твоя демоническая сила поможет тебе легко справиться с ним. Сейчас мы не можем раскрыть тебе суть задания, но у тебя в запасе будет целых десять лет, чтобы изучить сущность демонической силы, заключенной в тебе. Смотри на все это как на вступительный тест.

— А если я не пройду его, что тогда?

— В таком случае, — сказал демон, — по окончании теста ты станешь всего лишь обычной осужденной душой. — Он был демоном, и потому при одной мысли об осужденной душе в его глазах блеснул дымящийся огонь, а когтистые пальцы конвульсивно задергались, словно он чувствовал, как они уже глубоко вонзились в человеческую плоть. Но он только учтиво добавил: — Давай же, подписывай — тест будет простым. Нам бы хотелось видеть тебя в руководящих кадрах, нежели получить еще одного безработного подсобника.

Уэлби, полного грустных раздумий о своей недостигаемой любимой, мало беспокоило, что произойдет через десять лет. И он подписался.

Однако десять лет пролетели довольно быстро. Исидор Уэлби никогда не терял трезвости мышления, как и предсказывал демон, и дела его шли в гору. Уэлби поступил на работу, и, поскольку всегда оказывался в нужном месте в нужное время и всегда говорил о нужном с нужным человеком, его быстро продвинули по службе наверх, где он занял весьма высокий пост. Капиталовложения, которые он делал, неизменно окупались. Его девушка, исполненная самого искреннего раскаяния и горячо обожающая его, вернулась к нему, что послужило причиной еще большей радости.

Его брак оказался счастливым и был благословен четырьмя детьми — двумя мальчиками и двумя девочками, смысленными и довольно хорошо воспитанными. На исходе десяти лет Уэлби достиг вершины власти, славы и богатства, а что касается его жены, то с возрастом она становилась все прекрасней.

И вот десять лет спустя после подписания договора (день в день, разумеется) он проснулся и увидел, что находится не в своей спальне, а в какой-то ужасной бронзовой комнате, страшной своей монолитностью, и рядом нет никого, кроме сгоравшего от нетерпения демона.

— Тебе нужно только выйти отсюда, и ты станешь одним из нас, — сказал Шапур. — Если ход твоих мыслей будет логичен и правилен, то задание можно выполнить с помощью твоей демонической силы. Но при одном условии: ты должен точно знать, что именно ты предпринимаешь. Сейчас тебе бы уже следовало это знать.

— Моя жена и дети будут очень встревожены моим исчезновением, — произнес Уэлби, начиная раскаиваться.

— Они увидят твой труп, — утешил его демон. — Ты будешь выглядеть так, будто умер от сердечного приступа. Тебе устроят великолепные похороны, а священник предаст тебя в руки Господни. Мы же, со своей стороны, не будем разрушать иллюзий

ни его самого, ни тех, кто внимает ему. Ну давай, Уэлби, времени тебе осталось только до полудня.

В течение десяти лет Уэлби безотчетно готовился к этому моменту, и сейчас паническое чувство овладело им в гораздо меньшей степени, чем можно было бы предположить для подобной ситуации. Уэлби обвел помещение оценивающим взглядом.

— Эта комната изолирована полностью? И никаких потайных отверстий?

— Ни в стенах, ни в полу, ни в потолке нет никаких отверстий, — с профессиональной гордостью ответил демон, испытывая явное удовольствие от проделанной работы. — То же самое касается и стыков между ними. Ты сдаешься?

— Нет, нет. Дай мне время подумать.

Уэлби погрузился в размышления. В комнате, казалось, совсем не чувствовалось духоты. Скорее наоборот: Уэлби не покидало ощущение движущегося потока воздуха. Возможно, воздух проникал сквозь стены путем дематериализации. Тем же путем, видимо, сюда вошел и демон. Значит, есть шансы на то, что Уэлби и сам сможет воспользоваться дематериализацией, чтобы выйти отсюда. Он спросил об этом.

Демон ухмыльнулся:

— Дематериализация нам не подвластна. Я вошел в комнату, не дематериализуясь.

— Ты так уверен в этом?

— Комната — мое собственное творение, — самодовольно проговорил демон, — и сконструирована специально для тебя.

— И ты вошел с наружной стороны?

— Ну да.

— С помощью такой же демонической силы, какой обладаю и я?

— Совершенно верно. Ладно, давай уточним. Ты не можешь перемещаться сквозь материю, но зато можешь двигаться в любом измерении с помощью простого усилия воли. Можно перемещаться вверх, вниз, направо, налево, под углом и так далее, но сквозь материю — ничего не выйдет.

Уэлби снова задумался, а Шапур продолжал демонстрировать исключительно непоколебимую прочность массивных бронзовых стен, пола и потолка; их цельность, доведенную до абсолюта.

Уэлби ничуть не сомневался в том, что Шапур — какой бы ни была его убежденность в необходимости вербовки новых сотрудников администрации — едва сдерживал в себе порывы дьявольского восторга по поводу возможного обладания обычной осужденной душой, которой он всласть позабавится.

— У меня, по крайней мере, — в жалкой попытке пофилософствовать произнес Уэлби, — будет о чем вспоминать — о моих

десяти счастливых годах. Это несомненно послужит утешением даже для души, обреченной на все муки ада.

— Вовсе нет, — возразил демон. — Ад не был бы адом, если бы вам позволили иметь при себе утешение. Все, приобретенное вами на Земле по договору с дьяволом — как и в случае с тобой (или со мной, если на то пошло), — это как раз то, что можно было бы получить и без заключения такого договора. Если, конечно, усердно работать и полностью уповать на... э-э... Небо. Именно это обстоятельство и придает подобным сделкам поистине демонический характер. — И демон радостно захохотал.

— То есть, по-твоему, выходит, что моя жена вернулась бы ко мне, даже если бы я никогда не подписывал твой контракт? — возмущился Уэлби.

— Вполне возможно, — сказал Шапур. — Все происходит по воле... э-э... Неба, знаешь ли. А сами мы даже не пытаемся что-либо изменить.

Потрясение, которое пережил Уэлби в тот момент, очевидно, усилило его способность соображать, потому что в следующий момент он исчез. Бронзовая комната опустела, если не считать изумленного демона. Изумление сменилось безудержной яростью, когда взгляд демона упал на контракт с Уэлби, который Шапур вплоть до сего момента держал в руке, приготовившись к финальному действию по завладению человеческой душой. В любом случае.

Прошло десять лет (день в день, разумеется) с тех пор, как Исидор Уэлби подписал свой договор с Шапуrom. В кабинет Уэлби вошел разъяренный демон.

— Послушай... — начал он свирепо.

Уэлби оторвался от работы и удивленно взглянул на посетителя:

— Кто вы?

— Ты прекрасно знаешь, кто я такой, — ответил Шапур.

— Вовсе нет, — возразил Уэлби.

Демон пристально посмотрел на человека:

— Вижу, что ты говоришь правду, вот только не могу разобраться с подробностями. — Он тут же начинил мозг Уэлби событиями последних десяти лет.

— О да, — произнес Уэлби. — Я, конечно же, могу все объяснить, но ты уверен, что нам не помешают?

— Не помешают, — с мрачной решимостью заверил его демон.

— Я сидел в той закрытой со всех сторон бронзовой комнате, — начал Уэлби, — и...

— Это неважно, — вспыхнул демон. — Я хочу знать...

— Позволь мне, пожалуйста, рассказать все по-своему

Демон захлопнул челюсти. От него стал распространяться едкий запах сернистого ангидрида, и Уэлби раскашлялся. Вид у него при этом был страдальческий.

— Ты не мог бы чуть отодвинуться? Благодарю... Итак, я сидел в той закрытой со всех сторон бронзовой комнате и вдруг вспомнил, как ты все время твердил об абсолютной цельности четырех стен, пола и потолка. Я тогда спросил себя: почему ты специально упоминал об этом? Что еще было там, помимо стен, пола и потолка? Ты обрисовал вполне узнаваемое трехмерное пространство.

Да, именно так: трехмерное. Комната не была замкнута в четвертом измерении. Существование ее в прошлом было не беспрельдно. Ты признался, что создал ее специально для меня. Значит, если отправиться в прошлое, то в результате можно очутиться в той временной точке, в которой комнаты еще не было, и таким образом оказаться за ее пределами.

Более того, по твоим словам, я обладал способностью перемещаться в любом измерении, а время, несомненно, можно рассматривать как одно из измерений. Во всяком случае, как только я решил двигаться по направлению к прошлому, то тут же попал в мчащийся с огромной скоростью поток событий своей жизни, повернутой вспять, и... внезапно обнаружил, что вокруг меня и в помине нет никакой бронзы.

— Как я не догадался о подобном исходе? — вскричал демон с мукой в голосе. — Другим путем ты и не смог бы ускользнуть. Что меня волнует — так это твой контракт. Раз уж ты не попадаешь в разряд обычных осужденных душ — что ж, прекрасно. Это входит в условия игры. Но ты должен стать, по меньшей мере, одним из нас, одним из сотрудников администрации. Тебе заплатили именно за это, и если я не доставлю тебя в преисподнюю, у меня будут крупные неприятности.

Уэлби пожал плечами:

— Я тебе сочувствую, конечно, но ничем помочь не могу. Ты, должно быть, смастерил ту бронзовую комнату сразу же после того, как я поставил свою подпись на документе, потому что момент моего освобождения из комнаты совпал с той временной точкой, в которой я заключал с тобой сделку. В тот момент прошлого я снова увидел тебя. И себя тоже. Ты подталкивал ко мне контракт, а с ним и иглу, которой я мог бы уколоть палец. Конечно, когда я переместился назад во времени, то уготованное мне будущее изгладилось из моей памяти, но, видимо, не совсем. Когда ты подтолкнул ко мне контракт, мне стало не по себе. Поэтому я не подписал его. Я наотрез отказался это делать.

Шапур заскрежетал зубами.

— Как же я не сообразил? Если бы вероятностные модели влияли на демонов, я бы с удовольствием переместился вместе

с тобой в этот новый условный мир. Однако все, что я могу тебе сказать, — это то, что ты потерял те десять счастливых лет, которые получил от нас в качестве платы. Это меня утешает. А еще утешает то, что мы тебя все равно заполучим после твоей смерти.

— Да ну, брось, — сказал Уэлби. — Разве в аду позволительно иметь утешение? Хотя в течение десяти лет, которые я к настоящему моменту уже прожил, я ничего не знал о том, что мог бы приобрести. Но сейчас, когда ты вложил в мою голову память о тех десяти годах, которые могли бы быть, я припоминаю, как ты говорил мне в той бронзовой комнате, что демонические соглашения не могут дать больше того, что можно приобрести усердным трудом и упованием на Небо. Я трудился усердно, и я уповал.

Уэлби посмотрел на фотографию своей прекрасной жены и четверых прекрасных детей, затем окинул взглядом со вкусом подобранную роскошную обстановку своего кабинета.

— И я, возможно, сумею даже избежать ада. Тут ты тоже ничего не поделаешь — не в твоей это власти.

И демон с ужасным воплем исчез навсегда.

НЕБЫВАЛЬЩИНА

Первый приступ тошноты миновал, и Ян Прентисс воскликнул:

— Черт возьми, ты же насекомое!

Это звучало не оскорблением, а констатацией факта. Нечто, усевшееся на рабочем столе Прентисса, откликнулось:

— Разумеется...

В нем было около фута росту. Тонюсенькое, с паутинками-ручками и стебельками-ножками, оно казалось крошечной немелой пародией на человека. И ручки и ножки росли попарно из верхней части туловища. Ножки были длиннее и толще, чем ручки, длиннее, чем само тело, и в коленях переламявались не назад, а вперед. Нечто опиралось на эти свои колени, и низ его пушистого брюшка почти касался поверхности стола.

Времени, чтобы подметить все подробности, у Прентисса было хоть отбавляй. Нечто вовсе не возражало, чтобы его разглядывали. Даже напротив: оно словно упивалось вниманием — или, быть может, оно привыкло, чтобы им любовались?

— Откуда ты взялся?

Задавая свой вопрос, Прентисс был не слишком уверен, что поступает здраво. Еще пять минут назад он сидел себе за машинкой, лениво выстукивая рассказ, обещанный Хорасу Даблю Брауну еще для прошлого номера журнала «Небывальщина и чертовщина». Настроение у Прентисса было самое обыкновенное, чувствовал он себя нормально — и физически и умственно. И вдруг какая-то часть пространства рядом с машинкой замерцала, закружилась и сконцентрировалась в этот нелепый кошмар, свесивший блестящие черные ножки над краем стола.

— Я авалонец, — высказался кошмар. — Из Авалона, другими словами...

Крошечное личико заканчивалось роговыми челюстями. Из прыщей над глазами тянулась пара качающихся антенн длиной дюйма по три. Фасеточные глаза сверкали множеством мелких граней — и не было даже и признака ноздрей.

«Естественно, ноздрей нет, — пришла неясная мысль. — Оно должно дышать через отверстия в брюшке. Стало быть, и говорить оно должно брюшком. Или пользуясь телепатией...»

— Из Авалона? — зачем-то переспросил Прентисс. А про себя добавил: «Авалон — это что, страна эльфов из времен короля Артура?...»

— Разумеется, — подтвердило существо, непринужденно отвечая на мысль. — Я эльф.

— Нет, нет!..

Прентисс прижал руки к лицу, но, когда отнял, увидел, что эльф по-прежнему тут, расселся, постукивая ножками по верхнему ящику стола. Притом Прентисс был уверен, что не страдает ни алкоголизмом, ни психопатией. По правде сказать, соседи считали его довольно заурядной личностью. У него был приличный животик, заметные, хоть и не очень, остатки волос на черепе, привлекательная жена и деятельный десятилетний сын. Конечно же, соседи и не догадывались, что взносы за дом он выплачивает, сочиняя волшебные истории для второсортных журналов.

Однако до сих пор тайный этот порок никогда не отражался пагубно на его психике. Разве что жена нет-нет да и покачает укоризненно головой — мнение ее сводилось, в сущности, к тому, что он растрчивает и даже извращает свой талант.

— И кто только это читает! — говорила она. — Демоны, гномы, эльфы... Детские сказочки!..

— Ты совершенно не права, — отвечал ей Прентисс. — Современные фантазии представляют собой вольные и, если угодно, утонченные переработки народных мотивов. Под маской нереальности нередко кроются острые комментарии к злободневным событиям. И, заметь, пишутся они исключительно для взрослых. — Бланш пожимала плечами: ей доводилось слушать выступления мужа на съездах и симпозиумах, и все его доводы были ей давно знакомы. Включая последний, решающий: — Кроме того, за фантазии платят, и неплохо платят, не так ли?

— Может, и так, — отзывалась она обычно, — но как было бы славно, если бы ты переключился на детективы! По крайней мере, мы могли бы сказать соседям, чем ты зарабатываешь на жизнь...

Прентисс испустил беззвучный стон: ведь Бланш могла войти в любую минуту и застать его разговаривающим с самим собой. Нет, все же видение слишком реально для сна, — наверное,

галлюцинация. Уж после такого позора волей-неволей придется переключиться на детективы...

— Вы заблуждаетесь, — заявил эльф. — Я не сон и не галлюцинация.

— Почему ты тогда не исчезаешь? — спросил Прентисс.

— Дайте срок — исчезну. Перспектива поселиться здесь мне отнюдь не улыбается. И вам придется отправиться вместе со мной.

— Мне? Придется? Черт возьми, по какому праву ты вздумал мной распоряжаться?

— Если вы полагаете, что это вежливо так обращаться с представителем древней культуры, то остается лишь пожалеть, что вы не получили должного воспитания.

— Какая там древняя культура!..

Он хотел было добавить: «Просто плод моего воображения», — но стал писателем слишком давно для того, чтобы скомпрометировать себя подобным штампом.

— Мы, насекомые, — молвил эльф свысока, — возникли за полмиллиарда лет до первых млекопитающих. Мы были свидетелями воцарения динозавров и свидетелями того, как они вымерли. А уж что до вас, человекообразных, — вы-то уж на Земле и вовсе новоселы.

— Так стоило ли, — заметил Прентисс, — растрчивать на нас свое царственное внимание?

— Не стал бы, — ответил эльф, — поверьте, не стал бы, если б не насущная необходимость.

— Послушай, времени у меня в обрез. Бланш... моя жена может зайти сюда с минуты на минуту. Она будет очень расстроена...

— Она не придет, — заверил эльф. — Я заблокировал ее сознание.

— Что???

— Совершенно без вреда для нее, уверяю вас. В конце концов, вы же и сами не хотите, чтобы нас беспокоили, не правда ли?

Прентисс сжался в кресле, ошеломленный и несчастный.

— Мы, эльфы, начали сотрудничать с человекообразными, как только наступил ледниковый период. Вы представить себе не можете, что это было за скверное для нас время. Не могли же мы напаять на себя звериные шкуры или поселиться в пещерах, как ваши неотесанные предки. Требовалось невероятно много психозергии, чтобы сохранять тепло.

— Невероятно много чего?

— Психозергии. Вы о ней ровным счетом ничего не знаете. Ваш ум слишком груб, чтоб уловить хотя бы суть концепции. И не перебивайте меня, пожалуйста... — Эльф выдержал паузу и продолжал: — Необходимость вынудила нас пойти на экспе-

римент. Человеческий мозг незрел, но велик. Клетки его неэффективны и медлительны, зато их множество. Нам удалось использовать ваш мозг как усилитель, как своеобразную линзу, концентрирующую психолучи, и многократно увеличить сумму доступной нам энергии. Оледенение мы пережили относительно сносно, и нам не пришлось переселяться в тропики, как в эпохи предшествующих оледенений. Однако мы избаловались. И когда тепло вернулось, мы не бросили человекообразных, нет! Мы продолжали использовать их, чтобы поднять наш жизненный уровень в целом. Чтобы передвигаться быстрее, питаться лучше, успевать больше. А потом еще и молоко...

— Молоко? — удивился Прентисс. — Не вижу связи.

— Божественная жидкость! Сам я пробовал ее лишь однажды, но классическая поэзия эльфов воспевает ее в таких выражениях... В прежние времена, бывало, вы снабжали нас молоком в достатке. Какое несчастье, что человекообразные отбились от рук!

— Отбились от рук?

— Лет двести назад.

— Уже неплохо.

— Да не будьте вы таким ограниченным! — сказал эльф жестко. — Сотрудничество было полезным для обеих сторон, покуда вы, человекообразные, не научились сами управлять энергией. С вашей стороны это было просто гнусно, — а впрочем, чего еще от вас ждать...

— Почему же гнусно?

— Ну как вам объяснить?... Было так хорошо освещать наши ночные пирушки светлячками — это требовало психозергии всего на две человеческих силы. Но вы провели повсюду электрический свет. Наши антенны годны для связи на целые мили, но вы придумали телеграф, телефон и радио. Наши слуги-гномы добывали руды куда эффективнее вас, покуда не был изобретен динамит. Вам понятно?

— Нет.

— А вы полагаете, чувствительные существа высшего порядка, эльфы, могли равнодушно взирать на то, как кучка волосатых млекопитающих теснит их и обгоняет? Может, это и не было бы трагично, если бы мы были способны развить свою электронику или скопировать вашу, но для такой цели наша психозергия оказалась, увы, неприменима. И вот мы ушли от мира. Мы рассердились, зачали, упали духом. Назовите это комплексом неполноценности, если угодно, но за последние два столетия мы мало-помалу отмежевались от человечества и удалились в такие места, как Авалон...

Прентисс напряженно размышлял.

— Давайте-ка без обиняков. Вы способны вмешиваться в сознание людей?

— Безусловно.

— И могли бы стать для меня невидимкой? То есть внушить мне это гипнотически?

— Термин довольно грубый, но в принципе мог бы.

— И когда вы явились мне воочию, то сначала разблокировали мой мозг, верно?

— Отвечая на ваши мысли, не выраженные в словах: вы не спите и не бредите, и во мне нет ничего сверхъестественного.

— Мне просто хотелось удостовериться. Значит, как я понимаю, вы можете читать мои мысли?

— Разумеется. Труд довольно грязный и неблагодарный, но могу, если надо. Ваша фамилия Прентисс, и вы сочиняете рассказы о том, что считаете небывальщиной. У вас есть детишки, который в данный момент находится в так называемой школе. Я знаю о вас достаточно много.

Прентисс поморщился.

— А где расположен этот ваш Авалон?

— Вы его все равно не найдете. — Эльф сомкнул челюсти и щелкнул ими два-три раза подряд. — И не помышляйте даже о том, чтобы вызвать полицию. Вы окажетесь в сумасшедшем доме. Авалон — если уж вы надеетесь, что это вам как-то поможет, — находится в самой середине Атлантики и к тому же совершенно невидим. Когда вы, человекообразные, придумали пароходы, то взяли себе в привычку плавать очертя голову, и мы были вынуждены накрыть весь остров психозкраном.

Конечно, — продолжал эльф, — оградить себя от инцидентов мы все-таки не могли. Однажды корабль, огромный до безобразия, стукнул нас точнехонько посередине, и потребовалась психозэнергия всего населения, чтобы придать нашему острову вид айсберга. Кажется, «Титаник» — такое название было написано на борту. А нынче над нашими головами то и дело проносятся самолеты, и с ними происходят аварии. Как-то раз мы подобрали несколько ящиков гущенного молока. Тогда-то я его и попробовал.

— Ну так почему же, черт возьми, — воскликнул Прентисс, — вам не сидится на вашем Авалоне? Почему вы здесь, а не там?

— Меня выслали, — ответил эльф со злостью. — Дурачье!..

— Выслали?

— Вы же знаете, чем это пахнет, когда вы разнитесь от всех хоть на самую малость. Я не такой, как они, и бедное дурачье, слепо верующее в традиции, вознегодовало. Они приревновали ко мне. Вот оно, лучшее объяснение. Приревновали!..

— Чем же вы не такой, как они?

— Подайте мне вон ту лампочку, — сказал эльф. — Нет, просто выверните ее из патрона. Все равно в дневное время вы читаете без электричества.

Содрогнувшись от отвращения, Прентисс сделал, что было велено, и передал лампочку в лапки эльфа. Тот аккуратно, пальчиками, тонкими и гибкими, словно усики, коснулся цоколя снизу и сбоку. Нить накаливания слабо засветилась.

— Боже милостивый, — вымолвил Прентисс.

— Это, — заявил эльф гордо, — мой величайший талант. Я говорил вам, что мы, эльфы, не способны применять психозэнергию к электронике. А вот я — я способен! Я не простой эльф. Я мутант! Суперэльф! Новая ступень в нашей эволюции! Этот накал, да будет вам известно, возник лишь благодаря активности моего разума. Теперь взгляните, что получится, когда я использую ваш мозг как линзу...

И едва он произнес эти слова, лампочка раскалилась добела, на нее стало больно смотреть. Где-то внутри, глубоко под черепом, у Прентисса возникло смутное, но отнюдь не противное ощущение сродни щекотке. Лампочка погасла, и эльф положил ее на стол позади машинки.

— Я еще не пробовал, — сказал он, любуясь собой, — но подозреваю, что сумел бы даже расщепить ядро урана...

— Но постойте, чтоб зажечь лампочку, нужна энергия. Нельзя же просто взять ее и...

— Я же упоминал о психозэнергии. Великий Оберон, ну постарайся же понять, человекообразный!..

Прентисс чувствовал растущее беспокойство, но ограничился осторожным вопросом:

— И что вы намерены делать с этим вашим даром?

— Вернуться в Авалон, разумеется. Надо бы предоставить дурачье их собственной судьбе, но эльфам не чужд известный патриотизм. В том числе и мне, жесткокрылому...

— Жестко... как вы сказали?

— Мы, эльфы, не все принадлежим к одному подвиду. Я лично из породы жуков. Видите?

Он поднялся на ножки и, не покидая стола, повернулся к Прентиссу спиной. То, что казалось сплошным блестящим черным панцирем, вдруг разделилось и приподнялось, и из-под панциря высунулись прозрачные, в узорах, крылышки.

— Так вы можете летать? — изумился Прентисс.

— Ты очень глуп, — заметил эльф высокомерно, — если не соображаешь, что я слишком велик для полета. Однако они весьма привлекательны, не правда ли? Чешуекрылые, если сравнивать со мной, машут выростами грубыми и безвкусными. Хуже того, их крылья всегда развернуты.

— Чешуекрылые?.. — Прентисс окончательно растерялся.

— Те из нас, кто в родстве с бабочками. Они гордятся собой. И гордыня привела их к тому, чтобы позволить людям видеть себя и восхищаться. Потому-то ваши легенды неизменно наделяют фей крыльями бабочек, а не жуков, хотя наши куда

прозрачнее и привлекательнее. Уж мы зададим этим чешуекрылым перцу, когда вернемся обратно вместе, ты и я!

— Но позвольте!..

— Подумать только, — эльф раскатывался взад-вперед в своего рода экстазе, — наши ночные пирушки на волшебной лужайке озарит причудливое сияние неоновых трубок. Раньше мы впрягали в свои летающие тележки осиный рой — теперь мы приспособим к ним двигатели внутреннего сгорания. Когда наступало время спать, мы заворачивались в листву, — теперь мы покончим с этим дремучим обычаем и построим заводы по производству матрасов. Мы зажжем, доложу я вам! А те, кто додумался меня выслать, приползут ко мне на коленях...

— Но я не могу отправиться с вами, — заблеял Прентисс. — У меня обязательства. У меня жена и ребенок. Вы же не станете отрывать человека от его... от его детеныша? Не станете, правда?

— Я не жесток, — заявил эльф, уставив свои глазищи прямо на Прентисса. — У меня нежная душа эльфа. Тем не менее — есть ли у меня выбор? Мне необходим человеческий мозг, чтобы сфокусировать его на стоящих передо мной задачах, или я ничего не свершу. И далеко не всякий человеческий мозг пригоден для этой цели...

— Почему не всякий?

— Великий Оберон, да пойми же ты, существо! Человеческий мозг — не пассивный объект, как дерево или камень. Чтоб его можно было использовать, он должен вступить в сотрудничество. А оно возможно только в том случае, если мозг уверен, что мы, эльфы, способны им управлять. К примеру, я могу использовать твой мозг, но мозг твоей жены был бы для меня бесполезен. Понадобились бы годы, чтобы она разобралась, кто я и откуда.

— Это черт знает что! — оскорбился Прентисс. — Уж не хотите ли вы убедить меня, что я верю в сказки? Считаю своим долгом сообщить вам, что я полный рационалист.

— Неужто? Когда я явился тебе, у тебя мелькнуло было слабенькое сомненьице по части снов и галлюцинаций, но ты говорил со мной, ты принял меня как факт. Твоя жена, наверно, завизжала бы и забилась в истерику...

Прентисс молчал. Он не мог придумать никакого ответа.

— В том-то и горе, — признался эльф уныло. — Практически все вы, человекообразные, позабыли о нас с тех самых пор, как мы вас покинули. Ваши умы закрылись для нас, сделались бесполезными. Конечно, ваши детеныши еще верят в легенды о «маленьком народце», но их мозги недоразвиты и годны лишь для самых простых задач. А повзрослев, они теряют веру. Честно, я и не знаю, что бы я делал, если б не вы, сочинители фантазий...

— Что вы имеете в виду?

— Вы принадлежите к немногим взрослым, еще способным поверить в наше существование. Ты, Прентисс, более всех других. Ведь ты сочиняешь свои фантазии вот уже двадцать лет.

— Да вы рехнулись! Я вовсе не верю в то, что пишу.

— И не хочешь, а веришь. Сие от тебя не зависит. В том смысле, что если уж пишешь, то и сюжеты свои принимаешь всерьез. Один-два абзаца — и вот уже твой мозг подготовлен настолько, что способен войти в контакт. Но к чему спорить? Я же тебя использовал. Ты видел, как вспыхнула лампочка. Так что теперь тебе придется отправиться со мной...

— Но я не хочу! — Прентисс упрямо скрестил руки. — Или вы можете заставить меня против воли?

— Мог бы, но насилие, видимо, причинит тебе вред, а этого я не хочу. Предположим, будет так. Или ты отправишься со мной добровольно, или я сфокусирую ток высокого напряжения и пропущу его через твою жену. Противно прибегать к таким мерам, но, по моим сведениям, у тебя в стране принято казнить врагов государства подобным способом, так что, вероятно, такая кара не кажется тебе слишком уж отвратительной. Право, мне не хотелось бы выглядеть чрезмерно жестоким даже по отношению к человекообразному.

Прентисс почувствовал, что волосики на висках начинают слипаться от пота.

— Погодите, — произнес он, — не делайте ничего такого. Давайте еще раз все обсудим.

Эльф выпустил свои прозрачные крылышки, помахал ими, потом снова убрал под панцирь.

— Обсудим, обсудим... Утомительная болтовня! У тебя, конечно, есть молоко. Не очень-то ты радушный хозяин, если не предложил мне подкрепиться по собственному почину.

Прентисс уловил коварную мыслишку, которую постарался тут же припрятать как можно дальше, схоронить в самой глубине сознания. И произнес небрежно:

— У меня найдется кое-что получше молока. Сейчас принесу.

— Ни с места! Позови жену. Пусть она подаст.

— Но я не хочу, чтоб она вас видела. Она испугается.

— Не волнуйся, — сказал эльф. — Я управлюсь с ней так, что она не испытает ни малейшей тревоги. — Прентисс поднял было руку, однако эльф предупредил: — Учти, как бы стремительно ты ни напал, электрический ток прошьет твою жену еще быстрее...

Рука упала. Прентисс сделал шаг к дверям кабинета и позвал:

— Бланш!.. — С порога он видел жену в гостиной: она сидела в кресле подле книжного шкафа, сидела одереvenев, как бы заснув с открытыми глазами. Обернувшись к эльфу, Прентисс заметил обеспокоенно: — С ней что-то неладно...

— Я внушил ей состояние покоя. Однако она услышит тебя. Скажи ей, что делать.

— Бланш! — крикнул Прентисс погромче. — Принеси банку с гоголь-моголем и стаканчик, ладно?

Не меняя безжизненного выражения лица, жена встала и исчезла из виду, а эльф осведомился:

— Что такое гоголь-моголь?

Прентисс попытался вложить в свой ответ пылакий энтузиазм:

— Смесь молока, сахара и яиц, взбитая в нежную пену и восхитительно вкусная. Простое молоко по сравнению с ней — чистая ерунда...

Вошла Бланш с гоголь-моголем. Миловидное ее личико по-прежнему ничего не выражало. Она бросила взгляд на эльфа — но поняла ли, что видит? Бог весть...

— Пожалуйста, Ян, — сказала она, присев на старенькое кожаное кресло у окна и безвольно уронив руки на колени.

— Вы что, так ее здесь и оставите? — спросил Прентисс, глядя на жену с тревогой.

— За ней будет легче следить. Ну что же ты, предложишь мне свой гоголь-моголь?

— О, конечно! Будьте любезны!..

Он налил густую белую смесь в стаканчик для коктейлей. За два дня до того он приготовил пять таких банок для своих друзей из Нью-Йоркской ассоциации фантазеров и щедрой рукой замешал туда ром, поскольку хорошо знал, что фантазеры именно это и любят.

Антенны над глазами эльфа яростно затрепетали.

— Божественный аромат! — пробормотал он. Обнял кончиками тоненьких своих лапок стакан за доньшко, поднес ко рту. Уровень жидкости сразу упал. Допив до половины, эльф поставил стакан на стол и вздохнул: — Какая потеря для моего народа! Что за шедевр! Надо же, какие рецепты есть на свете! Историки пишут, что в давние-предавние дни наши отпрыски, кому повезет, ухитрялись подменять новорожденных человеческих детенышей с тем, чтобы вкушать парное молоко. Но сомнительно, чтобы даже они пробовали что-нибудь столь несравненное...

В душе Прентисса шевельнулся профессиональный интерес, и он не удержался от восклицания:

— Так вот в чем дело! Есть предания, что эльфы иногда подменяли детей сразу после рождения. А, оказывается, подменивши просто жаждали молока.

— Ну разумеется! Самки человекообразных одарены великим совершенством. Так почему бы им не воспользоваться?

При этом эльф обратил свой взор на вздымающуюся и опадающую грудь Бланш, а потом испустил новый вздох. Прентисс молвил — не слишком настойчиво, чтобы не выдать себя:

— Подливайте себе, подливайте! Пейте сколько хотите...

В то же время он внимательно наблюдал за Бланш, ожидая признаков ее возвращения к жизни, ожидая, что контроль со стороны эльфа вот-вот ослабнет.

— Когда твой детеныш вернется из так называемой школы? Он мне необходим.

— Скоро, скоро! — ответил Прентисс нервно, поглядывая на наручные часы: Ян-младший должен был появиться, пронзительно требуя пирога с молоком, минут через пятнадцать. Оставалось лишь повторить настойчиво: — Подливайте себе, подливайте!..

Эльф весело прихлебывал.

— Как только детеныш будет здесь, ты сможешь идти...

— Идти?

— В библиотеку и сразу обратно. Возьмешь там книги по электронике. Мне нужно усвоить, как делают телевизоры, телефоны и все такое прочее. Нужны инструкции по проволочной связи, по производству вакуумных ламп. Самые точные, Прентисс, самые подробные! Перед нами огромные задачи. Нефтепромыслы, перегонка бензина, моторы, научная агротехника. Мы с тобой построим новый Авалон. Технический. Волшебную страну по последнему слову техники. Новый, небывалый мир!..

— Великолепно! — воскликнул Прентисс. — Но не забывайте про свое питье...

— Вот видишь! Ты уже загорелся моей идеей! И ты будешь вознагражден. Получишь дюжину самок человекообразных для себя одного...

Прентисс опасливо скосил глаза на Бланш. Никаких признаков, что она что-нибудь слышала, — но кто знает?

— А какой мне прок от дюжины сам... — пробормотал он, — от дюжины женщин, я хотел сказать?

— Не прикидывайся, — отрезал эльф, — будь правдив. Вы, человекообразные, известны моему народу как распутные и лживые создания. Вот уже много поколений матери пугают вами своих малышей. Свое потомство... — Эльф поднял стакан с гоголь-моголем и, провозгласив: «За мое потомство!..», осушил его.

— Подливайте себе, — предложил Прентисс сразу же, — подливайте...

Эльф так и сделал.

— У меня будет много детей, — сообщил он. — Выберу себе самых лучших самок среди жесткокрылых и продолжу свой род. Продолжу мутацию. Сегодня я один особенный, а когда нас станет десять, двадцать, пятьдесят, я начну целенаправленное скрещивание и выведу расу суперэльфов. Расу электр... — он икнул, — электронных чудодеев, расу необозримых перспектив.. Если б я мог пить бесконечно! Нектар! Самый настоящий нектар!..

Громко хлопнула дверь внизу, и зазвенел юный голос:

— Мам! Эй, мама!..

Блестящие глаза эльфа были, пожалуй, слегка затуманены.

— Затем мы приступим, — разглагольствовал он, — к перевоспитанию человекообразных. Некоторые и сейчас верят в нас, остальных мы будем, — он опять икнул, — учить... Настанут прежние времена, только еще счастливее. Эльфократия будет становиться все совершеннее, сотрудничество все теснее...

Голос Яна-младшего прозвучал уже ближе и с оттенком нетерпения:

— Мам, эй! Тебя что, дома нет?..

Прентисс весь подобрался, казалось, собственные его глаза вот-вот лопнут от напряжения. Бланш была неподвижна. Речь эльфа стала чуть хриловата, равновесие он держал как-то неуверенно. Если Прентисс вообще собирался рискнуть, то действовать надо было сейчас, сию секунду...

— Сиди смирно, — потребовал эльф, — не валяй дурака. Что в твоём гоголь-моголе есть алкоголь, я узнал в тот же миг, когда ты задумал свой идиотский план. Вы, человекообразные, весьма и весьма коварны. Мы, эльфы, сложили немало пословиц на ваш счет. Только алкоголь на нас, к счастью, почти не действует. Вот если бы ты взял кошачью мяту и добавил к ней капелку меду... А-а, детеныш! Как поживаешь, маленький человекообразный?

Эльф застыл на столе, бокал с гоголь-моголем — на полпути к его челюстям, а Ян-младший — в дверях. Яну-младшему было десять, лицо у него было слегка измазано грязью, а волосы вострепаны. В серых его глазах читалось величайшее изумление. Потертые учебники болтались на конце ремешка, зажатого в кулаке.

— Пап! — выдохнул он. — Что с мамой? И — и что это за тварь?

Эльф повернулся к Прентиссу:

— Бегом в библиотеку! Дорога каждая минута. Какие мне нужны книги, ты знаешь...

От притворного опьянения не осталось и следа, и Прентисс окончательно упал духом. Существо играло с ним, как кошка с мышью. Он поднялся, чтобы идти.

— И без всяких человеческих штук, — предупредил эльф. — Никаких подлых фокусов. Твоя жена по-прежнему заложница. Убить ее я могу и при помощи мозга детеныша, на это его хватает. Правда, мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам. Я член Эльфетерианского общества этики, и мы выступаем за гуманное обращение с млекопитающими, так что можешь рассчитывать на мое благородство, если, конечно, будешь меня слушаться...

Прентисс ощутил неодолимое желание подчиниться приказу и, спотыкаясь, направился к двери.

— Пап, — вскричал Ян-младший, — а оно разговаривает! Оно грозит, что убьет маму! Эй, не уходи!..

Прентисс был уже за порогом, когда услышал, как эльф сказал:

— Не пялся на меня, детеныш. Я не причиню твоей матери вреда, если ты будешь делать все точно, как я велю. Я эльф, волшебник и чародей. Тебе, разумеется, известно, кто такие волшебники...

И Прентисс был уже на крыльце, когда услышал, как дискант Яна-младшего сорвался на резкий крик, а следом завопила и Бланш — раз за разом, срывающимся сопрано. Мощные, хоть и невидимые, вожди, тянувшие Прентисса из дома, вдруг повалились и исчезли. Он бросился назад, вновь обретая контроль над собой, и взлетел вверх по лестнице.

На столе лежал сплюснутый черный панцирь, из-под него капало что-то бесцветное.

— Я его стукнул, — истерически всхлипывал Ян-младший. — Стукнул своими книжками. Оно обижало маму...

Понадобился час, чтобы Прентисс понял, что нормальный мир потихоньку возвращается на место и что трещины, пробитые в реальности гостем из Авалона, мало-помалу затягиваются. Сам эльф уже превратился в горстку пепла в печи для мусора на заднем дворе, и о нем напоминало теперь лишь влажное пятно под столом.

Бланш была еще болезненно бледна. Говорили они шепотом.

— Как там Ян-младший? — спросил Прентисс.

— Смотрит телевизор.

— С ним все в порядке?

— О, с ним-то все в порядке, зато меня теперь долго будут мучить кошмары...

— Понимаю. Меня тоже, пока мы не сумеем выбросить это из головы. Не думаю, чтобы здесь еще раз появился кто-нибудь... что-нибудь подобное.

— Не могу передать тебе, — сказала Бланш, — какой я пережила ужас. Я ведь каждое его слово слышала, даже пока еще была внизу в гостиной.

— Телепатия, видишь ли...

— Просто двинуться не могла, и все. Потом, когда ты вышел, я набралась сил чуть-чуть пошевелиться. А потом Ян-младший шаркнул его, и я тотчас же освободилась. Не понимаю, как и почему.

Прентисс ощутил своеобразное мрачное удовлетворение.

— А я, пожалуй, догадываюсь, в чем дело. Я был под его контролем, поскольку допускал, что он существует на самом деле. Тебя он держал в повиновении через меня. Когда я вышел,

расстояние между нами начало возрастать, использовать мой мозг как усилитель стало труднее, и ты смогла шевельнуться. А когда я добрался до улицы, он решил, что пришла пора переключиться с моего мозга на мозг Яна-младшего. Это и была его ошибка.

— Почему ошибка? — не поняла Бланш.

— Он считал само собой разумеющимся, что дети, все без исключения, верят в эльфов и волшебников. Он заблуждался. Нынешние американские дети ни в каких эльфов не верят. Они просто никогда о них не слышали. Они верят в героев Диснея, в неустранимых сыщиков и неуловимых преступников, в Супермена и во множество других вещей, но уж никак не в эльфов. Он даже не подозревал о переменах, какие привнесли в наше сознание комиксы и телевидение, и, когда предпринял попытку завладеть мозгом Яна-младшего, она провалилась. И прежде чем он сумел восстановить свой психический баланс, Ян-младший в панике набросился на него, поскольку решил, что он делает тебе больно, — и все было кончено. Я же так всегда и говорил, Бланш! Древние фольклорные мотивы в наши дни живут исключительно в журналах, печатающих небывальщину, и издаются такие журналы только для взрослых. Наконец-то ты разобралась, что я имел в виду?

— Да, дорогой, — смиренно ответила Бланш.

Прентисс сунул руки в карманы и не спеша ухмыльнулся.

— Знаешь, Бланш, когда я в следующий раз увижусь с Уолтером Рзем, я, наверно, намекну, что согласен писать для него. Пожалуй, пришло время, чтобы соседи и впрямь узнали, чем я занимаюсь...

Ян-младший с огромным бутербродом в руке забрел в кабинет к отцу в погоне за недавним, но уже тускневшим воспоминанием. Папа то и дело похлопывал его по спине, мама совала ему пирожки и печенье, — а он уже забывал почему. Там на столе сидело какое-то чучело, умеющее разговаривать...

Но это случилось так быстро, что в памяти все перепуталось.

Пожав плечами, он глянул туда, куда ударил луч предвечернего солнца, — на лист в машинке, уже частично заполненный, затем на стопочку лежащих на столе готовых листов. Почитал немножко, скривил губу, буркнул:

— Ха! Опять чародеи. Небывальщина. Детские сказки...

И убежал на улицу.

МЕСТО, ГДЕ МНОГО ВОДЫ

Мы никогда не бываем в далеком космосе. Мало того, на нашей планете никогда не побывают обитатели иных миров — то есть больше никогда.

Собственно говоря, космические полеты вполне возможны, а обитатели иных миров уже побывали на Земле. Я это знаю точно. Космические корабли, несомненно, бороздят пространство между миллионами миров, но наших среди них никогда не будет. Это я тоже знаю точно. И все из-за одного нелепого недоразумения.

Сейчас я объясню подробнее.

В этом недоразумении виноват Барт Камерон, и, следовательно, вам надо узнать, что за человек Барт Камерон. Он шериф Твин Галча, штат Айдахо, а я его помощник. Барт Камерон — человек раздражительный, и особенно легко он раздражается, когда ему приходится подсчитывать свой подоходный налог. Видите ли, кроме того, что он шериф, он еще держит лавку, является совладельцем овцеводческого ранчо, получает пенсию как инвалид войны (у него повреждено колено) и имеет еще кое-какие доходы. Ну и, конечно, ему нелегко подсчитать, сколько с него причитается налога.

Все бы ничего, если бы только он позволил налоговому инспектору помочь ему в этих подсчетах. Но Барт желает делать все сам, а в результате становится совсем невменяемым. Когда подходит 14 апреля, лучше держаться от него подальше.

И надо же было этому летающему блюду приземлиться здесь именно 14 апреля 1956 года!

Я видел, как оно приземлилось. Я сидел в кабинете шерифа, откинувшись со стулом к стене, и глядел на звезды за окном;

The Watery Place

© 1956 by Isaac Asimov

Место, где много воды

© А. Иорданский, перевод, 1966

читать журнал мне было лень, и я взвешивал, что делать дальше: завалиться ли спать или остаться тут и слушать, как Камерон непрестанно ругается, в сто двадцать седьмой раз проверяя длинные столбики цифр.

Сначала блюдце показалось мне падающей звездочкой. Потом светящаяся полоска расширилась, раздвоилась и превратилась в нечто вроде вспышек ракетного двигателя. Блюдце приземлилось уверенно и совсем бесшумно. Даже сухой лист, падая, зашуршал бы громче. Из блюдца вышли двое.

Я лишился дара речи и окаменел. Я был не в силах произнести ни слова — даже пальцем пошевелить не мог. Не мог даже моргнуть. Я просто продолжал сидеть, как сидел.

А Камерон? Он и глаз не поднял.

Раздался стук в незапертую дверь. Она отворилась, и вошли двое с летающего блюдца. Если бы я не видел, как оно приземлилось среди кустов, я принял бы их за приезжих из большого города: темно-серые костюмы, белые рубашки и палевые галстуки, а ботинки и шляпы черные. Сами они были смуглые, с черными кудрявыми волосами и карими глазами. Вид у них был очень серьезный, а ростом каждый был в пять футов десять дюймов! Они казались похожими как две капли воды.

Черт, как я перепутался!

А Камерон только покосился на дверь, когда она отворилась, и нахмурился. В другое время он, наверное, хохотал бы до упаду, увидев такие костюмы в Твин Галче, но теперь он был так поглощен своим подоходным налогом, что даже не улыбнулся.

— Чем могу быть вам полезен, ребята? — спросил он, похлопывая рукой по бумагам, чтобы показать, как он занят.

Один из гостей выступил вперед и сказал:

— В течение долгого времени мы наблюдали за вашими сородичами.

Он старательно отчеканивал каждое слово.

— Моими сородичами? — спросил Камерон. — Нас же только двое — я и жена. Что она такое натворила?

Тот продолжал:

— Мы выбрали для первого контакта это место потому, что оно достаточно уединенное и спокойное. Мы знаем, что вы — здешний руководитель.

— Я шериф, если вы это имеете в виду, так что валяйте. В чем дело?

— Мы тщательно скопировали то, как вы одеваетесь, и даже вашу внешность.

— Значит, по-вашему, я одеваюсь вот так? — Камерон только сейчас заметил, какие на них костюмы.

— Мы хотим сказать — то, как одевается ваш господствующий класс. Кроме того, мы изучили ваш язык.

Было видно, что Камерона наконец осенило.

— Так вы, значит, иностранцы? — сказал он.

Камерон недолюбливал иностранцев, так как встречался с ними преимущественно пока служил в армии, но он всегда старался быть беспристрастным.

Человек с летающего блюдца сказал:

— Иностранцы? О да. Мы из того места, где много воды, — по-вашему, мы венерианцы.

(Я едва собрался с духом, чтобы моргнуть, но тут снова оцепенел. Я же видел летающее блюдце. Я видел, как оно приземлилось. Я не мог этому не поверить! Эти люди — или эти существа — прилетели с Венеры!)

Но Камерон и бровью не повел. Он сказал:

— Ладно. Вы — в Соединенных Штатах Америки. Здесь у всех нас равные права независимо от расы, вероисповедания, цвета кожи, а также национальности. Я к вашим услугам. Чем могу вам помочь?

— Мы хотели бы, чтобы вы немедленно связались с ведущими деятелями ваших Соединенных Штатов Америки, как вы их называете, чтобы они прибыли сюда для совещания, имеющего целью присоединение вашего народа к нашей великой организации.

Камерон медленно багровел.

— Значит, присоединение нашего народа к вашей организации! А мы и так уже члены ООН и Бог весть чего еще. И я, значит, должен вытребовать сюда президента, а? Сию минуту? В Твин Галч? Сказать ему, чтобы поторапливался?

Он поглядел на меня, как будто ожидая увидеть на моем лице улыбку. Но я был в таком состоянии, что вышиби из-под меня стул — я бы даже упасть не смог.

Человек с летающего блюдца ответил:

— Да, промедление нежелательно.

— А Конгресс вам тоже нужен? А Верховный суд?

— В том случае, если они могут помочь, шериф.

И тут Камерон взорвался. Он стукнул кулаком по своим бумагам и заорал:

— Так вот, вы мне помочь не можете, и мне некогда возиться со всякими остряками, которым взбредет в голову явиться сюда, да еще к тому же иностранцам. И если вы сейчас же не уберетесь отсюда, я засажу вас за нарушение общественного порядка и никогда не выпущу!

— Вы хотите, чтобы мы уехали? — спросил человек с Венеры.

— И сейчас же! Проваливайте туда, откуда приехали, и не возвращайтесь! Я не желаю вас здесь видеть, и никто вас здесь видеть не желает.

Те двое переглянулись — их лица как-то странно подергались. Потом тот, кто говорил до этого, произнес:

— Я вижу в вашем мозгу, что вы в самом деле желаете, и очень сильно, чтобы вас оставили в покое. Мы не навязываем себя и свою организацию тем, кто не хочет иметь дела с нами или с ней. Мы не хотим вторгаться к вам насильно, и мы улетим. Мы больше не вернемся. Мы окружим ваш мир предостерегающими сигналами. Здесь больше никто не побывает, а вы никогда не сможете покинуть свою планету.

Камерон сказал:

— Послушайте, мистер, мне эта болтовня надоела. Считаю до трех...

Они повернулись и вышли. А я-то знал, что все их слова — чистая правда. Понимаете, я-то слушал их, а Камерон — нет, потому что он все время думал о своем подоходном налоге, а я как будто слышал, о чем они думали. Я знал, что вокруг Земли будет устроено что-то вроде загородки и мы будем заперты внутри и не сможем выйти, и никто не сможет войти. Я знал, что так и будет.

И, как только они вышли, ко мне вернулся голос — слишком поздно! Я завопил:

— Камерон, ради Бога, они же из космоса! Зачем ты их выгнал?

— Из космоса? — он устался на меня.

— Смотри! — крикнул я. Не знаю, как мне это удалось — он на двадцать пять фунтов тяжелее меня, — но я схватил его за шиворот и подтащил к окну, так что у него на рубашке отлетели все пуговицы до единой.

От удивления он даже не сопротивлялся, а когда вспомнил и хотел было сбить меня с ног, то заметил, что происходит за окном, и тут уж захватило дух у него.

Эти двое садились в летающее блюдце. Блюдце стояло там же, большое, круглое, сверкающее и мощное. Потом оно взлетело. Оно поднялось легко, как перышко. Одна его сторона засветилась красновато-оранжевым сиянием, которое становилось все ярче, а сам корабль — все меньше, пока снова не превратился в падающую звезду, медленно погасшую вдали.

И тут я сказал:

— Шериф, зачем ты их прогнал? Им действительно надо было встретиться с президентом. Теперь они уже больше не вернутся.

Камерон ответил:

— Я думал, они иностранцы. Сказали же они, что выучили наш язык. И говорили они как-то чудно.

— Ах вот как! Иностранцы!

— Они же так и сказали, что иностранцы, а сами похожи на итальянцев. Ну, я и подумал, что они итальянцы.

— Почему итальянцы? Они же сказали, что они венерианцы. Я слышал — они так и сказали.

— Венерианцы? — он выпучил глаза.

— Да, они это сказали. Они сказали, что прибыли из места, где много воды. А на Венере воды очень много.

Понимаете, это было просто недоразумение, дурацкая ошибка, какую может сделать каждый. Только теперь люди Земли никогда не полетят в космос, мы никогда не доберемся даже до Луны, и у нас больше не побывает ни одного венерианца. А все из-за этого осла Камерона с его подоходным налогом!

Ведь он прошептал:

— Венерианцы! А когда они заговорили про это место, где много воды, я решил что они венецианцы!

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кларенс Римбро не имел ничего против проживания в единственном доме, имевшемся на необитаемой планете, — не больше, чем любой другой из триллиона жителей Земли.

Если бы его спросили насчет возможных возражений с его стороны, он, вне всяких сомнений, не понял бы спрашивающего и только тупо смотрел бы на него. Его дом был намного больше любого из тех домов, которые только возможны на собственно Земле, и намного современнее. При доме имелась система автономного снабжения воздухом и водой; в морозильных камерах не переводилась еда. Силовым полем здание было надежно изолировано от безжизненной планеты, приютившей его, однако комнаты располагались по соседству с фермой (застекленной, разумеется) площадью в пять акров. На ферме под благотворными лучами здешнего солнца выращивались цветы — для удовольствия и овощи — для здоровья. Здесь даже содержалось несколько цыплят. Хозяйство давало возможность миссис Римбро как-то занять себя в течение дня, а для двух маленьких Римбро оно было идеальным местом для игр, когда им надоедало сидеть дома.

Более того, если кому-то захотелось бы вдруг очутиться на собственно Земле, очень бы захотелось; если у кого-то возникла бы потребность в обществе людей или в воздухе, чтобы свободно подышать, или в воде, чтобы искупаться, — ему достаточно было лишь шагнуть за порог дома.

Так о каких трудностях могла еще идти речь?

Следует также не забывать, что на этой безжизненной планете, где располагался дом Римбро, царила мертвая тишина, лишь время от времени нарушаемая монотонными звуками ветра

с дождем. Здесь возникало чувство полной уединенности и полного, безраздельного обладания двумястами миллионами квадратных миль поверхности планеты.

Кларенс Римбро умел сдержанно, но по достоинству оценить все это. Он был бухгалтером, умеющим искусно обращаться с самыми современными моделями компьютеров и ясно осознающим свою собственную значимость. Манеры его были всегда безупречны, а одежда аккуратна; улыбка редко мелькала под его жидкими, но тщательно ухоженными усами. Когда он ехал с работы домой, то на его пути иногда попадались жилые дома на собственно Земле, и он неизменно разглядывал их с чувством некоторого самодовольства.

Что ж, определенная часть населения была попросту вынуждена жить на собственно Земле — кто-то из деловых соображений, а кто-то по причине отклонений в умственном развитии. Тем хуже для них. В конце концов, почва собственно Земли вынужденно снабжала минералами и основными запасами пищи целый триллион жителей (а через пятьдесят лет их будет два триллиона), и жизненное пространство ценилось здесь выше номинала. Поэтому дома на собственно Земле и не могли строиться более внушительных размеров, а людям, которые вынужденно проживали в них, приходилось мириться с этим фактом.

Даже сам процесс того, как Римбро входил в свой дом, доставлял ему удовольствие. Каждый раз, когда он входил в здание общественного преобразователя, абонентом которого являлся (по внешнему виду сооружение напоминало усеянный пнями обелиск — впрочем, как и все подобные сооружения), то там он неизменно встречал других людей, ожидающих своей очереди воспользоваться преобразователем. И пока подходила его очередь, прибывали все новые и новые люди. Это было время дружеских общений.

«Как там на твоей планете?» — «А на твоей?» Обычная легкая беседа. Иногда с кем-либо случалась неприятность: поломка механизма или взбесившаяся погода, что вело к неблагоприятному изменению рельефа. Правда, не так часто.

Но это помогало скрашивать время ожидания. Затем подходила очередь Римбро. Он вставлял в паз свой ключ. Перфорировалась нужная комбинация. И преобразователь вытаскивал его в новую вероятностную модель мира. В ту, что была предназначена ему, когда он женился и стал продуктивным гражданином. В ту вероятностную модель, в которой жизнь на Земле не получила развития. И, пройдя через преобразователь на эту единственную в своем роде безжизненную Землю, он входил прямо в вестибюль собственного дома.

Таким вот образом.

Его никогда не волновало то, что он живет в другой вероятности. Да и зачем ему волноваться? Он никогда не задумывался

Living Space

© 1956 by Isaac Asimov

Жизненное пространство

© Издательство «Полярис», перевод, 1996

над этим. Существовало бесконечное число потенциальных планет Земля. Каждая занимала свою нишу и представляла из себя свою вероятностную модель. По подсчетам выходило, что вероятность зарождения жизни на таких планетах, как Земля, составляла пятьдесят случаев из ста. Отсюда следовало, что половина из возможных Земель (а значит, бесконечное их количество, поскольку половина бесконечности равна бесконечности) обладает жизнью и половина (такое же бесконечное количество) не обладает. А проживание на почти трехстах миллиардах неосвоенных Земель означало триста миллиардов семей, каждая из которых владела собственным красивым домом, использующим энергию солнца той вероятности, в которой они жили; означало покой, в котором пребывала каждая семья. К числу Земель, обживаемых таким образом, каждый день прибавлялись миллионы новых.

Однажды, когда Римбро вернулся с работы и только-только переступил порог дома, Сандра (его жена) сказала ему:

— Я слышала какой-то очень странный шум.

Брови Римбро удивленно взметнулись, и он пристально посмотрел на жену. Она выглядела вполне обычно, если не считать легкой дрожи тонких пальцев и бледности, разлившейся в углах плотно сжатого рта.

— Шум? Какой шум? — спросил Римбро, продолжая держать свое пальто в руках, позабыв, что хотел отдать его сервроботу, который застыл в терпеливом ожидании. — Я ничего не слышу.

— Сейчас он уже прекратился, — сказала Сандра. — Я действительно слышала. Звуки были какие-то бухающие, громыхающие. Немного вот так пошумит, потом прекращается. Потом снова немного пошумит, и так все время. Ничего подобного я никогда не слышала.

Римбро отдал пальто.

— Но это совершенно невозможно.

— Однако я слышала этот шум.

— Пойду осмотрю механизмы, — пробормотал он. — Возможно, что-то вышло из строя.

На его, бухгалтеря, взгляд, все было в норме, и, пожав плечами, он отправился ужинать. Он прислушался к гудению деловито суетившихся сервроботов, занятых своей работой по хозяйству, понаблюдав за одним из них, убирающим со стола посуду и столовые приборы для отправки их в утилизатор и регенератор, и, поджав губы, проговорил:

— Скорее всего разладился один из сервроботов. Надо будет проверить их.

— Нет, Кларенс, шум был совсем иного характера.

Римбро отправился спать, выбросив из головы всякие мысли о шуме

Он проснулся оттого, что рука жены вдруг стиснула его плечо. Он автоматически потянулся к выключателю — и стены налились ровным светом.

— Что случилось? Сколько сейчас времени?

Она покачала головой:

— Слушай! Слушай!

О Боже, подумал Римбро, действительно что-то шумит. Можно сказать, даже грохочет, причем довольно отчетливо. Начавшись, грохот не прекращался.

— Землетрясение? — прошептал он.

На Земле, конечно же, не без этого, но, имея возможность выбирать из целой планеты любое место для жилья, они были вправе рассчитывать на более удачный выбор, чтобы избежать поселения на местности с какими-либо дефектами.

— Весь день напролет? — с раздражением спросила Сандра. — Думается мне, что это нечто иное. — А затем она облекла в слова скрытый страх всех боязливых домовладельцев: — Мне кажется, что мы не одни на этой планете. Эта Земля обитаема.

Римбро поступил разумно. С наступлением утра он отвел жену и детей к теще. А сам взял на работе отгул и поспешил в Жилищное бюро отдела.

Он был крайне раздосадован всем этим.

Билл Чинг был веселым, жизнерадостным человеком маленького роста, который гордился тем, что в его жилах текла толика крови монгольских предков. Он считал, что вероятностные модели разрешили все насущные проблемы человечества. Алек Мишнф, тоже из Жилищного бюро, думал иначе: он не сомневался, что вероятностные модели служат ловушкой, в которую безнадежно попало введенное в соблазн человечество. Поначалу он специализировался в археологии и изучил множество древних предметов, которыми все еще была забита его изящно посаженная голова. Несмотря на властные брови, его лицу удавалось сохранить нежное выражение. В его душе вынашивалась мысль, о которой он до сих пор не осмеливался рассказать никому, хотя увлеченность ею увела его когда-то из археологии в область жилищных вопросов.

Чинг любил повторять: «К черту Мальтуса*», и это его выражение стало своего рода словесным клеймом, его отличительным знаком.

— К черту Мальтуса! Мы теперь никогда не дойдем до состояния перенаселенности. С какой бы скоростью мы ни множились, число *homo sapiens* всегда будет конечно, в то время как количество необитаемых Земель останется бесконечным.

* Мальтус (1766—1834) — английский экономист и священник, автор книги «Опыт о законе народонаселения» Нищету масс он объяснял быстрым ростом населения (Здесь и далее примеч пер.)

И нам вовсе не обязательно на каждой планете размещать по одному дому. Мы можем разместить там сотню, тысячу, миллион домов. Места вдоволь, как вдоволь и энергии вероятностного солнца.

— Больше одного дома на планету? — с кислым видом вопрошал Мишнофф.

Чинг знал, о чем тот говорит. Когда вероятностные модели стали только-только входить в употребление, то для ранних поселенцев мощным стимулом являлось единоличное владение планетой. Ведь это как нельзя лучше отвечало запросам мещанина и деспота, которые живут в душе каждого. «Кто из людей настолько беден, — гласил рекламный призыв, — чтобы не стать обладателем империи, по размерам превосходящей империю Чингисхана?» Внедрить сейчас принцип множественности поселений означало бы бросить всем вызов.

— Ну хорошо, — говорил Чинг, пожимая плечами. — Может стать и так, что потребуются психологическая подготовка. И что? Именно с этого вообще и надо было все начинать.

— А пища? — спрашивал Мишнофф.

— Тебе известно, что в некоторых вероятностных моделях мы возводим гидропонные сооружения и разводим дрожжевые клетки. И если придется, мы сумели бы культивировать почву этих планет.

— Облачаясь в скафандры и дыша ввозимым кислородом.

— Кислород мы могли бы получать путем разложения двуокиси углерода — пока растения не пойдут в рост, а там уж они сами сделают всю работу.

— За миллион лет.

— Мишнофф, твой недостаток в том, что ты прочитал слишком много книг по древней истории, — замечал Чинг. — Ты — обструкционист.

Впрочем, Чинг был слишком добродушен, чтобы действительно думать такое про Мишноффа, и тот продолжал читать книги и проявлять беспокойство. Мишнофф страстно мечтал о том дне, когда он смог бы набраться храбрости, чтобы пойти к руководителю отдела и выложить как на духу все, что тревожит его, — вот так: бац, и готово!

Ну а сейчас перед ними находился некий мистер Кларенс Римбро, слегка потеющий и имеющий крайне сердитый вид от того, что ему пришлось потратить чуть ли не два дня, чтобы добраться в такую даль до этого бюро.

Он достиг кульминационного пункта в своем изложении, сообщив: «А я говорю, что планета обитаема, и я не собираюсь мириться с этим».

Вслушав его рассказ до конца, Чинг сделал попытку как-то успокоить его.

— Возможно, подобный шум связан с каким-либо природным явлением, — сказал он.

— Что еще за природное явление? — ринулся в атаку Римбро. — Я требую расследования. Если это природное явление, то я хочу знать, какого оно рода. Я настаиваю, что моя планета обитаема. Богом клянусь, на ней существует жизнь, а я выплачиваю арендную плату не для того, чтобы делиться с кем-то моей планетой. Даже с динозаврами, если судить по звукам.

— Успокойтесь, мистер Римбро. Как долго вы проживаете на вашей Земле?

— Пятнадцать с половиной лет.

— Встречались ли вам за это время хоть какие-то признаки жизни?

— Они сейчас встречаются, и я как гражданин с высокой степенью продуктивности, классифицированной по категории А-1, настоятельно требую расследования.

— Конечно же, мы все расследуем, сэр. А сейчас мы хотим просто уверить вас, что все в порядке. Вы знаете, как тщательно мы подбираем свои вероятностные модели?

— Я — бухгалтер. Так что имею довольно неплохое представление об этом, — выпалил Римбро.

— В таком случае для вас, вероятно, не секрет, что наш компьютер не может подвести. Выбор никогда не остановится на той вероятности, которая избиралась прежде. Это просто невозможно. По этой причине выбор падает только на те вероятностные модели, в которых Земля обладает атмосферой из двуокиси углерода и где растительная жизнь, а следовательно, и животная никогда не получали развития. Потому что с появлением растительности двуокись углерода стала бы разлагаться, а при его разложении активно выделяется кислород. Вы понимаете?

— Я прекрасно все понимаю, однако я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать лекции, — отрезал Мишнофф. — От вас мне нужно только расследование, и больше ничего. Мне оскорбительна сама мысль, что я могу разделять свой мир, свой собственный мир, еще с кем-то или чем-то, и я не потерплю этого.

— Нет, конечно же, нет, — пробормотал Чинг, избегая сардонического взгляда Мишноффа. — Мы будем у вас еще засветло...

Нагруженные всем необходимым оборудованием, они держали путь к зданию, где располагался преобразователь.

— Хочу тебя спросить кое о чем, — произнес Мишнофф. — К чему ты соблюдаешь эти формальности типа: «Не стоит беспокоиться, сэр»? Они все равно всегда беспокоятся. Чего ты этим добиваешься?

— Мне нужно было попробовать. Они не должны беспокоиться, — нетерпеливо ответил Чинг. — Разве ты когда-либо

слышал о двууглекислоуглеродной планете, которая была бы обитаемой? Кроме того, Римбро относится к тому типу людей, которые распространяют слухи. Таких я сразу распознаю. К тому времени как он справится со своими нынешними волнениями, он, если потворствовать ему, заявит, что его солнце выродилось в новую звезду.

— Иногда случается и *такое*, — заметил Мишнофф.

— И что с того? С лица Земли исчезает один дом, и одна семья погибает. Видишь, ты действительно обструкционист. В древние времена — те, которые тебе нравятся, — случись в Китае или каком-либо другом месте наводнение, погибли бы тысячи людей. И это при населении в жалкий миллиард или два.

— Откуда тебе известно, что на планете Римбро нет жизни? — проворчал Мишнофф.

— Двууглекислоуглеродная атмосфера.

— Но предположим... — Бесполезно. Мишнофф так и не осмелился высказать свою мысль и, запинаясь, закончил: — Предположим, что растительная и животная жизнь каким-то образом все-таки получают свое развитие в двууглекислоуглеродной атмосфере.

— Такого пока нигде не наблюдалось.

— В бесконечности миров... всякое может случиться. — Он закончил шепотом: — Должно случиться.

— Раз на дуодециллион*, — обронил Чинг, пожимая плечами.

Прибыв наконец в преобразовательный пункт и воспользовавшись грузовым преобразователем, они отослали свою машину (прямо на стоянку Римбро). А вслед за машиной и сами вошли в вероятностную модель Римбро. Сначала Чинг, затем Мишнофф.

— Красивый дом, — с удовлетворением заметил Чинг. — Очень красивый образец. Хороший вкус.

— Слышишь что-нибудь? — спросил Мишнофф.

— Нет.

Чинг неторопливо прошел в сад.

— Эй! — крикнул он. — Краснокожие Род-Айленда.

Поглядывая на стеклянную крышу, Мишнофф последовал за ним. Солнце выглядело точно так же, как и на триллионе других Земель.

— Здесь была бы вполне вероятна растительная жизнь на стадии зарождения, — рассеянно произнес он. — Возможно, сейчас происходит постепенное выпаривание двууглекислого углерода. Компьютер вряд ли узнает об этом.

* Дуодециллион составляет $12 \cdot 10^{33}$.

— А чтобы зародилась животная жизнь, понадобится, по-видимому, миллион лет, и еще миллион лет, чтобы она вышла из океана.

— Не обязательно. Эта модель может развиваться своим путем.

Чинг положил руку на плечо компаньона.

— Все это пустые измышления. Когда-нибудь ты мне расскажешь, что тебя беспокоит на самом деле, вместо того чтобы просто намекать. Тогда мы сможем помочь тебе разобраться в собственных мыслях.

Досадливо хмурясь, Мишнофф увернулся от обнимавшей его руки. Терпимость Чинга всегда действовала ему на нервы.

— Давай обойдемся без психотерапии... — начал было он, но внезапно замолчал. — Слушай! — прошептал он затем.

До них донесся отдаленный рокошущий звук. Звук повторился.

Они установили в центре помещения сейсмограф и активировали силовое поле, которое проникало глубоко вниз и было накрепко связано со скальным основанием. Оба наблюдали за дрожащей стрелкой, регистрирующей толчки.

— Одни поверхностные волны, — проговорил Мишнофф. — Очень неглубокие. Источник колебаний явно не подземный.

Чинг заметно приуныл.

— Тогда что же это может быть?

— Думаю, — сказал Мишнофф, — что хорошо бы нам выяснить это. — От дурных предчувствий его лицо посерело. — Нам придется взять еще один сейсмограф и разместить его в другом месте. Тогда мы сможем определить очаг возмущения.

— Разумеется, — отозвался Чинг. — Я выйду наружу с другим сейсмографом, а ты оставайся здесь.

— Нет, — решительно произнес Мишнофф. — Наружу пойду я.

Мишноффом владел страх, но у него не было выбора. Если шум связан с *тем самым*, то он психологически готов к этому. Он бы сумел передать предупреждение. Появление снаружи ни о чем не подозревающего Чинга имело бы гибельные последствия. Предупредить Чинга он тоже не мог, потому что тот, несомненно, никогда не поверит ему.

Поскольку Мишнофф был человеком вовсе не героического склада, его охватила дрожь. Он дрожал, когда забирался в кислородный скафандр и неловко возился с дезинтегратором, пытаясь локально разрушить силовое поле, чтобы освободить себе запасной выход.

— Почему ты так хочешь выйти? У тебя есть какая-либо веская причина? — спросил Чинг, наблюдая за неловкими действиями напарника. — А то я бы с удовольствием.

— Все в порядке. Я выхожу, — произнес Мишнофф, выталакивая слова из пересохшего горла, и шагнул в тамбур, из которого лежал путь на пустынную поверхность безжизненной Земли. Предположительно безжизненной Земли.

Пейзаж, представший перед глазами Мишноффа, был ему не в диковину. Такое он видел уже сотню раз. Голые скалы в лощинах, выветрившиеся под воздействием ветра и дождя, покрытые коркой и припудренные песком. Маленький звонкий ручеек, бьющийся о каменистое дно своего русла. Пейзаж выдержан в коричневых и серых тонах, зеленого нет и в помине. И ни единого звука, издаваемого живым существом.

Тем не менее солнце было тем же, и теми же, вероятно, были созвездия, когда наступала ночь.

Место поселения располагалось в том районе, который на собственно Земле назывался бы Лабрадором. (И здесь тоже был Лабрадор, самый настоящий. По подсчетам, значительные изменения в геологическом развитии Земли наблюдались крайне редко — один случай из квадрильона или около того. Континенты вплоть до мельчайших деталей были повсюду вполне узнаваемы.)

Несмотря на местоположение и время года — октябрь, погода была жаркой и влажной. Чувствовалось, что на мертвой атмосфере этой Земли сказывался тепличный эффект двууглекислого углерода.

Мишнофф подавленно смотрел на все это сквозь прозрачное стекло шлема. Если эпицентр шума находился бы где-то поблизости, то для его определения было бы достаточно установить второй сейсмограф примерно в миле отсюда. Если же нет, то придется воспользоваться воздушным скутером. Итак, для начала разберемся с менее сложным вариантом.

Тщательно выверяя каждое движение, он стал подниматься по каменистому склону горы. На вершине он бы сумел выбрать нужное место.

Мишнофф поднялся на вершину, пытая и страдая от мучительной липкой жары, и обнаружил, что ему не придется что-либо выбирать.

Его сердце колотилось так громко, что когда он крикнул в радиомикрофон, то едва расслышал свой голос:

— Эй, Чинг, здесь вовсю идет какое-то строительство!

— Что? — ударил по барабанным перепонкам вернувшийся изумленный возглас, полный смятения.

Ошибки не было. Разравнивалась земля. Работали механизмы. Врывались скалы.

— Ведутся взрывные работы! — вскричал Мишнофф. — Отсюда и шум.

— Но это невозможно! — закричал в ответ Чинг. — Компьютер никогда бы не выбрал дважды одну и ту же вероятностную модель. Он бы не смог.

— Ты не понимаешь... — начал Мишнофф.

Но Чинг следовал фарватером лишь собственных мыслей:

— Давай закрутись там, Мишнофф. Я иду к тебе.

— Нет, черт возьми! Оставайся там! — встревоженно закричал Мишнофф. — Держи со мной связь по радио и, Бога ради, будь готов срочно вернуться на собственно Землю, как только я скажу.

— Почему? — спросил Чинг. — Что происходит?

— Пока не знаю, — признался Мишнофф. — Предоставь мне возможность выяснить это.

К своему удивлению, он заметил, что зубы его стучат.

Шепотом посылая проклятия по адресу компьютера, вероятностных моделей и ненасытной потребности триллиона человеческих существ в жизненном пространстве, размножающихся словно на дрожжах, Мишнофф поскользнулся и покатился вниз по противоположному склону. Перестук сорвавшихся следом камешков создавал своеобразное эхо.

Навстречу ему вышел человек, одетый в газонепроницаемый скафандр, который хотя во многом и отличался от скафандра Мишноффа, но явно предназначался для той же цели — обеспечивать легкие кислородом.

— Постой, Чинг, — напряженно выдохнул в микрофон Мишнофф. — Ко мне направляется какой-то человек. Держи связь. — Мишнофф почувствовал, как утихает бешеный стук его сердца, а мехи легких начинают работать в более спокойном ритме.

Оба смотрели друг на друга. Стоявший напротив человек был светловолос. Удивление, написанное на грубоватом лице, было слишком велико, чтобы счесть его за притворство.

— Wer sind Sie?* — спросил тот резким голосом. — Was machen Sie hier?***

Мишнофф стоял словно громом пораженный. Когда он еще собирался стать археологом, то целых два года изучал древний немецкий язык, и поэтому сейчас легко уловил смысл сказанного, хотя произношение было не таким, какому его учили. Незнакомец интересовался его личностью и его здешними делами.

Ошеломленный, Мишнофф с трудом выговорил: «Sprechen Sie Deutsch?» — тут же ему пришлось шепотом успокаивать Чинга, чей взволнованный голос, сотрясая наушники, требовал разъяснить всю эту тарабарщину.

Германоязычный, не ответив на вопрос прямо, повторил.

* Кто вы? (нем.)

** Что вы здесь делаете? (нем.)

— Wer sind Sie? — и нетерпеливо добавил: — Hier ist fur ein verruckten Spass keine Zeit*.

Мишнорфф тоже был не расположен к шуткам, особенно глупым, но продолжал:

— Sprechen Sie Planetisch?*

Он не знал, как сказать по-немецки «литературный планетарный язык», поэтому был вынужден прибегнуть к приближенному переводу. Ему на ум пришла запоздалая мысль, что следовало бы, наверное, назвать этот язык прямо по-английски.

Незнакомец смотрел на него округлившимися глазами:

— Sind Sie wahnsinnig?***

Мишнорфф уже почти согласился было с этим определением, но в робкой попытке самозащиты произнес:

— Я не сумасшедший, черт возьми. Я хочу сказать: Auf der Erde woher Sie gekom...****

Знания немецкого явно не хватало, и он сдался. Но мысль, которая недавно пришла ему в голову и не давала ему покоя, продолжала мучить его. Ему было просто необходимо найти какой-то способ, чтобы проверить свою догадку.

— Welches Jahr ist es jetzt?*****

Незнакомец уже интересовался состоянием его психического здоровья и теперь, когда ему задали вопрос о годе, наверняка убедится в явном нездоровье пришельца. Но это был единственный вопрос, на который Мишнорффу хватило его немецкого.

Его собеседник пробормотал какую-то фразу, подозрительно смахивающую на крепкое немецкое ругательство, а затем довольно внятно произнес:

— Es ist doch zwei tausend drei hundert vier-und-sechzig, und warum...*****

За этим последовал стремительный поток немецких фраз, из которых Мишнорфф не смог понять ни единой. Но ему было достаточно и того, что он услышал.

Если он правильно перевел с немецкого, то незнакомец упомянул 2364 год, который остался в прошлом почти две тысячи лет тому назад. Как такое могло произойти?

— Zwei tausend drei hundert vier-und-sechzig?***** — глухо переспросил он.

*Кто вы? Здесь не время для всяких дурацких шуток (нем.)

**Говорите ли вы по-планетянски? (нем.)

***Вы — сумасшедший? (нем.)

****На эту Землю откуда вы при. (нем.)

*****Какой сейчас год? (нем.)

*****Разумеется, две тысячи триста шестьдесят четвертый год, но почему. (нем.)

*****Две тысячи триста шестьдесят четвертый? (нем.)

— Ja, ja, — саркастически ответили ему. — Zwei tausend drei hundert vier-und-sechzig. Der ganze Jahr lang ist es so gewesen*.

Мишнорфф пожал плечами. Утверждение, что так было весь год подряд, вовсе не показалось ему смешной остротой даже на немецком, а уж о переводе и говорить нечего. Он погрузился в размышления.

Германоязычный продолжал говорить, и в его голосе усиливались иронические нотки:

— Zwei tausend drei hundert vier-und-sechzig nach Hitler. Hilft das Ihnen vielleicht? Nach Hitler**.

— Еще как поможет! — радостно вскрикнул Мишнорфф. — Es hilft! Horen Sie, bitte...*** — Он продолжал говорить на ломаном немецком, вкрапляя в него обрывки планетарного: — Бога ради, um Gottes willen...****

Если отсчитать 2364 года от Гитлера, все равно получался другой год.

Безнадежно путаясь, он мучительно складывал немецкие слова, пытаясь объясниться.

Нахмурясь, незнакомец задумался. Он машинально поднес к подбородку руку в перчатке, чтобы по привычке погладить его или сделать похожий жест, но, наткнувшись на прозрачное стекло шлема, закрывавшее лицо, так же машинально опустил ее.

— Ich heiss George Fallenby***** — сказал он внезапно.

Имя, как показалось Мишнорффу, было англосаксонского происхождения — даже несмотря на то что незнакомец своим произношением сильно изменил его, придав ему вид тевтонского имени.

— Guten Tag, — неловко поздоровался Мишнорфф. — Ich heiss Alec Mishnoff*****. — Только сейчас ему вдруг открылось, что его собственное имя — славянского происхождения.

— Kommen Sie mit mir, Herr Mishnoff***** — проговорил Фалленби.

Вымученно улыбаясь, Мишнорфф последовал за ним и негромко передал по радио:

— Все в порядке, Чинг. Все в порядке.

Вернувшись на собственно Землю, Мишнорфф встретился с руководителем бюро отдела, который, можно сказать, буквально

*Да, да. Две тысячи триста шестьдесят четвертый. И так было целый год (нем.).

**Две тысячи триста шестьдесят четвертый год гитлеровской эры. Быть может, это вам поможет? Гитлеровской эры! (нем.)

***Помогает! Послушайте, пожалуйста... (нем.)

****Ради Бога.. (нем.)

*****Меня зовут Георг Фалленби (нем.).

*****Добрый день. Меня зовут Алек Мишнорфф (нем.).

*****Пойдемте со мной, господин Мишнорфф (нем.).

состарился на службе. Каждый его седой волосок означал успешно разрешенную проблему, которая когда-либо встречалась на его пути; а каждый выпавший волосок — предотвращенную драму. Он был осторожным человеком и никогда не поступал опрометчиво. Его глаза были все еще по-юношески яркие, а зубы — до сих пор собственные. Звали его Берг.

Он покачал головой:

— Значит, они разговаривали по-немецки. Но на немецком, который ты изучал, изъяснялись две тысячи лет тому назад.

— Верно, — согласился Мишнофф. — Но тому английскому, на котором говорил Хемингуэй, тоже две тысячи лет, и тем не менее все могут читать на нем, поскольку планетарный язык весьма схож с английским.

— Хм-м. А кто такой этот Гитлер?

— В древности он был кем-то вроде вождя племени. Он вверх свое германское племя в одну из войн двадцатого столетия — как раз незадолго до начала Атомной эры и подлинной истории.

— Ты имеешь в виду — до Опустошения?

— Точно. Потом последовала целая серия войн. Англосаксонские страны одержали победу, и в ней я вижу причину того, почему языком Земли является планетарный.

— Значит, если бы выиграл Гитлер со своими германцами, то весь мир говорил бы вместо планетарного на немецком?

— Они и победили на Земле Фалленби, сэр, и язык, на котором говорят их мир, — немецкий.

— И время свое они отсчитывают «от Гитлера» вместо A.D.*?

— Ну да. А еще, я полагаю, существует Земля, где победили славянские племена и все говорят по-русски.

— Так или иначе, — произнес Берг, — мы, очевидно, должны были предвидеть это, однако никто, насколько мне известно, об этом даже не подумал. В конце концов, существует бесконечное множество обитаемых Земель, и мы не можем быть единственными, кто видит разрешение проблемы безграничного роста населения в освоении вероятностных миров.

— Все верно, — серьезно сказал Мишнофф, — а еще мне кажется, что если об этом думаете вы, то тем самым занимаются и в бесконечном множестве обитаемых Земель. Я подозреваю, что освоенные нами триста миллиардов Земель уже освоены многократно. Мы по чистой случайности стали свидетелями одного из таких повторных освоений и то только потому, что те решили начать стройку меньше чем в миле от дома, который мы уже возвели там. Так вот именно это мы и должны проконтролировать.

— Ты намекаешь на то, что нам следует обследовать все наши Земли?

* Anno domini (лат.), от Рождества Христова

— Именно так, сэр. Нам придется заселять новые Земли не единолично, но совместно с другими обитаемыми Землями. В конце концов, места хватит всем, а освоение без соглашения чревато разного рода неприятностями и конфликтами.

— Да, — задумчиво произнес Берг. — Я согласен с тобой.

Кларенс Римбро с подозрением уставился на морщинистое лицо старого Берга, лучившееся всеми оттенками благожелательности.

— Вы теперь точно знаете?

— Абсолютно, — подтвердил руководитель Бюро. — Приносим свои извинения за то, что вам пришлось принимать временных постояльцев в течение последних двух недель...

— Больше трех.

— ...трех недель, но вы получите компенсацию.

— Что это был за шум?

— Чисто геологического происхождения, сэр. Один из камней слегка раскачивался и, когда дул ветер, иногда касался других камней на склоне горы. Мы убрали его и тщательно осмотрели местность, чтобы удостовериться, что впредь ничего подобного не произойдет.

Римбро взялся за шляпу.

— Ну что ж, спасибо за ваши заботы.

— Не стоит благодарности, уверяю вас, мистер Римбро. Это наша работа.

Кларенса Римбро проводили до выхода, и Берг повернулся к Мишноффу, который молча наблюдал за завершением дела Римбро.

— Во всяком случае, — произнес Берг, — немцы проявили большой такт в этом деле. Они признали наш приоритет и отбыли к себе. Мест предостаточно — были их слова. Еще бы! Как выяснилось, в любом из неосвоенных миров они возводят не одно жилье, а столько, сколько понадобится... Вот план обследования остальных наших миров и заключения соглашения с теми, кого мы там обнаружим. Все это, конечно, тоже строго конфиденциально. Совершенно недопустимо, чтобы широкие массы населения узнали об этом, не будучи как следует подготовленными... Однако я бы хотел поговорить с тобой не на эту тему.

— Вот как? — произнес Мишнофф.

Смена темы разговора, похоже, не доставила ему особого удовольствия. Ему все еще не давала покоя одна мысль, ворочавшаяся в мозгу тяжелым комком нехорошего предчувствия.

Берг улыбнулся молодому человеку:

— Понимаешь, Мишнофф, мы в Бюро — как, впрочем, и в Планетарном правительстве — по достоинству оценили быстроту

твоего мышления и понимание ситуации. Если бы не ты, все могло окончиться очень трагично. Наша признательность вскоре обретет и вполне материальную форму.

— Благодарю вас, сэр.

— Но, как я уже сказал, об этом следовало бы задуматься в первую очередь многим из нас. Как получилось, что именно тебе пришли в голову такие мысли?.. Давай немного вернемся к истории событий. Твой коллега Чинг рассказал нам, что ты ему еще раньше намекал на некую серьезную опасность, связанную с нашей системой вероятностных моделей, и что ты настаивал на том, чтобы самому выйти наружу навстречу немцам, хотя и был явно напуган. Ты ведь ожидал увидеть там то, что действительно увидел, не так ли? Но почему?

— Нет, нет, — смутился Мишнофф. — Мне и в голову не приходило. Все случилось так внезапно. Я...

Неожиданно он исполнился решимости. Почему бы не сейчас? Они ведь выразили ему свою благодарность. Он доказал, что заслуживает их внимания. Одно из непредвиденных событий уже произошло.

— Есть еще нечто, — решительно произнес он.

— Да?

(С чего же все началось?)

— Во всей Солнечной системе жизнь существует только на Земле.

— Все верно, — благосклонно заметил Берг.

— Расчеты показывают, что вероятность развития любых форм межзвездных перелетов настолько мала, что ее можно приравнять к нулю.

— К чему ты клонишь?

— Все сказанное относится лишь к *этой вероятности*! Но должны же быть и другие вероятностные модели, где в Солнечной системе все же существуют иные формы жизни — так же, впрочем, как и в других звездных системах, обитатели которых пролагают все новые и новые маршруты между звездами.

Берг нахмурился:

— Теоретически.

— В одной из этих вероятностей их разведчики могут посетить Землю. Если они попадут в ту вероятностную модель, где Земля обитаема, то нас это не затронет и собственно Земля окажется вне сферы их зрения. Но если они попадут в ту вероятностную модель, где Земля необитаема, и развернут на ней свою базу или что-то вроде этого, то они могут случайно обнаружить одно из наших поселений.

— Почему наших? — сухо спросил Берг — Почему не поселение цемцев, к примеру?

— Потому что на один мир у нас приходится по одному поселению. А вот немцы так не поступают — их Земля иная. Возможно, очень немногие делают так, как мы. Так что можно ставить миллиарды против одного, что инопланетяне первыми обнаружат именно нас. И если это все же произойдет, они так или иначе найдут дорогу, по которой можно попасть на собственно Землю — в высокоразвитый богатый мир.

— Не попадут, если мы отключим преобразователь, — заметил Берг.

— Стоит им узнать о существовании преобразователей, и они постараются сконструировать свои собственные, — сказал Мишнофф. — Цивилизация, которая настолько разумна, что способна совершать перелеты в космосе, сумеет сделать это, а аппаратура в захваченном ими доме поможет им легко выйти на нашу собственную вероятность... И как нам потом договариваться с инопланетянами? Они — не немцы и не обитатели других Земель. У них, очевидно, совсем иные, чужие психология и мотивация поступков. А мы даже не принимаем никаких мер предосторожности. Мы спокойно продолжаем включать в свою систему все новые и новые миры, с каждым днем увеличивая шансы на...

От волнения его голос сорвался на крик, и Берг тоже закричал, обращаясь к нему:

— Чепуха! Это же просто смехотворно...

Раздался сигнал зуммера. На засветившемся экране передатчика появилось лицо Чинга.

— Извините, что прерываю вас, но... — послышался его голос.

— В чем дело? — вне себя рявкнул Берг.

— Здесь какой-то человек, и я не знаю, что с ним делать. Он пьян или сумасшедший. Он жалуется, что его дом окружен и какие-то существа заглядывают через стеклянную крышу его сада.

— Существа? — вскричал Мишнофф.

— Фиолетовые существа с большими красными венами, тремя глазами, а вместо волос у них что-то вроде щупалец. А еще у них есть...

Но Мишнофф и Берг уже не слышали остального. Они смотрели друг на друга, объятые смертельным ужасом.

ПОСЛАНИЕ

Они пили пиво и предавались воспоминаниям, как и все мужчины, встретившиеся после долгой разлуки. Они воскрешали в памяти дни, проведенные под обстрелом. Они вспоминали сержантов и девочек, присочиняя в своих рассказах о тех и других. В воспоминаниях о прошлом страшные события тех дней казались забавными, и в памяти перебирались и извлекались наружу для проветривания детали, словно старые вещи, пролежавшие в забвении целых десять лет.

Включая, конечно, и вечную тайну.

— Как ты объяснишь ее? — спросил первый. — Кто ее начал? Второй пожал плечами:

— Никто не начинал. Просто все болели ею. И ты, полагаю, тоже.

Первый издал смешок.

— Мне она никогда не казалась смешной, — мягко произнес третий. — Может быть, потому, что впервые я столкнулся с ней, когда попал под первый в своей жизни обстрел. Северная Африка.

— Правда? — полюбопытствовал второй.

— Это была моя первая ночь на берегу близ Орана. Я искал укрытие где-нибудь в местной хижине и внезапно увидел ее в свете яркой вспышки...

Джордж был вне себя от радости. Два года бюрократических проволочек — и он наконец-то в прошлом. Теперь он сможет дополнить свою статью о быте пехотинцев во второй мировой войне некоторыми подлинными фактами.

The Message

© 1955 by Isaac Asimov

Послание

© Издательство «Полярис», перевод, 1996

Из скучного и пресного тридцатого века, лишенного остроты военных событий, он на один миг — всего лишь один, но восхитительный и незабываемый — очутился в самом разгаре напряженнейшей драмы, разыгрывающейся в воинственном двадцатом.

Северная Африка! Место, где произошла первая с начала войны крупная высадка морского десанта! Как точно выбраны время и точка на местности физиками-темпоральщиками, просканировавшими всю зону! Этой точкой на местности была неясная тень деревянного строения, покинутого его обитателями. Ни один человек не приблизится к нему в течение определенного количества минут. За это время ни один взрыв не причинит ему серьезных повреждений. Своим пребыванием здесь Джордж никоим образом не повлияет на ход истории. Он будет «просто наблюдателем» — идеалом физика-темпоральщика.

Здесь было гораздо страшнее, чем он себе представлял. Вокруг все содрогалось от непрерывного грохота артиллерийской канонады, где-то над головой стремительно проносились невидимые самолеты. Небо разрывалось периодическими строчками трассирующих пуль и мертвенным свечением одиночных ракет, которые в медленном вращении падали вниз.

И здесь был он! Он, Джордж, был частицей войны, частицей той интенсивной жизни, которая навсегда ушла из мира тридцатого века и стала размеренной и неинтересной.

Ему показалось, будто он видит тени от продвигающейся вперед колонны солдат и слышит, как они тихо и осторожно обмениваются друг с другом короткими фразами. Как страстно он желал стать одним из них на самом деле, а не кратковременным самозванцем — «просто наблюдателем».

Он перестал записывать и невидящим взглядом уставился на перо ручки. Свет от встроенной в нее миниатюрной лампочки на мгновение загнипотизировал его. Неожиданно пришедшая в голову мысль ошеломила Джорджа, и он взглянул на деревянную балку, к которой прижимался плечом. Этот момент должен навсегда войти в историю. Его поступок наверняка ни на что не повлияет. Он использует старинный английский диалект, и поэтому никаких подозрений не возникнет.

Он быстро проделал задуманное, а затем стал наблюдать за солдатом, изо всех сил бегущим к строению. Пули вокруг так и свистели, но тот ловко уворачивался от них. Джордж знал, что его время подошло к концу, и как только он подумал об этом, то сразу очутился у себя в тридцатом столетии.

Но это уже не имело значения. В те немногие минуты он был частью второй мировой войны. Маленькой частью, но частью. А люди еще узнают об этом. Они навряд ли узнают, что им это было известно, но кто-нибудь, возможно, припомнит написанное им в этом послании.

Кто-нибудь — возможно, тот человек, бегущий к укрытию, — прочитает его послание и узнает, что среди героев двадцатого века есть и «просто наблюдатель», человек из тридцатого века Джордж Килрой. Там был он!

АДСКИЙ ОГОНЬ

Вокруг царил особая атмосфера всеобщего легкого возбуждения, когда хорошо воспитанная публика, с нетерпением поглядывая на занавес, ожидает начала премьеры. Горстка ученых, кое-кто из знати, несколько конгрессменов и совсем мало репортеров — вот и все, кто счел нужным прийти сюда.

Элвин Хорнер из Вашингтонского бюро континентальной прессы рядом с собой увидел Джозефа Винченцо из Лос-Аламоса.

— Уж теперь-то мы наверняка чему-то научимся, — обратился он к тому.

Винченцо пристально взглянул на него сквозь бифокальные стекла.

— Это не главное, — ответил он.

Хорнер нахмурился. Сегодня им впервые предстояло увидеть уникальные кадры сверхзамедленной съемки атомного взрыва. С помощью хитроумных линз, меняющих направленную поляризацию вспышек, момент взрыва будет разделен на отдельные снимки, снятые с выдержкой в одну миллиардную долю секунды. Вчера была взорвана атомная бомба. А сегодня эти кадры покажут им взрыв во всех невероятных, удивительных подробностях.

— Думаете, это не подействует? — спросил Хорнер.

Лицо Винченцо мучительно исказилось.

— Конечно, подействует. Мы уже проводили предварительные испытания. Но главное заключается в том, что...

— В чем же?

— Что эти бомбы означают смертный приговор человечеству. Мне кажется, мы не способны чему-либо научиться. — Винченцо

Hell-Fire

© 1956 by Isaac Asimov

Адский огонь

© Издательство «Полярис», перевод, 1996

мотнул головой. — Вон, полюбуйте́сь на них. Они взволнованы, их нервы трепещут, но они не испытывают страха.

— Им известна опасность, которую несет в себе атомная бомба. И они тоже боятся, — возразил репортер.

— Не совсем, — сказал ученый. — Я видел людей, которые наблюдали за взрывом водородной бомбы, обратившей в ничто целый остров, а потом шли спокойно домой и ложились спать. Такова человеческая натура. Им тысячелетиями проповедают об адском огне как о наказании для грешников, а эффекта практически никакого.

— Адский огонь... Вы верующий, сэр?

— То, что вы видели вчера, было адским огнем. Взрывающаяся атомная бомба и есть адский огонь. В буквальном смысле.

Хорнеру было достаточно. Он пересел на другое место, но с беспокойством следил за публикой. Испытывал ли хоть один из них страх? Задумывался ли в тревоге хоть кто-то об адском огне? Таких здесь Хорнер что-то не замечал.

Огни погасли, и сразу заработал проектор. На экране во весь рост встала башня, начиненная огнем. Зрители застыли в напряженном молчании.

Затем на самой верхушке башни появилось крохотное пятнышко света — сверкающая и пылающая нестерпимым огнем точка. Она медленно распускалась — словно цветок, один за другим лениво разгибающий свои лепестки; игра света и тени придавала ей странные колеблющиеся очертания. Точка постепенно принимала форму овала.

Кто-то сдавленно вскрикнул, потом другие. Резкий всплеск невнятного гомона сменился мертвой тишиной. Хорнер явственно ощущал запах ужаса, он языком осязал вкус страха во рту и чувствовал, как леденеет кровь.

Овальный огненный шарик пророс побегами и, перед тем как, стремительно вспухнув, превратиться в ослепительную до белизны сферу, на мгновение замер.

То мгновение статического равновесия... на огненном шарике проявились темные пятна глаз, над которыми темными тонкими линиями выступали брови; линия волос, спускавшаяся ко лбу V-образным мысом; поднятые уголки рта, неистово хохочущего в адском огне... и рога.

СЕДЬМАЯ ТРУБА

Архангел Гавриил не склонен был особо задумываться над готовящимся мероприятием. Он задел кончиком крыла планету Марс, однако, нежась в ленивой истоме, и не подумал лишний раз шевельнуть крылом, чтобы избежать контакта. Марс, созданный из обычной материи, даже не пострадал от легкого прикосновения.

— Все уже решено, Этериил, — небрежно произнес он. — И с этим уже ничего не сделаешь. День воскрешения мертвых определен.

Этериил, самый младший серафим, сотворенный почти на тысячу лет раньше, чем люди начали отсчет времени, вздрогнул, отчего в континууме взвихрились ясно различимые смерчи. Со времени его сотворения в непосредственные обязанности Этериила входило отвечать за Землю и ее окрестности. Эта работа была для него синекурой, уютным местечком, глухим тупиком, но по мере того, как пролетали века, он стал чувствовать противополоственную гордость за этот мир.

— Но ты собираешься разрушить мой мир, даже не предупредив меня.

— Вовсе нет. Вовсе нет. Об этом событии достаточно ясно говорят вполне конкретные стихи из книги Даниила и из Откровения святого Иоанна.

— Достаточно ясно? И это учитывая, что Писания многократно переписывались самыми различными писцами? Сомневаюсь, что в каждой строке найдется хотя бы два неискаженных слова.

— Об этом событии упоминается и в Ригведе, и в трудах Конфуция...

— Которые являются принадлежностью отдельных культурных групп, представляющих из себя малочисленную аристократию...

— Сказание о Гильгамеше открыто говорит об этом.

— Большую часть сказания о Гильгамеше уничтожили вместе с библиотекой Ашурбанипала за шестнадцать веков по земному стилю до моего сотворения.

— Об этом же свидетельствуют кое-какие характерные особенности Великой пирамиды и узора, выложенного драгоценными камнями в Тадж-Махале...

— Которые столь неясны, что ни единому человеку пока не удалось правильно расшифровать их.

— Если ты и дальше собираешься во всем возражать мне, — устало проговорил Гавриил, — то нам лучше оставить эту тему. Бесполезно обсуждать что-либо в таком ключе. Но как бы то ни было, именно тебе следовало бы знать об этом. Ты ведь знаешь обо всем, что касается Земли.

— Да, если считаю нужным. Мне приходилось здесь многим заниматься, но я, признаться, даже не подозревал о том, что такое возможно — конец света и воскрешение мертвых, а потому и не исследовал эту проблему.

— А следовало бы о ней задуматься. Вся документация по этому вопросу находится в картотеках Совета Высших. Ты мог бы воспользоваться ею в любое время.

— Послушай, я же не мог отсюда отлучиться, настолько был занят. Ты ведь понятия не имеешь, как эффективна деятельность Врага на этой планете. Я сил своих не жалел, чтобы хоть как-то обуздать его, но при всех моих стараниях...

— Да, пожалуй. — Гавриил погладил рукой пролетающую мимо комету. — Ему, кажется, удалось добиться некоторого превосходства. Когда я пропускаю через себя взаимосвязанную реальную модель этого несчастного мирка, то замечаю, что это одна из тех организованных структур, где материя и энергия равнозначны.

— Так оно и есть, — подтвердил Этериил.

— А они играют с ним, с миром, где живут.

— Боюсь, что так.

— В таком случае разве сейчас не самое удобное время, чтобы покончить с материей?

— Уверю тебя, я сумею все уладить. Их не погубят их ядерные бомбы.

— Не знаю, не знаю. Что ж... почему бы тебе, собственно, не позволить мне продолжить, Этериил? Назначенный момент приближается.

— Я бы хотел взглянуть на документы, относящиеся к делу, — упрямо сказал Этериил.

— Ну, если ты так настаиваешь...

На фоне абсолютной черноты пространства небесной тверди появились сверкающие символы, складывающиеся в четкую формулировку Акта, принятого Властью Высших.

Этериил стал читать вслух:

— «Настоящим архангелу Гавриилу, серийный номер такой-то и такой-то (ну да ладно — и так ясно, что это о тебе), согласно распоряжению Совета предписывается приблизиться к планете, класс А, номер G 753990, в дальнейшем именуемой Земля, и 1 января 1957 года в 12.01 по местному времени...» — Он закончил читать и упрямо замолчал.

— Доволен?

— Нет, но я бессилен что-либо сделать.

Гавриил улыбнулся. В космическом пространстве появилась труба, напоминающая формой земной музыкальный инструмент, но ее отполированные до блеска золотые бока простирались от Земли до самого Солнца. Труба приблизилась к прекрасным сверкающим губам Гавриила.

— Ты бы не мог немного повременить, чтобы я успел встретиться с Советом? — в отчаянии спросил Этериил.

— Что это даст тебе? Акт скрепил печатью сам Глава, а тебе хорошо известно, что любые акты, скрепленные печатью Глав, приняты окончательно и бесповоротно. А теперь, если не возражаешь, наступает условленный момент, и мне бы хотелось поскорее покончить с этим. У меня еще куча всяких дел, и намного более важных, чем это. Будь добр, посторонись немного! Благодарю.

Гавриил дунул, и всю Вселенную до самой дальней звезды заполнил совершенный по чистоте и тону нежный тонкий звук, ясный и прозрачный, как хрусталь. И пока раздавался этот трубный звук, наступила краткая пауза хрупкого равновесия — столь же мимолетная, как миг, отделяющий прошлое от будущего; а затем свиток миров, коллапсируя, свернулся, и материя снова вернулась в тот первозданный хаос, из которого она однажды возникла по одному слову. Звезды и туманности исчезли, как исчезли космическая пыль, солнце, планеты, луна — все и вся обратилось в ничто, кроме самой Земли, которая, как и прежде, кружилась во Вселенной, но теперь уже в полном одиночестве.

Р. Е. Мани (известный всем, кто его знал, просто как Р. Е.), беспрепятственно пройдя в служебные помещения фабрики «Битсы Библикана», с неодобрением уставился на высокого человека, сосредоточенно склонившегося над грудой бумаг на письменном столе (он был излишне костляв, но благодаря аккуратным седым усам в нем еще чувствовалось бывшее изящество, хоть и немного поблекшее).

Р. Е. взглянул на свои наручные часы, которые все еще показывали 7.01 утра. Именно в это время они и остановились. Время, естественно, соответствовало Восточному поясу, если же считать по Гринвичу, то часы остановились в 12.01. Пристальный острый взгляд его темно-карих глаз над выступающими скулами встретился со взглядом сидевшего напротив человека.

Какое-то мгновение взор высокого человека оставался безучастным. Затем он проговорил:

— Что вам угодно?

— Гораций Дж. Билликан, полагаю? Владелец этого предприятия?

— Да.

— Я — Р. Е. Манн. Когда я наконец застал кого-то за работой, то не удержался, чтобы не остановиться и не зайти сюда. Разве вы не знаете, какой сегодня день?

— Сегодня?

— День воскрешения мертвых.

— Ах да. Конечно, знаю. Я слышал трубный глас. Такой действительно поднимет мертвых на ноги... Довольно неплохое звучание, как по-вашему? — Он хихикнул. — Он разбудил меня в семь утра, — продолжал он. — Я толкнул жену. Она, конечно, спала как убитая и не слышала трубы. Я всегда говорил ей, что она проспит все. «Седьмая труба, дорогая», — сказал я ей. Гортензия — так зовут мою жену — ответила «Хорошо» и снова заснула. Я принял ванну, побрился, оделся и пришел на работу.

— Но зачем?

— Почему бы и нет?

— Никто из ваших работников не пришел.

— Да уж, бедняги. Они впервые взяли себе выходной. Так что ничего удивительного. В конце концов, не каждый же день бывает конец света. Да и мне от этого, если честно, ничуть не хуже. По крайней мере у меня есть хотя бы возможность без помех навести порядок в своей личной корреспонденции. Телефон сегодня ни разу не звонил. — Он встал и подошел к окну. — А знаете, так даже намного лучше. Ни тебе слепящего солнца, ни снега. Зато какое мягкое приятное освещение, какое приятное тепло! Все так прекрасно упорядочено... А сейчас, если не возражаете, я весьма занят, так что прошу извинить меня...

Возгласом «Одну минутку, Горацио» его прервал чей-то грубый мощный голос, и в кабинет просунулся внушительный нос, за которым последовал и его обладатель — джентльмен, удивительно похожий на Билликана, только с несколько более резкими чертами лица. Джентльмен принял позу оскорбленного достоинства, эффектность которой ничуть не проигрывала от того, что он был совершенно наг.

— Позволь мне спросить, почему прекращена работа на «Битсах»?

Билликан побледнел.

— Боже мой, — произнес он, — это же отец. Откуда ты?

— С кладбища, — пророкотал Билликан-старший. — Откуда же еще? Там целыми дюжинами вылезают из-под земли. И все голые. Даже женщины.

Билликан откашлялся.

— Я достану тебе что-нибудь из одежды, отец. Принесу ее из дома.

— Пусть тебя это не волнует. Дело — в первую очередь. Дело — в первую очередь.

Р. Е. очнулся от задумчивости.

— А что, все одновременно выходят из своих могил, сэр?

Задавая вопрос, он с любопытством разглядывал Билликана-старшего. Судя по внешнему виду, здоровье старика было отменным. На его щеках, пусть и морщинистых, играл здоровый румянец. Его возраст, решил Р. Е., был тем же, что и в момент смерти, но тело, хоть и выглядело соответствующе своему возрасту, производило впечатление идеально функционирующего.

— Нет, сэр, не одновременно, — ответил Билликан-старший. — Чем свежее могила, тем раньше из нее выходят. Поттерсби умер за пять лет до меня и вышел почти на пять минут позже. Я, как только его увидел, решил уйти оттуда. Мне он порядком надоел еще при... Кстати, мне это кое-что напомнило. — Он тяжело опустил кулак, и довольно увесистый, на письменный стол. — Не было ни такси, ни автобусов. Телефоны не работали. Мне пришлось идти пешком. Мне пришлось идти двадцать миль.

— В таком виде? — слабым голосом спросил потрясенный сын.

Билликан-старший с видимым одобрением посмотрел на свою обнаженную кожу.

— Так ведь тепло. И потом, не я один голый, почти все такие... Но как бы там ни было, сынок, я здесь не для того, чтобы болтать. Почему фабрика закрыта?

— Она не закрыта. Просто сегодня особый случай.

— Особый случай, как бы не так! Вызови профсоюзных вожаков и скажи им, что контрактом не предусмотрен День воскрешения мертвых и что за каждую неотработанную минуту у всех рабочих вычтут из жалованья.

Билликан поднял взгляд на отца, и его худое лицо приняло упрямое выражение.

— Я этого не сделаю. Не забывай, пожалуйста, что руководитель предприятия уже не ты, а я.

— Ты? А по какому праву?

— По твоему завещанию.

— Хорошо. Теперь я здесь, и я аннулирую свое завещание.

— Тебе не удастся, отец. Ты мертв. Ты можешь и не выглядеть мертвецом, но у меня есть свидетели. У меня есть врачебное свидетельство. У меня есть подписанные счета от

гробовщика. Я могу достать свидетельские показания тех ребят, что несли твой гроб.

Глядя в упор на сына, Билликан-старший сел, закинул руку на спинку стула, скрестил ноги и произнес:

— Если уж на то пошло, мы все мертвы, не так ли? Вот-вот наступит конец света, не правда ли?

— Но тебя признали мертвым официально, а меня — нет.

— О, мы это изменим, сынок. Скоро нас будет больше, чем вас, и вот тогда посмотрим, чья возьмет.

Билликан-младший решительно стукнул ладонью по столу и слегка покраснел.

— Отец, мне бы очень не хотелось поднимать этот щекотливый вопрос, но ты вынуждаешь меня. Позволь напомнить тебе, что в данный момент моя мать, я уверен, сидит дома и дожидается тебя, и что ей пришлось идти по улицам... э-э... тоже голой, и что она, вероятно, не в лучшем расположении духа.

Билликан-старший стал бледным, как мертвец.

— О Боже!

— А тебе хорошо известно, что она всегда хотела, чтобы ты отошел от дел.

Билликан-старший принял мгновенное решение.

— Я не пойду домой. Это же настоящий кошмар. До каких пор будет продолжаться эта затея с воскрешением мертвых? Есть же какие-то пределы. Это... это... это полнейшая анархия. Во всяком деле главное — не переборщить, а здесь именно так и получается. Не пойду домой, и все тут.

В эту минуту в кабинет вошел некий дородный джентльмен с гладким розовым лицом и пушистыми бакенбардами (совсем как на портрете Мартина Ван Бурена) и холодно проговорил:

— Добрый день.

— Отец... — пробормотал Билликан-старший.

— Дедушка... — пробормотал Билликан-младший.

Билликан-самый-старший с неодобрением посмотрел на Билликана-младшего.

— Если ты — мой внук, — сказал он, — то ты здорово постарел, и это не пошло тебе на пользу.

С кислым выражением лица Билликан-младший промолчал и слабо улыбнулся.

Впрочем, Билликан-самый-старший, казалось, и не нуждался в его ответе.

— А теперь если вы оба введете меня в курс дел, то я немедленно приступаю к своей прежней обязанности управляющего.

Прозвучало сразу два ответа, и румянец на щеках Билликана-самого-старшего начал угрожающе наливаясь кровью, в то время как старик властно стучал по полу воображаемой тростью и визгливо что-то выкрикивал.

— Джентльмены, — произнес Р. Е. — Джентльмены! — повысил он голос. — ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ! — что было мочи закричал он.

Переговоры разом оборвались, и все повернулись к Р. Е. От его угловатого лица, странно привлекательных глаз и язвительного рта, казалось, исходила некая сила, подчиняющая себе собравшихся людей.

— Не могу понять, о чем вы спорите, — проговорил он. — Что именно вы производите на своей фабрике?

— Битсы, — ответил Билликан-младший.

— Которые, надо полагать, представляют из себя расфасованные в пакеты сухие завтраки из дробленого зерна типа хлопьев...

— Золотистых, хрустящих хлопьев, содержащих в себе уйму полезной энергии!.. — вскричал Билликан-младший.

— Покрытых сладкой как мед, прозрачной глазурью; это и сладости, и еда... — пророкотал Билликан-старший.

— Возбуждающая самый никудышный аппетит, — прорычал Билликан-самый-старший.

— Вот именно, — сказал Р. Е. — Какой аппетит?

Они равнодушно посмотрели на него.

— Прошу прощения... — произнес Билликан-младший.

— Кто из вас голоден? — спросил Р. Е. — Я нет.

— О чем эта дурацкая болтовня? — призвал к ответу разгневанный Билликан-самый-старший. Он так яростно потрясал своей невидимой тростью, что, существуя она на самом деле, он бы проткнул ею Р. Е. насквозь.

— Я пытаюсь вам втолковать, — сказал Р. Е., — что отныне никто не будет есть. Это уже потусторонний мир, и еда здесь не нужна.

Одинаковые выражения вытянувшихся лиц троих Билликанов не требовали перевода. Было ясно, что они проверили свой собственный аппетит и обнаружили его отсутствие.

— Полнейшее разорение! — смертельно побледнев, произнес Билликан-младший.

Билликан-самый-старший неслышно и тяжело стучал об пол своей воображаемой тростью.

— Это же конфискация имущества без надлежащего судебного рассмотрения. Я предъявляю иск. Я предъявляю иск.

— Совершенно неконституционно, — согласился Билликан-старший.

— Если вы найдете, кому предъявлять иск, то мне остается лишь пожелать вам большой удачи. А теперь, если позволите, я, наверное, пойду на кладбище.

Надев шляпу, он шагнул за дверь.

Этериил стоял в сиянии шестикрылого серафима, и в пространстве подрагивали смерчи, вызванные его волнением.

— Насколько я понимаю, — проговорил херувим, — вверенная тебе Вселенная ликвидирована.

— Совершенно верно.

— Что ж, ты ведь, надеюсь, не ждешь от меня, что я начну восстанавливать ее?

— Ничего я от тебя не жду, — ответил Этериил, — только устрой мне встречу с Главой.

Услышав это слово, херувим тут же выразил жестами свое благоговение. Кончиками двух крыльев он коснулся своих ног, кончиками двух других — глаз и кончиками еще двух — рта. Затем, приняв нормальное положение, сказал:

— Глава очень занят. На его плечах несметное количество дел, и все требуют решения.

— Кто же спорит с этим? Я просто хочу сказать, что если дела будут обстоять так, как сейчас, то мы получим Вселенную, где сатана одержал окончательную победу.

— Сатана?

— Это еврейское слово, означающее Врага, — с нетерпением ответил Этериил. — Я мог бы употребить персидское слово Ариман*. Во всяком случае, я имел в виду именно Врага.

— Но что изменит беседа с Главой? — спросил херувим. — Документ, узаконивающий Седьмую трубу, заверил печатью сам Глава, а тебе известно, что такие документы принимаются окончательно и бесповоротно и обсуждению не подлежат. Глава никогда не пойдет на ограничение своего всемогущества, аннулируя решение, высказанное им официально.

— Это твоё последнее слово? Ты не устроишь мне встречу?

— Я не могу.

— В таком случае, — проговорил Этериил, — я сам встречу с Главой. Я намерен торгнуться в Средоточие Primum Mobile**. И если это означает мою гибель, да будет так! — Он сконцентрировался.

— Какое святотатство! — в ужасе пробормотал херувим, и в это время Этериил подпрыгнул и исчез. В пространстве слабо громыхнуло.

Пробираясь по запруженным улицам, Р. Е. Манн уже не удивлялся при виде сбитых с толку, сомневающихся, равнодушных людей в шитой на скорую руку одежде или, как правило, вообще без нее.

Девочка, по виду лет двенадцати, перегнулась через железные ворота и, стоя одной ногой на перекладине, раскачивала их взад и вперед. Когда Р. Е. проходил мимо, она вдруг произнесла:

— Здравствуйте, мистер.

* Ариман — олицетворение злого начала в зороастризме. (Примеч. пер.)

** Главная движущая сила (лат.)

— Здравствуй, — ответил Р. Е.

Девочка была одета, а значит, не принадлежала к числу... э-э... «возвращенцев».

— У нас в доме новый ребенок, — сказала девочка. — Она мне сестра и когда-то уже была у меня. Мама плачет, а меня послали сюда.

— Хорошо, хорошо, — отозвался Р. Е. и, пройдя за ограду, направился по вымощенной дорожке к дому, ненавязчиво претендующего на принадлежность к среднему классу.

Он позвонил в дверь и, не получив ответа, открыл ее и ступил через порог.

Откуда-то доносились приглушенные всхлипывания. Р. Е. пошел на эти звуки и, подойдя к одной из дверей, постучал. Находившийся в комнате мужчина примерно пятидесяти лет — грузный, с изрядно поредевшей шевелюрой и довольно упитанными щеками и подбородком — посмотрел на гостя со смешанным чувством удивления и негодования:

— Кто вы?

Р. Е. снял шляпу.

— Я подумал, что мог бы помочь вам. Ваша девочка там, на улице...

Сидевшая на стуле у двухспальной кровати женщина подняла голову и без всякой надежды взглянула на него. Ее волосы были тронуты сединой. Лицо распухло от слез и подурнело, на тыльной стороне кистей выделялись синеватые жилки. На кровати лежал пухленький и голенький младенец, который вяло сучил ножками и бессмысленно поводил младенческим невидящим взглядом.

— Это мой ребенок, девочка, — сказала женщина. — Она родилась в этом доме двадцать три года тому назад и в этом же доме умерла десяти дней от роду. Я так тосковала по ней.

— А теперь она снова с вами, — проговорил Р. Е.

— Слишком поздно! — неистово вскричала женщина. — У меня было еще трое детей. Моя старшая дочь замужем, сын — в армии. Я слишком стара, чтобы иметь сейчас ребенка. И даже если... даже если...

Мышцы ее лица прилагали героические усилия, чтобы сдержать слезы, но потерпели неудачу.

— Это не настоящий ребенок, — монотонным, невыразительным голосом произнес ее муж. — Он не пачкает пеленок. Ему не требуется молока. Что нам делать? Он никогда не вырастет. Он навсегда останется младенцем.

Р. Е. покачал головой.

— Не знаю, — сказал он. — Я думаю, что ничем не смогу помочь вам.

Он спокойно вышел. Он хладнокровно подумал о больницах. В каждой из них сейчас, наверное, появляются тысячи детей.

Складывают их на полки, зло усмехнулся он про себя. Штабелями, как дрова. О них не нужно заботиться. Их маленькие тельца — всего лишь хранители несокрушимой искры жизни.

Он прошел мимо двух мальчиков — по всей видимости, одного биологического возраста. Обоим было, очевидно, лет по десять. Их пронзительные голоса невольно привлекли его внимание. В неярком, без солнца, свете обнаженное тело одного из мальчиков сияло белизной; значит, он был «возвращенцем». Другой им не был. Р. Е. остановился, чтобы послушать, о чем они говорят.

— Я болел скарлатиной, — заявил тот, что был без одежды, и в его голосе прозвучали явные нотки превосходства.

— Вот здорово! — с чувством зависти, как показалось Р. Е., протянул одетый.

— От нее-то я и умер.

— Вот здорово! А тебя лечили пенициллином или ауреомицином?

— Чего?

— Это лекарства.

— Никогда не слышал о таких.

— Еще бы! Да ты о многом не слышал.

— Но не меньше твоего знаю.

— Да ну? А кто сейчас президент Соединенных Штатов?

— Уоррен Хардинг, вот кто.

— Ты что, спятил? Эйзенхауэр.

— А кто он такой?

— Ты когда-нибудь смотрел телевизор?

— А что это?

Одетый мальчик оглушительно завопил:

— Это такая штука, которую ты включаешь и смотришь комиков, всякие там кинокартины, ковбоев, космических рейнджеров — в общем, все, что пожелаешь!

— Давай посмотрим его.

Последовала пауза, и затем мальчик из настоящего времени произнес:

— Он перестал показывать.

— Скажи лучше, что он никогда и не показывал, — не скрывая презрения, пронзительно закричал мальчик из прошлого. — Ты все это выдумал.

Пожав плечами, Р. Е. продолжил свой путь. За городом, по мере приближения к кладбищу, толпы людей значительно поредели. Все, кто попадался ему навстречу, стремились в город, и все были голыми.

Р. Е. остановил какой-то человек — весь сияющий от радости, розовокожий и беловолосый, со следами пенсне на переносице, но самих стеклышек не было.

— Приветствую вас, мой друг.

— Здравствуйте, — отозвался Р. Е.

— Вы — первый человек в одежде, которого я вижу. Вы, полагаю, были живы, когда затрубила труба.

— Да.

— О, разве это не величественно? Разве это не радостное и восхитительное событие? Пойдемте, будем вместе веселиться.

— Вам это нравится, не так ли? — спросил Р. Е.

— Нравится ли мне? Меня переполняет восторг, я сияю от радости. Нас обнимает свет первого дня. Тот нежный, спокойный свет, который изливался еще до сотворения солнца, луны и звезд. (Вы и сами, конечно, знаете Книгу Бытия.) Здесь нет изнуряющей жары или убийственного холода, но приятное тепло, которое дарит нам удивительное чувство безмятежности. Такое блаженство испытывали, наверное, только в Эдемском саду. Мужчины и женщины ходят по улицам обнаженными, но не ощущают стыда. Все прекрасно, мой друг, все прекрасно.

— Что ж... кажется, меня действительно не взволновали все эти женские прелести напоказ, — согласился Р. Е.

— Разумеется, нет, — подхватил мужчина. — Похоть и грех, насколько мы помним их по нашей суетной жизни, больше не существуют. Разрешите представиться, мой друг. Во время земной жизни меня звали Уинтроп Хестер. Я родился в 1812 году и умер в 1884 году по нашему мирскому летоисчислению. В течение последних сорока лет своей жизни я напряженно работал над тем, чтобы привести свою небольшую паству в Царство Божие, и сейчас я иду, чтобы сосчитать тех, кого я отвоевал.

Р. Е. внимательно и серьезно разглядывал бывшего священника.

— Страшный суд наверняка еще не состоялся.

— Почему не состоялся? Господь видит человека изнутри, и в то самое мгновение, когда все в мире перестало быть, все люди до одного подверглись суду. Мы — спасенные.

— Спаслось, должно быть, великое множество.

— Наоборот, сын мой, все эти спасенные — всего лишь остаток человечества.

— Довольно порядочный остаток. Насколько я понял, к жизни возвращаются все. В городе я видел нескольких типов довольно сомнительной репутации — таких же живых, как вы.

— Покаяние даже в самую последнюю минуту...

— Я никогда не каялся.

— В чем, сын мой?

— В том, что никогда не посещал церкви.

Уинтроп Хестер поспешно отступил.

— А вы когда-нибудь принимали обряд крещения?

— Мне об этом ничего не известно.

Уинтроп Хестер вздрогнул.

— Но вы, вероятно, верили в Бога?

— Да как вам сказать... — произнес Р. Е. — Я верил во многое о нем — в такое, что вас наверняка бы испугало.

Уинтроп Хестер повернулся и в сильном смятении поспешил прочь.

Оставшийся путь до кладбища (определить время было невозможно, впрочем, Р. Е. и в голову не приходило узнавать время) он проделал спокойно — никто больше не останавливал его. Кладбище он нашел почти опустевшим. Деревья и трава исчезли (до Р. Е. вдруг дошло, что в мире не осталось больше ничего зеленого, что земля повсюду превратилась в твердую, однородную и безжизненную серую массу, а небо представляет собой сплошную белизну, проливающую ровный свет).

Но надгробия все еще стояли на своих местах.

На одном из них сидел худой морщинистый человек, с длинными черными волосами, спутавшимися в колтун. Такие же черные волосы, только короче — хотя и более выразительные — pokrывали его грудь и предплечья.

— Эй ты, там! — обратился он к Р. Е. Голос его был низким.

Р. Е. уселся на соседнее надгробие.

— Привет.

— Твоя одежда какая-то не такая, — произнесли Черные волосы. — В котором же году это произошло?

— Сейчас 1957-й.

— Я умер в 1807-м. Забавно! Я ожидал, что к этому времени меня уже хорошенько прожарят и мои внутренности будут пожирать адский огонь.

— Разве ты не собираешься в город? — спросил Р. Е.

— Меня зовут Зеб, — сказал предок. — Сокращенное имя от Зебулона, но Зеб мне нравится больше. Какой он, город, теперь? Полагаю, малость изменился?

— В нем почти сто тысяч жителей.

От изумления у Зеба слегка отвисла челюсть.

— Брось заливать! Может, сбрехнешь еще — больше, чем в Филадельфии?... Шутки шутишь.

— А в Филадельфии... — Р. Е. помедлил. Простой констатацией количества жителей его не убедить. И поэтому вместо цифр он сказал: — За сто пятьдесят лет, знаешь ли, город порядком вырос.

— И страна тоже?

— Сорок восемь штатов, — ответил Р. Е. — Вплоть до Тихого океана.

— Вот это да! — В полном восторге Зеб хлопнул себя по голой ляжке и поморщился от неожиданной боли, совсем забыв об отсутствии одежды из грубой, толстой ткани, смягчающей удар. — Я бы переправился на запад, если б не был нужен здесь. Да, сэр. — Его лицо приняло угрюмое выражение, а тонкие губы

сжались в отчетливую жестокую складку. — Я останусь именно там, где во мне нуждаются.

— А почему в тебе нуждаются?

Объяснение было немногословным и прямолинейным:

— Индейцы!

— Индейцы?

— Их же целые миллионы. Поначалу те племена, с которыми мы вели войну и которых здорово колошматили. Потом племена, которые никогда не видали белого человека. И все они воскреснут. Мне понадобятся мои старые дружки. А вы, городские рохли, на такие дела не годитесь... Ты хоть видел когда индейца?

— В последнее время их что-то не встречалось в здешних местах, — ответил Р. Е. — Нет.

Зеб выразил взглядом свое презрение и хотел было сплюнуть, но слюны для этой цели у него не нашлось.

— В таком случае тебе бы лучше воротиться в город. Вскоро-сти на этом месте будет небезопасно. Если б только у меня был мой мушкет!

Р. Е. поднялся, на секунду задумался и, пожав плечами, обернулся лицом к городу. Как только он встал, надгробие, на котором он сидел, разрушилось. Серый камень прямо на глазах превращался в порошок и сливался с однородной массой серой земли. Он огляделся вокруг. Большая часть надгробий исчезла. Остальным, похоже, была суждена та же участь. И только то, на котором сидел Зеб, все еще казалось прочным и устойчивым.

Р. Е. пустился в обратный путь. Зеб даже не оглянулся на него. Он продолжал тихо и невозмутимо ждать — индейцев.

Этериил стремительно и отчаянно бросился в бездну небес. Он чувствовал на себе взоры Высших. Сейчас за ним, должно быть, наблюдают все, от самого юного серафима, херувимов и ангелов до верховного архангела.

Он поднялся уже выше, чем любой из Высших, куда еще никогда доселе не забирался. Незванный, он ждал вибрации Слова, которое уничтожит сопровождавшие его смерти.

Но он не колебался. Сквозь беспространство и вневременность он мчался туда, где можно слиться с Primum Mobile — в тот самый центр Всего, который заключал в себе все эти Есть, Было, Было Бы, Могло Быть и Могло Бы Быть.

И как только он подумал об этом, он прорвался сквозь ничто и стал гармоничной частью Primum Mobile. В то же мгновение все его существо словно взорвалось и заполнило собой Все, становясь также и неотъемлемой частью этого Всего. А затем Средоточие Primum Mobile милосердно укрыли от его рассудка, и перед Этериилом предстал Глава в образе голоса, зазвучав-

шего внутри серафима, — тихого и спокойного, но глубоко волнующего своей огромностью.

— Сын мой, — произнес голос, — я знаю, почему ты пришел.

— Тогда помоги мне, если на то будет твоя воля.

— По моей воле, — отозвался Глава, — все законы, исходящие от меня, неотменяемы. Все твое человечество, сын мой, жаждало жизни. И все страшились смерти. Все предавались размышлениям и мечтам о вечной жизни. Не две кучки людей и не два отдельно взятых человека развивали одну и ту же мысль о загробной жизни, но все хотели жить. Ко мне обратились с просьбой, чтобы я привел все их мечты к общему знаменателю — даровал им вечную жизнь. Что я и сделал.

— Ни один твой служитель не мог просить этого.

— Просил Враг, сын мой.

Подавленный собственной ничтожностью, Этериил тихо произнес:

— В твоих глазах я просто пыль и не достоин находиться в твоём присутствии, но я все же должен задать тебе один вопрос. Надо ли понимать из твоих слов, что Враг — тоже твой служитель?

— Без него у меня не может быть других, — ответил Глава. — Ведь что такое Добро, как не вечная борьба со Злом?

«И в этой борьбе, — подумал Этериил, — я потерпел поражение».

При виде города Р. Е. остановился. Здания разрушались. Деревянные дома уже представляли из себя груды развалин. Подойдя к ближайшей такой груде, Р. Е. обнаружил, что обломки дерева совершенно обезвожены и рассыпаются при малейшем прикосновении.

Он углубился в городские улицы и заметил, что хотя кирпичные дома все еще стояли, но сами кирпичи уже зловеще круглялись по краям и угрожающе расслаивались.

— Им недолго осталось стоять, — произнес густой голос. — Единственное утешение — если это можно назвать утешением — в том, что их разрушение не повлечет за собой ничью гибель.

Р. Е. в изумлении поднял глаза и увидел, что стоит лицом к лицу с человеком, похожим на бледного, изнуренного Дон Кихота с худым длинным лицом и впалыми щеками. В его глазах таилась печаль, волосы спадали жидкими прямыми прядями. Одежда была слишком просторна для него, а сквозь многочисленные прорехи на ней отчетливо просвечивала кожа.

— Меня зовут, — проговорил человек, — Ричард Левин. Когда-то — еще до того как это произошло — я был профессором истории.

— Вы одеты, — заметил Р. Е. — Вы не один из тех воскресенных.

— Вы правы, но этот отличительный признак исчезает. Одежда истлевает.

Р. Е. взглянул на толпы людей, которые медленно и бесцельно проплывали мимо, словно пылинки в луче солнечного света. Среди них мало кто был одет. Опустив глаза, Р. Е. пристроился к себе и впервые заметил, что вертикальные швы на обоих штанинах брюк разошлись сверху донизу. Большим и указательным пальцами руки он уцепился за ткань своего пиджака, и лоскуток шерстяной ткани легко отделился от него.

— Да, действительно, — заключил Р. Е.

— Обратите внимание, — продолжал Левин, — что гора Меллон сглаживается.

Р. Е. повернулся и посмотрел на север, где обычно склоны Меллон Хилл были сплошь усеяны особняками местной знати (сугубо городской), и обнаружил, что горизонт стал почти плоским.

— В конечном счете, — сказал Левин, — не останется ничего, кроме сглаженности, безжизненности, небытия... и нас.

— И индейцев, — добавил Р. Е. — Там, за городом, сидит человек и дожидается индейцев, мечтая при этом о мушкете.

— Полагаю, — заметил Левин, — индейцы не причинят беспокойства. Не такое уж удовольствие драться с неприятелем, которого нельзя ни убить, ни ранить. И даже если это было бы не так, исчезнет всякая страсть к побоищам, как исчезнут все вожделения, все желания.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Перед тем как все это случилось, я, бывало, с превеликим удовольствием — и вполне невинным — лицезрел женскую фигуру, хотя, глядя на меня, такое не скажешь. Теперь же — когда в моем распоряжении столь беспрецедентные возможности — я замечаю за собой досадное равнодушие. Нет, мне все это не нравится. Меня даже не раздражает мое полное отсутствие интереса.

Р. Е. бросил взгляд на прохожих.

— Понимаю, о чем вы.

— Появление здесь индейцев, — продолжал Левин, — ничто по сравнению с ситуацией, складывающейся в Старом Свете. В число первых воскресших наверняка попали Гитлер и его вермахт, и сейчас, должно быть, они лицом к лицу встретились со Сталиным и Красной Армией, перемешавшись на всем протяжении от Берлина до Сталинграда. Ситуацию осложняет скорое воскрешение кайзеров и царей. На свои прежние поля сражений при Вердене и реке Сомма вернулись воины. Наполеон и его маршалы разбросаны по всей Западной Европе. Вернулся, должно быть, и Мухаммед, чтобы взглянуть на то, что

сделали с исламом последующие века; а святые и апостолы в это время обсуждают пути христианства. И даже монгольские ханы, бедняги, — от Темучина до Аурангзеба — сейчас, наверное, беспомощно бродят по степям, тоскуя по своим лошадям.

— Вам как профессору истории, должно быть, очень хочется присутствовать при этом и вести наблюдения.

— Да разве мне попасть туда? Местонахождение человека на Земле ограничено тем расстоянием, которое он может пройти пешком. Нет ни машин, ни, как я уже говорил, лошадей. Да и что я там в конце концов найду, в той Европе? Апатию, полагаю! Ту же, что и здесь.

Приглушенный хлопок заставил Р. Е. обернуться. Подняв облако пыли, обрушилось целое крыло соседнего здания. По обе стороны от Р. Е. лежали обломки кирпичей. Некоторые из них, видимо, пролетели сквозь него, а он даже не почувствовал этого. Он огляделся вокруг. Развалин явно поубавилось. Оставшиеся же груды уменьшились в объеме.

— Мне встретился человек, — произнес Р. Е., — который считает, что мы все уже подверглись суду и теперь находимся на небесах.

— Подверглись суду? — переспросил Левин. — Что ж, вполне возможно. Мы сейчас стоим перед вечностью. У нас не осталось ни вселенной, ни каких-либо проявлений внешнего мира, ни эмоций, ни страстей. Ничего, кроме нас самих и мысли. Мы стоим перед вечностью самоанализа, хотя на протяжении всей истории мы никогда не знали, чем занять себя в дождливое воскресенье.

— Вы говорите так, словно та ситуация, в которой мы очутились, тревожит вас.

— И даже более чем тревожит. Представления Данте об inferno* — огонь и муки — были по-детски наивны и недостойны божественного творческого воображения. Скука действует намного изощреннее. Как нельзя более подходящим является внутренняя агония разума, неспособного убежать от самого себя и на вечные времена осужденного на мучения в собственных выделениях умственного гноя. О да, мой друг, нас подвергли суду и вынесли приговор, но только это не рай. Это — ад.

Левин встал, удрученно сутулясь, и пошел прочь.

Р. Е. задумчиво посмотрел по сторонам и кивнул. Он был доволен.

Этериил винил себя в поражении только мгновение, а затем совершенно неожиданно вознес свою сущность так ярко и высоко, насколько смел в присутствии Главы. В бесконечности

* Ад (итал.)

Primum Mobile сияние серафима было лишь крохотной точкой света.

— В таком случае, если на то будет твоя воля, — сказал он, — я прошу тебя не отменить свою волю, но исполнить ее.

— Каким образом, сын мой?

— Документ, одобренный Советом Высших и подписанный тобой, легализует проведение Дня воскрешения мертвых в определенное время определенного дня 1957 года по земному летоисчислению.

— Да, это так.

— Но 1957 год неправилен. Да и что означает 1957 год? Для доминирующей цивилизации на Земле это 1957 год нашей эры. Все правильно. Однако с того времени как ты вдохнула жизнь в Землю и ее мир, прошло 5960 лет. Исходя из свидетельств, лежащих в основе самого мира, который ты создал, прошло четыре миллиарда лет. Какой же тогда год считать справедливым — 1957, 5960 или 4 000 000 000-й?

И это еще не все, — продолжал Этериил. — 1957 год нашей эры — это 7464 год византийской эры, 5716-й — по еврейскому календарю. Это 2708 год А.У.С.*, то есть 2708 год со дня основания Рима — если мы примем римский календарь. Это 1375 год по мусульманскому календарю и 180-й — со дня независимости Соединенных Штатов.

И вот я со всем почтением спрашиваю тогда: не кажется ли тебе, что безоговорочная ссылка исключительно на 1957 год лишена смысла?

— Я всегда знал об этом, сын мой, — прозвучал в ответ тихий, спокойный голос Главы. — А вот для тебя это было новостью.

— В таком случае, — сказал Этериил, затрепетав от вспыхнувшей в нем радости, — да будет исполнена твоя воля в точности, вплоть до малейшей запятой, и пусть День воскрешения мертвых выпадает на 1957 год — но только тогда, когда все жители Земли единодушно согласятся с тем, что назначенный год считается 1957-м и никаким другим.

— Да будет так! — произнес Глава, и это Слово воссоздало Землю и все, что на ней имелось, а вместе с ней и солнце, и луну, и все небесные светила.

Было 7 часов утра 1 января 1957 года, когда Р. Е. Манн внезапно проснулся. Звучали начальные такты мелодии, заполнившие, должно быть, всю Вселенную.

Он настороженно приподнял голову, словно давал ей возможность осмыслить слышимое, и через минуту на его лице промелькнула тень гнева, чтобы вновь исчезнуть. Борьба продолжалась.

* Ab urbe condita (лат.) — от сотворения города.

Он сел за письменный стол, чтобы составить конкретный план действий. Люди давно говорили о необходимости календарной реформы, и ее следовало бы ускорить. Новая эра должна начать свой отсчет со 2 декабря 1944 года, и однажды наступит новый 1957 год — 1957 год Атомной эры, признаваемый таковым всем мировым сообществом.

Странное сияние стало исходить от его головы, пока в ней, этом вместилище сверхчеловеческого разума, проносились мысли, и к тени Аримана на стене, казалось, добавилась пара маленьких рожек у висков

КАК ИМ БЫЛО ВЕСЕЛО

Марджи тогда даже записала об этом в свой дневник. На странице с заголовком «17 мая 2157 года» она написала: «Сегодня Томми нашел самую настоящую книгу!»

Это была очень старая книга. Как-то дедушка рассказал Марджи, что, когда он был маленьким, его дедушка говорил ему, будто было время, когда все рассказы и повести печатались на бумаге.

Они переворачивали желтые хрупкие страницы, и было ужасно забавно читать слова, которые стояли на месте, а не двигались, как им положено, — ну, вы сами знаете, на экране. И потом, когда они переворачивали страницы назад, там были те же самые слова, что и раньше, когда они читали в первый раз.

— Ну вот, — сказал Томми. — Сплошное расточительство. Книгу ведь, наверное, выбрасывали, когда прочитают. А на нашем телеэкране прошло, должно быть, миллион книг, и пройдет еще столько же. Уж экран-то я ни за что не выброшу.

— Я тоже, — сказала Марджи. Ей было одиннадцать лет, и она видела гораздо меньше телекниг, чем Томми. Ему было тринадцать.

— Где ты ее нашел? — спросила она.

— В нашем доме. — Он показал рукой, не поднимая глаз, потому что был погружен в чтение. — На чердаке.

— А про что она?

— Про школу

— Про школу? — с презрением сказала Марджи. — А чего про нее писать-то? Ненавижу школу

Марджи всегда ненавидела школу, а теперь ненавидела, как никогда. Механический учитель давал ей по географии контрольную за контрольной, и Марджи делала их все хуже и хуже,

и тогда мама грустно покачала головой и послала за Районным Инспектором.

Это был маленький круглый человек с красным лицом и целым ящиком инструментов с циферблатами и проволоками. Он улыбнулся Марджи и дал ей яблоко, а затем разобрал учителя на части. Марджи надеялась, что он не сумеет собрать его снова, но он сумел, и через час или около этого учитель был готов, огромный, и черный, и гадкий, с большим экраном, на котором он показывал все уроки и задавал вопросы. Экран был еще ничего. Больше всего Марджи ненавидела щель, куда ей приходилось всовывать домашние задания и контрольные работы. Она должна была писать их перфораторным кодом, которому ее научили, еще когда ей было шесть лет, и механический учитель в один миг высчитывал отметки.

Закончив работу, Инспектор улыбнулся и погладил Марджи по голове. Он сказал маме: «Девочка здесь ни при чем, миссис Джонс. Видимо, сектор географии был несколько ускорен. Иногда это бывает. Я замедлил его до нормального десятилетнего уровня. А общий показатель ее успехов вполне удовлетворительный». И он снова погладил Марджи по голове.

Марджи была разочарована. Она надеялась, что учителя заберут совсем. Учителя Томми однажды забрали почти на целый месяц, потому что в нем полностью выключился сектор истории.

Вот почему она сказала Томми:

— С какой стати кто-нибудь станет писать о школе?

Томми с видом превосходства взглянул на нее:

— Потому что это не такая школа, как у нас, дурочка. Это старая школа, какая была сотни лет назад.

Марджи почувствовала себя задетой.

— Откуда мне знать, какие у них там были школы?..

Некоторое время она читала через его плечо, затем сказала:

— Ага, учитель у них был!

— Конечно, был. Только это был не настоящий учитель. Это был человек.

— Человек? Как же человек может быть учителем?

— А что тут такого? Он просто рассказывал ребятам и девочкам, давал им домашние задания, спрашивал.

— Человек бы с этим не справился.

— Еще как бы справился. Мой отец знает не меньше, чем учитель.

— Не может этого быть. Человек не может знать столько, сколько учитель.

— Спорим на что хочешь, он знает почти столько же.

Марджи не была подготовлена к пререканиям на эту тему.

— А мне бы не хотелось, чтобы у нас в доме жил чужой человек, — заявила она.

Томми покотился со смеху:

— Ты же ничего не знаешь, Марджи! Учителя не жили в доме у ребят. У них было специальное здание, и все ребята ходили туда.

— И все ребята учили одно и то же?

— Конечно, если они были одних лет.

— А мама говорит, что учитель должен быть настроен на ум каждого мальчика или девочки и что каждого ребенка нужно учить отдельно.

— Значит, в те времена так не делалось. И если тебе это не нравится, можешь не читать.

— Я не говорю, что мне не нравится, — поспешно сказала Марджи. Ей хотелось почитать об этих странных школах.

Они не дочитали и до половины, когда мама Марджи позвала:

— Марджи! Школа!

Марджи оглянулась.

— Еще немножко, мамочка.

— Немедленно, — сказала миссис Джонс. — Томми, вероятно, тоже уже пора.

Марджи сказала, обращаясь к Томми:

— Можно, после школы я еще немножко почитаю с тобой?

— Там видно будет, — безразлично сказал Томми и ушел, поспыстывая, с пыльной старой книгой под мышкой.

Марджи отправилась в школьную комнату. Школьная комната была рядом со спальней, и механический учитель уже стоял наготове и ждал Марджи. Он всегда стоял наготове в одно и то же время каждый день, кроме субботы и воскресенья, потому что мама говорила, будто маленькие девочки учатся лучше, если занимаются регулярно.

Экран светился, и на нем появились слова: «Сегодня по арифметике мы будем проходить сложение правильных дробей. Пожалуйста, опусти в щель вчерашнее домашнее задание».

Марджи со вздохом повиновалась. Она думала о старых школах, которые были в те времена, когда дедушкин дедушка был маленьким мальчиком. Все дети со всей окрестности кричали и смеялись на школьном дворе, вместе сидели в классах, а в конце дня вместе отправлялись домой. Они все учили одно и то же и могли помогать друг другу делать домашние задания и говорить о них.

И учителя были людьми...

Механический учитель писал на экране: «Когда мы складываем дроби $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$...»

Марджи думала о том, как, должно быть, дети любили тогда школу. Она думала о том, как им было весело.

ОСТРЯК

Ноэл Меерхоф просматривал список, решая, с чего начать. Как всегда, он положился в основном на интуицию.

Меерхоф казался пигмеем рядом с машиной, а ведь была видна лишь незначительная ее часть. Но это роли не играло. Он заговорил с бесцеремонной уверенностью человека, твердо знающего, что он здесь хозяин.

— Гарри Джонс, член масонской ложи, — сказал он, — за завтраком обсуждал с женой подробности вчерашнего заседания братьев масонов. Оказывается, президент ложи выступил с обещанием подарить шелковый цилиндр тому, кто встанет и поклянется, что за годы семейной жизни не целовал ни одной женщины, кроме своей законной жены. «И поверишь ли, Эллен, никто не встал». — «Гарри, — удивилась жена, — а ты-то почему не встал?» — «Да знаешь, я уж совсем было хотел, но вовремя спохватился, что мне страшно не пойдет шелковый цилиндр».

Меерхоф подумал: «Ладно, проглотила, теперь пусть переварит».

Кто-то окликнул его сзади:

— Эй!

Меерхоф стер это междометие из памяти машины и перевел цепь в нейтральную позицию. Он круто обернулся:

— Я занят. В дверь принято стучать — вам что, не известно?

Против обыкновения Меерхоф не улыбнулся, отвечая на приветствие Тимоти Уистлера — старшего аналитика, с которым он сталкивался по работе не реже, чем с другими. Меерхоф нахмурился, словно ему помешал чужой человек: его худое лицо исказилось гримасой, волосы взъерошились пуще прежнего.

Jokester

© 1956 by Isaac Asimov

Остряк

© Н Евдокимова, перевод, 1973

Уистлер пожал плечами. На нем был белый халат, руки он держал в карманах, отчего на ткани образовались вертикальные складки.

— Я постучался. Вы не ответили. А сигнал «Не мешать» погашен.

Меерхоф что-то промычал. Сигнал и вправду не был включен. Поглощенный новым исследованием, Меерхоф забывал о мелочах.

И все же ему не в чем было себя упрекнуть. Дело-то важное. Почему важное, он, разумеется, не знал. Гроссмейстеры редко это знают. Оттого-то они и гроссмейстеры, что действуют по наитию. А как еще может человеческий мозг угадать за сгустком разума пятнадцатикилометровой длины, называемым Мультивак, — за самой сложной на свете вычислительной машиной?

— Я работаю, — сказал Меерхоф. — У вас что-нибудь срочное?

— Потерпит. Я обнаружил пробелы в ответах о гиперпространственном... — С некоторым запозданием на лице Уистлера отразилась богатая гамма эмоций, завершившаяся унылой миной неуверенности. — Работаете?

— Да. А что тут особенного?

— Но ведь... — Уистлер огляделся по сторонам, обвел взглядом всю небольшую комнату, загроможденную бесчисленными реле — ничтожно малой частью Мультивака. — Здесь ведь никого нет.

— А кто говорит, что здесь кто-то есть или должен быть?

— Вы рассказывали очередной анекдот, не так ли?

— Ну и что?

Уистлер натянуто улыбнулся:

— Не станете же вы уверять, будто рассказывали анекдот Мультиваку?

Меерхоф приготовился к отпору.

— А почему бы и нет?

— Мультиваку?

— Да.

— Зачем?

Меерхоф смерил Уистлера взглядом:

— Не собираюсь перед вами отчитываться. И вообще ни перед кем не собираюсь.

— Боже упаси, ну конечно, вы и не обязаны. Я просто полюбопытствовал, вот и все... Но если вы заняты, я пойду.

Нахмурился, Уистлер еще раз огляделся по сторонам.

— Ступайте, — сказал Меерхоф. Он взглядом проводил Уистлера до самой двери, а потом свирепо ткнул пальцем в кнопку — включил сигнал «Не мешать».

Меерхоф шагал взад-вперед по комнате, стараясь взять себя в руки. Черт бы побрал Уистлера! Черт бы побрал их всех! Только из-за того, что Меерхоф не дает себе труда держать техников, аналитиков и механиков на подобающей дистанции, обращается с ними, будто они тоже люди творческого труда, они и позволяют себе такие вольности.

«А сами толком и анекдота рассказать не умеют», — мрачно подумал Меерхоф.

Эта мысль мгновенно вернула его к текущей задаче. Он снова уселся. Ну их всех к дьяволу.

Он активировал соответствующую цепь Мультивака и сказал.

— Во время особенно сильной качки стюард остановился у борта и с состраданием посмотрел на пассажира, который перегнулся через перила и всей своей позой, а также тем, как напряженно вглядывался он в океанскую пучину, являл зрелище жесточайших мук морской болезни. Стюард легонько хлопнул пассажира по плечу. «Мужайтесь, сэр, — шепнул он. — Я знаю, вам кажется, будто дело скверно, однако, право же, от морской болезни никто не умирал». Несчастный пассажир обратил к утешителю позеленевшее, искаженное лицо и хрипло, с трудом произнес: «Не надо так говорить, приятель. Ради всего святого, не надо. Я живу только надеждой на смерть».

Как ни был озабочен Тимоти Уистлер, он все же улыбнулся и кивнул, проходя мимо письменного стола девушки-секретаря. Та улыбнулась в ответ.

«Вот, — подумал он, — архаизм в двадцать первом веке, в эпоху вычислительных машин: живой секретарь! А впрочем, может быть, так и нужно, чтобы эта реалья сохранилась в самой цитадели вычислительной державы, в гигантском мире корпорации, ведающей Мультиваком. Там, где Мультивак заслоняет горизонты, применение маломощных вычислителей для повседневной канцелярской работы было бы дурным вкусом».

Уистлер вошел в кабинет Эбрема Траска. Уполномоченный ФБР сосредоточенно разжигал трубку; рука его на мгновение замерла, черные глаза сверкнули при виде Уистлера, крючковатый нос четко и контрастно обрисовался на фоне прямоугольного окна.

— А, это вы, Уистлер. Садитесь. Садитесь.

Уистлер сел.

— Мне кажется, мы стоим перед проблемой, Траск.

Траск улыбнулся краешком рта.

— Надеюсь, не технической. Я всего лишь невежественный администратор.

Это была одна из его любимых фраз.

— Насчет Меерхофа.

Траск тотчас уселся, вид у него стал разнесчастный.

— Вы уверены?

— Совершенно уверен.

Уистлер хорошо понимал недовольство собеседника. Уполномоченный ФБР Траск руководил отделом вычислительных машин и автоматики департамента внутренних дел. Он решал вопросы, касающиеся человеческих придатков Мультивака, точно так же как эти технически натасканные придатки решали вопросы, касающиеся самого Мультивака.

Но гроссмейстер нечто большее, чем просто придаток. Даже нечто большее, чем просто человек.

На заре истории Мультивака выяснилось, что самый ответственный участок — это постановка вопросов. Мультивак решает проблемы для человечества, он может разрешить все проблемы, если... если ему задают осмысленные вопросы. Но по мере накопления знаний, которое происходило все интенсивнее, ставить осмысленные вопросы становилось все труднее и труднее.

Одного рассудка тут мало. Нужна редкостная интуиция; тот же талант (только куда более ярко выраженный), каким наделен шахматный гроссмейстер. Нужен ум, который способен из квадрильонов шахматных ходов отобрать наилучший, причем сделать это за несколько минут.

Траск беспокойно заерзал на стуле.

— Так что же Меерхоф?

— Вводит в машину новую серию вопросов; на мой взгляд, он пошел по опасному пути.

— Да полно вам, Уистлер. Только и всего? Гроссмейстер может задать вопросы любого характера, если считает нужным. Ни мне, ни вам не дано судить о том, чего стоят его вопросы. Вы ведь это знаете. Да и я знаю, что вы знаете.

— Конечно. Согласен. Но я ведь и Меерхофа знаю. Вы с ним когда-нибудь встречались вне службы?

— О Господи, нет. А разве с гроссмейстерами встречаются вне службы?

— Не становитесь в такую позу, Траск. Гроссмейстеры — люди, их надо жалеть. Задумывались ли вы над тем, каково быть гроссмейстером; знать, что в мире только десять—двенадцать тебе подобных; знать, что таких на поколение приходится один или два; что от тебя зависит весь мир; что у тебя под началом тысячи математиков, логиков, психологов и физиков?

— О Господи, да я бы чувствовал себя владыкой мира, — пробормотал Траск, пожав плечами.

— Не думаю, — нетерпеливо прервал его старший аналитик. — Они себя чувствуют владыками пустоты. У них нет равных, им не с кем поболтать, они лишены чувства локтя. Послушайте.

Меерхоф никогда не упускает случая побыть с нашими ребятами. Он, естественно, не женат; не пьет; по складу характера не компанейский человек... и все же заставляет себя присоединяться к компании, потому что иначе не может. Так знаете ли, что он делает, когда мы собираемся, а это бывает не реже раза в неделю?

— Представления не имею, — сказал уполномоченный ФБР. — Все это для меня новости.

— Он острит.

— Что?

— Анекдоты рассказывает. Отменные. Пользуется бешеным успехом. Он может выложить любую историю, даже самую старую и скучную, и будет смешно. Все дело в том, как он рассказывает. У него особое чутье.

— Понимаю. Что ж, хорошо.

— А может быть, плохо. К этим анекдотам он относится серьезно. — Уистлер обеими руками облокотился на стол Траска, прикусил ноготь и отвел глаза. — Он не такой, как все, он и сам это знает и полагает, что только анекдотами можно прогнать таких заурядных трепачей, как мы. Мы смеемся, мы хотим, мы хлопаем его по плечу и даже забываем, что он гроссмейстер. Только в этом и проявляется его влияние на сослуживцев.

— Очень интересно. Я и не знал, что вы такой тонкий психолог. Но к чему вы клоните?

— А вот к чему. Как вы думаете, что случится, если Меерхоф исчерпает свой запас анекдотов?

— Что? — Уполномоченный ФБР непонимающе уставился на собеседника.

— Вдруг он начнет повторяться? Вдруг слушатели станут хохотать не так заразительно или вообще прекратят смеяться? Ведь это единственное, чем он может вызвать у нас одобрение. Без этого он окажется в одиночестве, и что же тогда с ним будет? В конце концов, он — один из дюжины людей, без которых человечеству никак не обойтись. Нельзя допустить, чтобы с ним что-то случилось. Я имею в виду не только физические травмы. Нельзя позволить ему впасть в меланхолию. Кто знает, как плохое настроение отразится на его интуиции?

— А что, он начал повторяться?

— Насколько мне известно, нет, но, по-моему, он считает, что начал.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я подслушал, как он рассказывает анекдоты Мультиваку.

— Не может быть.

— Совершенно случайно. Вошел без стука, и Меерхоф меня выпнул. Он был вне себя. Обычно он добродушен, и мне кажется, такое бурное недовольство моим внезапным появлением — дурной признак. Но факт остается фактом: Меерхоф рассказывал Мультиваку анекдот, да к тому же, я убежден, не первый и не последний.

— Но зачем?

Уистлер пожал плечами, яростно растер подбородок.

— Вот и меня это озадачило. Я думаю, Меерхоф хочет аккумулировать запас анекдотов в памяти Мультивака, чтобы получить от него новые вариации. Вам понятна моя мысль? Он намерен создать кибернетического остряка, чтобы располагать анекдотами в неограниченном количестве и не бояться, что запас когда-нибудь истощится.

— О Господи!

— Объективно тут, может быть, ничего плохого и нет, но, по моим понятиям, если гроссмейстер использует Мультивака для личных целей, это скверный признак. У всех гроссмейстеров ум неустойчивый, за ними надо следить. Возможно, Меерхоф приближается к грани, за которой мы потеряем гроссмейстера.

— Что вы предлагаете? — бесстрастно осведомился Траск.

— Хотя убейте, не знаю. Наверное, я с ним чересчур тесно связан по работе, чтобы здраво судить о нем, и вообще судить о людях не моего ума дело. Вы политик, это скорее ваша стихия.

— Судить о людях — да, но не о гроссмейстерах.

— Гроссмейстеры тоже люди. Да и кто это будет делать, если не вы?

Пальцы Траска отстукивали по столу быструю, приглушенную барабанную дробь.

— Видно, придется мне.

Меерхоф рассказывал Мультиваку:

— В доброе старое время королевский шут однажды увидел, что король умывается, согнувшись в три погибели над лоханью. Развеселившийся шут изо всех сил пнул священную королевскую особу ногой в зад. Король в ярости повелел казнить дерзкого на месте, но тут же сменил гнев на милость и обещал простить шута, если тот ухитрится принести извинение, еще более оскорбительное, чем сам проступок. Осужденный лишь на миг задумался, потом сказал: «Умоляю ваше величество о пощаде. Я ведь не знал, что это были вы. Мне показалось, будто это королева».

Меерхоф собирался перейти к следующему анекдоту, но тут его вызвали.

Собственно говоря, даже не вызвали. Гроссмейстеров никто нигде не вызывает. Просто пришла записка с сообщением, что

начальник отдела Траск очень хотел бы повидаться с гроссмейстером Меерхофом, если гроссмейстеру Меерхофу не трудно уделить ему несколько минут.

Меерхоф мог безнаказанно швырнуть записку в угол и по-прежнему заниматься своим делом. Он не был обязан соблюдать дисциплину.

С другой стороны, если бы он так поступил, к нему бы продолжали приставать, бесспорно со всей почтительностью, но продолжали бы.

Поэтому он перевел активированные цепи Мультивака в нейтральную позицию и включил блокировку. На двери он вывесил табличку «Опасный эксперимент», чтобы никто не посмел войти в его отсутствие, и ушел в кабинет Траска.

Траск кашлянул, чуть заробев под мрачной беспощадностью гроссмейстерского взгляда. Он сказал:

— К моему великому сожалению, гроссмейстер, у нас до сих пор не было случая познакомиться.

— Я перед вами регулярно отчитываюсь, — сухо возразил Меерхоф.

Траск задумался, что же кроется за пронзительным, горящим взглядом собеседника. Ему трудно было представить себе, как темноволосый Меерхоф, с тонкими чертами лица, внутренне натянутый как тетива, хотя бы на время перевоплощается в рубаху-парня и рассказывает смешные байки.

— Отчеты — это официальное знакомство, — ответил он. — Я... мне дали понять, что вы знаете удивительное множество анекдотов.

— Я остряк, сэр. Люди так и выражаются. Остряк.

— При мне никто так не выражался, гроссмейстер. Мне говорили...

— Да черт с ними! Мне все равно, кто что говорит. Послушайте, Траск, хотите анекдот? — Он навалился на письменный стол, сощурив глаза.

— Ради Бога... Конечно, хочу, — сказал Траск, сияясь говорить искренним тоном.

— Ладно. Вот вам анекдот. Миссис Джонс разглядывает карточку с предсказанием судьбы, выпавшую из автоматических весов, куда бросил медяк ее муж, и говорит: «Тут написано, Джордж, что ты учтив, умен, дальновиден, трудолюбив и нравишься женщинам». С этими словами она перевернула карточку и прибавила: «Вес тоже переврали».

Траск засмеялся. Удержаться было почти невозможно. Меерхоф так удачно воспроизвел надменную презрительность в голосе женщины, так похоже скорчил мину под стать голосу, что уполномоченный ФБР невольно расвеселился.

— Почему вам смешно? — резко спросил Меерхоф.

— Прошу прощения, — опомнился Траск.

— Я спрашиваю, почему вам смешно? Над чем вы смеетесь?

— Да вот, — ответил Траск, стараясь не терять благоразумия, — последняя фраза представила все предыдущее в новом свете. Неожиданность...

— Странно, — сказал Меерхоф, — ведь я изобразил мужа, которого оскорбляет жена; брак до того неудачен, что жена убеждена, будто у ее мужа вообще нет достоинств. А вы смеетесь. Окажись вы на месте мужа, было бы вам смешно?

На мгновение он задумался, потом продолжал:

— Подумайте над другим анекдотом, Траск. Некий шотландец опоздал на службу на сорок минут. Его вызвали к начальству для объяснений. «Я хотел почистить зубы, — оправдывался шотландец, — но слишком сильно надавил на тюбик, и вся паста вывалилась наружу. Пришлось заталкивать ее обратно в тюбик, а это отняло уйму времени».

Траск попытался сохранить бесстрашие, но у него ничего не вышло. Ему не удалось скрыть усмешки.

— Значит, тоже смешно, — сказал Меерхоф. — Разные глупости. Все смешно.

— Ну, знаете ли, — заметил Траск, — есть масса книг, посвященных анализу юмора.

— Это верно, — согласился Меерхоф. — Кое-что я прочел. Более того, кое-что я читал Мультиваку. Но все же авторы этих книг лишь строят догадки. Некоторые утверждают, будто мы смеемся оттого, что чувствуем свое превосходство над героями анекдота. Некоторые утверждают, будто нам смешно из-за неожиданно осознанной нелепости, или внезапной разрядки напряжения, или внезапного освещения событий по-новому. А может быть, причина проще? Разные люди смеются после разных анекдотов. Ни один анекдот не универсален. Есть люди, которых вообще не смешат анекдоты. Но, по-видимому, главное то, что человек — единственный из животных, наделенный чувством юмора: единственный из животных он умеет смеяться.

— Понимаю, — сказал вдруг Траск. — Вы пытаетесь анализировать юмор. Поэтому и вводите в Мультивак серию анекдотов.

— Откуда вы знаете?... Ясно, можете не отвечать: от Уистлера. Теперь я вспомнил. Он застал меня врасплох. Ну и что отсюда следует?

— Ровным счетом ничего.

— Вы не оспариваете моего права как угодно расширять объем знаний Мультивака и задавать ему любые вопросы?

— Вовсе нет, — поспешил заверить Траск. — По сути дела, я не сомневаюсь, что тем самым вы откроете путь к новым исследованиям, крайне интересным для психологов.

— Угу. Возможно. Но все равно мне не дает покоя нечто гораздо более важное, чем общий анализ юмора. Я должен задать конкретный вопрос. Даже два.

— Вот как? Что же это за вопросы? — Траск не был уверен, что Меерхоф захочет ему ответить. Заставить же его нельзя будет никакими силами.

Но Меерхоф ответил:

— Первый вопрос такой: откуда берутся анекдоты?

— Что?

— Кто их придумывает? Дело вот в чем. Примерно с месяц назад я убил вечер, рассказывая и выслушивая анекдоты. Как всегда, большей частью рассказывал я, и, как всегда, дурачье смеялось. Может быть, находили анекдоты смешными, а может быть, просто меня ублажали. Во всяком случае, один кретин позволил себе хлопнуть меня по спине и заявить: «Меерхоф, да вы знаете анекдотов больше, чем десяток моих приятелей». Он был прав, спору нет, но это натолкнуло меня на мысль. Не знаю уж, сколько сот, а может, тысяч анекдотов пересказал я за свою жизнь, но сам-то наверняка ни одного не придумал. Ни единого. Только повторял. Единственный мой вклад в дело юмора — пересказ. Начнем с того, что анекдоты я либо слышал, либо читал. Но источник в обоих случаях не был первоисточником. Никогда я не встречал человека, который похвалился бы, что сочинил анекдот. Только и слышишь: «На днях мне рассказали недурной анекдот» или: «Хорошие анекдоты есть?»

Все анекдоты стары! Вот почему они так отстают от времени. В них до сих пор говорится о морской болезни, хотя в наш век ее ничего не стоит предотвратить и никого она не беспокоит. Или в анекдоте, что я вам сейчас рассказал, фигурируют весы, предсказывающие судьбу, хотя такой агрегат отыщешь разве что в антикварном магазине. Так кто же тогда выдумывает анекдоты?

— Вы это хотите выяснить? — воскликнул Траск. На языке у него так и вертелось: «О Господи, да не все ли равно?» Но он не дал воли импульсу. Вопросы гроссмейстера всегда исполнены глубокого смысла.

— Разумеется, именно это я и хочу выяснить. Рассмотрим вопрос с другой стороны. Дело не только в том, что анекдоты, как правило, стары. Существенно важно, чтобы анекдот был откуда-то заимствован. Есть категория незаимствованного юмора — каламбуры. Мне приходилось слышать каламбуры, явно родившиеся экспромтом. Я и сам каламбурил. Но над каламбурами никто не смеется. Никто и не должен смеяться. Принято стонать. Чем удачнее каламбур, тем громче стонут. Незаимствованный юмор не вызывает смеха. Почему?

— Право, не знаю.

— Ладно. Давайте выясним. Я ввел в Мультивак всю информацию о юморе вообще, какую считал нужной, и теперь пичкаю его избранными анекдотами.

Траск против воли заинтересовался.

— Избранными по какому принципу? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Меерхоф. — Мне казалось, что нужны именно они. В конце концов, я ведь гроссмейстер.

— Сдаюсь, сдаюсь.

— Первое задание Мультиваку такое: исходя из этих анекдотов и общей философии юмора, проследить происхождение всех анекдотов. Раз уж Уистлер оказался в курсе дела и счел нужным поставить вас в известность, пусть придет послезавтра в аналитическую лабораторию. Думаю, для него там найдется работа.

— Конечно. А мне можно присутствовать?

Меерхоф пожал плечами. По-видимому, присутствие Траска было ему в высшей степени безразлично.

Последний анекдот серии Меерхоф отбирал с особой тщательностью. В чем выразилась эта тщательность, он и сам не мог бы ответить, но перебрал в уме добрый десяток вариантов, снова и снова отыскивая в каждом неуловимые оттенки скрытого смысла. Наконец он сказал:

— К пещерному жителю Угу с плачем подбежала его подруга в измятой юбке из леопардовой шкуры. «Уг, — вскричала она горестно, — беги скорее! К маме в пещеру забрался саблезубый тигр. Да беги же скорее!» Уг фыркнул, поднял с земли обглоданную кость буйвола и ответил: «Зачем бежать? Какое мне дело до того, что станется с саблезубым тигром?»

Тут Меерхоф задал машине два вопроса и, закрыв глаза, откинулся на спинку стула. Он сделал свое дело.

— Никаких аномалий я не заметил, — сообщил Уистлеру Траск. — Он охотно рассказал, над чем работает, это исследование необычное, но законное.

— Уверяет, будто работает, — вставил Уистлер.

— Все равно не могу я отстранить гроссмейстера единственно по подозрению. Он показался мне странным, но, в конце концов, такими и должны быть гроссмейстеры. Я не считаю его сумасшедшим.

— А поручить Мультиваку найти источник анекдотов — это, по-вашему, не сумасшествие? — буркнул старший аналитик.

— Кто знает? — раздраженно ответил Траск. — Наука продвинулась так далеко, что стоит задавать только нелепые вопросы. Все осмысленные давно продуманы и заданы, на них получены ответы.

— Все равно. Я встревожен.

— Может быть, но теперь уже нет выбора, Уистлер. Мы встретимся с Меерхофом, вы проанализируете ответ Мультивака, если он даст ответ. Что до меня, то ведь я занимаюсь только канцелярской волокитой. О Господи, я даже не знаю, что делает старший аналитик, вот вы, например; догадываюсь, что аналитик анализируют, но это мне ничего не говорит.

— Все очень просто, — сказал Уистлер. — Гроссмейстер, например Меерхоф, задает вопросы, а Мультивак автоматически выражает их в числах и математических действиях. Большую часть Мультивака занимают устройства, преобразующие слова в символы. Затем Мультивак дает ответ, тоже в числах и действиях, но переводит его на язык слов только в простейших, из дня в день повторяющихся случаях. Чтобы Мультивак умел совершать универсальные преобразования, его объем пришлось бы по меньшей мере учетверить.

— Понятно. Значит, ваша работа — выражать символы словами?

— Моя работа и работа других аналитиков. Если нужно, мы пользуемся маломощными вычислительными машинами, специально для нас сконструированными. — Уистлер мрачно улыбнулся. — Подобно дельфийской пифии в древней Греции, Мультивак дает загадочные, неясные ответы. Вся разница в том, что у Мультивака есть переводчики.

Они пришли в лабораторию. Меерхоф уже ждал.

— Какими цепями вы пользовались, гроссмейстер? — деловито спросил Уистлер.

Меерхоф перечислил цепи, и Уистлер принялся за работу.

Траск пытался следить за происходящим, но оно не поддавалось истолкованию. Чиновник смотрел, как разматывается бесконечная лента, усеянная непонятными узорами точек. Гроссмейстер Меерхоф равнодушно стоял в стороне, а Уистлер рассматривал появляющиеся узоры. Аналитик надел наушники, вооружился микрофоном и время от времени негромко давал инструкции, которые помогали его коллегам где-то в дальнем помещении вылавливать электронные погрешности у других вычислительных машин.

Прошло больше часа.

Уистлер все суровее хмурил лоб. Он перевел взгляд на Меерхофа и Траска, начал было «Невероя...» и снова углубился в работу.

Наконец он хрипло произнес:

— Могу сообщить вам ответ неофициально. — Глаза у него были воспаленные. — Официальное сообщение отложим до завершения анализа. Согласны на неофициальное?

— Давайте, — сказал Меерхоф.

Траск кивнул.

Уистлер виновато покосился на гроссмейстера.

— Один дурак может задать столько вопросов, что... — сказал он и сипло прибавил: — Мультивак утверждает, будто происхождение анекдотов внеземное.

— Что вы несете? — возмутился Траск.

— Разве вы не слышите? Анекдоты, которые нас смешат, придуманы не людьми. Мультивак проанализировал всю полученную информацию, и она укладывается в рамки только одной гипотезы: какой-то внеземной интеллект сочинил все анекдоты и заложил их в умы избранных людей. Происходило это в заданное время, в заданных местах, и ни один человек не сознавал, что он первый рассказывает какой-то анекдот. Все последующие анекдоты представляют собой лишь незначительные вариации и переделки тех великих подлинников.

Лицо Меерхофа разумянилось, глаза сверкнули торжеством, какое доступно лишь гроссмейстеру, когда он — который раз! — задает удачный вопрос.

— Все авторы комедий, — заявил он, — приспособливают старые остроты для новых целей. Это давно известно. Ответ сходится.

— Но почему? — удивился Траск. — Зачем было сочинять анекдоты?

— Мультивак утверждает, — ответил Уистлер, — что все сведения укладываются в рамки единственной гипотезы: анекдоты служат пособием для изучения людской психологии. Исследуя психологию крыс, мы заставляем крысу искать выход из лабиринта. Она не знает, зачем это делается, и никогда не узнает, даже если бы осознала происходящее, на что она не способна. Внеземной разум исследует людскую психологию, наблюдая индивидуальные реакции на тщательно отобранные анекдоты. Люди реагируют каждый по-своему... Надо полагать, по отношению к нам этот внеземной разум — то же самое, что мы по отношению к крысам. — Он поежился.

Траск, вытаращив глаза, пролетел:

— Гроссмейстер говорит, что человек — единственное животное, обладающее чувством юмора. Значит, чувством юмора нас наделили извне.

— А юмор, порожденный самими людьми, не вызывает у нас смеха. Я имею в виду каламбуры, — возбужденно подхватил Меерхоф.

— Вероятно, внеземной разум во избежание путаницы гасит реакцию на спонтанные шутки.

— Да ну, о Господи, будет вам, неужели хоть один из вас этому верит? — во внезапном смятении воскликнул Траск.

Старший аналитик посмотрел на него холодно:

— Так утверждает Мультивак. Пока больше ничего нельзя прибавить. Он выявил подлинных остряков Вселенной, а если мы хотим узнать больше, дело надо расследовать. — И шепотом прибавил: — Если кто-нибудь дерзнет его расследовать.

— Я ведь предлагал два вопроса, — неожиданно сказал грессмейстер Меерхоф. — Пока что Мультивак ответил только на первый. По-моему, он располагает достаточно полной информацией, чтобы ответить и на второй.

Уистлер пожал плечами. Он казался сломленным человеком.

— Если грессмейстер считает, что информация полная, — сказал он, — то можно головой ручаться. Какой там второй вопрос?

— Я спросил: «Что произойдет, если человечество узнает, какой ответ получен на мой первый вопрос?»

— А почему вы это спросили? — осведомился Траск.

— Просто чувствовал, что надо спросить, — пояснил Меерхоф.

— Безумие. Слошное безумие, — сказал Траск и отвернулся. Он и сам ощущал, как диаметрально изменились позиции его и Уистлера. Теперь Траск обвинял всех в безумии.

Он закрыл глаза. Можно обвинять в безумии кого угодно, но за пятьдесят лет еще никто не усомнился в непогрешимости содружества грессмейстер—Мультивак без того, чтобы сомнения тут же не развеялись.

Уистлер работал в молчании, стиснув зубы. Он снова заставил Мультивака и подсобные машины проделать сложнейшие операции. Еще через час он хрипло рассмеялся:

— Тифозный бред!

— Какой ответ? — спросил Меерхоф. — Меня интересуют комментарии Мультивака, а не ваши.

— Ладно. Получайте. Мультивак утверждает, что, как только хоть одному человеку откроется правда о таком методе психологического анализа людского разума, этот метод лишится объективной ценности и станет бесполезен для внеземных сил, которые сейчас им пользуются.

— Надо понимать, прекратится снабжение человечества анекдотами? — еле слышно спросил Траск. — Или вас надо понимать как-нибудь иначе?

— Конец анекдотам, — объявил Уистлер. — Отныне! Мультивак утверждает: отныне! Отныне эксперимент прекращается! Будет разработан новый метод.

Все уставились друг на друга. Текли минуты.

Меерхоф медленно проговорил:

— Мультивак прав.

— Знаю, — измученно отозвался Уистлер.

Даже Траск прошептал:

— Да. Наверное.

Не кто иной, как Меерхоф, признанный остряк Меерхоф, привел решающий довод. Он сказал:

— Ничего не осталось, знаете ли, ничего. Я уже пять минут стараюсь, но не могу вспомнить ни одного анекдота, ни единого! А если я вычитаю анекдот в книге, то не засмеюсь. Наверняка.

— Исчез дар юмора, — тоскливо заметил Траск. — Ни один человек больше не засмеется.

Все трое сидели с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как мир сжимается до размеров крысиной клетки, откуда вынули лабиринт, чтобы вместо него поставить нечто другое, неведомое.

БЕССМЕРТНЫЙ БАРА

— О да, — сказал доктор Финейс Уэлч, — я могу вызывать души знаменитых покойников.

Он был слегка «под мухой», иначе бы он этого не сказал. Конечно, в том, что он напился на рождественской вечеринке, ничего предосудительного не было.

Скотт Робертсон, молодой преподаватель английского языка и литературы, поправил очки и стал озиаться — он не верил своим ушам.

— Вы серьезно, доктор Уэлч?

— Совершенно серьезно. И не только души, но и тела.

— Не думаю, чтобы это было возможно, — сказал Робертсон, поджав губы.

— Почему же? Простое перемещение во времени.

— Вы хотите сказать, путешествие во времени? Но это несколько... необычно.

— Все получается очень просто, если знаешь, как делать.

— Ну, тогда расскажите, доктор Уэлч, как вы это делаете.

— Так я вам и рассказал.

Физик рассеянным взглядом искал хоть один наполненный бокал.

— Я уже многих переносил к нам, — продолжал Уэлч. — Архимеда, Ньютона, Галилея. Бедняги!

— Разве им не понравилось у нас? Наверно, они были потрясены достижениями современной науки, — сказал Робертсон.

— Конечно, они были потрясены. Особенно Архимед. Сначала я думал, что он с ума сойдет от радости, когда я объяснил ему кое-что на том греческом языке, который меня когда-то заставляли зубрить, но ничего хорошего из этого не вышло...

— А что случилось?

— Ничего. Только культуры разные. Они никак не могли привыкнуть к нашему образу жизни. Они чувствовали себя ужасно одинокими, им было страшно. Мне приходилось отсылать их обратно.

— Это очень жаль.

— Да. Умы великие, но плохо приспособляющиеся. Не универсальные. Тогда я попробовал перенести к нам Шекспира.

— Что! — вскричал Робертсон. Это было уже по его специальности.

— Не кричите, юноша, — сказал Уэлч. — Это неприлично.

— Вы сказали, что перенесли к нам Шекспира?

— Да, Шекспира. Мне был нужен кто-нибудь с универсальным умом. Мне был нужен человек, который так хорошо знал бы людей, что мог бы жить с ними, уйдя на века от своего времени. Шекспир и был таким человеком. У меня есть его автограф. Я взял на память.

— А он у вас с собой? — спросил Робертсон. Глаза его блестели.

— С собой. — Уэлч пошарил по карманам. — Ага, вот он.

Он протянул Робертсону маленький кусочек картона. На одной стороне было написано: «Л. Кейн и сыновья. Оптовая торговля скобяными товарами». На другой стояла размашистая подпись: «Уилм Шекспир».

Ужасная догадка ошеломила Робертсона.

— А как он выглядел? — спросил преподаватель.

— Совсем не так, каким его изображают. Совершенно лысый, с безобразными усами. Он говорил на сочном диалекте. Конечно, я сделал все, чтобы наш век ему понравился. Я сказал ему, что мы высоко ценим его пьесы и до сих пор ставим их. Я сказал, что мы считаем их величайшими произведениями не только английской, но и мировой литературы.

— Хорошо, хорошо, — сказал Робертсон, слушавший затаив дыхание.

— Я сказал, что люди написали тома и тома комментариев к его пьесам. Естественно, он захотел посмотреть какую-нибудь книгу о себе, и мне пришлось взять ее в библиотеке.

— И?

— Он был потрясен. Конечно, он не всегда понимал наши идиомы и ссылки на события, случившиеся после 1600 года, но я помог ему. Бедняга! Наверное, он не ожидал, что его так возвеличат. Он все говорил: «Господи! И что только не делали со словами эти пять веков! Дай человеку волю, и он, по моему разумению, даже из сырой тряпки выжмет целый потоп!»

— Он не мог этого сказать.

— Почему? Он писал свои пьесы очень быстро. Он говорил, что у него были сжатые сроки. Он написал «Гамлета» меньше чем за полгода. Сюжет был старый. Он только обработал его.

— Обработал! — с возмущением сказал преподаватель английского языка и литературы. — После обработки обыкновенное стекло становится линзой мощнейшего телескопа.

Физик не слушал. Он заметил нетронутый коктейль и стал бочком протискиваться к нему.

— Я сказал бессмертному барду, что в колледжах есть даже специальные курсы по Шекспиру.

— Я веду такой курс.

— Знаю. Я записал его на ваш дополнительный вечерний курс. Никогда не видел человека, который больше бедняги Билла стремился бы узнать, что о нем думают потомки. Он здорово поработал над этим.

— Вы записали Уильяма Шекспира на мой курс? — пробормотал Робертсон. Даже если это пьяный бред, все равно голова идет кругом. Но бред ли это? Робертсон начал припоминать лысого человека с необычным произношением...

— Конечно, я записал его под вымышленным именем, — сказал доктор Уэлч. — Стоит ли рассказывать, что ему пришлось перенести. Это была ошибка. Большая ошибка. Бедняга!

Он наконец добрался до коктейля и погрозил Робертсону пальцем.

— Почему ошибка? Что случилось?

— Я отослал его обратно в 1600 год. — Уэлч от возмущения повысил голос. — Как вы думаете, сколько унижений может вынести человек?

— О каких унижениях вы говорите?

Доктор Уэлч залпом выпил коктейль.

— О каких! Бедный простачок, вы провалили его.

МЕЧТЫ — ЛИЧНОЕ ДЕЛО КАЖДОГО

Джекс Уэйл оторвался от бумаг на своем письменном столе. Его сухоощавая старческая фигура, орлиный нос, глубоко посаженные сумрачные глаза и буйная белоснежная шевелюра успели стать своего рода фирменной маркой всемирно известной акционерной компании «Грезы».

Он спросил:

— Мальчуган уже пришел, Джо?

Джо Дули был невысок ростом и коренаст. К его влажной губе ласково прилипла сигара. Теперь он вынул ее изо рта и кивнул:

— И родители тоже. Напугались, понятное дело.

— А вы не ошиблись, Джо? Я ведь занят, — Уэйл взглянул на часы. — В два часа у меня чиновник из министерства.

— Вернее верного, мистер Уэйл, — горячо заявил Джо, и его лицо выразило такую убежденность, что даже толстые щеки задергались. — Я же вам говорил, что высмотрел мальчишку, когда он играл в баскетбол на школьном дворе. Видели бы его! Мазил, одно слово. Чуть мяч попадал к нему, так свои же торопились его отобрать, а малыш все равно держался звезда звездой. Понимаете? Тут-то я и взял его на заметку.

— А вы с ним поговорили?

— Ну а как же! Я подошел к нему, когда они завтракали. Вы же меня знаете, мистер Уэйл. — Дули возбужденно взмахнул сигарой, но успел подхватить в ладонь слетевший пепел. — «Малыш», — сказал я...

— Так из него можно сделать мечтателя?

— Я сказал: «Малыш, я сейчас прямо из Африки и...»

— Хорошо, — Уэйл поднял ладонь. — Вашего мнения для меня достаточно. Не могу понять, как это у вас получается, но, если

я знаю, что мальчик выбран вами, я всегда готов рискнуть. Позовите его.

Мальчик вошел в сопровождении родителей. Дули пододвинул им стулья, а Уэйл встал и обменялся с вошедшими любезным рукопожатием. Мальчику он улыбнулся так, что каждая его морщина начала лучиться добродушием.

— Ты ведь Томми Слуцкий?

Томми молча кивнул. Для своих десяти лет он выглядел, пожалуй, слишком шуплым. Темные волосы были прилизаны с неубедительной аккуратностью, а рожица сияла неестественной чистотой.

— Ты ведь послушный мальчик?

Мать Томми расплылась в улыбке и с материнской нежностью погладила сына по голове (выражение тревоги на лице мальчугана при этом несколько не смягчилось).

— Он очень послушный и очень хороший мальчик, — сказала она.

Уэйл пропустил это сомнительное утверждение мимо ушей.

— Скажи мне, Томми, — начал он, протягивая леденец, который после некоторых колебаний был все-таки принят, — ты когда-нибудь слушал грезы?

— Случалось, — сказал Томми тонким фальцетом.

Мистер Слуцкий, один из тех широкоплечих, толстопалых чернорабочих, которые в посрамление евгеники оказываются порой отцами мечтателей, откашлялся и пояснил:

— Мы иногда брали для малыша напрокат парочку-другую грёз. Настоящих, старинных.

Уэйл кивнул и опять обратился к мальчику:

— А они тебе нравятся, Томми?

— Чепухи в них много.

— Ты ведь для себя придумываешь куда лучше, правда?

Ухмылка, расплывшаяся по ребячьей рожице, смягчила неестественность прилизанных волос и чисто вымытых щек и носа.

Уэйл мягко продолжал:

— А ты не хочешь пометать для меня?

— Да не-ет, — смущенно ответил Томми.

— Это же не трудно, это совсем легко... Джо!

Дули отодвинул ширму и подкатил к ним грезограф.

Мальчик в недоумении уставился на аппарат.

Уэйл взял шлем и поднес его к лицу мальчика:

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — попятившись, ответил Томми.

— Это мысленница. Мы называем ее так потому, что люди в нее думают. Надень ее на голову и думай, о чем хочешь.

— И что тогда будет?

— Ничего не будет. Это довольно приятно.

— Нет, — сказал Томми. — Лучше не надо.

Его мать поспешно нагнулась к нему:

— Это не больно, Томми. Делай, что тебе говорят, — истолковать ее тон было нетрудно.

Томми весь напрягся, и секунду казалось, что он вот-вот заплачет. Уэйл надел на него мысленницу.

Сделал он это очень бережно и осторожно и с полминуты молчал, давая мальчику время убедиться, что ничего страшного не произошло, и свыкнуться с ласкающим прикосновением фибрилл к швам его черепа (сквозь кожу они проникали совершенно безболезненно), а главное, с легким жужжанием меняющегося вихревого поля.

Наконец он сказал:

— А теперь ты для нас подумаешь?

— О чем? — из-под шлема были видны только нос и рот мальчика.

— О чем хочешь. Ну, скажем, уроки в школе окончились, и ты можешь делать все, что пожелаешь.

Мальчик немного подумал, а потом возбужденно спросил:

— Можно мне полетать на стратолете?

— Конечно! Сколько угодно. Значит, ты летишь на стратолете. Вот он стартует. — Уэйл сделал незаметный знак, и Дули включил замораживатель.

Сеанс продолжался только пять минут, а потом Дули проводил мальчика и его мать в приемную. Томми был несколько растерян, но в остальном перенесенное испытание никак на него не подействовало.

Когда они вышли, Уэйл повернулся к отцу семейства:

— Так вот, мистер Слуцкий, если проба окажется удачной, мы готовы выплачивать вам пятьсот долларов ежегодно, пока Томми не кончит школу. Взамен мы попросим только о следующем: чтобы он каждую неделю проводил один час в нашем специальном училище.

— Мне надо будет подписать какую-нибудь бумагу? — хриплым голосом спросил Слуцкий.

— Разумеется. Ведь это деловое соглашение, мистер Слуцкий.

— Уж и не знаю, что вам ответить. Я слышал, что мечтателя отыскать не так-то просто.

— Безусловно, безусловно. Но ведь ваш сын, мистер Слуцкий, еще не мечтатель. И не известно, станет ли он мечтателем. Пятьсот долларов в год для нас — ставка в лотерее. А для вас они верный выигрыш. Когда Томми окончит школу, может оказаться, что он вовсе не мечтатель, но вы на этом ничего не потеряете. Наоборот, получите примерно четыре тысячи долларов. Ну а если он все-таки станет мечтателем, он будет неплохо зарабатывать, и уж тогда вы будете в полном выигрыше.

— Ему же надо будет пройти специальное обучение?

— Само собой разумеется, и оно крайне сложно! Но об этом мы поговорим, когда он кончит школу. Тогда в течение двух лет мы его окончательно вытренируем. Положитесь на меня, мистер Слуцкий.

— А вы гарантируете это специальное обучение?

Уэйл, который уже пододвинул контракт к Слуцкому и протянул ему ручку колпачком вперед, усмехнулся, положил ручку и сказал:

— Нет, не гарантируем. Это невозможно, так как мы не знаем, действительно ли у него есть талант. Однако ежегодные пятьсот долларов останутся у вас.

Слуцкий подумал и покачал головой:

— Я вам честно скажу, мистер Уэйл... Когда ваш агент договорился, что мы придем к вам, я позвонил в «Сны наяву». Они сказали, что у них обучение гарантируется.

Уэйл вздохнул:

— Мистер Слуцкий, не в моих правилах критиковать конкурента. Если они сказали, что гарантируют обучение, значит, они это условие выполняют, однако никакое обучение не сделает из вашего сына мечтателя, если у него нет настоящего таланта. А подвергнуть обыкновенного мальчика специальной тренировке — значит погубить его. Мечтателя из него сделать невозможно, даю вам слово. Но и нормальным человеком он тоже не останется. Не рискуйте так судьбой вашего сына. Компания «Грезы» будет с вами совершенно откровенна. Если он может стать мечтателем, мы сделаем его мечтателем. Если же нет, мы вернем его вам таким, каким он пришел к нам, и скажем: «Пусть он приобретет какую-нибудь обычную специальность». При этом здоровью вашего сына ничто не угрожает, и в конечном счете так будет лучше для него. Послушайте меня, мистер Слуцкий, — у меня есть сыновья, дочери, внуки, и я знаю, о чем говорю, — так вот: я за миллион долларов не позволил бы моему ребенку начать грезить, если бы он не был к этому подготовлен. И за миллион!

Слуцкий вытер рот ладонью и потянулся за ручкой.

— Что тут сказано-то?

— Это просто расписка. Мы выплачиваем вам немедленно сто долларов наличными. Без каких-либо обязательств для обеих сторон. Мы рассмотрим мечты мальчика. Если нам покажется, что у него есть задатки, мы дадим вам знать и приготовим контракт на пятьсот долларов в год. Положитесь на меня, мистер Слуцкий, и не беспокойтесь. Вы не пожалеете.

Слуцкий подписал.

Оставшись один, Уэйл надел на голову размораживатель и внимательно впитал мечты мальчика. Это была типичная детская фантазия. «Я» находилось в кабине управления, представлявшей собой смесь образов, почерпнутых из приключенческих

киноки, которыми еще пользовались те, у кого не было времени, желания или денег, чтобы заменить их цилиндриками грез.

Когда мистер Уэйл снял размораживатель, он увидел перед собой Дули.

— Ну, как он, по-вашему, мистер Уэйл? — спросил Дули с любопытством и гордостью первооткрывателя.

— Может быть, из него и выйдет толк, Джо. Может быть. У него есть обертоны, а для десятилетнего мальчишки, не знающего даже самых элементарных приемов, это уже немало. Когда самолет пробивался сквозь облака, возникло совершенно четкое ощущение подушек. И пахло крахмальными простынями — забавная деталь. Им стоит заняться, Джо.

— Отлично!

— Но вот что, Джо: нам нужно бы отыскивать их еще раньше. А почему бы и нет? Придет день, Джо, когда каждого младенца будут испытывать в первый же день его жизни. Несомненно, в мозгу должно существовать какое-то отличие, необходимо только установить, в чем именно оно заключается. Тогда мы сможем отбирать мечтателей на самом раннем этапе.

— Черт побери, мистер Уэйл, — обиженно сказал Джо. — Значит, я-то останусь без работы?

— Вам еще рано об этом беспокоиться, Джо, — засмеялся Уэйл. — На вашем веку этого не случится. И уж во всяком случае, на моем. Нам еще много лет будут необходимы хорошие разведчики талантов вроде вас. Продолжайте искать на школьных площадках и на улицах, — узловатые пальцы Уэйла дружески легли на плечо Дули, — и отыщите нам еще парочку: другую Хиллари и Яновых. И тогда мы оставим «Сны наяву» далеко за флагом... Ну а теперь идите. Я хотел бы перекусить до двух часов. Министерство, Джо, министерство! — и он многозначительно подмигнул.

Посетитель, который явился к Джессу Уэйлу в два часа, оказался белобрысым молодым человеком в очках, с румяными щеками и проникновенным выражением лица, свидетельствовавшим о том, что он придает своей миссии огромное значение. Он предъявил удостоверение, из которого следовало, что перед Уэйлом — Джон Дж. Бэрн, уполномоченный Министерства наук и искусств.

— Здравствуйте, мистер Бэрн, — сказал Уэйл. — Чем могу быть полезен?

— Мы здесь одни? — спросил уполномоченный неожиданно густым баритоном.

— Совершенно одни.

— В таком случае, с вашего разрешения, я хотел бы, чтобы вы впитали вот это, — он протянул Уэйлу потертый цилиндр, брезгливо держа его двумя пальцами.

Уэйл взял цилиндр, осмотрел его со всех сторон, взвесил в руке и сказал с улыбкой, обнажившей все его фальшивые зубы:

— Во всяком случае, это не продукция компании «Грезы», мистер Бэрн.

— Я этого и не предполагал, — ответил уполномоченный. — Но все-таки мне хотелось бы, чтобы вы это впитали. Впрочем, на вашем месте я поставил бы аппарат на автоматическое отключение через минуту, не больше.

— Больше вытерпеть невозможно? — Уэйл подтянул приемник к своему столу и вставил цилиндр в размораживатель, однако тут же вытащил его, протер оба конца носовым платком и попробовал еще раз. — Скверный контакт, — заметил он. — Любительская работа.

Уэйл нахлобучил мягкий размораживающий шлем, поправил височные контакты и установил стрелку автоматического отключателя. Затем откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и приступил к впитыванию. Пальцы его напряглись и впились в лацканы пиджака.

Едва автоматический выключатель прервал впитывание, Уэйл снял размораживатель и сказал с заметным раздражением:

— Грубоватая вещичка. К счастью, я уже стар и подобные вещи на меня не действуют.

Бэрн сухо ответил:

— Это еще не самое худшее, что нам попадалось. А увлечение ими растет.

Уэйл пожал плечами:

— Порнографические грезы. Я полагаю, их появления следовало ожидать.

— Следовало или не следовало, но они представляют собой смертельную угрозу для нравственного духа нации, — возразил уполномоченный министерства.

— Нравственный дух, — заметил Уэйл, — шутка необыкновенно живучая. А эротика в той или иной форме существовала во все века.

— Но не в подобной, сэр! Непосредственная стимуляция от сознания к сознанию гораздо эффективнее грязных анекдотов или непристойных рисунков, воздействие которых несколько ослабляется в процессе восприятия через органы чувств.

Это было неоспоримо, и Уэйл только спросил:

— Так чего же вы хотите от меня?

— Не могли бы вы подсказать нам, каково происхождение этого цилиндрика?

— Мистер Бэрн, я не полицейский!

— Что вы, что вы! Я вовсе не прошу вас делать за нас нашу работу. Министерство вполне способно проводить собственные расследования. Я только спрашиваю ваше мнение как специа-

листа. Вы сказали, что это не продукция вашей компании. Так чья же это продукция?

— Во всяком случае, не какой-либо солидной фирмы, изготавливающей грезы, за это я могу поручиться. Слишком скверно сделано.

— Возможно, нарочно. Для маскировки.

— И это не произведение профессионального мечтателя.

— Вы уверены, мистер Уэйл? А не могут профессиональные мечтатели работать и на какое-нибудь тайное предприятие — ради денег... или просто для собственного удовольствия?

— Отчего же? Но во всяком случае, этот цилиндр — не их работа. Полное отсутствие обертонов. Никакой объемности. Правда, для такого произведения обертоны и не нужны.

— А что такое обертоны?

— Следовательно, вы не увлекаетесь грезами? — мягко усмехнулся Уэйл.

— Я предпочитаю музыку, — ответил Бэрн, тщетно пытаясь не выглядеть самодовольным снобом.

— Это тоже неплохо, — снисходительно заметил Уэйл. — Но в таком случае мне будет труднее объяснить вам сущность обертонов. Даже любители грез не смогли бы сказать вам толком, что это такое. И все-таки они сразу чувствуют, что греза никуда не годится, если ей не хватает обертонов. Видите ли, когда опытный мечтатель погружается в транс, он ведь не придумывает сюжетов, какие были в ходу в старом телевидении и кинокинях. Его греза складывается из ряда отдельных видений, и каждое поддается нескольким толкованиям. Если исследовать их внимательно, можно найти пять-шесть таких толкований. При простом впитывании заметить их трудно, но они выявляются при тщательном анализе. Поверьте, мои психологи часами занимаются только этим. И все обертоны, все различные смыслы сливаются в единую массу управляемой эмоции. А без них греза была бы плоской и пресной. Скажем, сегодня утром я пробовал десятилетнего мальчика. У него, несомненно, есть задатки. Облако для него не просто облако, но и подушка. А наделенное сенсуальными свойствами обоих этих предметов, облако становится чем-то большим. Конечно, греза этого мальчика еще крайне примитивна. Но когда он окончит школу, он пройдет специальный курс и тренировку. Он будет подвергнут ощущениям всех родов. Он накопит опыт. Он будет изучать и анализировать классические грезы прошлого. Он научится контролировать и направлять свои мечты, хотя я всегда утверждаю, что мечтатель хорош, когда он импровизирует.

Уэйл внезапно умолк и после паузы продолжал уже спокойнее:

— Простите, я несколько увлекся. Собственно говоря, я хотел объяснить вам, что у каждого профессионального мечтателя

существует свой тип обертон, который ему не удалось бы скрыть. Для специалиста это словно его подпись на грезе. И мне, мистер Бэрн, известны все эти подписи. Ну а порнография, которую вы мне принесли, вообще лишена обертонов. Это произведение обыкновенного человека. Может быть, он и не лишен способностей, но думать он умеет не больше, чем вы и я.

— Очень многие люди умеют думать, мистер Уэйл, — возразил Бэрн, краснея. — Даже если они и не создают грез.

— Ах, право же! — Уэйл взмахнул рукой. — Не сердитесь на старика. Я сказал «думать» не в смысле «мыслить», а в смысле «грезить». Мы все немножко умеем грезить, как все немножко умеем бегать. Но сумеем ли мы с вами пробежать милю за четыре минуты? Мы с вами умеем говорить, но ведь это же еще не делает нас составителями толковых словарей? Вот, например, когда я думаю о бифштексе, в моем сознании возникает просто слово. Разве что мелькнет образ сочного бифштекса на тарелке. Возможно, у вас образное восприятие развито больше и вы успеете увидеть и поджаристую корочку, и лук, и румяный картофель. Возможно. Ну а настоящий мечтатель... Он и видит бифштекс, и обоняет его, и ощущает его вкус и все, что с ним связано, — даже жаровню, даже приятное чувство в желудке, и то, как нож разрезает мясо, и еще сотни всяких подробностей, причем все сразу. Предельно сенсуальное восприятие. Предельно. Ни вы, ни я на это не способны.

— Ну, так! — сказал Бэрн. — Значит, тут мы имеем дело не с произведением профессионального мечтателя. Во всяком случае, это уже что-то, — он спрятал цилиндрок во внутренний карман пиджака. — Надеюсь, мы можем рассчитывать на вашу всемерную помощь, когда примем меры для прекращения подобного тайного производства?

— Разумеется, мистер Бэрн. От всей души.

— Будем надеяться, — сказал Бэрн тоном человека, сознающего свою власть. — Конечно, не мне решать, какие именно меры будут приняты, но подобные штучки, — он похлопал себя по карману, где лежал цилиндрок, — невольно наводят на мысль, что следовало бы ввести действительно строгую цензуру на грезы.

Бэрн встал:

— До свидания, мистер Уэйл.

— До свидания, мистер Бэрн. Я всегда надеюсь на лучшее.

Фрэнсис Беленджер влетел в кабинет Джесса Уэйла, как всегда, в страшном ажиотаже. Его рыжие волосы стояли дыбом, а лицо лоснилось от пота и волнения. Но он тут же замер на месте. Уэйл сидел, уткнувшись головой в сложенные на столе руки, так что виден был только его седой затылок.

Беленджер судорожно выговорил:

— Что с вами, шеф?

Уэйл поднял голову:

— Это вы, Фрэнк?

— Что случилось, шеф? Вы больны?

— В моем возрасте все больно, но я еще держусь на ногах. Пошатываюсь, но держусь. У меня был уполномоченный из министерства.

— Что ему понадобилось?

— Грозил цензурой. Он принес образчик того, что ходит по рукам. Дешевые грезы для пьяных оргий.

— Ах ты черт! — с чувством сказал Беленджер.

— Беда в том, что опасения за нравственность — отличный предлог для разворачивания широкой кампании. Они будут бить и правых и виноватых. А по правде говоря, Фрэнк, и наша позиция уязвима.

— Как же так? Уж наша продукция абсолютно целомудренна. Приключения и романтические страсти.

Уэйл выпятил нижнюю губу и наморщил лоб:

— Друг перед другом, Фрэнк, нам незачем притворяться. Целомудренна? Все зависит от точки зрения. Конечно, то, что я скажу, не для широкой публики, но мы-то с вами знаем, Фрэнк, что в каждой грезе есть свои фрейдистские ассоциации. От этого куда не уйдешь.

— Ну конечно, если их специально выискивать! Скажем, психиатр...

— И средний человек тоже. Обычный потребитель не знает про эту подоплеку и, возможно, не сумеет отличить фаллический символ от символа материнства, даже если ему прямо на них указать. И все-таки его подсознание знает. Успех многих грез и объясняется именно этими подсознательными ассоциациями.

— Ну, допустим. И что же намерено предпринять правительство? Будет оздоравливать подсознание?

— То-то и плохо. Я не знаю, что они предпримут. У нас есть только один козырь, на который я в основном и возлагаю все надежды: публика любит грезы и не захочет их лишиться... Ну, оставим это. Зачем вы пришли? У вас ведь, вероятно, есть ко мне какое-то дело?

Беленджер бросил на стол перед Уэйлом маленький, похожий на трубочку предмет и заправил поглубже в брюки выбившуюся рубашку.

Уэйл снял блестящую пластмассовую обертку и вынул цилиндрок. На одном конце свивалась в вычурную спираль нежно-голубая надпись: «По гималайской тропе». Рядом стоял фирменный знак «Снов наяву».

— Продукция конкурента. — Уэйл произнес эти слова так, словно каждое начиналось с большой буквы, и его губы иронически скривились. — Эта греза еще не поступала в широкую продажу. Где вы ее раздобыли, Фрэнк?

— Неважно. Мне нужно только, чтобы вы ее впитали.

— Сегодня всем почему-то нужно, чтобы я впитывал грезы, — вздохнул Уэйл. — Фрэнк, а это не порнография?

— Разумеется, в ней имеются ваши любимые фрейдистские символы, — язвительно сказал Беленджер. — Горные пики, например. Надеюсь, вам они не опасны.

— Я старик. Для меня они уже много лет не опасны, но та греза была выполнена до того скверно, что было просто мучительно... Ну ладно, посмотрим, что тут у вас.

Уэйл снова пододвинул к себе аппарат и надел размораживатель на виски. На этот раз он просидел, откинувшись в кресле, больше четверти часа, так что Фрэнсис Беленджер успел торопливо выкурить две сигареты.

Когда Уэйл наконец снял шлем и замигал, привыкая к дневному свету, Беленджер спросил:

— Ну, что скажете, шеф?

Уэйл наморщил лоб:

— Не для меня. Слишком много повторений. При такой конкуренции компания «Грезы» может еще долго жить спокойно.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, шеф. Такая продукция обеспечит «Снам наяву» победу. Нам необходимо что-то предпринять!

— Послушайте, Фрэнк...

— Нет, вы послушайте! За этим — будущее!

— За этим? — Уэйл с добродушно-недоверчивой усмешкой посмотрел на цилиндр. — Сделано по-любительски. Множество повторений. Обертонны грубоваты. У снега — четкий привкус лимонного шербета! Ну, кто теперь чувствует в снегу лимонный шербет, Фрэнк? В старину — другое дело. Еще лет двадцать назад. Когда Лаймен Хэррисон создал свои «Снежные симфонии» для продажи на юге, это было великолепной находкой. Шербет, и леденцовые вершины гор, и катание на санках с утесов, глазированных шоколадом. Дешевка, Фрэнк. В наши дни это не годится.

— Все дело в том, шеф, — возразил Беленджер, — что вы отстали от времени. Я должен поговорить с вами откровенно. Когда вы основали грезовое предприятие, скупив основные патенты и начали производство грез, они были предметом роскоши. Сбыт был узкий и индивидуализированный. Вы могли позволить себе выпускать специализированные грезы и продавать их по высокой цене.

— Знаю, — ответил Уэйл. — И мы продолжаем это делать. Но, кроме того, мы открыли прокат грез для широкого потребителя.

— Да, но этого мало. О, конечно, наши грезы сделаны тонко. Их можно впитывать множество раз. И даже при десятом впитывании обнаруживаешь что-то новое и опять получаешь удовольствие. Но много ли есть подлинных знатоков? И еще одно. Наша продукция крайне индивидуализирована. Все в первом лице.

— И что же?

— А то, что «Сны наяву» открывают грезотеатры. Они уже открыли один в Нашвилле на триста кабинок. Клиент входит, садится в кресло, надевает размораживатель и получает свою грезу. Ту же, что и все остальные вокруг.

— Я слышал об этом, Фрэнк. Ничего нового. Такие попытки уже не раз оканчивались неудачей. То же будет и теперь. Хотите знать почему? Потому что мечты — это личное дело каждого. Неужели вам будет приятно, если ваш сосед узнает, о чем вы грезите? Кроме того, в грезотеатре сеансы должны начинаться по расписанию, не так ли? И, значит, мечтающему придется грезить не тогда, когда он хочет, а когда назначит директор театра. Наконец, греза, которая нравится одному, не понравится другому. Я вам гарантирую, что из трехсот посетителей этих кабинок сто пятьдесят останутся недовольны. А в этом случае они больше туда не пойдут.

Беленджер медленно закатал рукава рубашки и расстегнул воротничок.

— Шеф! — сказал он. — Вы говорите наобум. Какой смысл доказывать, что они потерпят неудачу, когда они уже имеют успех? Я узнал сегодня, что «Сны наяву» нащупывают почву, чтобы открыть в Сент-Луисе театр на тысячу кабинок. Привыкнуть грезить на людях нетрудно, если все вокруг грезит о том же. И публика легко привыкает мечтать в указанном месте и в указанный час, если это дешево и удобно. Черт побери, шеф. Это же форма общения. Влюбленная парочка идет в грезотеатр и поглощает какую-нибудь романтическую пошлятину со стереотипными обертонными и избитыми положениями, и все-таки они выйдут из кабинок, шагая по звездам. Ведь они грезили одинаково. Они испытывали одинаковые слащавые сантименты. Они... они настроены на один лад, шеф. И, уж конечно, они снова пойдут в грезотеатр и приведут своих друзей.

— А если греза им не понравится?

— В том-то и соль! В том-то все и дело! Она им не может не понравиться. Когда вы готовите утонченные грезы Хиллари с отражениями в отражениях отражений, с хитрейшими поворотами на третьем уровне обертонов, с тонким переходом значений и всеми прочими приемами, которыми мы так гордимся, конечно, подобная вещь оказывается рассчитанной на любителя. Утонченные грезы для утонченного вкуса. А «Сны наяву» выпускают простенькую продукцию в третьем лице, так что она

годится и для мужчин и для женщин. Вроде той, которую вы только что впитали. Простенькие, повторяющиеся, пошловатые. Они рассчитаны на самое примитивное восприятие. Может быть, горячих поклонников у них не будет, но и отращения они ни у кого не вызовут.

Уэйл долго молчал, и Беленджер не сводил с него испытующего взгляда. Затем Уэйл сказал:

— Фрэнк, я начал с качественной продукции и менять ничего не буду. Возможно, вы правы. Возможно, за грезотеатрами будущее. В таком случае мы их тоже откроем, но будем показывать хорошие вещи. Может быть, «Сны наяву» недооценивают широкую публику. Не будем торопиться и впадать в панику. Я всегда исходил из теории, что качественная продукция обязательно находит сбыт. И, как это ни удивительно, мальчик мой, иногда весьма широкий сбыт.

— Шеф... — начал Беленджер, но тут же умолк, так как раздалось жужжание внутреннего телефона.

— В чем дело, Рут? — спросил Уэйл.

— Мистер Хиллари, сэр, — раздался голос секретарши. — Он хочет немедленно увидеться с вами. Он говорит, что дело не терпит отлагательства.

— Хиллари? — В голосе Уэйла прозвучало испуганное недоумение. — Подождите пять минут, Рут, потом пошлите его сюда.

Уэйл повернулся к Беленджеру:

— Этот день, Фрэнк, я никак не могу назвать удачным. Место мечтателя — дома, у его мысленницы. А Хиллари — наш лучший мечтатель, и, значит, ему больше чем кому-нибудь другому следует быть дома. Как по-вашему, что произошло?

Беленджер, все еще терзаемый мрачными мыслями о «Снах наяву» и грезотеатрах, в ответ буркнул только:

— Позовите его сюда и все узнаете.

— Немного погодя. Скажите, какова его последняя греза? Я не ознакомился с той, которая вышла на прошлой неделе.

Беленджер наконец очнулся. Он сморщил нос:

— Так себе.

— А почему?

— Слишком рваная. До бессвязности. Я ничего не имею против резких переходов, придающих остроту, но ведь должна же быть хоть какая-то связь, пусть и на самом глубоком уровне.

— Никуда не годится?

— У Хиллари таких не бывает. Но потребовался значительный монтаж. Мы довольно много выбросили и вставили старые куски — из тех, что он иногда нам присылает. Ну, из разобщенных образов. Получилась, конечно, не первоклассная греза, но вполне терпимая.

— И вы ему об этом сказали, Фрэнк?

— Да что я, псих, шеф? Что я, по-вашему, способен попрекнуть мечтателя качеством?

Но тут дверь открылась, и хорошенькая секретарша Уэйла с улыбкой впустила в кабинет Шермана Хиллари.

Шерману Хиллари был тридцать один год, и даже самый наблюдательный человек сразу же распознал бы в нем мечтателя. Он не носил очков, но взгляд его был растерянным, как у очень близоруких людей, когда они снимают очки, или у тех, кто не привык вглядываться в окружающий мир. Он был среднего роста, но очень худ, его черные волосы давно следовало бы подстричь, подбородок казался слишком узким, а кожа — чересчур бледной. Он был чем-то очень расстроен.

— Здравствуйте, мистер Уэйл, — невнятно пробормотал Хиллари и неловко кивнул в сторону Беленджера.

— Шерман, мальчик мой, — приветливо заговорил Уэйл. — Вы прекрасно выглядите. Что случилось? Греза никак толком не стряпается? И вас это волнует? Ну садитесь, садитесь же!

Мечтатель сел — на краешек стула, крепко сжав колено, словно собирался вскочить по первому приказу. Он сказал:

— Я пришел сообщить вам, мистер Уэйл, что я ухожу.

— Уходите?

— Я не хочу больше грезить, мистер Уэйл.

Старое лицо Уэйла вдруг стало совсем дряхлым — впервые за этот день.

— Почему же, Шерман?

Губы мечтателя задергались. Он заговорил торопливо:

— Потому что я не живу, мистер Уэйл. Все проходит мимо меня. Сначала было не так. Это было даже почти развлечением. Я грезил по вечерам или в свободные дни, когда мне хотелось. Ну, и в любое другое время. А когда не хотелось — не грезил. Но теперь-то, мистер Уэйл, я уже старый профессионал. Вы мне говорили, что я один из лучших в нашем деле и грезопромышленность ждет от меня новых оттенков, новых вариантов прежних находок, вроде порхающих фантазий или двойной пародии.

— И лучше вас действительно нет никого, Шерман, — сказал Уэйл. — Ваша миниатюрка, где вы дирижируете оркестром, продолжает расходиться вот уже десятый год.

— Ну и хорошо, мистер Уэйл. Я принес свою пользу. А теперь дошло до того, что я не могу выйти из дому. Я совсем не вижу жены. Моя дочка даже не узнает меня. На той неделе мы пошли в гости — Сара меня заставила, и я совсем этого не помню. Сара говорит, что я целый вечер сидел на кушетке, глядел прямо перед собой и что-то бормотал. Она говорит, что все на меня косились. Она проплакала всю ночь. Я устал от этого, мистер

Уэйл. Я хочу быть нормальным человеком и жить в реальном мире. Я обещал Саре, что уйду, и я уйду. И прощайте, мистер Уэйл. — Хиллари встал и неловким движением протянул руку Уэйлу.

Уэйл мягко отвел ее.

— Если вы хотите уйти, Шерман, вы, конечно, уйдете. Но окажите любезность старику, выслушайте меня.

— Я не передумаю, — сказал Хиллари.

— Я и не собираюсь вас уговаривать. Я только хочу вам кое-что объяснить. Я старик и занимался этим делом, когда вы еще не родились, и, естественно, люблю порассуждать о нем. Ну так доставьте мне это удовольствие, Шерман. Прошу вас.

Хиллари сел. Прикусив нижнюю губу, он упрямо рассматривал свои ногти.

Уэйл сказал:

— А вы знаете, что такое мечтатель, Шерман? Вы знаете, чем он является для обычных людей? Вы знаете, каково быть такими, как я, как Фрэнк, как ваша жена Сара? Жить с ущербным сознанием, которое не способно воображать, лепить мысли? У обычных людей, вроде меня, порой возникает потребность бежать от этой нашей жизни. Но мы не можем этого сделать. Нам нужна помощь. В старину для этого служили книги, спектакли, радио, кино, телевидение. Они давали нам иллюзии, но важно было даже не это. Важно было то, что на краткий срок стимулировалось наше собственное воображение. Мы начинали мечтать о сказочных принцах и прекрасных принцессах. Мы становились красивыми, остроумными, сильными, талантливыми — такими, какими мы на самом деле не были. Но тогда переход грез от мечтателя к впитывающему не был совершенным. Ее приходилось тем или иным способом воплощать в слова. А самый лучший в мире мечтатель порой вообще бывает не способен выразить свои грезы словами. И самый лучший писатель бывал способен облечь в слова лишь жалкую часть своих грез. Вы понимаете это? Но теперь, когда мечты научились записывать, каждый человек получил возможность грезить. Вы, Шерман, и горстка вам подобных творите грезы непосредственно. Греза из вашего мозга сразу переходит в наш, не утрачивая силы. Когда вы грезите, вы грезите за сотни миллионов людей. Вы создаете разом сотни миллионов грез. Это чудесно, мальчик мой. Благодаря вам эти люди получают возможность испытать то, что самим им испытывать не дано.

— Я свое дело сделал, — пробормотал Хиллари. Он стремительно поднялся со стула. — Я покончил с этим. Мне все равно, что вы там говорите. А если вы намерены подать на меня в суд за нарушение контракта, то подавайте. Мне все равно.

Уэйл тоже встал.

— Намерен ли я подать на вас в суд?.. Рут, — сказал он в телефон, — принесите, пожалуйста, наш экземпляр контракта с мистером Хиллари.

Уэйл молча ждал. И Хиллари. И Беленджер. Уэйл чуть-чуть улыбался и барабанил по столу пергаментными пальцами.

Секретарша принесла контракт.

Уэйл взял его, показал первую страницу Хиллари и сказал:

— Шерман, мальчик мой, раз вы не хотите оставаться у меня, то вы и не должны у меня оставаться.

Затем, прежде чем ужаснувшийся Беленджер успел хотя бы поднять руку, чтобы остановить его, он разорвал контракт пополам и еще раз пополам и бросил клочки в мусоропоглотитель.

— Вот и все.

Хиллари схватил руку Уэйла.

— Спасибо, мистер Уэйл, — сказал он прерывающимся голосом. — Вы всегда были очень добры ко мне, и я вам очень благодарен. Мне очень грустно, что все так получилось.

— Ладно, ладно, мальчик мой. Все хорошо.

Чуть не плача, продолжая бормотать слова благодарности, Шерман Хиллари вышел из кабинета.

— Ради всего святого, шеф, почему вы его отпустили? — в отчаянии воскликнул Беленджер. — Разве вы ничего не поняли? Он же отсюда пойдет прямо в «Сны наяву». Они его сманили, это ясно.

Уэйл поднял ладонь:

— Вы ошибаетесь. Глубоко ошибаетесь. Я его знаю: он так поступить не способен. А кроме того, — добавил он сухо, — Рут — хорошая секретарша и знает, что нужно принести мне, когда я прошу контракт мечтателя. Я порвал поддельный контракт. А подлинный по-прежнему лежит в нашем сейфе, поверьте мне. Да, прекрасный у меня выдался день! Я с самого утра кого-то убеждаю: неговорящего папашу — чтобы он дал мне возможность развить новый талант, уполномоченного министерства — чтобы они не ввели цензуру, вас — чтобы вы не втянули нас в губительное предприятие, и, наконец, моего лучшего мечтателя — чтобы помешать ему уйти. Папашу я, возможно, уговорил. Уполномоченного и вас — не уверен. Может быть, да, а может быть, и нет. Но, во всяком случае, с Шерманом Хиллари все ясно. Он вернется.

— Откуда вы знаете?

Уэйл улыбнулся Беленджеру, и его щеки покрылись сеткой веселых морщин.

— Фрэнк, мальчик мой, вы умеете монтировать грезы, и вам уже кажется, что вы знаете все инструменты и аппараты нашей профессии. Но, разрешите, я вам кое что скажу. Самым важным инструментом в грезопромышленности является сам мечтатель. Именно его и нужно понимать в первую очередь. И я его

понимаю. Слушайте: когда я был мальчишкой — в те времена еще не было грез, — я был знаком с одним телесценаристом. Он часто мне жаловался, что все люди при первом знакомстве непременно его спрашивают: «И как вам только все это в голову приходит?» Они искренне этого не понимали. Ведь никто из них не был в состоянии придумать что-либо подобное. Так что же мог им ответить мой приятель? А со мной он разговаривал об этом и объяснял: «Как я им скажу, что не знаю? Когда я ложусь спать, я не могу уснуть, потому что у меня в голове теснятся идеи. Когда я бреюсь, я непременно где-нибудь порежусь, когда разговариваю, то забываю, о чем говорю, когда я сижу за рулем машины, я ежеминутно рискую жизнью. И все это потому, что у меня в мозгу непрерывно формируются идеи, ситуации, диалоги. Я не могу сказать тебе, откуда у меня все это берется. Может быть, наоборот, ты поделишься со мной, каким образом тебе удастся этого избежать? И тогда я мог бы немного передохнуть». Видите, Фрэнк, как обстоит дело? Вы можете уйти отсюда в любое время. И я могу. Это наша работа, но не наша жизнь. Но для Шермана Хиллари все иначе. Куда бы он ни пошел, чем бы он ни занимался, он все равно будет грезить. Пока он живет, он не может не думать, пока он думает, он не может не грезить. Мы не удерживаем его насильно. Наш контракт не железная решетка. Его удерживает его собственный мозг, Фрэнк. Поэтому он вернется. Ничего другого ему не остается.

Беленджер пожал плечами:

— Если то, что вы говорите, — правда, мне его жаль.

— Мне жаль их всех, — Уэйл грустно кивнул. — За долгие годы своей жизни я понял одно. Их участь — делать счастливыми других людей. Других.

ДЕВЯТЬ ЗАВТРА

ПРОФЕССИЯ

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе: — Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

Он повернулся на живот и через спинку кровати пристально посмотрел на своего соседа по комнате. Неужели он не чувствует того же? Неужели мысль об Олимпиаде совсем его не трогает?

У Джорджа было худое лицо, черты которого еще более обострились за те полтора года, которые он провел в приюте. Он был худощав, но в его синих глазах горел прежний неугасимый огонь, а в том, как он сейчас вцепился пальцами в одеяло, было что-то от затравленного зверя.

Его сосед по комнате на мгновение оторвался от книги и заодно отрегулировал силу свечения стены, у которой сидел. Его звали Хали Омани, он был нигерийцем. Темно-коричневая кожа и крупные черты лица Хали Омани, казалось, были созданы для того, чтобы выражать только одно спокойствие, и упоминание об Олимпиаде нисколько его не взволновало.

— Я знаю, Джордж, — произнес он.

Джордж многим был обязан терпению и доброте Хали; бывали минуты, когда он очень в них нуждался, но даже доброта и терпение могут стать поперек глотки. Разве сейчас можно сидеть с невозмутимым видом идола, вырезанного из дерева теплого, сочного цвета?

Джордж подумал, не станет ли он сам таким же через десять лет жизни в этом месте, и с негодованием отогнал эту мысль. Нет!

— По-моему, ты забыл, что значит май, — вызывающе сказал он.

— Я очень хорошо помню, что он значит, — отозвался его собеседник. — Ровным счетом ничего! Ты забыла об этом, а не я. Май ничего не значит для тебя, Джорджа Плейтена... и для меня, Хали Омани, — негромко добавил он.

— Сейчас на Землю за новыми специалистами прилетают космические корабли, — произнес Джордж. — К июню тысячи и тысячи этих кораблей, неся на борту миллионы мужчин и женщин, отправятся к другим мирам, и все это, по-твоему, ничего не значит?

— Абсолютно ничего. И вообще, какое мне дело до того, что завтра первое мая?

Беззвучно шевеля губами, Омани стал водить пальцем по строчкам книги, которую он читал, — видимо, ему попалось трудное место.

Джордж молча наблюдал за ним. «К черту! — подумал он. — Закричи, завизжи! Это-то ты можешь? Ударь меня, ну сделай хоть что-нибудь!»

Лишь бы не быть одиноким в своем гневе. Лишь бы разделить с кем-нибудь переполнявшее его возмущение, отделаться от мучительного чувства, что только он, он один умирает медленной смертью!

В те первые недели, когда весь мир представлялся ему тесной оболочкой, сотканной из какого-то смутного света и неясных звуков, — тогда было лучше. А потом появился Омани и вернул его к жизни, которая того не стоила.

Омани! Он-то стар! Ему уже по крайней мере тридцать. «Неужели и я в этом возрасте буду таким же? — подумал Джордж. — Стану таким, как он, через каких-нибудь двенадцать лет?»

И оттого, что эта мысль вселила в него панический страх, он заорал на Омани:

— Брось читать эту идиотскую книгу!

Омани перевернул страницу и, прочитав еще несколько слов, поднял голову, покрытую шапкой жестких курчавых волос.

— А? — спросил он.

— Какой толк от твоего чтения? — Джордж решительно шагнул к Омани, презрительно фыркнул: — Опять электроника! — и вышиб книгу из его рук.

Омани неторопливо встал и поднял книгу. Без всякого раздражения он разгладил смятую страницу.

— Можешь считать, что я удовлетворяю свое любопытство, — произнес он. — Сегодня я пойму кое-что, а завтра, быть может, пойму немного больше. Это тоже своего рода победа.

— Победа! Какая там победа? И больше тебе ничего не нужно от жизни? К шестидесяти пяти годам приобрести четверть знаний, которыми располагает дипломированный инженер-электрик?

— А может быть, не к шестидесяти пяти годам, а к тридцати пяти?

— Кому ты будешь нужен? Кто тебя возьмет? Куда ты пойдешь с этими знаниями?

— Никому. Никто. Никуда. Я останусь здесь и буду читать другие книги.

— И этого тебе достаточно? Рассказывай! Ты заманил меня на занятия. Ты заставил меня читать и заучивать прочитанное. А зачем? Это не приносит мне никакого удовлетворения.

— Что толку в том, что ты лишаешь себя возможности получить удовлетворение?

— Я решил наконец покончить с этим фарсом. Я сделаю то, что собирался сделать с самого начала, до того как ты умаслил меня и лишил воли к сопротивлению. Я заставляю их... заставляю...

Омани отложил книгу, а когда Джордж, не договорив, умолк, задал вопрос:

— Заставишь, Джордж?

— Заставлю исправить эту вопиющую несправедливость. Все было подстроено. Я доберусь до этого Антонелли и заставляю его признаться, что он... он...

Омани покачал головой:

— Каждый, кто попадает сюда, настаивает на том, что произошла ошибка. Мне казалось, что у тебя этот период уже позади.

— Не называй это периодом, — злобно сказал Джордж. — В отношении меня действительно была допущена ошибка. Я ведь говорил тебе...

— Да, ты говорил, но в глубине души ты прекрасно сознаешь, что в отношении тебя никто не совершил никакой ошибки.

— Не потому ли, что никто не желает в этом сознаться? Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из них добровольно признает свою ошибку?... Но я заставляю их сделать это.

Во всем виноват был май, месяц Олимпиады. Это он возродил в Джордже былую ярость, и он ничего не мог с собой поделать. Да и не хотел: ведь ему грозила опасность все забыть.

— Я собирался стать программистом вычислительных машин, и я действительно могу им быть, что бы они там ни говорили, ссылаясь на результаты анализа. — Он стукнул кулаком по матрицу. — Они не правы. И не могут они быть правы.

— В анализах ошибки исключены.

— Значит, не исключены. Ведь ты же не сомневался в моих способностях?

— Способности не имеют к этому ровно никакого отношения. Мне кажется, что тебе достаточно часто это объясняли. Почему ты никак не можешь понять?

Джордж отодвинулся от него, лег на спину и угрюмо уставился в потолок.

— А кем ты хотел стать, Хали?

— У меня не было определенных планов. Думаю, что меня вполне устроила бы профессия гидропониста.

— И ты считаешь, что тебе это удастся?

— Я не был в этом уверен.

Никогда раньше Джордж не расспрашивал Омани о его жизни. Мысль о том, что у других обитателей приюта тоже были свои стремления и надежды, показалась ему не только странной, но даже почти противоестественной. Он был потрясен. Подумать только — гидропонист!

— А тебе не приходило в голову, что ты попадешь сюда?

— Нет, но, как видишь, я все-таки здесь.

— И тебя это удовлетворяет. Ты на самом деле всем доволен. Ты счастлив. Тебе здесь нравится, и ничего другого ты не хочешь.

Омани медленно встал и аккуратно начал разбирать постель.

— Джордж, ты неисправим, — произнес он. — Ты терзаешь себя, потому что отказываешься признать очевидные факты. Ты находишься в заведении, которое называешь приютом, но я ни разу не слышал, чтобы ты произнес его название полностью. Так сделай это теперь, Джордж, сделай! А потом ложись в кровать и проспишь.

Джордж скрипнул зубами и ощерился.

— Нет! — сказал он сдавленно.

— Тогда это сделаю я, — сказал Омани, и, отчеканивая каждый слог, он произнес роковые слова.

Джордж слушал, испытывая глубочайший стыд и горечь. Он отвернулся.

В восемнадцать лет Джордж Плейтен твердо знал, что станет дипломированным программистом, — он стремился к этому с тех пор, как себя помнил. Среди его приятелей одни отстаивали космонавтику, другие — холодильную технику, третьи — организацию перевозок и даже административную деятельность. Но Джордж не колебался.

Он с таким же жаром, как и все остальные, обсуждал преимущества облюбованной профессии. Это было вполне естественно. Впереди их всех ждал День образования — поворотный день их жизни. Он приближался, неизбежный и неотвратимый, — первое ноября того года, когда им исполнится восемнадцать лет.

Когда День образования оставался позади, появлялись новые темы для разговоров: можно было обсуждать различные профессиональные вопросы, хвастаться женой и детьми, рассуждать о шансах любимой космобольной команды или вспоминать Олимпиаду. Но до наступления Дня образования лишь одна тема

неизменно вызывала всеобщий интерес — и это был День образования.

«Кем ты хочешь быть? Думаешь, тебе это удастся? Ничегошеньки у тебя не выйдет. Справься в ведомостях — квоту уже урезали. А вот логистика...»

Или «а вот гипермеханика...», или «а вот связь...», или «а вот гравитика...».

Гравитика была тогда самой модной профессией. За несколько лет до того, как Джорджу исполнилось восемнадцать лет, появился гравитационный двигатель, и все только и говорили, что о гравитике. Любая планета в радиусе десяти световых лет от звезды-карлика «отдала бы правую руку», лишь бы заполучить хоть одного дипломированного инженера-гравитационника.

Но Джорджа это не прельщало. Да, конечно, такая планета «отдаст все свои правые руки», какие только сумеет наскрести. Однако Джордж слышал и о том, что случалось в других, только что возникших областях техники. Немедленно начнутся радионализация и упрощение. Каждый год будут появляться новые модели, новые типы гравитационных двигателей, новые принципы. А потом все эти баловни судьбы в один прекрасный день обнаружат, что они устарели, их заменят новые специалисты, получившие образование позже, и им придется заняться неквалифицированным трудом или отправиться на какую-нибудь захудалую планету, которая пока еще не догнала другие миры.

Между тем спрос на программистов оставался неизменным из года в год, из столетия в столетие. Он никогда не возрастал стремительно, не взвинчивался до небес, а просто медленно и неуклонно увеличивался в связи с освоением новых миров и усложнением техники старых.

Эта тема была постоянным предметом споров между Джорджем и Коротышкой Тревелином. Как все закадычные друзья, они спорили до бесконечности, не скупясь на язвительные насмешки, и в результате оба оставались при своем мнении.

Дело в том, что отец Тревелина, дипломированный металлург, в свое время работал на одной из дальних планет, а его дед тоже был дипломированным металлургом. Естественно, что сам Коротышка не колеблясь остановил свой выбор на этой профессии, которую считал чуть ли не неотъемлемым правом своей семьи, и был твердо убежден, что все другие специалисты не слишком-то респектабельны.

— Металл будет существовать всегда, — заявил он, — и, когда ты создаешь сплав с заданными свойствами и наблюдаешь, как слагается его кристаллическая решетка, ты видишь результат своего труда. А что делает программист? Целый день сидит за кодирующим устройством, пичкая информацией какую-нибудь дурацкую электронную машину длиной в милю.

Но Джордж уже в шестнадцать лет отличался практичностью.

— Между прочим, вместе с тобой будет выпущен еще миллион металлургов, — спокойно указал он.

— Потому что это прекрасная профессия. Самая лучшая.

— Но ведь ты попросту затеряешься в их массе, Коротышка, и можешь оказаться где-то в хвосте. Каждая планета может сама зарядить нужных ей металлургов, а спрос на усовершенствованные земные модели не так уж велик, да и нуждаются в них главным образом малые планеты. Ты ведь знаешь, какой процент общего выпуска дипломированных металлургов получает направление на планеты класса А. Я поинтересовался — всего лишь 13,3 процента. А это означает семь шансов из восьми, что тебя засунут на какую-нибудь третьесортную планету, где в лучшем случае есть водопровод. А то и вовсе можешь застрять на Земле — такие составляют 2,3 процента.

— Не вижу в этом ничего позорного, — вызывающе заявил Тревелиан. — Земле тоже нужны специалисты. И хорошие. Мой дед был земным металлургом. — Подняв руку, Тревелиан небрежно провел пальцем по еще не существующим усам.

Джордж знал про дедушку Тревелиана и, памятуя, что его собственные предки тоже работали на Земле, не стал ехидничать, а, наоборот, дипломатично согласился:

— В этом, безусловно, нет ничего позорного. Конечно, нет. Однако попасть на планету класса А — это вещь, скажешь нет? Теперь возьмем программиста. Только на планетах класса А есть такие вычислительные машины, для которых действительно нужны высококвалифицированные программисты, и поэтому только эти планеты и берут их. К тому же ленты по программированию очень сложны и для них годится далеко не всякий. Планетам класса А нужно больше программистов, чем может дать их собственное население. Это же чистая статистика. На миллион человек приходится в среднем, скажем, один первоклассный программист. И если на планете живет десять миллионов, а им там требуется двадцать программистов, они вынуждены обращаться к Земле, чтобы получить еще пять, а то и пятнадцать специалистов. Верно? А знаешь, сколько дипломированных программистов отправилось в прошлом году на планеты класса А? Не знаешь? Могу тебе сказать. Все до единого! Если ты программист, можешь считать, что ты уже там. Так-то!

Тревелиан нахмурился:

— Если только один человек из миллиона годится в программисты, почему ты думаешь, что у тебя это выйдет?

— Выйдет, можешь быть спокоен, — сдержанно ответил Джордж. Он никогда не осмелился бы рассказать ни Тревелиану, ни даже своим родителям, что именно он делает и почему так уверен в себе. Он был абсолютно спокоен за свое будущее.

(Впоследствии, в дни безнадежности и отчаяния, именно это воспоминание стало самым мучительным.) Он был так же непоколебимо уверен в себе, как любой восьмилетний ребенок накануне Дня чтения, этого преддверия следующего за ним через десять лет Дня образования.

Ну конечно, День чтения во многом отличался от Дня образования. Во-первых, следует учитывать особенности детской психологии. Ведь восьмилетний ребенок легко воспринимает многие самые необычные явления. И то, что вчера он не умел читать, а сегодня уже умеет, кажется ему само собой разумеющимся. Как солнечный свет, например.

А во-вторых, от этого дня зависело не так уж много. После него толпы вербовщиков не теснились перед списками, с нетерпением ожидая, когда будут объявлены результаты ближайшей Олимпиады. День чтения практически ничего не менял в жизни детей, и они еще десять лет оставались под родительской кровлей, как и все их сверстники. Просто после этого дня они уже умели читать.

И Джордж, готовясь к Дню образования, почти не помнил подробностей того, что произошло с ним в День чтения, десять лет назад.

Он, правда, не забыл, что день выдался пасмурный и моросил сентябрьский дождь. (День чтения — в сентябре, День образования — в ноябре, Олимпиада — в мае. На эту тему сочиняли даже детские стишки.) Было еще темно, и Джордж одевался при стенном свете. Родители его волновались гораздо больше, чем он сам. Отец Джорджа был дипломированным трубопрокладчиком и работал на Земле, чего втайне стыдился, хотя все понимали, что большая часть каждого поколения неизбежно должна остаться на Земле.

Сама Земля нуждалась в фермерах, шахтерах и даже в инженерах. Для работы на других планетах требовались только самые последние модели высококвалифицированных специалистов, и из восьми миллиардов земного населения туда ежегодно отправлялось всего лишь несколько миллионов человек. Естественно, не каждый житель Земли мог попасть в их число.

Но каждый мог надеяться, что по крайней мере кому-нибудь из его детей доведется работать на другой планете, и Плейтен-старший, конечно, не был исключением. Он видел (как, впрочем, видели и совершенно посторонние люди), что Джордж отличается незаурядными способностями и большой сообразительностью. Значит, его ждет блестящая будущность, тем более что он единственный ребенок в семье. Если Джордж не попадет на другую планету, то его родителям придется возложить все надежды на внуков, а когда-то еще у них появятся внуки!

Сам по себе День чтения, конечно, мало что значил, но в то же время только он мог показать хоть что-нибудь до наступления

того, другого, знаменательного дня. Когда дети возвращались домой, все родители Земли внимательно слушали, как они читают, стараясь уловить особенную беглость, чтобы истолковать ее как счастливое предзнаменование. Почти в любой семье подрастал такой многообещающий ребенок, на которого со Дня чтения возлагались огромные надежды только потому, что он легко справлялся с трехсложными словами.

Джордж смутно сознавал, отчего так волнуются его родители, и в то дождливое утро его безмятежный детский покой смущал только страх, что радостное выражение на лице отца может угаснуть, когда он вернется домой и покажет, как он научился читать.

Детей собрали в просторном зале городского Дома образования. В этот месяц во всех уголках Земли в миллионах местных Домов образования собирались такие же группы детей. Серые стены и напряженность, с которой держались дети, стеснявшиеся непривычной нарядной одежды, нагнали на Джорджа тоску.

Он инстинктивно поступил так же, как другие: отыскав кучку ребят, живших с ним на одном этаже, он присоединился к ним.

Тревелиян, мальчик из соседней квартиры, все еще разгуливал в длинных локонах, а от маленьких бачков и жидких рыжеватых усов, которые ему предстояло отрастить, едва он станет к этому физиологически способен, его отделяли еще многие годы.

Тревелиян (для которого Джордж тогда был еще Джооджи) воскликнул:

— Ага! Струсил, струсил!

— Вот и нет! — возразил Джордж и затем доверительно сообщил: — А папа с мамой положили печатный лист на мою тумбочку, и, когда я вернусь домой, я прочту им все до последнего словечка. Вот! (В тот момент наибольшее мучение Джорджу причиняли его собственные руки, которые он не знал куда девать. Ему строго-настрого приказали не чесать голову, не тереть уши, не ковырять в носу и не засовывать руки в карманы. Так что же ему было с ними делать?)

Зато Тревелиян как ни в чем не бывало сунул руки в карманы и заявил:

— А вот мой папа ничуть не беспокоится.

Тревелиян-старший почти семь лет работал металлургом на Дипории, и, хотя теперь он вышел на пенсию и жил опять на Земле, соседи смотрели на него снизу вверх.

Возвращение на Землю не очень поощрялось из-за проблемы перенаселенности, но все же кое-кому удавалось вернуться. Прежде всего, жизнь на Земле была дешевле, и пенсия, мизерная в условиях Дипории, на Земле выглядела весьма солидно. Кроме того, некоторым людям особенно приятно демонстриро-

вать свои успехи именно перед друзьями детства и знакомыми, а не перед всей остальной Вселенной.

Свое возвращение Тревелиян-старший объяснил еще и тем, что, останься он на Дипории, там пришлось бы остаться и его детям, а Дипория имела сообщение только с Землей. Живя же на Земле, его дети смогут в будущем попасть на любой из миров, даже на Новию.

Коротышка Тревелиян рано усвоил эту истину. Еще до Дня чтения он беззаботно верил, что в конце концов будет жить на Новии, и говорил об этом как о деле решенном.

Джордж, подавленный мыслью о будущем величии Тревелияна и сознанием собственного ничтожества, немедленно в целях самозащиты перешел в наступление:

— Мой папа тоже не беспокоится. Ему просто хочется послушать, как я читаю! Ведь он знает, что читать я буду очень хорошо. А твой отец просто не хочет тебя слушать: он знает, что у тебя ничего не выйдет.

— Нет, выйдет! А чтение — это ерунда. Когда я буду жить на Новии, я найму людей, чтобы они мне читали.

— Потому что сам ты читать не научишься! Потому что ты дурак!

— А как же я тогда попаду на Новию?

И Джордж, окончательно выведенный из себя, посягнул на основу основ:

— А кто это тебе сказал, что ты попадешь на Новию? Никуда ты не попадешь. Вот!

Коротышка Тревелиян покраснел.

— Ну уж трубопроводчиком, как твой папаша, я не буду!

— Возьми назад, что сказал, дурак!

— Сам возьми!

Они были готовы броситься друг на друга. Драться им, правда, совсем не хотелось, но возможность заняться чем-то привычным в этом чужом месте сама по себе была уже облегчением. А к тому же Джордж сжал кулаки и встал в боксерскую стойку, так что мучительная проблема — куда девать руки — временно разрешилась. Остальные дети возбужденно обступили их.

Но тут же все кончилось: по залу внезапно разнесся усиленный громкоговорителями женский голос — и сразу наступила тишина. Джордж разжал кулаки и забыл о Тревелияне.

— Дети, — произнес голос, — сейчас мы будем называть ваши фамилии. Тот, кто услышит свою фамилию, должен тут же подойти к одному из служителей, которые стоят у стен. Вы видите их? Они одеты в красную форму, и вы легко их заметите. Девочки пойдут направо, мальчики — налево. А теперь посмотрите, какой человек в красном стоит к вам ближе всего...

Джордж сразу же увидел своего служителя и стал ждать, когда его вызовут. Он еще не был посвящен в тайну алфавита, и к тому времени, когда дошла очередь до его фамилии, уже начал волноваться.

Толпа детей редела, ручейками растекаясь к красным фигурам.

Когда наконец было произнесено имя «Джордж Плейтен», он испытал невыразимое облегчение и упоительную радость: его уже вызвали, а Коротышку — нет!

Уходя, Джордж бросил ему через плечо:

— Ага, Коротышка! А может, ты им вовсе и не нужен?

Но его приподнятое настроение быстро улетучилось. Его поставили рядом с незнакомыми детьми и всех повели по коридорам. Они испуганно переглядывались, но заговорить никто не осмеливался, и слышалось только сопение да иногда сдавленный шепот: «Не толкайся!» и «Эй, ты, поосторожней!»

Им роздали картонные карточки и велели их не терять. Джордж стал с любопытством рассматривать свою карточку. Он увидел маленькие черные значки разной формы. Он знал, что это называется печатными буквами, но не мог сообразить, как из них получаются слова.

Его и еще четверых мальчиков отвели в отдельную комнату и велели им раздеться. Они быстро сбросили свою новую одежду и стояли теперь голые и маленькие, дрожа скорее от волнения, чем от холода. Лаборанты быстро, по очереди ощупывали и исследовали их с помощью каких-то странных инструментов, кололи им пальцы, чтобы взять кровь для анализа, а потом каждый брал карточки и черной палочкой торопливо выводил на них аккуратные ряды каких-то значков. Джордж пристально вглядывался в эти новые значки, но они оставались такими же непонятными, как и старые. Затем детям велели одеться.

Они сели на маленькие стулья и снова стали ждать. Их опять начали вызывать по фамилиям, и Джорджа Плейтена вызвали третьим.

Он вошел в большую комнату, заполненную страшными аппаратами с множеством кнопок и прозрачных панелей. В самом центре комнаты стоял письменный стол, за которым, устремив взгляд на кипу лежавших перед ним бумаг, сидел какой-то мужчина.

— Джордж Плейтен? — спросил он.

— Да, сэр, — дрожащим шепотом ответил Джордж, который в результате длительного ожидания и бесконечных переходов из комнаты в комнату начал волноваться. Он уже мечтал о том, чтобы все это поскорее кончилось.

Человек за письменным столом сказал:

— Меня зовут доктор Ллойд. Как ты себя чувствуешь, Джордж?

Произнося эту фразу, доктор не поднял головы. Казалось, он повторял эти слова так часто, что ему уже не нужно было смотреть на того, к кому он обращался.

— Хорошо.

— Ты боишься, Джордж?

— Н-нет, сэр, — ответил Джордж, и даже от него самого не укрылось, как испуганно прозвучал его голос.

— Вот и прекрасно, — произнес доктор. — Ты же знаешь, что бояться нечего. Ну-ка, Джордж, посмотрим! На твоей карточке написано, что твоего отца зовут Питер и что по профессии он дипломированный трубопрокладчик. Имя твоей матери Эми, и она дипломированный специалист по домоведению. Правильно?

— Да-да, сэр.

— А ты родился 13 февраля и год назад перенес инфекционное заболевание уха. Так?

— Да, сэр.

— А ты знаешь, откуда мне это известно?

— Я думаю, все это есть на карточке.

— Совершенно верно, — доктор в первый раз взглянул на Джорджа и улыбнулся, показав ровные зубы. На вид он был гораздо моложе отца Джорджа, и Джордж несколько успокоился.

Доктор протянул ему карточку.

— Ты знаешь, что означают эти значки?

И хотя Джорджу было отлично известно, что этого он не знает, от неожиданности он взглянул на карточку с таким вниманием, словно по велению судьбы внезапно научился читать. Но значки по-прежнему оставались непонятными, и он вернул карточку доктору.

— Нет, сэр.

— А почему?

У Джорджа вдруг мелькнуло подозрение: а не сошел ли с ума этот доктор? Разве он этого не знает сам?

— Потому что я не умею читать, сэр.

— А тебе хотелось бы научиться читать?

— Да, сэр.

— А зачем, Джордж?

Джордж в недоумении вытаращил глаза. Никто никогда не задавал ему такого вопроса, и он растерялся.

— Я не знаю, сэр, — запинаясь, произнес он.

— Печатная информация будет руководить тобой всю твою жизнь. Даже после Дня образования тебе предстоит узнать еще очень многое. И эти знания ты будешь получать из таких вот карточек, из книг, с телевизионных экранов. Печатные тексты расскажут тебе столько полезного и интересного, что не уметь читать было бы так же ужасно, как быть слепым. Тебе это понятно?

— Да, сэр.

— Ты боишься, Джордж?

— Нет, сэр.

— Отлично. Теперь я объясню тебе, с чего мы начнем. Я приложу вот эти провода к твоему лбу над уголками глаз. Они приклеятся к коже, но не причинят тебе никакой боли. Потом я включу аппарат и раздастся жужжание. Оно покажется тебе непривычным, и, возможно, тебе будет немного щекотно, но это тоже совершенно безболезненно. Впрочем, если тебе все-таки станет больно, ты мне скажешь, и я тут же выключу аппарат. Но больно не будет. Ну как, договорились?

Судорожно глотнув, Джордж кивнул.

— Ты готов?

Джордж снова кивнул. С закрытыми глазами он ждал, пока доктор готовил аппаратуру. Родители не раз рассказывали ему про все это. Они тоже говорили, что ему не будет больно. Но зато ребята постарше, которым исполнилось десять, а то и двенадцать лет, всегда дразнили ожидавших своего Дня чтения восьмилеток и кричали: «Берегитесь иглы!» А другие, отозвав малыша в какой-нибудь укромный уголок, по секрету сообщали: «Они разрежут тебе голову вот таким большущим ножом с крючком на конце» — и добавляли множество жутких подробностей.

Джордж никогда не принимал это за чистую монету, но тем не менее по ночам его мучили кошмары. И теперь, испытывая непередаваемый ужас, он закрыл глаза.

Он не почувствовал прикосновения проводов к вискам. Жужжание доносилось откуда-то издалека, и его заглушал звук стучавшей в ушах крови, такой гулкий, словно все происходило в большой пустой пещере. Джордж рискнул медленно открыть глаза.

Доктор стоял к нему спиной. Из одного аппарата ползла узкая лента бумаги, на которой виднелась волнистая фиолетовая линия. Доктор отрывал кусочки этой ленты и вкладывал их в прорезь другой машины. Он снова и снова повторял это, и каждый раз машина выбрасывала небольшой кусочек пленки, который доктор внимательно рассматривал. Наконец он повернулся к Джорджу, как-то странно нахмутив брови.

Жужжание прекратилось.

— Уже все? — прошептал Джордж.

— Да, — не переставая хмуриться, произнес доктор.

— И я уже умею читать? — Джордж не чувствовал в себе никаких изменений.

— Что? — переспросил доктор, и на его губах мелькнула неожиданная улыбка. — Все идет как надо, Джордж. Читать ты будешь через пятнадцать минут. А теперь мы воспользуемся другой машиной, и это уже будет немного дольше. Я закрою

тебе всю голову, и, когда я включу аппарат, ты на некоторое время перестанешь видеть и слышать, но тебе не будет больно. На всякий случай я дам тебе в руку выключатель. Если ты все-таки почувствуешь боль, нажми вот эту маленькую кнопку, и все прекратится. Хорошо?

Позже Джорджу довелось услышать, что это был не настоящий выключатель и его давали ребенку только для того, чтобы он чувствовал себя спокойнее. Однако он не знал твердо, так ли это, поскольку сам кнопки не нажимал.

Ему надели на голову большой шлем обтекаемой формы, выложенный изнутри резиной. Три-четыре небольшие выпуклости присосались к его черепу, но он ощутил лишь легкое давление, которое тут же исчезло. Боли не было.

Откуда-то донесся голос доктора:

— Ну как, Джордж, все в порядке?

И тогда, без всякого предупреждения, его как будто окутал толстый слой войлока. Он перестал ощущать собственное тело, исчезли чувства, весь мир, вся Вселенная. Остался лишь он сам и доносившийся из бездонных глубин небытия голос, который что-то шептал ему... шептал... шептал...

Он напряженно старался услышать и понять хоть что-нибудь, но между ним и тем шепотом лежал толстый слой войлока.

Потом с него сняли шлем. Яркий свет ударил ему в глаза, а голос доктора отдавался в ушах барабанной дробью.

— Вот твоя карточка, Джордж. Скажи, что на ней написано?

Джордж снова взглянул на карточку — и вскрикнул. Значки обрели смысл! Они сложились в слова, которые он понимал так отчетливо, будто кто-то подсказывал их ему на ухо. Он был уверен, что именно слышал их.

— Так что же на ней написано, Джордж?

— На ней написано... написано... «Плейтен Джордж. Родился 13 февраля 6492 года, родители Питер и Эми Плейтен, место...» — от волнения он не мог продолжать.

— Ты умеешь читать, Джордж, — сказал доктор. — Все уже позади.

— И я никогда не разучусь? Никогда?

— Ну конечно же, нет. — Доктор наклонился и серьезно пожал ему руку. — А сейчас тебя отправят домой.

Прошел не один день, прежде чем Джордж освоился со своей новой, замечательной способностью. Он так бегло читал отцу вслух, что Плейтен-старший не смог сдержать слез умиления и поспешил поделиться этой радостной новостью с родственниками.

Джордж бродил по городу, читая все попадавшиеся ему на пути надписи, и не переставал удивляться тому, что было время, когда он их не понимал.

Он пытался вспомнить, что это такое — не уметь читать, и не мог. Ему казалось, будто он всегда умел читать. Всегда.

К восемнадцати годам Джордж превратился в смуглого юношу среднего роста, но благодаря худобе он выглядел выше, чем был на самом деле. А коренастый, широкоплечий Тревелиян, который был ниже его разве что на дюйм, по-прежнему выглядел настоящим коротышкой. Однако за последний год он стал очень самолюбив и никому не позволял безнаказанно употреблять это прозвище. Впрочем, настоящее имя нравилось ему еще меньше, и его называли просто Тревелианом или каким-нибудь прилично звучащим сокращением фамилии. А чтобы еще более подчеркнуть свое возмужание, он упорно отращивал баки и жесткие, как щетина, усы.

Сейчас он вспотел от волнения, и Джордж, к тому времени тоже сменивший растянутое «Джорджи» на односложное отрывистое «Джордж», глядел на него, посмеиваясь.

Они находились в том же огромном зале, где их однажды уже собирали десять лет назад (и куда они с тех пор ни разу не заходили). Казалось, внезапно воплотилось в действительность туманное сновидение из далекого прошлого. В первые минуты Джордж был очень удивлен, обнаружив, что все здесь как будто стало меньше и теснее, но потом сообразил, что это вырос он сам.

Собралось их здесь меньше, чем в тот, первый раз, и одни юноши. Для девушек был назначен другой день.

— Не понимаю, почему нас заставляют ждать так долго, — вполголоса сказал Тревелиян.

— Обычная волокита, — заметил Джордж. — Без нее не обойдешься.

— И откуда в тебе это идиотское спокойствие? — раздраженно поинтересовался Тревелиян.

— А мне не из-за чего волноваться.

— Послушать тебя, так уши вянут! Надеюсь, ты станешь дипломированным ассенизатором, вот тогда-то я на тебя погляжу — Он окинул толпу угрюмым, тревожным взглядом.

Джордж тоже посмотрел по сторонам. На этот раз система была иной, чем в День чтения. Все шло гораздо медленнее, а инструкции были розданы сразу в печатном виде — значительное преимущество перед устными инструкциями еще не умеющим читать детям. Фамилии «Плейтен» и «Тревелиян» по-прежнему стояли в конце списка, но теперь они уже знали, в чем дело.

Юноши один за другим выходили из проверочных комнат. Нахмурившись и явно испытывая неловкость, они забирали свою одежду и вещи и отправлялись узнавать результаты.

Каждого окружала с каждым разом все более редевшая кучка тех, кто еще ждал своей очереди. «Ну как?», «Очень трудно

было?», «Как по-твоему, что тебе дали?», «Чувствуешь разницу?» — раздавалось со всех сторон.

Ответы были туманными и уклончивыми.

Джордж, напрягая всю волю, держался в стороне. Такие разговоры — лучший способ вывести человека из равновесия. Все единогласно утверждали, что больше всего шансов у тех, кто сохраняет спокойствие. Но, несмотря ни на что, он чувствовал, как у него постепенно холодеют руки.

Забавно, как с годами приходят новые заботы. Например, высококвалифицированные специалисты отправляются работать на другие планеты только с женами (или мужьями). Ведь на всех планетах необходимо поддерживать правильное соотношение числа мужчин и женщин. А какая девушка откажется выйти за человека, которого посылают на планету класса А? У Джорджа не было на примете никакой определенной девушки, да он и не интересовался ими. Еще не время. Вот когда его мечта осуществится и он получит право добавлять к своему имени слова «дипломированный программист», вот тогда он, как султан в гареме, сможет выбрать любую. Эта мысль взволновала его, и он постарался тут же выкинуть ее из головы. Необходимо сохранять спокойствие.

— Что же это все-таки может значить? — пробормотал Тревелиян. — Сначала тебе советуют сохранять спокойствие и хладнокровие, а потом тебя ставят в такое вот положение — тут только и сохранять спокойствие!

— Может быть, это нарочно? Чтобы с самого начала отделить мужчин от мальчиков? Легче, легче, Трев!

— Заткнись!

Наконец вызвали Джорджа, но не по радио, как в тот раз, — его фамилия вспыхнула на световом табло.

Джордж помахал Тревелияну рукой:

— Держись, Трев! Не волнуйся.

Когда он входил в проверочную комнату, он был счастлив. Да, счастлив!

— Джордж Плейтен? — спросил человек, сидевший за столом.

На миг в сознании Джорджа с необыкновенной четкостью возник образ другого человека, который десять лет назад задал такой же вопрос, и ему вдруг показалось, что перед ним тот же доктор, а он, Джордж, переступив порог, снова превратился в восьмилетнего мальчугана.

Сидевший за столом поднял голову — его лицо, конечно, не имело ничего общего с образом, всплывшим из глубин памяти Джорджа. У этого нос был картошкой, волосы жидкие и спутанные, а под подбородком висела складка, словно прежде он был очень толстым, а потом вдруг сразу похудел.

— Ну? — раздраженно произнес он.

Джордж очнулся.

— Да, я Джордж Плейтен, сэр.

— Так и говорите. Я — доктор Экери Антонелли. Сейчас мы с вами познакомимся поближе.

Он пристально, по-совиному, разглядывал на свет маленькие кусочки пленки.

Джордж внутренне содрогнулся. Он смутно вспомнил, что тот, другой доктор (он забыл, как его звали) тоже рассматривал такую же пленку. Неужели это та самая? Тот хмурился, а этот взглянул на него сейчас так, как будто его что-то рассердило.

Джордж уже не чувствовал себя счастливым.

Доктор Антонелли раскрыл довольно пухлую папку и осторожно отложил в сторону пленку.

— Тут сказано, что вы хотите стать программистом вычислительных машин.

— Да, доктор.

— Вы не передумали?

— Нет, сэр.

— Это очень ответственная и сложная профессия. Вы уверены, что она вам по силам?

— Да, сэр.

— Большинство людей, еще не получивших образования, не называют никакой конкретной профессии. Видимо, они боятся навредить себе.

— Наверное, так, сэр.

— А вас это не пугает?

— Я полагаю, что лучше быть откровенным, сэр.

Доктор Антонелли кивнул, но выражение его лица осталось прежним.

— Почему вы хотите стать программистом?

— Как вы только что сказали, сэр, это ответственная и сложная профессия. Программисты выполняют важную и интересную работу. Мне она нравится, и я думаю, что справлюсь с ней.

Доктор Антонелли отодвинул папку и кисло взглянул на Джорджа.

— Откуда вы знаете, что она вам понравится? Вы, наверное, думаете, что вас тут же подхватит какая-нибудь планета класса А?

«Он пробует запугать меня, — с тревогой подумал Джордж. — Спокойно, Джордж, говори правду».

— Мне кажется, что у программиста на это большие шансы, — произнес он, — но, даже если бы меня оставили на Земле, работа эта мне все равно нравилась бы, я знаю. («Во всяком случае, это так и я не лгу», — подумал Джордж.)

— Пусть так, но откуда вы это знаете?

Вопрос был задан таким тоном, словно на него нельзя было ответить разумно, и Джордж еле сдержал улыбку. У него-то имелся ответ!

— Я читал о программировании, сэр, — сказал он.

— Что?

На лице доктора отразилось неподдельное изумление, и это доставило Джорджу удовольствие.

— Я читал о программировании, сэр, — повторил он. — Я купил книгу на эту тему и изучал ее.

— Книгу, предназначенную для дипломированных программистов?

— Да, сэр.

— Но ведь вы не могли понять то, что там написано.

— Да, вначале. Но я достал другие книги по математике и электронике и разобрался в них, насколько мог. Я, конечно, знаю не так уж много, но все-таки достаточно, чтобы понять, что мне нравится эта профессия и что я могу быть программистом. (Даже его родители ничего не знали о тайнике, где он хранил эти книги, и не догадывались, почему он проводит так много времени в своей комнате и почему не высыпается.)

Доктор оттянул пальцами дряблую складку под подбородком:

— А зачем вы это делали, друг мой?

— Мне хотелось проверить, действительно ли эта профессия интересна.

— Но ведь вам известно, что это не имеет ни малейшего значения. Как бы вас ни привлекала та или иная профессия, вы не получите ее, если структура вашего мозга делает вас более пригодным для занятий иного рода. Вам ведь это известно?

— Мне говорили об этом, — осторожно ответил Джордж.

— Так поверьте, что это правда.

Джордж промолчал.

— Или вы думаете, что изучение какого-нибудь предмета перестроит мозговые клетки в нужном направлении? А еще одна теория рекомендует беременной женщине чаще слушать прекрасную музыку, если она хочет, чтобы ребенок стал композитором. Вы, значит, верите в это?

Джордж покраснел. Конечно, он думал и об этом. Он полагал, что, постоянно упражняя свой интеллект в избранной области, он получит таким образом дополнительное преимущество. Его уверенность в значительной мере объяснялась именно этим.

— Я никогда... — начал было он, но не нашел, что сказать.

— Ну, так это неверно, молодой человек! К моменту рождения ваш мозг уже окончательно сформирован. Он может быть изменен ударом, достаточно сильным, чтобы повредить его клетки, или разрывом кровеносного сосуда, или опухолью, или тяжелым инфекционным заболеванием — в любом случае обязательно к худшему. Но повлиять на строение мозга, упорно о чем-то

думая, попросту невозможно. — Он задумчиво посмотрел на Джорджа и добавил: — Кто вам посоветовал делать это?

Окончательно расстроившись, Джордж судорожно глотнул и ответил:

— Никто, доктор. Это моя собственная идея.

— А кто знал об этих ваших занятиях?

— Никто. Доктор, я не хотел ничего плохого.

— Кто сказал, что это плохо? Бесполезно, только и всего. А почему вы скрывали свои занятия?

— Я... я думал, что надо мной будут смеяться. (Он вдруг вспомнил о недавнем споре с Тревелияном. Очень осторожно, как будто эта мысль только зародилась в самом отдаленном уголке его сознания, Джордж высказал предположение, что, пожалуй, можно кое-чему научиться, черпая знания, так сказать, вручную, постепенно и понемногу. Тревелиян оглушительно расхохотался: «Джордж, не хватает еще, чтобы ты начал дубить кожу для своих башмаков и сам ткать материю для своих рубашек». И тогда он обрадовался, что сумел хорошо сохранить свою тайну.)

Погрузившись в мрачное раздумье, доктор Антонелли перекладывал с места на место кусочки пленки, которые рассматривал в начале их разговора. Наконец он произнес:

— Займемся-ка вашим анализом. Так мы ничего не добьемся.

К вискам Джорджа приложили провода. Раздалось жужжание, и снова в его мозгу возникло ясное воспоминание о том, что происходило с ним в этом здании десять лет назад.

Руки Джорджа были липкими от пота, его сердце отчаянно колотилось. Зачем, зачем он сказал доктору, что тайком читает книги?

Всему виной было его проклятое тщеславие. Ему захотелось щегольнуть своей предприимчивостью и самостоятельностью, а вместо этого он продемонстрировал свое суеверие и невежество и восстановил доктора против себя. (Он чувствовал, что Антонелли возненавидел его за самодовольную развязность.)

А теперь он довел себя до такого возбуждения, что анализатор, конечно, покажет полную бессмыслицу.

Он не заметил, когда именно с его висков сняли провода. Он только вдруг осознал, что доктор стоит перед ним и задумчиво смотрит на него. А проводов уже не было. Отчаянным усилием воли Джордж взял себя в руки. Он полностью распустился с мечтой стать программистом. За каких-нибудь десять минут она окончательно рассеялась.

— Наверно, нет? — уныло спросил он.

— Что «нет»?

— Из меня не выйдет программиста?

Доктор потер нос и сказал:

— Одевайтесь, заберите свои вещи и идите в комнату 15-С. Там вас будут ждать ваши бумаги и мое заключение.

— Разве я уже получил образование? — изумленно спросил Джордж. — Мне казалось, что это только...

Доктор Антонелли внимательно посмотрел на письменный стол.

— Вам все объяснят. Делайте, как я сказал.

Джордж почувствовал смятение. Что от него утаивают? Он годится только для профессии дипломированного чернорабочего, и его хотят подготовить, заставить смириться с этой судьбой?

Он сразу полностью уверовал в правильность своей догадки, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы не закричать.

Спотыкаясь, он побрел к своему месту в зале. Тревелияна там не было, и, если бы Джордж в тот момент был способен осмысленно воспринимать окружающее, он обрадовался бы этому обстоятельству. В зале вообще уже почти никого не осталось, а те немногие, которые, судя по их виду, как будто намеревались его порасспросить, были слишком измучены ожиданием своей очереди в конце алфавита, чтобы выдержать его свирепый, полный ненависти взгляд.

По какому праву они будут квалифицированными специалистами, а он — чернорабочим? Чернорабочим! Он был в этом уверен.

Служитель в красной форме повел его по коридорам, полным деловой суеты, мимо комнат, в каждой из которых помещалась та или иная группа специалистов — где два, а где пять человек: механики-мотористы, инженеры-строители, агрономы... Существовали сотни различных профессий, и значительная их часть будет представлена в этом году по крайней мере одним или двумя жителями его родного городка.

В эту минуту Джордж ненавидел их всех: статистиков, бухгалтеров, тех, кто поважнее, и тех, кто помельче. Он ненавидел их за то, что они уже получили свои знания и им была ясна их дальнейшая судьба, а его самого, все еще не обученного, ждала какая-то новая волокита.

Наконец он добрался до двери с номером 15-С. Его ввели в пустую комнату и оставили одного. На какой-то миг он воспрянул духом. Ведь, если бы эта комната предназначалась для чернорабочих, тут уже сидело бы много его сверстников.

Дверь в невысокой, в половину человеческого роста, перегородке скользнула в паз, и в комнату вошел пожилой седовласый мужчина. Он улыбнулся, показав ровные, явно фальшивые зубы, однако на его румянном лице не было морщин, а голос сохранил звучность.

— Добрый вечер, Джордж, — сказал он. — Я вижу, что на этот раз к нам в сектор попал только один из вас.

— Только один? — с недоумением повторил Джордж.

— Ну, на всей Земле таких, как вы, наберется несколько тысяч. Да, тысяч. Вы не одиноки.

Джордж почувствовал раздражение.

— Я ничего не понимаю, сэр, — сказал он. — Какова моя классификация? Что происходит?

— Полегче, друг мой. Ничего страшного. Это могло бы случиться с кем угодно. — Он протянул руку, и Джордж, машинально взяв ее, почувствовал крепкое пожатие. — Садитесь. Меня зовут Сэм Элленфорд.

Джордж нетерпеливо кивнул:

— Я хочу знать, в чем дело, сэр.

— Естественно. Во-первых, Джордж, вы не можете быть программистом. Я думаю, что вы и сами об этом догадались.

— Да, — с горечью согласился Джордж. — Но кем же я тогда буду?

— Это очень трудно объяснить, Джордж. — Он помолчал и затем отчетливо произнес: — Никем.

— Что?!

— Никем!

— Что это значит? Почему вы не можете дать мне профессию?

— Мы тут бессильны, Джордж, у нас нет выбора. За нас решает устройство вашего мозга.

Лицо Джорджа стало землистым, глаза выпучились.

— Мой мозг никуда не годится?

— Да как сказать. Но в отношении профессиональной квалификации — можете считать, что он действительно не годится.

— Но почему?

Элленфорд пожал плечами:

— Вам, конечно, известно, как осуществляется на Земле программа образования. Практически любой человек может усвоить любые знания, но каждый индивидуальный мозг лучше подходит для одних видов знаний, чем для других. Мы стараемся по возможности сочетать устройство мозга с соответствующими знаниями в пределах квоты на специалистов каждой профессии.

Джордж кивнул:

— Да, я знаю.

— Но иногда, Джордж, нам попадается молодой человек, чей интеллект не подходит для наложения на него каких бы то ни было знаний.

— Другими словами, я не способен получить образование?

— Вот именно.

— Но это безумие. Ведь я умен. Я могу понять... — Он беспомощно оглянулся, как бы отыскивая какую-нибудь возможность доказать, что его мозг работает нормально.

— Вы неправильно меня поняли, — очень серьезно произнес Элленфорд. — Вы умны. Об этом вопроса не встает. Более того, ваш интеллект даже выше среднего. К сожалению, это не имеет никакого отношения к тому, подходит ли он для наложения знаний. Вообще сюда почти всегда попадают умные люди.

— Вы хотите сказать, что я не могу стать даже дипломированным чернорабочим? — пролепетал Джордж. Внезапно ему показалось, что даже это лучше, чем открывшаяся перед ним пустота. — Что особенного нужно знать, чтобы быть чернорабочим?

— Вы недооцениваете чернорабочих, молодой человек. Существует множество разновидностей этой профессии, и каждая из этих разновидностей имеет свой комплекс довольно сложных знаний. Вы думаете, не требуется никакого искусства, чтобы правильно поднимать тяжести? Кроме того, для профессии чернорабочего мы должны отбирать не только подходящий тип мозга, но и подходящий тип тела. Вы не годитесь для этого, Джордж. Если бы вы стали чернорабочим, вас хватило бы ненадолго.

Джордж знал, что не обладает крепким телосложением.

— Но я никогда не слышал ни об одном человеке без профессии, — возразил он.

— Таких людей немного, — ответил Элленфорд. — И мы оберегаем их.

— Оберегаете? — Джордж почувствовал, как в его душе растут смятение и страх.

— Вы находитесь под опекой планеты, Джордж. С того момента как вы вошли в эту дверь, мы приступили к своим обязанностям. — И он улыбнулся.

Это была добрая улыбка. Джорджу она показалась улыбкой собственника, улыбкой взрослого, обращенной к беспомощному ребенку.

— Значит, я попаду в тюрьму? — спросил он.

— Ни в коем случае. Вы просто будете жить с себе подобными.

«С себе подобными!» Эти слова громом отдались в ушах Джорджа.

— Вам нужны особые условия. Мы позаботимся о вас, — сказал Элленфорд.

К своему ужасу, Джордж вдруг залился слезами. Элленфорд отошел в другой конец комнаты и, как бы задумавшись о чем-то, отвернулся.

Джордж напрягал все силы, и судорожные рыдания сменились всхлипываниями, а потом ему удалось подавить и их. Он думал о своем отце, о матери, о друзьях, о Тревелинге, о своем позоре...

— Я же научился читать! — возмущенно сказал он.

— Каждый нормальный человек может научиться этому. Нам никогда не приходилось сталкиваться с исключениями. Но именно на этом этапе мы обнаруживаем... э... э... исключения. Когда вы научились читать, Джордж, мы узнали об особенностях вашего мышления. Дежурный врач уже тогда сообщил о некотором его своеобразии.

— Неужели вы не можете попробовать дать мне образование? Ведь вы даже не пытались сделать это. Весь риск я возьму на себя.

— Закон запрещает нам это, Джордж. Но послушайте, все будет хорошо. Вашим родителям мы представим дело в таком свете, что это не огорчит их. А там, куда вас поместят, вы будете пользоваться некоторыми привилегиями. Мы дадим вам книги, и вы сможете изучать все, что пожелаете.

— Собирает знания по зернышку, — горько произнес Джордж. — И к концу жизни я буду знать как раз достаточно, чтобы стать дипломированным младшим клерком в отделе скрепок.

— Однако, если не ошибаюсь, вы уже пробовали учиться по книгам.

Джордж замер. Его мозг пронзила страшная догадка.

— Так вот оно что...

— Что?

— Этот ваш Антонелли! Он хочет погубить меня!

— Нет, Джордж, вы ошибаетесь.

— Не разувяряйте меня. — Джорджа охватила безумная ярость. — Этот поганый ублюдок решил расквитаться со мной за то, что я оказался для него слишком умным. Я читал книги и пытался подготовиться к профессии программиста. Ладно, какого отступного вы хотите? Деньги? Так вы их не получите. Я уйду, и когда я объявлю об этом...

Он перешел на крик.

Эленфорд покачал головой и нажал кнопку.

В комнату на цыпочках вошли двое мужчин и с двух сторон приблизились к Джорджу. Они прижали его руки к бокам, и один из них поднес к локтевой впадине его правой руки воздушный шприц. Снотворное проникло в вену и подействовало почти мгновенно.

Крики Джорджа тут же оборвались, голова поникла, колени подогнулись, и только служители, поддерживавшие его с обеих сторон, не дали ему, спящему, рухнуть на пол.

Как и было обещано, о Джордже позаботились. Его окружили вниманием и были к нему неизменно добры — Джорджу казалось, что он сам точно так же обращался бы с больным котенком.

Ему сказали, что он должен взять себя в руки и найти для себя какой-нибудь интерес в жизни. Потом ему объяснили, что большинство тех, кто попадает сюда, вначале всегда предаются отчаянию и что со временем у него это пройдет. Но он даже не слышал их.

Джорджа посетил сам доктор Эленфорд и рассказал, что его родителям сообщили, будто он получил особое назначение.

— А они знают?... — пробормотал Джордж.

Эленфорд поспешил успокоить его:

— Мы не вдавались в подробности.

Первое время Джордж отказывался есть и ему вводили питание внутривенно. От него спрятали острые предметы и приставили к нему охрану. В его комнате поселился Хали Омани, и флегматичность нигерийца подействовала на Джорджа успокаивающе.

Однажды, снедаемый отчаянной скукой, Джордж попросил какую-нибудь книгу. Омани, который сам постоянно что-то читал, поднял голову и широко улыбнулся. Не желая доставлять им удовольствия, Джордж чуть было не взял назад свою просьбу, но потом подумал: «А не все ли равно?»

Он не уточнил, о чем именно хочет читать, и Омани принес ему книгу по химии. Текст был напечатан крупными буквами, составлен из коротких слов и пояснялся множеством картинок. Это была книга для подростков, и Джордж с яростью швырнул ее об стену.

Таким он будет всегда. На всю жизнь он останется подростком, человеком, не получившим образования, и для него будут писать специальные книги. Изнывая от ненависти, он лежал на кровати и глядел в потолок, однако через час, угрюмо насупившись, встал, поднял книгу и принялся за чтение.

Через неделю он кончил ее и попросил другую.

— А первую отнести обратно? — спросил Омани.

Джордж нахмурился. Кое-чего он не понял, но он еще не настолько потерял чувство собственного достоинства, чтобы сознаться в этом.

— Впрочем, пусть остается, — сказал Омани. — Книги предназначены для того, чтобы их читали и перечитывали.

Это произошло в тот самый день, когда он наконец принял приглашение Омани посмотреть заведение, в котором они находились. Он плелся за нигерийцем, бросая вокруг быстрые злобные взгляды.

О да, это место не было тюрьмой! Ни закрытых дверей, ни решеток, ни охраны. Оно напоминало тюрьму только тем, что его обитатели не могли его покинуть.

И все-таки было приятно увидеть десятки подобных себе людей. Ведь слишком легко могло показаться, что во всем мире только ты один так... искалечен.

— А сколько здесь живет человек? — пробормотал он.

— Двести пять, Джордж, и это не единственное в мире заведение такого рода. Их тысячи.

Где бы он ни проходил, люди поворачивались в его сторону и провожали его глазами — и в гимнастическом зале, и на теннисных кортах, и в библиотеке. (Никогда в жизни он не представлял себе, что может существовать такое количество книг; ими были битком — именно битком — набиты длинные полки.) Все с любопытством рассматривали его, а он бросал в ответ яростные взгляды. Уж они-то ничем не лучше его, как же они смеют глазеть на него, словно на какую-нибудь диковинку!

Всем им, по-видимому, было лет двадцать—двадцать пять.

— А что происходит с теми, кто постарше? — неожиданно спросил Джордж.

— Здесь живут только более молодые, — ответил Омани, а затем, словно вдруг поняв скрытый смысл вопроса Джорджа, укоризненно покачал головой и добавил: — Их не уничтожают, если ты это имеешь в виду. Для старшего возраста существуют другие приюты.

— А впрочем, мне наплевать... — пробормотал Джордж, почувствовав, что проявил к этому слишком большой интерес и ему угрожает опасность сдаться.

— Но почему? Когда ты станешь старше, тебя переведут в приют, предназначенный для лиц обоего пола.

Это почему-то удивило Джорджа.

— И для женщин тоже?

— Конечно. Неужели ты считаешь, что женщины не подвержены этому?

И Джордж поймал себя на том, что испытывает такой интерес и волнение, каких не замечал в себе с того дня, когда... Он заставил себя не думать об этом.

Омани остановился на пороге комнаты, где стояли небольшая телевизионная установка и настольная счетная машина. Перед экраном сидели пять-шесть человек.

— Классная комната, — пояснил Омани.

— А что это такое? — спросил Джордж.

— Эти юноши получают образование, — ответил Омани. — Но не обычным способом, — быстро добавил он.

— То есть они получают знания по капле?

— Да. Именно так учились в старину.

С тех пор как он попал в приют, ему все время твердили об этом. Но что толку? Предположим, было время, когда человечество не знало диатермической печи. Разве из этого следует, что

он должен довольствоваться сырым мясом в мире, где все остальные едят его вареным или жареным?

— Что толку от этого крохоборства? — спросил он.

— Нужно же чем-то занять время, Джордж, а кроме того, им интересно.

— А какая им от этого польза?

— Они чувствуют себя счастливые.

Джордж размышлял над этим, даже ложась спать. На другой день он буркнул, обращаясь к Омани:

— Ты покажешь мне класс, где я смогу узнать что-нибудь о программировании?

— Ну конечно, — охотно согласился Омани.

Дело продвигалось медленно, и это возмущало Джорджа. Почему кто-то снова и снова объясняет одно и то же? Почему он читает и перечитывает какой-нибудь абзац, а потом, глядя на математическую формулу, не сразу ее понимает? Ведь людям за стенами приюта все это дается в один присест.

Несколько раз он бросал занятия. Однажды он не посещал классов целую неделю. Но всегда возвращался обратно. Дежурный наставник, который советовал им, что читать, вел телевизионные сеансы и даже объяснял трудные места и понятия, казалось, не замечал его поведения.

В конце концов Джорджу поручили постоянную работу в парке, а кроме того, когда наступала его очередь, он занимался уборкой и помогал на кухне. Ему представили это как шаг вперед, но им не удалось его провести. Ведь тут можно было бы завести куда больше всяческих бытовых приборов, но юношам нарочно давали работу, чтобы создать для них иллюзию полезного существования. Только его, Джорджа, им провести не удалось.

Им даже платили небольшое жалованье. Эти деньги они могли тратить на кое-какие дополнительные блага из числа указанных в списке либо откладывать их для сомнительного использования в столь же сомнительной старости. Джордж держал свои деньги в открытой жестянке, стоявшей на полке стенового шкафа. Он не имел ни малейшего представления, сколько там накопилось. Ему это было совершенно безразлично.

Он ни с кем по-настоящему не подружился, хотя к этому времени уже вежливо здоровался с обитателями приюта. Он даже перестал (вернее, почти перестал) терзать себя мыслями о роковой ошибке, из-за которой попал сюда. По целым неделям ему уже не снился Антонелли, его толстый нос и дряблая шея, его злобная усмешка, с которой он затакивал Джорджа в раскаленный зыбучий песок и держал его там до тех пор, пока тот

не просыпался с криком, встречая участливый взгляд склонившегося над ним Омани.

Как-то раз в снежный февральский день Омани сказал ему: — Просто удивительно, как ты приспособился.

Но это было в феврале, точнее, тринадцатого февраля, в день его рождения. Пришел март, за ним апрель, а когда уже не за горами был май, Джордж понял, что ничуть не приспособился.

Год назад он не заметил мая. Тогда, ко всему безразличный и потерявший цель в жизни, он целыми днями валялся в постели. Но этот май был иным.

Джордж знал, что повсюду на Земле вскоре начнется Олимпиада и молодые люди будут состязаться друг с другом в профессиональном искусстве, борясь за места на новых планетах. На всей Земле будет праздничная атмосфера, волнение, нетерпеливое ожидание последних новостей о результатах состязаний. Прибудут важные агенты-вербовщики с далеких планет. Победители будут увенчаны славой, но и потерпевшие поражение найдут чем утешиться.

Сколько было об этом написано книг! Как он сам мальчишкой из года в год увлеченно следил за олимпийскими состязаниями! И сколько с этим было связано его личных планов...

Джордж Плейтен сказал с плохо скрытой тоской в голосе: — Завтра первое мая. Начало Олимпиады!

И это вызвало его первую ссору с Омани, так что тот, сурово отчеканивая каждое слово, произнес полное название заведения, где находился Джордж.

Пристально глядя на Джорджа, Омани сказал раздельно:

— Приют для слабоумных.

Джордж Плейтен покраснел. Для слабоумных!

Он в отчаянии отогнал эту мысль и глухо сказал:

— Я ухожу.

Он сказал это не думая, и смысл этих слов достиг его сознания, лишь когда они уже сорвались с языка.

Омани, который снова принялся за чтение, поднял голову:

— Что ты сказал?

Но теперь Джордж понимал, что говорит.

— Я ухожу! — яростно повторил он.

— Что за нелепость! Садись, Джордж, и успокойся.

— Ну нет! Сколько раз повторять тебе, что со мной попросту расправились. Я не понравился этому доктору, Антонелли, а все эти мелкие бюрократышки любят покуражиться. Стоит только с ними не поладить, и они одним росчерком пера на какой-нибудь карточке стирают тебя в порошок.

— Ты опять за старое?

— Да, и не отступаю, пока все не выяснится. Я доберусь до Антонелли и выжму из него правду. — Джордж тяжело дышал, его била нервная дрожь. Наступал месяц Олимпиады, и он не мог допустить, чтобы этот месяц прошел для него безрезультатно. Если он сейчас ничего не предпримет, он окончательно капитулирует и погибнет навсегда.

Омани спустил ноги с кровати и встал. Он был почти шести футов ростом, и выражение лица придавало ему сходство с озабоченным сенбернартом. Он обнял Джорджа за плечи:

— Если я обидел тебя...

Джордж сбросил его руку.

— Ты просто сказал то, что считаешь правдой, а я докажу, что это ложь, вот и все. А почему бы мне не уйти? Дверь открыта, замков здесь никаких нет. Никто никогда не говорил, что мне запрещено выходить. Я просто возьму и уйду.

— Допустим. Но куда ты отправишься?

— В ближайший аэропорт, а оттуда — в ближайший большой город, где проводится какая-нибудь Олимпиада. У меня есть деньги. — Он схватил жестянку, в которую складывал свой заработок. Несколько монет со звоном упало на пол.

— Этого тебе, возможно, хватит на неделю. А потом?

— К этому времени я все улажу.

— К этому времени ты приползешь обратно, — сказал Омани с силой, — и тебе придется начинать все сначала. Ты сошел с ума, Джордж.

— Только что ты назвал меня слабоумным.

— Ну извини. Останься, хорошо?

— Ты что, попытаешься удержать меня?

Омани сжал толстые губы.

— Нет, не попытаюсь. Это твое личное дело. Если ты образумишься только после того, как столкнешься с внешним миром и вернешься сюда с окровавленной физиономией, так уходи... Да, уходи!

Джордж уже стоял в дверях. Он оглянулся через плечо:

— Я ухожу.

Он вернулся, чтобы взять свой карманный несессер.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против, если я заберу кое-что из моих вещей?

Омани пожал плечами. Он опять улегся в постель и с безразличным видом погрузился в чтение.

Джордж снова помедлил на пороге, но Омани даже не взглянул в его сторону. Скрипнув зубами, Джордж повернулся, быстро зашагал по безлюдному коридору и вышел в окутанный ночной мглой парк.

Он ждал, что его задержат еще в парке, но его никто не остановил. Он зашел в ночную закусочную, чтобы спросить дорогу к аэропорту, и думал, что хозяин тут же вызовет полицию,

но этого не случилось. Джордж вызвал скиммер, и водитель повез его в аэропорт, не задав ни одного вопроса.

Однако все это его не радовало. Когда он прибыл в аэропорт, на душе у него было на редкость скверно. Прежде он как-то не задумывался над тем, что его ожидает во внешнем мире. И вот он оказался среди людей, обладающих профессиями. В закускойной над кассой была укрепленна пластмассовая пластинка с именем хозяина. Такой-то, дипломированный повар. У человека, управляющего скиммером, были права дипломированного водителя. Джордж остро почувствовал незаконченность своей фамилии и из-за этого ощущал себя как будто голым, даже хуже — ему казалось, что с него содрали кожу. Но он не поймал на себе ни одного подозрительного взгляда. Никто не остановил его, не потребовал у него профессионального удостоверения.

«Кому придет в голову, что есть люди без профессии?» — с горечью подумал Джордж.

Он купил билет до Сан-Франциско на стратоплан, улетавший в 3 часа ночи. Другие стратопланы в крупные центры Олимпиады вылетали только утром, а Джордж боялся ждать. Даже и теперь он устроился в самом укромном уголке зала ожидания и стал высматривать полицейских. Но они не явились.

В Сан-Франциско он прилетел еще до полудня, и городской шум обрушился на него, подобно удару. Он никогда еще не видел такого большого города, а за последние полтора года привык к тишине и спокойствию.

Да и к тому же это был месяц Олимпиады. Когда Джордж вдруг сообразил, что именно этим объясняются особый шум, возбуждение и суматоха, он почти забыл о собственном отчаянном положении.

Для удобства прибывающих пассажиров в аэропорту были установлены Олимпийские стенды, перед которыми собирались большие толпы. Для каждой основной профессии был отведен особый стенд, на котором значился адрес того Олимпийского зала, где в данный день проводилось состязание по этой профессии, затем перечислялись его участники с указанием места их рождения и называлась планета-заказчик (если таковая была).

Все полностью соответствовало традициям. Джордж достаточно часто читал в газетах описания Олимпийских состязаний, видел их по телевизору и даже однажды присутствовал на небольшой Олимпиаде дипломированных мясников в главном городе своего округа. Даже это состязание, не имевшее никакого отношения к другим мирам (на нем, конечно, не присутствовало ни одного представителя иной планеты), привлекло множество зрителей.

Отчасти это объяснялось просто самим фактом состязания, отчасти — местным патриотизмом (о, что творилось, когда среди участников оказывался земляк, пусть даже совершенно незна-

комый, но за которого можно было болеть!) и, конечно, до некоторой степени — возможностью заключать пари. Бороться с этим было невозможно.

Джордж убедился, что подойти поближе к стенду не так-то просто. Он поймал себя на том, что как-то по-новому смотрит на оживленные лица вокруг.

Ведь было же время, когда эти люди сами участвовали в Олимпиадах. А чего они достигли? Ничего!

Если бы они были победителями, то не сидели бы на Земле, а находились бы где-нибудь далеко в глубинах Галактики. Кем бы они ни были, их профессии с самого начала сделали их добычей Земли. Или, если у них были высокоспециализированные профессии, они стали добычей Земли из-за собственной бездарности.

Теперь эти неудачники, собравшись здесь, взвешивали шансы новых, молодых участников состязаний. Стервятники!

Как страстно он желал, чтобы они прикидывали сейчас его шансы!

Он машинально шел мимо стендов, держась у самого края толпы. В стратоплане он позавтракал, и ему не хотелось есть. Зато ему было страшно. Он находился в большом городе в самый разгар суматохи, которая сопутствует началу Олимпийских состязаний. Это, конечно, для него выгодно. Город наводнен приезжими. Никто не станет расспрашивать Джорджа. Никому не будет до него никакого дела.

«Никому, даже приюту», — с болью подумал Джордж.

Там за ним ухаживали, как за больным котенком, но если больной котенок возьмет да убежит? Что поделаешь — тем хуже для него!

А теперь, добравшись до Сан-Франциско, что он предпримет? На этот вопрос у него не было ответа. Обратиться к кому-нибудь? К кому именно? Как? Он не знал даже, где ему остановиться. Деньги, которые у него остались, казались жалкими грошами.

Он вдруг со стыдом прикинул, не лучше ли будет вернуться в приют. Ведь можно пойти в полицию... Но тут же яростно замотал головой, словно споря с реальным противником.

Его взгляд упал на слово «Металлурги», которое ярко светилось на одном из стендов. Рядом, помельче — «Цветные металлы». А под длинным списком фамилий завивались прихотливые буквы: «Заказчик — Новия».

На Джорджа нахлынули мучительные воспоминания: его спор с Тревельяном, когда он был так уверен, что станет программистом, так уверен, что программист намного выше металлурга, так уверен, что идет по правильному пути, так уверен в своих способностях...

И вот он расхвастался перед этим мелочным, мстительным АвтоANELЛИ! Он же был так уверен в себе, когда его вызвали, и он еще постарался ободрить нервничавшего Тревелияна. В себе-то он был уверен!

У Джорджа вырвался всхлипывающий вздох. Какой-то человек обернулся и, взглянув на него, поспешил дальше. Мимо то-ропливо проходили люди, поминутно толкая его то в одну, то в другую сторону, а он не мог оторвать изумленных глаз от стенда.

Ведь стенд словно откликнулся на его мысли! Он настойчиво думал о Тревелияне, и на мгновение ему показалось, что на стенде в ответ обязательно возникнет слово «Тревелиян».

Но там и в самом деле значился Тревелиян. Арманг Тревелиян (имя, которое так ненавидел Коротышка, ярко светилось на стенде для всеобщего обозрения), а рядом — название их родного города. Да и к тому же Трев всегда мечтал о Новии, стремился на Новию, ни о чем не думал, кроме Новии. А заказчиком этого состязания была Новия.

Значит, это действительно Трев, старина Трев! Почти машинально он запомнил адрес зала, где проводилось состязание, и стал в очередь на скиммер.

«Трев таки добился своего! — вдруг утрюмо подумал он. — Он хотел стать металлургом и стал!»

Джорджу стало холодно и одиноко, как никогда.

У входа в зал стояла очередь. Очевидно, Олимпиада металлургов обещала захватывающую и напряженную борьбу. По крайней мере так утверждала горевшая высоко в небе надпись, и так же, казалось, думали теснившиеся у входа люди.

Джордж решил, что, судя по цвету неба, день выдался дождливый, но над всем Сан-Франциско, от залива до океана, натянули прозрачный защитный купол. Это, конечно, стоило немалых денег, но, когда дело касается удобства представителей других миров, все расходы оправдываются. А на Олимпиаду их съедется сюда немало. Они швыряют деньги направо и налево, а за каждого нанятого специалиста планета-заказчик платила не только Земле, но и местным властям. Так что город, в котором представители других планет проводили месяц Олимпиады с удовольствием, внакладе не оставался. Сан-Франциско знал, что делает.

Джордж так глубоко задумался, что вздрогнул, когда его плеча мягко коснулась чья-то рука и вежливый голос произнес:

— Вы стоите в очереди, молодой человек?

Очередь продвинулась, и теперь Джордж наконец обнаружил, что перед ним образовалось пустое пространство. Он успешно шагнул вперед и пробормотал:

— Извините, сэр.

Два пальца осторожно взяли его за локоть. Он испуганно оглянулся.

Стоявший за ним человек весело кивнул. В его волосах пробивалась обильная седина, а под пиджаком он носил старомодный свитер, застегивавшийся спереди на пуговицы.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал он.

— Ничего.

— Вот и хорошо! — Он, казалось, был расположен благодушно поболтать. — Я подумал, что вы, может быть, случайно оставились тут, задержавшись из-за очереди, и что вы, может быть...

— Кто? — резко спросил Джордж.

— Участник состязания, конечно. Вы же очень молоды.

Джордж отвернулся. Он был не в настроении для благодушной болтовни и испытывал злость ко всем любителям совать нос в чужие дела.

Его внезапно осенила новая мысль. Не разыскивают ли его? Вдруг сюда уже сообщили его приметы или прислали фотографию? Вдруг этот Седой позади него ищет предлога лучше рассмотреть его лицо?

Надо бы все-таки узнать последние известия. Задрав голову, Джордж взглянул на движущуюся полосу заголовков и кратких сообщений, которые бежали по одной из секций прозрачного купола, непривычно тусклые на сером фоне затянутого облаками предвечернего неба. Но тут же решил, что это бесполезно, и отвернулся. Для этих сообщений его персона слишком ничтожна. Во время Олимпиады только одни новости заслуживают упоминания: количество очков, набранных победителями, и призы, завоеванные континентами, нациями и городами.

И так будет продолжаться до конца месяца. Очки будут подсчитываться на душу населения, и каждый город будет изыскивать способ подсчета, который дал бы ему возможность занять почетное место.

Его собственный город однажды занял третье место на Олимпиаде электротехников, третье место во всем штате! В ратуше до сих пор висит мемориальная доска, увековечившая это событие.

Джордж втянул голову в плечи и засунул руки в карманы, но тут же решил, что так скорее привлечет к себе внимание. Он расслабил мышцы и попытался принять безразличный вид, но от страха не избавился. Теперь он находился уже в вестибюле, и до сих пор на его плечо не опустилась властная рука блюстителя порядка. Наконец он вошел в зал и постарался пробраться как можно дальше вперед.

Вдруг он заметил рядом Седого и опять почувствовал страх. Он быстро отвел взгляд и попытался внушить себе, что это

вполне естественно. В конце концов, Седой стоял в очереди прямо за ним.

К тому же Седой, поглядев на него с приветливой вопросительной улыбкой, отвернулся. Олимпиада вот-вот должна была начаться. Джордж приподнялся, высматривая Тревельяна, и на время забыл обо всем остальном.

Зал был не очень велик и имел форму классического вытянутого овала. Зрители располагались на двух галереях, опоясывающих зал, а участники состязания — внизу, в длинном и узком углублении. Приборы были уже установлены, а на табло над каждым рабочим местом пока светились только фамилии и номера состязающихся. Сами участники были на сцене. Одни читали, другие разговаривали. Кто-то внимательно разглядывал свои ногти. (Хороший тон требовал, чтобы они проявляли полное равнодушие к предстоящему испытанию, пока не будет подан сигнал к началу состязания.)

Джордж просмотрел программу, которая выскочила из ручки его кресла, когда он нажал кнопку, и отыскал фамилию Тревельяна. Она значилась под номером двенадцать, и, к огорчению Джорджа, место его приятеля находилось в другом конце зала. Он нашел участника под двенадцатым номером: тот, засунув руки в карманы, стоял спиной к своему прибору и смотрел на галереи, словно пересчитывал зрителей, но лица его Джордж не видел.

И все-таки он сразу узнал Трева.

Джордж откинулся в кресле. Добьется ли Трев успеха? Из чувства долга он желал ему самых лучших результатов, однако в глубине его души нарастал бунт. Он, Джордж, человек без профессии, сидит здесь простым зрителем, а Тревельян, дипломированный металлург, специалист по цветным металлам, участвует в Олимпиаде.

Джордж не знал, выступал ли Тревельян олимпийским соискателем в первый год после получения профессии. Такие смельчаки находились: либо человек был очень уверен в себе, либо очень торопился. В этом крылся определенный риск. Как ни эффективен был процесс обучения, год, проведенный на Земле после получения образования («чтобы смазать механизм неразработавшихся знаний», согласно поговорке), обеспечивал более высокие результаты.

Если Тревельян выступает в состязаниях вторично, он, быть может, не так уж и преуспел. Джордж со стыдом заметил, что эта мысль ему даже приятна.

Он поглядел по сторонам. Почти все места были заняты. Олимпиада соберет много зрителей, а значит, участники будут больше нервничать, а может быть, и работать с большей энергией — в зависимости от характера.

«Но почему это называется Олимпиадой?» — подумал он вдруг в недоумении. Он не знал. Почему хлеб называют хлебом?

В детстве он как-то спросил отца:

— Папа, а что такое Олимпиада?

И отец ответил:

— Олимпиада — значит состязание.

— А когда мы с Коротышкой боремся, это тоже Олимпиада? — поинтересовался Джордж.

— Нет, — ответил Плейтен-старший. — Олимпиада — это особенное состязание. Не задавай глупых вопросов. Когда получишь образование, узнаешь все, что тебе положено знать.

Джордж глубоко вздохнул, вернулся к действительности и уселся поглубже в кресло.

Все, что тебе положено знать!

Странно, как хорошо он помнит эти слова! «Когда ты получишь образование...» Никто никогда не говорил: «Если ты получишь образование...»

Теперь ему казалось, что он всегда задавал глупые вопросы. Как будто его разум инстинктивно предвидел свою неспособность к образованию и придумывал всяческие расспросы, чтобы хоть по обрывкам собрать побольше знаний.

А в приюте поощряли его любознательность, проповедуя то же, к чему инстинктивно стремился его разум. Единственный открытый ему путь!

Внезапно он выпрямился. Черт возьми, что это он? Чуть было не попался на их удочку! Неужели он сдастся только потому, что там перед ним Трев, получивший образование и участвующий в Олимпиаде?

Нет, он не слабоумный! Нет!!

И, словно в ответ на этот мысленный вопль протеста, зрители вокруг зашумели. Все встали.

В ложу, расположенную в самом центре длинной дуги овала, входили люди, одетые в цвета планеты Новия, и на главном табло над их головами вспыхнуло слово «Новия».

Новия была планетой класса А с большим населением и высокоразвитой цивилизацией, быть может, самой лучшей во всей Галактике. Каждый землянин мечтал когда-нибудь поселиться в таком мире, как Новия, или, если ему это не удастся, увидеть там своих детей. Джордж вспомнил, с какой настойчивостью стремился на Новию Тревельян, и вот теперь он состязается за право уехать туда.

Лампы над головами зрителей погасли, потухли и стены. Поток яркого света хлынул вниз, туда, где находились участники состязания.

Джордж снова попытался рассмотреть Тревельяна.

Но тот был слишком далеко.

— Уважаемые новианские заказчики, уважаемые дамы и господа! — раздался отчетливый, хорошо поставленный голос диктора. — Сейчас начнутся Олимпийские состязания металлургов, специалистов по цветным металлам. В состязании принимают участие...

С добросовестной внятностью диктор прочитал список, приведенный в программе. Фамилии, названия городов, откуда были участники, год получения образования. Зрители встречали каждое имя аплодисментами, и самые громкие доставались на долю жителей Сан-Франциско. Когда очередь дошла до Тревелияна, Джордж неожиданно для самого себя бешено завопил и замахал руками. Но еще больше его удивило то, что сидевший рядом с ним седой мужчина повел себя точно так же.

Джордж не мог скрыть своего изумления, и его сосед, наклонившись к нему и напругая голос, чтобы перекричать шум, произнес:

— У меня здесь нет земляков. Я буду болеть за ваш город. Это ваш знакомый?

Джордж отодвинулся, насколько мог.

— Нет.

— Я заметил, что вы все время смотрите в том направлении. Не хотите ли воспользоваться моим биноклем?

— Нет, благодарю вас. (Почему этот старый дурак сует нос не в свое дело?)

Диктор продолжал сообщать другие официальные сведения, касавшиеся номера состязания, метода хронометрирования и подсчитывания очков. Наконец он дошел до самого главного, и публика замерла обратившись в слух.

— Каждый участник состязания получит по бруску сплава неизвестного для него состава. От него потребуется произвести количественный анализ этого сплава и сообщить все результаты с точностью до четырех десятых процента. Для этого все соревнующиеся будут пользоваться микроспектрографами Бимена, модель MD-2, каждый из которых в настоящее время неисправен.

Зрители одобрительно зашумели.

— Каждый участник должен будет определить неисправность своего прибора и ликвидировать ее. Для этого им даны инструменты и запасные детали. Среди них может не оказаться нужной детали, и ее надо будет затребовать. Время, которое займет доставка, вычитается из общего времени, затраченного на выполнение задания. Все участники готовы?

На табло над пятым номером вспыхнул тревожный красный сигнал. Номер пять бегом бросился из зала и быстро вернулся. Зрители добродушно рассмеялись.

— Все готовы?

Табло остались темными.

— Есть какие-нибудь вопросы?

По-прежнему ничего.

— Можете начинать!

Разумеется, ни один из зрителей не имел возможности непосредственно определить, как продвигается работа у каждого участника. Некоторое представление об этом могли дать только надписи, вспыхивавшие на табло. Впрочем, это не имело ни малейшего значения. Среди зрителей только металлург, оказавшись он здесь, мог бы разобраться в сущности состязания. Но важно было, кто победит, кто займет второе, а кто — третье место. Для тех, кто ставил на участников (а этому не могли помешать никакие законы), только это было важно. Все прочее их не интересовало.

Джордж следил за состязанием так же жадно, как и остальные, поглядывая то на одного участника, то на другого. Он видел, как вот этот, ловко орудуя каким-то маленьким инструментом, снял крышку со своего микроспектрографа; как тот всматривался в экран аппарата; как спокойно вставлял третий свой брусок сплава в зажим и как четвертый подкручивал винт, причем настолько осторожно, что, казалось, на мгновение застыл в полной неподвижности.

Тревелиян, как и все остальные участники, был целиком поглощен своей работой. А как идут его дела, Джордж определить не мог.

На табло над семнадцатым номером вспыхнула надпись:

«Сдвинута фокусная пластинка».

Зрители бешено зааплодировали.

Семнадцатый номер мог быть прав, но мог, конечно, и ошибиться. В этом случае ему пришлось бы позже дать другое заключение, потеряв на этом время. А может быть, он не заметил бы ошибки и не сумел бы сделать анализ. Или же, еще хуже, он мог получить совершенно неверные результаты.

Неважно. А пока зрители ликovali.

Зажглись и другие табло. Джордж не спускал глаз с табло номер двенадцать. Наконец оно тоже засветилось:

«Держатель децентрирован. Требуется новый зажим».

К Тревелияну подбежал служитель с новой деталью. Если Тревел ошибся, это означает бесполезную задержку, а время, потраченное на ожидание детали, не будет вычтено из общего времени. Джордж невольно затаил дыхание.

На семнадцатом табло начали появляться светящиеся буквы результата анализа: «Алюминий — 41,2649, магний — 22,1914, медь — 10,1001».

И на других табло все чаще вспыхивали цифры.

Зрители бесновались.

Джордж недоумевал, как участники могли работать в таком бедламе. Потом ему пришло в голову, что, может быть, это даже хорошо: ведь первоклассный специалист лучше всего работает в напряженной обстановке.

На семнадцатом табло вспыхнула красная рамка, знаменующая окончание работы, и семнадцатый номер поднялся со своего места. Четвертый отстал от него всего лишь на две секунды. Затем кончил еще один и еще.

Тревелиян продолжал работать, определяя последние компоненты своего сплава. Он поднялся, когда почти все состязующиеся уже стояли. Последним встал пятый номер, и публика приветствовала его ироническими возгласами.

Однако это был еще не конец. Заключение жюри, естественно, задерживалось. Время, затраченное на всю операцию, имело определенное значение, но не менее важна была точность результатов. И не все задачи были одинаково трудны. Необходимо было учесть множество факторов.

Наконец раздался голос диктора:

— Победителем состязания, выполнившим задание за четыре минуты двенадцать секунд, правильно определившим неисправность и получившим правильный результат с точностью до семи десятитысячных процента, является участник под номером... семнадцать, Генрих Антон Шмидт из...

Остальное потонуло в бешеном реве. Второе место занял восьмой номер, третье — четвертый, хороший показатель времени которого был испорчен ошибкой в пять сотых процента при определении количественного содержания ниобия. Двенадцатый номер даже не был упомянут, если не считать фразы «...а остальные участники...»

Джордж протолкался к служебному выходу и обнаружил, что здесь уже собралось множество людей — плачущие (кто от радости, кто от горя) родственники, репортеры, намеренные взять интервью у победителей, земляки, охотники за автографами, любители рекламы и просто любопытные. Были здесь и девушки, надеявшиеся обратить на себя внимание победителя, который почти наверняка отправится на Новию (а может быть, и потерпевшего поражение, который нуждается в утешении и имеет деньги, чтобы позволить себе такую роскошь).

Джордж остановился в сторонке. Он не увидел ни одного знакомого лица. Сан-Франциско был так далеко от их родного города, что вряд ли Трев приехал сюда в сопровождении близких, которые теперь печально поджидали бы его у двери.

Смушенно улыбаясь и кланяясь в ответ на приветствия, появились участники соревнования. Полицейские сдерживали толпу, освобождая им проход. Каждый из набравших большое количество очков увлекал за собой часть людей, подобно магниту, двигающемуся по кучке железных опилок.

Когда вышел Тревелиян, у входа уже почти никого не было. (Джордж решил, что он долго выжидал эту минуту.) В его сурово сжатых губах была сигарета. Глядя в землю, он повернулся, чтобы уйти.

Это было первое напоминание о родном доме за без малого полтора года, которые показались Джорджу в десять раз дольше. И он даже удивился, что Тревелиян несколько не постарел и остался все тем же Тревом, каким он видел его в последний раз.

Джордж рванулся вперед.

— Трев!

Тревелиян в изумлении обернулся. Он с недоумением взглянул на Джорджа и сразу же протянул ему руку.

— Джордж Плейтен! Вот черт...

Появившееся на его лице радостное выражение тут же угасло, а рука опустилась, прежде чем Джордж успел пожать ее.

— Ты был там? — Тревелиян мотнул головой в сторону зала.

— Был.

— Чтобы посмотреть на меня?

— Да.

— Я не слишком блеснул, а?

Он бросил сигарету, раздавил ее ногой, глядя в сторону улицы, где медленно рассасывавшаяся толпа окружала скиммеры и уже стояли новые очереди желающих попасть на следующие состязания.

— Ну и что? — угрюмо буркнул Тревелиян. — Я проиграл всего во второй раз. А после сегодняшнего Новия может катиться ко всем чертям. Есть планеты, которые просто вцепятся в меня... Но послушай-ка, ведь я не видел тебя со Дня образования. Где ты пропадал? Твой родные сказали, что ты уехал по специальному заданию, но ничего не объяснили подробно. И ты ни разу мне не написал. А мог бы.

— Да, пожалуй, — неловко произнес Джордж. — Но я пришел сказать, как мне жаль, что сейчас все так обернулось.

— Не жалею, — возразил Тревелиян. — Я ведь уже говорил тебе, что Новия может убираться к черту... Да я мог бы знать заранее! Все только и говорили, что использован будет прибор Бимена. Никто и не сомневался. А в проклятых лентах, которыми меня зарядили, был предусмотрен спектрограф Хенслера! Кто же теперь пользуется Хенслером? Разве что планеты вроде Гомена, если их вообще можно назвать планетами. Ловко это было подстроено, а?

— Но ты ведь можешь подать жалобу в...

— Не будь дураком. Мне скажут, что мой мозг лучше всего подходил для Хенслера. Пойди поспорь. Да и вообще мне не везло. Ты заметил, что мне одному пришлось послать за запасной частью?

— Но потраченное на это время вычиталось?

— Конечно! Только я, когда заметил, что среди запасных частей нет зажима, подумал, что напутал, и не сразу потребовал его. Это-то время не вычиталось! А будь у меня микроспектрограф Хенслера, я бы знал, что не ошибаюсь. Где мне было тягаться с ними? Первое место занял житель Сан-Франциско, и следующие три — тоже. А пятое занял парень из Лос-Анджелеса. Они получили образование с лент, которыми снабжают большие города. С самых лучших, которые только есть. Там и спектрограф Бимена и все, что хочешь! Куда же мне было до них! Я отправился в такую даль потому, что только эту Олимпиаду по моей профессии заказала Новия, и с тем же успехом мог бы остаться дома. Я заранее знал, что так получится! Но теперь все. На Новии космос клином не сошелся. Из всех проклятых...

Он говорил это не для Джорджа. Он вообще ни к кому не обращался. Джордж понял, что он просто отводит душу.

— Если ты заранее знал, что вам дадут спектрограф Бимена, разве ты не мог ознакомиться с ним? — спросил Джордж.

— Я же говорю тебе, что его не было в моих лентах.

— Ты мог почитать... книги.

Тревелиан вдруг так пронзительно взглянул на него, что он еле выговорил последнее слово.

— Ты что, смеешься? — сказал Тревелиан. — Остришь? Неужели ты думаешь, что, прочитав какую-то книгу, я запомню достаточно, чтобы сравниться с теми, кто действительно знает?

— Я считал...

— А ты попробуй. Попробуй... Кстати, а ты какую получил профессию? — вдруг ехидно спросил Тревелиан.

— Видишь ли...

— Ну, выкладывай. Раз уж ты тут передо мной строишь такого умника, давай-ка посмотрим, кем стал ты. Раз ты все еще на Земле, значит, ты не программист и твое специальное задание не такое уж важное.

— Послушай, Трев, — сказал Джордж, — я опаздываю на свидание...

Он попятился, пытаясь улыбнуться.

— Нет, ты не уйдешь, — Тревелиан в бешенстве бросился к Джорджу и вцепился в его пиджак. — Отвечай! Почему ты боишься сказать мне? Кто ты такой? Ты мне тычешь в нос мое поражение, а сам? Это у тебя не выйдет, слышишь!

Он неистово тряс Джорджа, тот вырывался. Так, отчаянно борясь и чуть не падая, они двигались через зал, но тут Джордж услышал глас Рока — суровый голос полицейского:

— Довольно! Довольно! Прекратите!

Сердце Джорджа мучительно сжалось и превратилось в кусок свинца. Сейчас полицейский спросит их имена и потребует удостоверения личности, а у Джорджа нет никаких документов.

После первых же вопросов выяснится, что у него нет и профессии. А Тревелиан, озлобленный своей неудачей, конечно, поспешит рассказать об этом всем знакомым в родном городке, чтобы утешить собственное уязвленное самолюбие.

Этого Джордж не мог вынести. Он вырвался и бросился было бежать, но ему на плечо легла тяжелая рука полицейского.

— Эй, стойте. Покажите-ка ваше удостоверение.

Тревелиан шарил в карманах и говорил отрывисто и зло:

— Я Арманд Тревелиан, металлург, специалист по цветным металлам. Я участвовал в Олимпиаде. А вот его проверьте хорошенько, сержант.

Джордж стоял перед ними, не в силах вымолвить ни слова. Губы его пересохли, горло сжалось.

Вдруг раздался еще один голос, спокойный и вежливый:

— Можно вас на минутку, сержант?

Полицейский шагнул назад:

— Что вам угодно, сэр?

— Этот молодой человек — мой гость. Что случилось?

Джордж оглянулся вне себя от изумления. Это был тот самый седой мужчина, который сидел рядом с ним на Олимпиаде. Седой добродушно кивнул Джорджу.

Его гость? Он что, сошел с ума?

— Эти двое затеяли драку, сэр, — объяснил полицейский.

— Вы предъявляете им какое-нибудь обвинение? Нанесен ущерб?

— Нет, сэр.

— В таком случае всю ответственность я беру на себя.

Он показал полицейскому небольшую карточку, и тот сразу отступил.

— Пойдите... — возмущенно начал Тревелиан, но полицейский свирепо перебил его:

— Ну? У вас есть какие-нибудь претензии?

— Я только...

— Проходите! И вы тоже... Расходитесь, расходитесь!

И собравшаяся вокруг толпа начала с неохотой расходиться. Джордж покорно пошел с Седым к скиммеру, но вдруг решительно остановился.

— Благодарю вас, — сказал он, — но ведь я не ваш гость. (Может быть, по нелепой случайности его приняли за кого-то другого?)

Но Седой улыбнулся и сказал:

— Теперь вы уже мой гость. Разрешите представиться. Я — Ладислас Индженеску, дипломированный историк.

— Но.

— С вами ничего дурного не случится, уверяю вас. Я ведь просто хотел избавить вас от неприятного разговора с полицейским.

— А почему?

— Вы хотите знать причину? Ну, ведь мы с вами, так сказать, почетные земляки. Мы же дружно болели за одного человека. А земляки должны держаться друг друга, даже если они только почетные земляки. Не правда ли?

И Джордж, не доверяя ни Индженеску, ни самому себе, все-таки вошел в скиммер. Они поднялись в воздух, прежде чем он успел передумать.

«Это, наверное, важная птица, — вдруг сообразил он. — Полицейский говорил с ним очень почтительно».

Только теперь он вспомнил, что приехал в Сан-Франциско вовсе не ради Тревелияна, а с целью найти достаточно влиятельного человека, который мог бы добиться переоценки его способностей.

А вдруг этот Индженеску именно тот, кто ему нужен? И его даже не придется искать!

Как знать, не сложилось ли все на редкость удачно... удачно... Но Джордж напрасно убеждал себя. На душе у него было по-прежнему тревожно.

Во время недолгого полета на скиммере Индженеску поддерживал разговор, любезно указывая на достопримечательности города и рассказывая о других Олимпиадах, на которых ему доводилось бывать. Джордж слушал его рассеянно, издавал невнятное хмыканье, когда Индженеску замолкал, а сам с волнением следил за направлением полета.

Вдруг они поднимаются к отверстию в защитном куполе и покинут город?

Но скиммер снижался, и Джордж тихонько вздохнул с облегчением. В городе он чувствовал себя в большей безопасности.

Скиммер опустился на крышу какого-то отеля, прямо у верхней двери, и, когда они вышли, Индженеску спросил:

— Вы не откажетесь пообедать со мной в моем номере?

— С удовольствием, — ответил Джордж и улыбнулся вполне искренне. Время второго завтрака давно прошло, и у него начало сосать под ложечкой.

Они ели молча. Наступили сумерки, и автоматически засветились стены. («Вот уже почти сутки, как я на свободе», — подумал Джордж.)

За кофе Индженеску наконец заговорил.

— Вы вели себя так, словно подозревали меня в дурных намерениях, — сказал он.

Джордж покраснел и, поставив чашку, попытался что-то возразить, но его собеседник рассмеялся и покачал головой:

— Это так. Я внимательно наблюдал за вами с того момента, как впервые вас увидел, и, мне кажется, теперь я знаю о вас очень многое.

Джордж в ужасе приподнялся с места.

— Сядьте, — сказал Индженеску. — Я ведь только хочу помочь вам.

Джордж сел, но в его голове вихрем кружились мысли. Если старик знал, кто он, то почему он помешал полицейскому? Да и вообще, с какой стати он решил ему помочь?

— Вам хочется знать, почему я захотел помочь вам? — спросил Индженеску. — О, не пугайтесь, я не умею читать мысли. Видите ли, просто моя профессия позволяет мне по самой незначительной внешней реакции судить о мыслях человека. Вам это понятно?

Джордж отрицательно покачал головой.

— Представьте себе, каким я увидел вас, — сказал Индженеску. — Вы стояли в очереди, чтобы посмотреть Олимпиаду, но ваши микрореакции не соответствовали тому, что вы делали. У вас было не то выражение лица, не те движения рук. Отсюда следовало, что у вас какая-то беда, но, что самое интересное, необычная, не лежащая на поверхности. Быть может, вы сами не сознаете, что с вами, решил я. И, не удержавшись, последовал за вами, даже сел рядом. После окончания состязания я опять пошел за вами и подслушал ваш разговор с вашим знакомым. Ну а уж к этому времени вы превратились в такой интересный объект для изучения — простите, если это звучит бессердечно, — что я просто не мог допустить, чтобы вас забрали в полицию... Скажите же, что вас тревожит?

Джордж мучился, не зная, на что решиться. Если это ловушка, то зачем нужно действовать таким окольным путем? Ему же действительно нужна помощь. Ради этого он сюда и приехал. А тут помощь ему прямо предлагают. Пожалуй, именно это его и смущало. Что-то все получается уж очень просто.

— Разумеется, то, что вы сообщите мне как социологу, становится профессиональной тайной, — сказал Индженеску. — Вы понимаете, что это значит?

— Нет, сэр.

— Это значит, что с моей стороны будет бесчестным, если я расскажу о том, что узнаю от вас, с какой бы целью я это ни сделал. Более того, никто не имеет права заставить меня рассказать об этом.

— А я думал, вы историк, — подозрительно сказал Джордж.

— Это верно.

— Но вы же только сейчас сказали, что вы социолог.

Индженеску расхохотался.

— Не сердитесь, молодой человек, — извинился он, когда был в состоянии говорить. — Но, право же, я смеялся не над вами. Я смеялся над Землей, над тем, какое большое значение она придает точным наукам, и над некоторыми практическими следствиями этого увлечения. Держу пари, что вы можете

перечислить все разделы строительной технологии или прикладной механики и в то же время даже не слышали о социологии.

— Ну а что же такое социология?

— Социология — это наука, которая занимается изучением человеческого общества и отдельных его ячеек и делится на множество специализированных отраслей, так же как, например, зоология. Так, существуют культурологи, изучающие культуру, ее рост, развитие и упадок. Культура, — добавил он, предупреждая вопрос Джорджа, — это совокупность всех сторон жизни. К культуре относится, например, то, каким путем мы зарабатываем себе на жизнь, от чего получаем удовольствие, во что верим, наши представления о хорошем и плохом и так далее. Вам это понятно?

— Кажется, да.

— Экономист — не специалист по экономической статистике, а именно экономист — специализируется на изучении того, каким образом культура удовлетворяет материальные потребности каждого члена общества. Психолог изучает отдельных членов общества и то влияние, которое это общество на них оказывает. Прогнозист планирует будущий путь развития общества, а историк... Это уже по моей части.

— Да, сэр?

— Историк специализируется на изучении развития нашего общества в прошлом, а также обществ с другими культурами.

Джорджу стало интересно.

— А разве в прошлом что-то было по-другому?

— Еще бы! Тысячу лет назад не было образования, то есть образования, как мы понимаем его теперь.

— Знаю, — произнес Джордж. — Люди учились по книгам, собирая знания по крупицам.

— Откуда вы это знаете?

— Слыхал, — осторожно ответил Джордж и добавил: — А какой смысл думать о том, что происходило в далеком прошлом? Я хочу сказать, что ведь со всем этим уже покончено, не правда ли?

— С прошлым никогда не бывает покончено, мой друг. Оно объясняет настоящее. Почему, например, у нас существует именно такая система образования?

Джордж беспокойно заерзал. Слишком уж настойчиво его собеседник возвращался к этой теме.

— Потому что она самая лучшая, — отрезал он.

— Да. Но почему она самая лучшая? Послушайте меня минутку, и я попытаюсь объяснить. А потом вы мне скажете, есть ли смысл в изучении истории. Даже до того, как начались межзвездные полеты... — Он внезапно умолк, заметив на лице Джорджа выражение глубочайшего изумления. — Неужели вы считали, что так было всегда?

— Я никогда не задумывался над этим, сэр.

— Вполне естественно. Однако четыре-пять тысяч лет назад человечество было приковано к Земле. Но и тогда уже техника достигла высокого уровня развития, а численность населения увеличилась настолько, что любое торможение техники привело бы к массовому голоду и эпидемиям. Для того чтобы уровень техники не снижался и соответствовал росту населения, нужно было готовить все больше инженеров и ученых. Однако по мере развития науки на их обучение требовалось все больше и больше времени. Когда же впервые были открыты способы межпланетных, а затем и межзвездных полетов, эта проблема стала еще острее. Собственно говоря, из-за недостатка специалистов человечество в течение почти полутора тысяч лет не могло по-настоящему колонизировать планеты, находящиеся за пределами Солнечной системы. Перелом наступил, когда был установлен механизм хранения знаний в человеческом мозгу. Как только это было сделано, появилась возможность создать образовательные ленты на основе этого механизма таким образом, чтобы сразу вкладывать в мозг определенное количество, так сказать, готовых знаний. Впрочем, это-то вы знаете. Это позволило выпускать тысячи и миллионы специалистов, и мы смогли приступить к тому, что впоследствии назвали «заполнением Вселенной». Сейчас в Галактике уже существует полторы тысячи населенных планет, и число их будет возрастать до бесконечности.

Вы понимаете, что из этого следует? Земля экспортирует образовательные ленты, предназначенные для подготовки специалистов низкой квалификации, и это обеспечивает единство культуры для всей Галактики. Так, например, благодаря лентам чтения мы все говорим на одном языке... Не удивляйтесь. Могут быть и иные языки, и в прошлом люди на них говорили. Их были сотни. Земля, кроме того, экспортирует высококвалифицированных специалистов, и численность ее населения не превышает допустимого уровня. Поскольку при вызове специалистов соблюдается равновесие полов, они образуют самовоспроизводящиеся ячейки, и это способствует росту населения на тех планетах, где в этом есть необходимость. Более того, за ленты и специалистов платят сырьем, в котором мы очень нуждаемся и от которого зависит наша экономика. Теперь вы поняли, почему наша система образования действительно самая лучшая?

— Да, сэр.

— И вам легко понять это, зная, что без нее в течение полутора тысяч лет было невозможно колонизировать планеты других солнечных систем?

— Да, сэр.

— Значит, вы видите, в чем польза истории? — Историк улынулся. — А теперь скажите, догадались ли вы, почему я вами интересуюсь?

Джордж мгновенно вернулся из пространства и времени назад к действительности. Видимо, Индженеску неспроста завел этот разговор. Вся его лекция была направлена на то, чтобы атаковать его неожиданно.

— Почему же? — неуверенно спросил он, снова насторожившись.

— Социологи изучают общество, а общество состоит из людей.

— Ясно.

— Но люди не машины. Специалисты в области точных наук работают с машинами. А машина требует строго определенного количества знаний, и эти специалисты знают о ней все. Более того, все машины данного вида почти одинаковы, так что индивидуальные особенности машины не представляют для них интереса. Но люди... О, они так сложны и так отличаются друг от друга, что социолог никогда не знает о них все или хотя бы значительную часть того, что можно о них знать. Чтобы не утратить квалификации, он должен постоянно изучать людей, особенно необычные экземпляры.

— Вроде меня, — глухо произнес Джордж.

— Конечно, называть вас экземпляром невежливо, но вы человек необычный. Вы стоите того, чтобы вами заняться, и, если вы разрешите мне это, я, в свою очередь, по мере моих возможностей помогу вам в вашей беде.

В мозгу Джорджа кружился смерч. Весь этот разговор о людях и о колонизации, ставшей возможной благодаря образованию... Как будто кто-то разбивал и дробил заскорузлую, спекшуюся корку мыслей.

— Дайте мне подумать, — произнес он, зажав руками уши.

Потом он опустил руки и сказал историку:

— Вы можете оказать мне услугу, сэр?

— Если она в моих силах, — любезно ответил историк.

— Все, что я говорю в этой комнате, — профессиональная тайна? Вы так сказали.

— Так оно и есть.

— Тогда устройте мне свидание с каким-нибудь должностным лицом другой планеты, например с... с новианином.

Индженеску был, по-видимому, крайне удивлен.

— Право же...

— Вы можете сделать это, — убежденно произнес Джордж. — Вы ведь важное должностное лицо. Я видел, какой вид был у полицейского, когда вы показали ему свое удостоверение. Если вы откажетесь сделать это, я... я не позволю вам изучать меня.

Самому Джорджу эта угроза показалась глупой и бессильной. Однако на Индженеску она, очевидно, произвела большое впечатление.

— Ваше условие невыполнимо, — сказал он. — Новианин в месяц Олимпиады...

— Ну хорошо, тогда свяжите меня с каким-нибудь новианином по видеофону, и я сам договорюсь с ним о встрече.

— Вы думаете, вам это удастся?

— Я в этом уверен. Вот, увидите.

Индженеску задумчиво посмотрел на Джорджа и протянул руку к видеофону.

Джордж ждал, опьяненный новым осмыслением всей проблемы и тем ощущением силы, которое оно давало. Он не может потерпеть неудачу. Не может. Он все-таки станет новианином. Он покинет Землю победителем вопреки Антонелли и всей компании дураков из приюта (он чуть было не расхохотался вслух) для слабоумных.

Джордж впился взглядом в засветившийся экран, который должен был распахнуть окно в комнату новиан, окно в перенесенный на Землю уголок Новии. И он добился этого за какие-нибудь сутки!

Когда экран прояснился, раздался взрыв смеха, но на нем не появилось ни одного лица, лишь быстро мелькали тени мужчин и женщин. Послышался чей-то голос, отчетливо прозвучавший на фоне общего гомона:

— Индженеску? Спрашивает меня?

И вот на экране появился он. Новианин. Настоящий новианин. (Джордж ни на секунду не усомнился. В нем было что-то совершенно внеземное, нечто такое, что невозможно было точно определить или хоть на миг спутать с чем-либо иным.)

Он был смугл, и его темные волнистые волосы были зачесаны со лба. Он носил тонкие черные усики и остроконечную бородку, которая только-только закрывала узкий подбородок. Но его щеки были такими гладкими, словно с них навсегда была удалена растительность.

Он улыбался:

— Ладислас, это уже слишком. Мы не возражаем, чтобы за нами, пока мы на Земле, следили — в разумных пределах, конечно. Но чтение мыслей в условие не входит!

— Чтение мыслей, достопочтенный?

— Сознайтесь-ка! Вы ведь знали, что я собирался позвонить вам сегодня. Вы знали, что я думал только допить вот эту рюмку. — На экране появилась его рука, и он посмотрел сквозь рюмку, наполненную бледно-сиреновой жидкостью. — К сожалению, я не могу угостить вас.

Новианин не видел Джорджа, находившегося вне поля зрения видеофона. И Джордж обрадовался передышке. Ему необходимо было время, чтобы прийти в себя. Он словно превратился в сплошные беспокойные пальцы, которые непрерывно отбивали нервную дробь...

Но он все-таки был прав. Он не ошибся. Индженеску действительно занимает важное положение. Новианин называет его по имени.

Отлично! Все устраивается наилучшим образом. То, что Джордж потерял из-за Антонелли, он возместит с лихвой, используя Индженеску. И когда-нибудь он, став наконец самостоятельным, вернется на Землю таким же могущественным новианином, как этот, что небрежно шутит с Индженеску, называя его по имени, а сам оставаясь «достопочтенным», — вот тогда он сведет счеты с Антонелли. Он оплатит ему за эти полтора года, и он...

Увлечшись этими соблазнительными грезами, он чуть не забыл обо всем на свете, но, внезапно спохватившись, заметил, что перестал следить за происходящим, и вернулся к действительности.

— ...не убедительно, — говорил новианин. — Новианская цивилизация так же сложна и так же высокоразвита, как цивилизация Земли. Новия — это все-таки не Зестон. И нам приходится прилетать сюда за отдельными специалистами — это же просто смешно!

— О, только за новыми моделями, — примирительным тоном сказал Индженеску. — А новые модели не всегда находят применение. На приобретение образовательных лент вы потратили бы столько же, сколько вам пришлось бы заплатить за тысячу специалистов, а откуда вы знаете, что вам будет нужно именно такое количество?

Новианин залпом допил свое вино и расхохотался. (Джорджа покорило легкомыслие новианина. Он смущенно подумал, что тому следовало бы обойтись без этой рюмки и даже без двух или трех предыдущих.)

— Это же типичное ханжество, Ладислас, — сказал новианин. — Вы прекрасно знаете, что у нас найдется дело для всех последних моделей специалистов, которые нам удастся заполучить. Сегодня я раздобыл пять металлургов...

— Знаю, — сказал Индженеску. — Я был там.

— Следили за мной! Шпионили! — вскричал новианин. — Ну так слушайте! Эта новая модель металлурга отличается от предыдущих только тем, что умеет обращаться со спектрографом Бимена. Ленты не были модифицированы ни на вот столечко (он показал самый кончик пальца) по сравнению с прошлогодними. Вы выпускаете новые модели только для того, чтобы мы

приезжали сюда с протянутой рукой и тратились на их приобретение.

— Мы не заставляем вас их приобретать.

— О, конечно! Только вы продаете специалистов последней модели на Лондонум, а мы ведь не можем отставать. Вы втянули нас в заколдованный круг, вы лицемерные земляне. Но берегитесь, может быть, где-нибудь есть из него выход. — Его смех прозвучал не слишком естественно и резко оборвался.

— От всей души надеюсь, что он существует, — сказал Индженеску. — Ну а позвонил я потому...

— Да, конечно, ведь это вы мне позвонили. Что ж, я уже высказал свое мнение. Наверное, в будущем году все равно появится новая модель металлурга, чтобы нам было за что платить. И она будет отличаться от нынешней только умением обращаться с каким-нибудь новым приспособлением для анализа ниобия, а еще через год... Но продолжайте. Почему вы позвонили?

— У меня здесь находится один молодой человек, и я бы хотел, чтобы вы с ним побеседовали.

— Что? — Видимо, новианина это не слишком обрадовало. — На какую тему?

— Не знаю. Он мне не сказал. По правде говоря, он даже не назвал мне ни своего имени, ни профессии.

Новианин нахмурился:

— Тогда зачем же отнимать у меня время?

— Он, по-видимому, не сомневается, что вас заинтересует то, что он собирается сообщить вам.

— О, конечно!

— И этим вы сделаете одолжение мне, — сказал Индженеску.

Новианин пожал плечами:

— Давайте его сюда, но предупредите, чтобы он говорил покороче.

Индженеску отступил в сторону и шепнул Джорджу:

— Называйте его «достопочтенным».

Джордж с трудом проглотил слюну. Вот оно!

Джордж почувствовал, что весь вспотел. Хотя эта мысль пришла ему в голову совсем недавно, он был убежден в своей правоте. Она возникла во время разговора с Тревелияном, потом под болтовню Индженеску перебродила и оформилась, а теперь слова новианина, казалось, поставили все на свои места.

— Достопочтенный, я хочу показать вам выход из заколдованного круга, — начал Джордж, используя метафору новианина.

Новианин смерил его взглядом:

— Из какого это заколдованного круга?

— Вы сами упомянули о нем, достопочтенный. Из того заколдованного круга, в который попадает Новия, когда вы прилетаете

на Землю за... за специалистами. (Он не в силах был справиться со своими зубами, которые стучали, но не от страха, а от волнения.)

— Вы хотите сказать, что знаете способ, как нам обойтись без земного интеллектуального рынка? Я правильно вас понял?

— Да, сэр. Вы можете создать свою собственную систему образования.

— Гм. Без лент?

— А-да, почтенный.

— Индженеску, подойдите, чтобы я видел и вас, — не спуская глаз с Джорджа, позвал новианин.

Историк встал за плечом Джорджа.

— В чем дело? — спросил новианин. — Не понимаю.

— Даю вам слово, почтенный, что бы это ни было, молодой человек поступает так по своей собственной инициативе. Я ему ничего не поручал. Я не имею к этому никакого отношения.

— Тогда кем он вам приходится? Почему вы звоните мне по его просьбе?

— Я его изучаю, почтенный. Он представляет для меня определенную ценность, и я исполняю некоторые его прихоти.

— В чем же его ценность?

— Это трудно объяснить. Чисто профессиональный момент. Новианин усмехнулся:

— Что ж, у каждого своя профессия.

Он кивнул невидимому зрителю или зрителям за экраном.

— Некий молодой человек — по-видимому, протеже Индженеску — собирается объяснить нам, как получать образование, не пользуясь лентами.

Он щелкнул пальцами, и в его руке появилась новая рюмка с бледно-сиреневым напитком.

— Ну, говорите, молодой человек.

На экране теперь появилось множество лиц. Мужчины и женщины отталкивали друг друга, чтобы поглядеть на Джорджа. На их лицах отражались самые разнообразные оттенки веселья и любопытства.

Джордж попытался принять независимый вид. Все они, и новиане, и земляне, каждый по-своему, изучали его, словно жука, насаженного на булавку. Индженеску теперь сидел в углу и не спускал с него пристального взгляда.

«Какие же вы все идиоты», — напряженно подумал он. Но они должны понять. Он заставит их понять.

— Я был сегодня на Олимпиаде металлургов, — сказал он.

— Как, и вы тоже? — вежливо спросил новианин. — По-видимому, там присутствовала вся Земля.

— Нет, почтенный, но я там был. В состязании участвовал мой друг, и ему очень не повезло, потому что вы дали

участникам состязания прибор Бимена, а он получил специализацию по Хенслеру — очевидно, уже устаревшая модель. Вы же сами сказали, что различие очень незначительно. — Джордж показал кончик пальца, повторяя недавний жест своего собеседника. — И мой друг знал заранее, что потребуется знакомство с прибором Бимена.

— И что же из этого следует?

— Мой друг всю жизнь мечтал попасть на Новию. Он уже знал прибор Хенслера. Он знал, что ему нужно ознакомиться с прибором Бимена, чтобы попасть к вам. А для этого ему следовало усвоить всего лишь несколько дополнительных сведений и, быть может, чуточку попрактиковаться. Если учесть, что на чашу весов была поставлена цель всей его жизни, он мог бы с этим справиться...

— А где бы он достал ленту с дополнительной информацией? Или образование здесь, на Земле, превратилось в частное домашнее обучение?

Лица на заднем плане расплылись в улыбках, которых, по-видимому, от них и ожидали.

— Поэтому-то он и не стал доучиваться, почтенный. Он считал, что ему для этого нужна лента. А без нее он и не пытался учиться, как ни заманчива была награда. Он и слышать не хотел, что без ленты можно чему-то научиться.

— Да неужели? Так он, пожалуй, даже не захочет летать без скиммера? — Раздался новый взрыв хохота, и новианин слегка улыбнулся. — А он забавен, — сказал он. — Продолжайте. Даю вам еще несколько минут.

— Не думайте, что это шутка, — сказал Джордж горячо. — Ленты попросту вредны. Они учат слишком многому и слишком легко. Человек, который получает знания с их помощью, не представляет, как можно учиться по-другому. Он способен заниматься только той профессией, которой его зарядили. А если бы, вместо того чтобы пичкать человека лентами, его заставили с самого начала учиться, так сказать, вручную, он привык бы учиться самостоятельно и продолжал бы учиться дальше. Разве это не разумно? А когда эта привычка достаточно укрепитя, человеку можно будет прививать небольшое количество знаний с помощью лент, чтобы заполнить пробелы или закрепить кое-какие детали. После этого он сможет учиться дальше самостоятельно. Таким способом вы могли бы научить металлургов, знающих спектрограф Хенслера, пользоваться спектрографом Бимена, и вам не пришлось бы прилетать на Землю за новыми моделями.

Новианин кивнул и отхлебнул из рюмки.

— А откуда можно получить знания помимо лент? Из межзвездного пространства?

— Из книг. Непосредственно изучая приборы. Думая.

— Из книг? Как же можно понять книги, не получив образования?

— Книги состоят из слов, а большую часть слов можно понять. Специальные же термины могут объяснить специалисты, которых вы уже имеете.

— А как быть с чтением? Для этого вы допускаете использование лент?

— По-видимому, ими можно пользоваться, хотя не вижу причины, почему нельзя научиться читать и старым способом. По крайней мере частично.

— Чтобы с самого начала выработать хорошие привычки? — спросил новианин.

— Да, да, — подтвердил Джордж, радуясь, что собеседник уже начал понимать его.

— А как быть с математикой?

— Это легче всего, сэр... distinguished. Математика отличается от других технических дисциплин. Она начинается с некоторых простых принципов и лишь постепенно усложняется. Можно приступить к изучению математики, ничего о ней не зная. Она практически и предназначена для этого. А познакомившись с соответствующими разделами математики, уже нетрудно разобраться в книгах по технике. Особенно если начать с легких.

— А разве есть легкие книги?

— Безусловно. Но если бы их не было, специалисты, которых вы уже имеете, могут написать их. Наверное, некоторые из них сумеют выразить свои знания с помощью слов и символов.

— Боже мой! — сказал новианин, обращаясь к сгрудившимся вокруг него людям. — У этого чертенка на все есть ответ.

— Да, да! — вскричал Джордж. — Спрашивайте!

— А сами-то вы пробовали учиться по книгам? Или это только ваша теория?

Джордж быстро оглянулся на Индженеску, но историк сохранял полную невозмутимость. Его лицо выражало только легкий интерес.

— Да, — сказал Джордж.

— И вы считаете, что из этого что-нибудь получается?

— Да, distinguished, — заверил Джордж. — Возьмите меня с собой на Новипо. Я могу составить программу и руководить...

— Погодите, у меня есть еще несколько вопросов. Как вы думаете, сколько вам понадобится времени, чтобы стать металлургом, умеющим обращаться со спектрографом Бимена, если предположить, что вы начнете учиться, не имея никаких знаний, и не будете пользоваться образовательными лентами?

Джордж заколебался:

— Ну... может быть, несколько лет.

— Два года? Пять? Десять?

— Еще не знаю, distinguished.

— Итак, на самый главный вопрос у вас не нашлось ответа. Ну, скажем, пять лет. Вас устраивает этот срок?

— Думаю, что да.

— Отлично. Итак, в течение пяти лет человек изучает металлургию по вашему методу. Вы не можете не согласиться, что все это время он для нас абсолютно бесполезен, но его нужно кормить, обеспечить жильем и платить ему.

— Но...

— Дайте мне кончить. К тому времени когда он будет готов и сможет пользоваться спектрографом Бимена, пройдет пять лет. Вам не кажется, что тогда у нас уже появятся усовершенствованные модели этого прибора, с которыми он не сумеет обращаться?

— Но ведь к тому времени он станет опытным учеником и усвоение новых деталей будет для него вопросом дней.

— По-вашему, это так. Ладно, предположим, что этот ваш друг, например, сумел самостоятельно изучить прибор Бимена; сможет ли сравниться его умение с умением участника состязания, который получил его посредством лент?

— Может быть, и нет... — начал Джордж.

— То-то же, — сказал новианин.

— Погодите, дайте мне кончить. Даже если он знает кое-что хуже, чем тот, другой, в данном случае важно то, что он может учиться дальше. Он сможет придумывать новое, на что не способен ни один человек, получивший образование с лент. У вас будет запас людей, способных к самостоятельному мышлению...

— А вы в процессе своей учебы придумали что-нибудь новое? — спросил новианин.

— Нет, но ведь я один, и я не так уж долго учился...

— Да... Ну-с, дамы и господа, мы достаточно позабавились?

— Пойдите! — внезапно испугавшись, крикнул Джордж. — Я хочу договориться с вами о личной встрече. Есть вещи, которые я не могу объяснить по видеофону. Ряд деталей...

Новианин уже не смотрел на Джорджа.

— Индженеску! По-моему, я исполнил вашу просьбу. Право же, завтра у меня очень напряженный день. Всего хорошего.

Экран погас.

Руки Джорджа взметнулись к экрану в бессмысленной попытке вновь его оживить.

— Он не поверил мне! Не поверил!

— Да, Джордж, не поверил. Неужели вы серьезно думали, что он поверит? — сказал Индженеску.

Но Джордж не слушал.

— Почему же? Ведь это правда. Это так для него выгодно. Никакого риска. Только я и еще несколько... Обучение десятка

людей в течение даже многих лет обошлось бы дешевле, чем один готовый специалист... Он был пьян! Пьян! Потому он и не понял меня.

Задышавшись, Джордж оглянулся.

— Как мне с ним увидеться? Это необходимо. Все получилось не так, как нужно. Я не должен был говорить с ним по видеофону. Мне нужно время. И чтобы лично. Как мне...

— Он откажется принять вас, Джордж, — сказал Индженеску. — А если и согласится, то все равно вам не поверит.

— Нет, поверит, уверяю вас. Когда он будет трезв, он... — Джордж повернулся к историку, и глаза его широко раскрылись. — Почему вы называете меня Джорджем?

— А разве это не ваше имя? Джордж Плейтен?

— Вы знаете, кто я?

— Я знаю о вас все.

Джордж замер, и только его грудь тяжело вздымалась.

— Я хочу помочь вам, Джордж, — сказал Индженеску. — Я уже говорил вам об этом. Я давно изучаю вас и хочу вам помочь.

— Мне не нужна помощь! — крикнул Джордж. — Я не слабый! Весь мир выжил из ума, но не я!

Он стремительно повернулся и бросился к двери.

За ней стояли два полицейских, которые его немедленно схватили.

Как Джордж ни вырывался, шприц коснулся его шеи под подбородком. И все кончилось. Последнее, что осталось в его памяти, было лицо Индженеску, который с легкой тревогой наблюдал за происходящим.

Когда Джордж открыл глаза, он увидел белый потолок. Он помнил, что произошло. Но помнил, как сквозь туман, словно это произошло с кем-то другим. Он смотрел на потолок до тех пор, пока не наполнился его белизной, казалось, освободившей его мозг для новых идей, для иных путей мышления.

Он не знал, как долго лежал так, прислушиваясь к течению своих мыслей.

— Ты проснулся? — раздался чей-то голос.

И Джордж впервые услышал свой собственный стон. Неужели он стонал? Он попытался повернуть голову.

— Тебе больно, Джордж? — спросил голос.

— Смешно, — прошептал Джордж. — Я так хотел покинуть Землю. Я же ничего не понимал.

— Ты знаешь, где ты?

— Снова в... в приюте. — Джорджу удалось повернуться. Голос принадлежал Омани.

— Смешно, как я ничего не понимал, — сказал Джордж.

Омани ласково улыбнулся:

— Посты еще...

Джордж заснул.

И снова проснулся. Сознание его прояснилось.

У кровати сидел Омани и читал, но, как только Джордж открыл глаза, он отложил книгу.

Джордж с трудом сел.

— Привет, — сказал он.

— Хочешь есть?

— Еще бы! — Джордж с любопытством посмотрел на Омани. — За мной следили, когда я ушел отсюда, так?

Омани кивнул:

— Ты все время был под наблюдением. Мы считали, что тебе следует побывать у Антонелли, чтобы ты мог дать выход своим агрессивным эмоциям. Нам казалось, что другого способа нет. Эмоции тормозили твое развитие.

— Я был к нему очень несправедлив, — с легким смущением произнес Джордж.

— Теперь это не имеет значения. Когда в аэропорту ты остановился у стенда металлургов, один из наших агентов сообщил нам список участников. Мы с тобой говорили о твоём прошлом достаточно, для того чтобы я мог понять, как подействует на тебя фамилия Тревелияна. Ты спросил, как попасть на эту Олимпиаду. Это могло привести к кризису, на который мы надеялись, и мы послали в зал Ладисласа Индженеску, чтобы он занялся тобой сам.

— Он ведь занимает важный пост в правительстве?

— Да.

— И вы послали его ко мне. Выходит, что я сам много значу.

— Ты действительно много значишь, Джордж.

Принесли дымящееся ароматное жаркое. Джордж улыбнулся и откинул простыню, чтобы освободить руки. Омани помог ему поставить поднос на тумбочку. Некоторое время Джордж молча ел.

— Я уже один раз ненадолго просыпался, — заметил он.

— Знаю, — сказал Омани. — Я был здесь.

— Да, я помню. Ты знаешь, все изменилось. Как будто я так устал, что уже не мог больше чувствовать. Я больше не злился. Я мог только думать. Как будто мне дали наркотик, чтобы заглушить эмоции.

— Нет, — сказал Омани. — Это было просто успокоительное. И ты хорошо отдохнул.

— Ну, во всяком случае, мне все стало ясно, словно я всегда знал это, но не хотел прислушаться к внутреннему голосу. «Чего

я ждал от Новии?» — подумал я. Я хотел отправиться на Новию, чтобы собрать группу юношей, не получивших образования, и учить их по книгам. Я хотел открыть там приют для слабоумных... вроде этого... а на Земле уже есть такие приюты... и много.

Омани улыбнулся, сверкнув зубами:

— Институт высшего образования — вот как точно называются эти заведения.

— Теперь-то я это понимаю, — сказал Джордж, — до того ясно, что только удивляюсь, каким я был слепым. В конце концов, кто изобретает новые модели механизмов, для которых нужны новые модели специалистов? Кто, например, изобрел спектрограф Бимена? По-видимому, человек по имени Бимен. Но он не мог получить образования через зарядку, иначе ему не удалось бы продвинуться вперед.

— Совершенно верно.

— А кто создает образовательные ленты? Специалисты по производству лент? А кто же тогда создает ленты для их обучения? Специалисты более высокой квалификации? А кто создает ленты... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Где-то должен быть конец. Где-то должны быть мужчины и женщины, способные к самостоятельному мышлению.

— Ты прав, Джордж.

Джордж откинулся на подушки и устремил взгляд в пространство. На какой-то миг в его глазах мелькнула тень бывшего беспокойства.

— Почему мне не сказали об этом с самого начала?

— К сожалению, это невозможно, — ответил Омани. — А так мы были бы избавлены от множества хлопот. Мы умеем анализировать интеллект, Джордж, и определять, что вот этот человек может стать приличным архитектором, а тот — хорошим плотником. Но мы не умеем определять, способен ли человек к творческому мышлению. Это слишком тонкая вещь. У нас есть несколько простейших способов, позволяющих распознавать тех, кто, быть может, обладает такого рода талантом. Об этих индивидах сообщают сразу после Дня чтения, как, например, сообщили о тебе. Их приходится примерно один на десять тысяч. В День образования этих людей проверяют снова, и в девяти случаях из десяти оказывается, что произошла ошибка. Тех, кто остается, посылают в такие заведения, как это.

— Но почему нельзя сказать людям, что один из... из ста тысяч попадает в такое заведение? — спросил Джордж. — Тогда тем, с кем это случается, было бы легче.

— А как же остальные? Те девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять человек, которые никогда не попадут сюда? Нельзя, чтобы все эти люди чувствовали себя неудачниками. Они стремятся получить профессии и получают их. Каждый может прибавить к своему имени слова «дипломированный спе-

циалист по тому-то или тому-то». Так или иначе каждый индивид находит свое место в обществе. Это необходимо.

— А мы? — спросил Джордж. — Мы, исключения? Один на десять тысяч?

— Вам ничего нельзя объяснить. В том-то и дело. Ведь в этом заключается последнее испытание. Даже после отсева в День образования девять человек из десяти, попавших сюда, оказываются не совсем подходящими для творчества, и нет такого прибора, который помог бы нам выделить из этой десятки того единственного, кто нам нужен. Десятый должен доказать это сам.

— Каким образом?

— Мы помещаем вас сюда, в приют для слабоумных, и тот, кто не желает смириться с этим, и есть человек, которого мы ищем. Быть может, это жестокий метод, но он себя оправдывает. Нельзя же сказать человеку: «Ты можешь творить. Так давай, твори». Гораздо вернее подождать, пока он сам не скажет: «Я могу творить, и я буду творить, хотите вы этого или нет». Есть около десяти тысяч людей, подобных тебе, Джордж, и от них зависит технический прогресс полутора тысяч миров. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы одного из них или тратить усилия на того, кто не вполне отвечает необходимым требованиям.

Джордж отодвинул пустую тарелку и поднес к губам чашку с кофе.

— А как же с теми, которые... не вполне отвечают требованиям?

— В конце концов они проходят зарядку и становятся социологами. Инженеску — один из них. Сам я — дипломированный психолог. Мы, так сказать, составляем второй эшелон.

Джордж допил кофе.

— Мне все еще непонятно одно, — сказал он.

— Что же?

Джордж сбросил простыню и встал.

— Почему эти состязания называются Олимпиадой?

ЧУВСТВО СИЛЫ

Ажехан Шуман привык иметь дело с высокопоставленными людьми, руководящими раздираемой распрями планетой. Он был штатским, но составлял программы для автоматических счетных машин самого высшего порядка. Поэтому генералы прислушивались к нему. Председатели комитетов конгресса — тоже.

Сейчас в отдельном зале Нового Пентагона было по одному представителю тех и других. Генерал Уэйдер был темен от космического загара, и его маленький ротик сжимался кружочком. У конгрессмена Бранта было гладко выбритое лицо и светлые глаза. Он курил денебианский табак с видом человека, патриотизм которого достаточно известен, чтобы он мог позволить себе такую вольность.

Высокий, изящный Шуман, программист I класса, глядел на них без страха.

— Джентльмены, — произнес он, — это Майрон Ауб.

— Человек с необычайными способностями, открытый вами случайно, — безмятежно сказал Брант. — Помню.

Он разглядывал маленького, лысого человечка с выражением снисходительного любопытства.

Человечек беспокойно шевелил пальцами и то и дело переплетал их. Ему никогда еще не приходилось сталкиваться со столь великими людьми. Он был всего лишь пожилым техником низшего разряда; когда-то он проваливался на всех экзаменах, призванных обнаружить в человечестве наиболее одаренных, и с тех пор застрял в колее неквалифицированной работы. У него была одна страстишка, о которой пронюхал великий Программист и вокруг которой поднимал такую страшную шумиху.

The Feeling of Power
© 1958 by Isaac Asimov
Чувство силы
© 3 Бобыр, перевод, 1982

Генерал Колдер сказал:

— Я нахожу эту атмосферу таинственности детской.

— Сейчас вы увидите, — возразил Шуман. — Это не такое дело, чтобы рассказывать первому встречному. Ауб! — В том, как он бросил это односложное имя, было что-то повелительное, но так подобало говорить великому Программисту с простым техником. — Ауб, сколько будет, если девять умножить на семь?

Ауб поколебался; в его бледных глазах появилась тревога.

— Шестьдесят три, — сказал он.

Конгрессмен Брант поднял брови:

— Это верно?

— Проверьте сами, сэр.

Конгрессмен достал из кармана счетную машинку, дважды передвинул ее рычажки, поглядел на циферблат у себя на ладони, потом сунул машинку обратно.

— Это вы и хотели нам показать? — спросил он. — Фокусника?

— Больше чем фокусника, сэр. Ауб запомнил несколько простых операций и с их помощью ведет расчеты на бумаге.

— Бумажный счетчик, — вставил генерал со скучающим видом.

— Нет, сэр, — терпеливо возразил Шуман. — Совсем не то. Просто листок бумаги. Генерал, будьте любезны задать число!

— Семнадцать, — сказал генерал.

— А вы, конгрессмен?

— Двадцать три.

— Хорошо! Ауб, перемножьте эти числа и покажите джентльменам, как вы это делаете.

— Да, Программист, — сказал Ауб, втянув голову в плечи. Из одного кармана он извлек блокнотик, из другого — тонкий автоматический карандаш. Лоб у него собрался складками, когда он выводил на бумаге затейливые значки.

Генерал Уэйдер резко бросил ему:

— Покажите, что там.

Ауб подал ему листок, и Уэйдер сказал:

— Да, это число похоже на 17.

Брант кивнул головой:

— Верно, но, мне кажется, скопировать цифры со счетчика сможет всякий. Думаю, что мне и самому удастся нарисовать 17, даже без практики.

— Разрешите Аубу продолжать, джентльмены, — бесстрастно произнес Шуман.

Ауб снова взялся за работу, руки у него слегка дрожали. Наконец он произнес тихо:

— Это будет 391.

Конгрессмен Брант снова достал свой счетчик и защелкал рычажками.

— Черт возьми, верно! Как он угадал?

— Он не угадывает, джентльмены, — возразил Шуман. — Он рассчитал результат. Он сделал это на листке бумаги.

— Чепуха, — нетерпеливо произнес генерал. — Счетчик — это одно, а значки на бумаге — другое.

— Объясните, Ауб, — приказал Шуман.

— Да, Программист. — Ну вот, джентльмены, я пишу 17, а под ним 23. Потом я говорю себе: 7 умножить на 3.

Конгрессмен прервал мягко:

— Нет, Ауб, задача была умножить 17 на 23.

— Да, я знаю, — серьезно ответил маленький техник, — но я начинаю с того, что умножаю 7 на 3, потому что так получается. А 7 умножить на 3 — это 21.

— Откуда вы это знаете? — спросил конгрессмен.

— Просто запомнил. На счетчике всегда получается 21. Я проверял много раз.

— Это значит, что так будет получаться всегда, не правда ли? — заметил конгрессмен.

— Не знаю, — пробормотал Ауб. — Я не математик. Но, видите ли, у меня всегда получаются правильные ответы.

— Продолжайте.

— 3 умножить на 7 — это 21, так что я и пишу 21. Потом трижды один — три, так что я пишу тройку под двойкой...

— Почему под двойкой? — прервал вдруг Брант.

— Потому что... — Ауб обратил беспомощный взгляд к своему начальнику. — Это трудно объяснить.

Шуман вмешался:

— Если вы примете его работу, как она есть; то подробности можно будет поручить математикам.

Брант согласился.

Ауб продолжал:

— 2 да 3 — пять, так что из 21 получается 51. Теперь оставим это на время и начнем заново. Перемножим 7 на 2, будет 14, потом 1 и 2, это будет 2. Сложим, как раньше, и получим 34. И вот, если написать 34 вот так под 51 и сложить их, то получится 391. Это и будет ответ.

Наступило минутное молчание, потом генерал Уэйдер сказал:

— Не верю. Он городит чепуху, складывает числа и умножает их так и этак, но я ему не верю. Это слишком сложно, чтобы могло быть разумным.

— О нет, сэр, — смятенно возразил Ауб. — Это только кажется сложным, потому что вы не привыкли. В действительности же правила довольно просты и годятся для любых чисел.

— Для любых? — переспросил генерал. — Ну так вот. — Он достал свой счетчик (военную модель строгого стиля) и поставил его наугад. — Помножьте на бумажке — 5, 7, 3, 8. Это значит... Это значит 5738.

— Да, сэр, — сказал Ауб и взял новый листок бумаги.

— Теперь... — Генерал снова заработал счетчиком. — Пишите: 7, 2, 3, 9. Число 7239.

— Да, сэр.

— А теперь перемножьте их.

— Это займет много времени, — прошептал Ауб.

— Неважно.

— Валяйте, Ауб, — весело сказал Шуман.

Ауб принялся за дело. Он брал один листок за другим. Генерал достал часы и засек время.

— Ну что, кончили колдовать, техник? — спросил он.

— Сейчас кончу, сэр... Готово: 41 537 382. — Ауб показал записанный результат.

Генерал Уэйдер недоверчиво улынулся, передвинул контакты умножения на своем счетчике и подождал, пока цифры останоятся. А когда он взглянул, сказал с величайшим изумлением:

— Великие галактики, это верно!

Президент Всепланетной Федерации позволил подвижным чертам своего лица принять выражение глубокой меланхолии. Денебианская война, начавшаяся как широкое, популярное движение, выродилась в скучное маневрирование и контрманеврирование с постоянно растущим на Земле недовольством. Однако оно росло и на Денебе.

А тут конгрессмен Брант, глава важного военного комитета, беспечно тратит свою получасовую аудиенцию на разговоры о чепухе.

— Расчеты без счетчика, — нетерпеливо произнес президент, — это противоречие понятий.

— Расчеты, — возразил конгрессмен, — это только система обработки данных. Их может сделать машина, может сделать и человеческий мозг. Позвольте привести пример. — И, пользуясь недавно приобретенными знаниями, он получал суммы и произведения, пока президент не заинтересовался против своей воли.

— И это всегда выходит?

— Каждый раз, сэр. Это абсолютно надежно.

— Трудно ли этому научиться?

— Мне понадобилась неделя, чтобы понять по-настоящему. Думаю, что дальше будет легче.

— Хорошо, — сказал президент, подумав, — это интересная салонная игра, но какая от нее польза?

— Какая польза от новорожденного ребенка, дорогой президент? В данный момент пользы нет, но разве вы не видите, что это указывает нам путь к освобождению от машины? Подумайте, сэр. — Конгрессмен встал, и в его звучном голосе автоматически

появились интонации, к которым он прибегал в публичных дебатах. — Денебианская война — это война между счетными машинами. Денебианские счетчики создают непроницаемый заслон против нашего обстрела, наши счетчики — против их обстрела. Как только мы удучшаем работу своих счетчиков, другая сторона делает то же, и такое жалкое, бесцельное равновесие держится уже пять лет.

А теперь у нас есть способ, позволяющий обойтись без счетчика, перепрыгнуть через него, обогнать его, мы можем сочетать механику расчетов с человеческой мыслью; мы можем получить эквивалент счетчикам, миллионам их. Я не могу предсказать все последствия в точности, но они будут неисчислимыми. А если Денеб будет продолжать упрямиться, они могут стать катастрофическими.

Президент смутился:

— Чего вы от меня хотите?

— Чтобы вы поддержали в административном отношении секретный проект, касающийся людей-счетчиков. Назовем его Проект «Число», если хотите. Я могу поручиться за свой комитет, но мне нужна административная поддержка.

— Но каковы пределы возможностей для людей-счетчиков?

— Пределов нет. По словам Программиста Шумана, познавшего меня с этим открытием...

— Я слышал о Шумане.

— Да. Так вот, доктор Шуман говорит, что теоретически счетная машина не может делать ничего такого, чего не мог бы сделать человеческий мозг. Машина попросту берет некоторое количество данных и производит с ними конечное количество операций. Человек может воспроизвести этот процесс.

Президент долго обдумывал слова Бранта, потом сказал:

— Если Шуман говорит, что это так, то я готов поверить ему — теоретически. Но практически: может ли кто-нибудь знать, как счетная машина работает?

Брант вежливо засмеялся:

— Да, господин президент, я тоже спрашивал об этом. Повидимому, было время, когда счетные машины проектировались людьми. Конечно, эти машины были очень простыми — ведь это было еще до того, как были разработаны способы использования одних счетчиков для проектирования других, более совершенных.

— Да-да, продолжайте.

— Очевидно, техник Ауб в свободное время занимался восстановлением некоторых старых устройств; в процессе работы он изучал их действия и решил, что может воспроизвести их. Умножение, проделанное мною сейчас, — это только воспроизведение работы счетной машины.

— Поразительно!

Конгрессмен слегка откашлялся.

— Разрешите мне указать еще на одну сторону вопроса. Чем больше мы будем развивать это дело, тем меньше усилий нам потребуется на производство счетных машин и их обслуживание. Их работу возьмет на себя человек, а мы сможем использовать все больше энергии на мирные цели, и средний человек будет все меньше ощущать гнет войны. А это, конечно, полезно для правящей партии.

— Вот как, — сказал президент, — теперь я вижу, к чему вы клоните. Хорошо, садитесь, сэр, садитесь. Мне нужно подумать обо всем этом... А сейчас — покажите-ка мне еще раз фокус с умножением. Посмотрим, сумею ли я разобраться в нем и повторить.

Программист Шуман не пытался торопить события. Лессер был консервативен, очень консервативен и любил работать с вычислительными машинами, как работали его отец и дед. Кроме того, он контролировал концерн по производству вычислительных машин, и если его удастся убедить примкнуть к Проекту «Число», то это откроет большие возможности.

Но Лессер упирался. Он сказал:

— Я не уверен, что мне понравится идея отказаться от вычислительных машин. Человеческий ум — капризная штука. А машина дает на одну и ту же задачу всегда один и тот же ответ. Кто поручится, что человек будет делать то же?

— Разум человека, счетчик Лессер, только манипулирует фактами. Делает ли это он или машина — неважно. То и другое — только орудия.

— Да-да. Я проследил за вашим остроумным доказательством того, что человек может воспроизвести работу машины, но это мне кажется несколько необоснованным. Я могу согласиться с теорией, но есть ли у нас основания думать, что теорию можно превращать в практику?

— Думаю, сэр, что есть. В конце концов, вычислительные машины существовали не всегда. У древних людей, с их каменными топорами и железными дорогами, таких машин не было.

— Должно быть, они и не вели расчетов.

— Можете не сомневаться. Даже для строительства железной дороги или пирамиды нужно уметь рассчитывать, а они это делали без тех вычислительных машин, какими пользуемся мы.

— Вы хотите сказать — они считали так, как вы мне показывали?

— Может быть, и не так. Этот способ — мы называли его «графитикой», от древнего слова «графо» (пишу), — разработан на основе счетчиков, так что он не мог предшествовать им. Но все-таки у древних людей должен был быть какой-то способ, верно?

— Забытое искусство! Если вы говорите о забытых искусстваах...

— Нет-нет. Я не сторонник этой теории, хотя и не скажу, что она невероятна. В конце концов, человек питался зернами злаков до введения гидропоники, и если первобытные народы ели зерно, то должны были выращивать злаки в почве. Как иначе они могли это делать?

— Не знаю, но поверю в выращивание из почвы, когда увижу, что кто-нибудь вырастил так что-либо. И поверю в добывание огня путем трения двух кремней друг о друга, если увижу, что кому-то это удалось.

Шуман заговорил примирительно:

— Давайте будем держаться графитики. Это только часть процесса эфемеризации. Транспорт с его громоздкими приспособлениями уступает место непосредственному телекинезу. Средства связи становятся все менее массивными и более надежными. А сравните свой карманный счетчик с неуклюжими машинами тысячелетней давности. Почему бы не сделать еще один шаг и не отказаться от счетчиков совсем? Послушайте, сэр. Проект «Число» — верное дело; прогресс налицо. Но нам нужна ваша помощь. Если вас не трогает патриотизм, то подумайте об интеллектуальной романтике!

Лессер возразил скептически:

— Какой прогресс?... Что вы умеете делать, кроме умножения? Сумеете вы проинтегрировать трансцендентную функцию?

— Со временем сумею, сэр. Со временем. С месяц назад я научился производить деление. Я могу находить, и находить правильно, частное в целых и десятичных.

— В десятичных? До какого знака?

Программист Шуман постарался сохранить небрежный тон:

— До какого угодно.

Лицо у Лессера вытянулось.

— Без счетчика?

— Можете проверить.

— Разделите 27 на 13. С точностью до шестого знака.

Через пять минут Шуман сказал:

— 2,076923.

Лессер проверил.

— Поразительно! Умножение не мое призвание, оно относится, в сущности, к целым числам, и я думал, что это просто фокус. Но десятичные...

— И это не все. Есть еще одно достижение, пока еще сверхсекретное, о котором, строго говоря, я не должен был бы упоминать. Но все же... Возможно, что нам удастся овладеть квадратными корнями.

— Квадратными корнями?

— Там есть кое-какие занозы, которые мы еще не сумели выровнять, но техник Ауб — человек, изобретший эту науку и обладающий большой интуицией, — говорит, что почти решил эту проблему. И он только техник. А для такого человека, как вы, опытного и талантливого математика, здесь не должно быть ничего трудного.

— Квадратные корни, — пробормотал заинтересованный Лессер.

— И кубические тоже. Идете вы с нами?

Рука Лессера вдруг протянулась к нему.

— Рассчитывайте на меня!

Генерал Уэйдер рассказывал по комнате взад-вперед и обращался к своим слушателям так, как вспыльчивый учитель обращается к упрямым ученикам. Генерал не задумывался о том, что его слушателями были ученые, стоящие во главе Проекта «Число». Он был их главным начальником и помнил об этом каждый момент, когда не спал.

Он говорил:

— Ну, с квадратными корнями все в порядке. Я не умею их извлекать и не понимаю метода, но это замечательно. И все-таки нельзя уводить проект в сторону, к тому, что некоторые из вас называют основной теорией. Можете забавляться с графитикой как вам угодно по окончании войны, но в данную минуту нам нужно решать специфические и весьма практические задачи.

Техник Ауб, сидевший в дальнем углу, слушал его с напряженным вниманием. Правда, он больше не был техником; его причислили к Проекту, дав ему звучный титул и хороший оклад. Но социальное различие осталось, и высокопоставленные ученые мужи никак не могли заставить себя смотреть на него как на равного. Надо отдать Аубу справедливость: он не добивался этого. Им было с ним так же неловко, как и ему с ними.

Генерал продолжал:

— Наша цель, джентльмены, проста: мы должны заменить счетную машину. Звездолет без счетчика можно построить вдесятеро быстрее и вдесятеро дешевле, чем со счетчиком. Если нам удастся обойтись без счетчиков, то мы сможем построить флот в пять—десять раз крупнее денебианского.

И я вижу еще кое-что в перспективе. Сейчас это может показаться фантастикой, простой мечтой, но в будущем я предвижу боевые ракеты с людьми на борту.

По аудитории пронесся шепот.

Генерал продолжал:

— В настоящий момент нас больше всего лимитирует тот факт, что боевые ракеты недостаточно «разумны». Вычислительная машина для управления ими должна быть слишком

большой, и потому они очень плохо приспособляются к меняющемуся характеру противоракетной защиты. Лишь очень немногие из ракет достигают цели, и ракетная война заходит в тупик — для неприятеля, к счастью, так же, как и для нас.

С другой стороны, ракета с одним-двумя человеками на борту, контролируемая в полете с помощью графитики, будет легче, маневреннее, разумнее. Это даст нам такое преимущество, которое вполне может привести нас к победе. Кроме того, джентльмены, условия войны заставляют нас думать еще об одном: человеческий материал гораздо доступнее вычислительной машины. Ракеты с людьми можно будет направлять в таких количествах и в таких условиях, в каких никакой военачальник не решился бы рисковать, имея он в распоряжении только ракеты со счетчиками..

Генерал говорил еще о многом другом, но техник Ауб больше не слушал.

Потом в тишине своего жилища он долго трудился над письмом, которое хотел оставить, и в конце концов после долгих сомнений и раздумий написал следующее:

«Когда я начал работать над тем, что сейчас называется графитикой, это было только развлечением. Я не видел в этом ничего, кроме интересной забавы, умственной гимнастики.

Когда же был создан Проект "Число", то я подумал, что другие окажутся умнее меня, что графитику можно будет использовать на благо человечества — быть может, для разработки практических телекинетических приспособлений. Но теперь я вижу, что она будет использована только для смерти и уничтожения. Я не в силах нести ответственность за то, что изобрел графитику».

Окончив писать, техник Ауб тщательно навел на себя фокус белкового деполаризатора. Его смерть была мгновенной и безболезненной.

Они стояли над могилой маленького техника, пока его откритию воздавалась должная честь.

Программист Шуман склонял голову вместе с остальными, но внутренне оставался спокойным. Ауб сделал свое, и нужды в нем больше не было. Может быть, он и изобрел графитику, но, раз появившись, она будет развиваться самостоятельно, приведет к созданию ракет с экипажем и прочим чудесам.

«7, умноженное на 9, дает 63, — подумал Шуман с глубоким удовлетворением, — и, чтобы сказать это мне, вычислительной машины не нужно. Вычислительная машина — у меня в голове». От этой мысли он преисполнился чувства гордости и ощущения собственной силы.

НОЧЬ, КОТОРАЯ УМИРАЕТ

1

Это отчасти походило на заранее организованную встречу бывших соучеников, и, хотя их свидание было безрадостным, поначалу ничто не предвещало трагедии.

Эдвард Тальяферро, только что прибывший с Луны, встретился с двумя своими бывшими однокашниками в номере Стенли Конеса. Когда он вошел, Конес встал и сдержанно поздоровался с ним, а Беттерсли Райджер ограничился кивком.

Тальяферро осторожно опустил на диван свое большое тело, ни на миг не переставая ощущать его непривычную тяжесть. Его пухлые губы, обрамленные густой растительностью, скривились, лицо слегка передернулось.

В этот день они уже успели повидать друг друга, правда, в официальной обстановке. А сейчас встретились без посторонних.

— В некотором смысле это знаменательное событие, — произнес Тальяферро. — Впервые за десять лет мы собрались все вместе. Ведь это наша первая встреча после окончания колледжа.

По носу Райджера прошла судорога — ему перебили нос перед самым выпуском, и, когда Райджер получал свой диплом астронома, его лицо было обезображено повязкой.

— Кто-нибудь догадался заказать шампанское или что там еще под стать такому торжеству? — брюзгливо проворчал он.

— Хватит! — рявкнул Тальяферро. — Первый Межпланетный съезд астрономов не повод для скверного настроения. Тем более оно неуместно при встрече друзей!

— В этом виновата Земля, — точно оправдываясь, проговорил Конес. — Все мы чувствуем себя здесь не в своей тарелке. Я вот, хоть убей, не могу привыкнуть...

Он с силой тряхнул головой, но ему не удалось согнать с лица угрюмое выражение.

— Вполне с тобой согласен, — сказал Тальяферро. — Я сам кажусь себе настолько тяжелым, что еле таскаю ноги. Однако ты, Конес, должен чувствовать себя неплохо, ведь сила тяжести на Меркурии — четыре десятых той, к которой мы когда-то привыкли на Земле, а у нас, на Луне, она составляет всего лишь шестнадцать сотых.

Остановив жестом Райджера, который попытался было что-то возразить, Тальяферро продолжал:

— Что касается Цереры, то там, насколько мне известно, создано искусственное гравитационное поле в восемь десятых земного. Поэтому тебе, Райджер, куда легче освоиться на Земле, чем нам.

— Все дело в открытом пространстве, — раздраженно произнес астроном, недавно покинувший Цереру. — Никак не привыкну, что можно выйти из помещения без скафандра. На меня угнетающе действует именно это.

— Он прав, — подтвердил Конес. — Мне еще вдобавок кажется диким, как тут, на Земле, люди существуют без защиты от солнечного излучения.

У Тальяферро возникло ощущение, будто он переносится в прошлое.

«Райджер и Конес почти не изменились», — подумал он. Да и сам он тоже. Все они, естественно, стали на десять лет старше. Райджер поприбавил в весе, а на худощавом лице Конеса появилось жестковатое выражение. Однако, встретиться они неожиданно, он сразу узнал бы обоих.

— Не будем влиять. Мне думается, причина не в том, что мы сейчас находимся на Земле, — сказал он.

Конес метнул в его сторону настороженный взгляд. Он был небольшого роста, и одежда, которую он носил, обычно казалась для него чуть великоватой. Движения его рук были быстры и нервны.

— Ты имеешь в виду Вильерса?! — воскликнул он. — Да, я нередко его вспоминаю. — И добавил с каким-то надрывом: — Тут как-то получил от него письмо.

Райджер выпрямился, его оливкового цвета лицо еще больше потемнело.

— Ты получил от него письмо? Давно?

— Месяц назад.

— А ты? — Райджер повернулся к Тальяферро.

Тот, невозмутимо сощутив глаза, утвердительно кивнул.

— Не иначе как он сошел с ума, — заявил Райджер. — Утверждает, будто ему удалось открыть способ мгновенного перенесения любой массы на любые расстояния... Способ телепортации. Он вам писал об этом?.. Тогда все ясно. Он и прежде был с приветом, а теперь, судя по всему, свихнулся окончательно.

Райджер яростно потер нос, и Тальяферро вспомнил тот день, когда Вильерс с размаху вмазал ему кулаком в лицо.

Десять лет образ Вильерса преследовал их как смутная тень вины, хотя на самом деле им не в чем было упрекнуть себя. Тогда их было четверо, и они готовились к выпускным экзаменам. Четверо избранных, всецело посвятивших себя одному делу, осваивавших профессию, которая в этот век межпланетных полетов достигла невиданных доселе высот.

На планетах Солнечной системы, где отсутствие атмосферы создает наиболее благоприятные условия для наблюдений, строились обсерватории.

Появилась обсерватория и на Луне. Ее купол одиноко стоял посреди безмолвного мира, в небе которого неподвижно висела родная Земля.

Обсерватория на Меркурии, самая близкая к Солнцу, располагалась на Северном полюсе планеты, где показания термометра почти всегда оставались одни и те же, а Солнце не меняло своего положения по отношению к горизонту, что позволяло изучать его во всех деталях.

Исследования, которые велись обсерваторией на Церере, самой молодой, а потому оборудованной по последнему слову техники, охватывали пространство от Юпитера до дальних галактик.

Работа в этих обсерваториях, безусловно, имела свои недостатки. Люди еще не преодолели всех трудностей межпланетного сообщения, и астрономы редко проводили отпуск на Земле, а создать им нормальные условия жизни на местах пока не удавалось. Тем не менее их поколение было поколением счастливых. Ученым, которые придут им на смену, достанется урожай, и, пока Человек не вырвется за пределы Солнечной системы, едва ли перед астрономами откроются горизонты пошире нынешних.

Каждому из четырех счастливых — Тальяферро, Райджеру, Конесу и Вильерсу — предстояло оказаться в положении Галилея, который, владея первым настоящим телескопом, мог в любой точке неба сделать великое открытие.

И вот тут-то Ромеро Вильерса свалил тяжелый приступ ревматизма. Кто в том виноват? Болезнь оставила ему в наследство слабое, едва справлявшееся со своей работой сердце.

Из всех четверых он был самым талантливым, самым целеустремленным, подавал самые большие надежды, а в результате даже не смог окончить колледж и получить диплом астронома. Но что хуже всего — ему навсегда запретили покидать Землю: ускорение при взлете космического корабля неминуемо убило бы его.

Тальяферро послали на Луну, Райджера — на Цереру, Конеса — на Меркурий. А Вильерс остался вечным пленником Земли.

Они пытались высказать ему свое сочувствие, но Вильерс с яростью отвергал все знаки внимания, осыпая друзей проклятиями. Однажды, когда Райджер, на миг потеряв самообладание, замахнулся на него, Вильерс с диким воплем бросился на недавнего товарища и разможил ему нос ударом кулака.

Судя по тому, что Райджер то и дело осторожно поглаживал переносицу, этот случай не изгладился в его памяти.

Конес в нерешительности сморщил лоб, который стал от этого похож на стиральную доску.

— Он ведь тоже приехал на съезд. Ему даже предоставили номер в отеле...

— Мне б не хотелось с ним встречаться, — заявил Райджер.

— Он придет сюда в девять. Сказал, что ему необходимо нас повидать, и мне показалось... Его можно ждать с минуты на минуту.

— Если вы не против, я лучше уйду, — поднимаясь, сказал Райджер.

— погоди! — остановил его Тальяферро. — Ну что будет, если вы встретитесь?

— Я предпочел бы уйти: не вижу смысла в нашей встрече. Он же чокнутый.

— А если и так? Будем выше этого. Ты что, боишься его?

— Боюсь?! — возглас Райджера был полон презрения.

— Хорошо, скажу иначе: тебя это волнует. Но почему?

— Я совершенно спокоен, — возразил Райджер.

— Боюсь, это и слепому видно. Каждый из нас чувствует себя виноватым, хотя для этого нет никаких оснований. Все произошло помимо нас.

Но в голосе Тальяферро не было уверенности — он словно перед кем-то оправдывался, сам отлично это сознавая.

В этот миг раздался звонок, все трое невольно вздрогнули и повернули головы к двери, глядя на этот барьер, который пока отделял их от Вильерса.

Дверь распахнулась, и вошел Ромеро Вильерс. Все неловко встали, чтобы поздороваться с ним, да так в замешательстве и остались стоять. Никто не протянул ему руки.

Вильерс смерил их сардоническим взглядом.

«Вот кто сильно изменился», — подумал Тальяферро.

Что правда, то правда. Тело Вильерса словно бы уменьшилось, усохло, да и сутулость не прибавляла роста. Сквозь поредшие волосы просвечивала кожа черепа, а кисти рук оплетали вздутые синеватые вены. Он выглядел тяжелобольным, в нем ничего не осталось от того Вильерса, каким его помнили, разве что характерный жест — желая что-либо рассмотреть, он ко-

зырьком приставлял руку ко лбу, — да еще ровный сдержанный толос баритонального тембра — они его вспомнили, как только он заговорил.

— Привет, друзья! Мои шагающие по космосу друзья! Мы давно потеряли связь друг с другом, — произнес он.

— Привет, Вильерс, — отозвался Тальяферро.

Вильерс впился в него взглядом:

— Ты здоров?

— Вполне.

— И вы оба тоже?

Конес слабо улыбнулся и что-то пробормотал.

— У нас все в порядке, Вильерс. К чему ты клонишь?! — взорвался Райджер.

— Он все такой же сердитый, наш Райджер, — сказал Вильерс. — Что слышно на Церере?

— Когда я ее покидал, она процветала. А как поживает Земля?

— Сам увидишь, — сразу как-то сжавшись, ответил Вильерс и, немного помолчав, продолжал: — Надеюсь, вы прибыли на съезд, чтобы прослушать мой доклад? Я выступаю послезавтра.

— Твой доклад? Что за доклад? — удивился Тальяферро.

— Я же писал вам Я собираюсь доложить съезду об изобретенном мною способе мгновенного перенесения массы, о так называемой телепортации.

Райджер криво улыбнулся:

— Да, ты писал об этом. Однако ни словом не обмолвился, что собираешься выступать на съезде. Кстати, я что-то не заметил твоего имени в списке докладчиков. Уж на него-то я несомненно обратил бы внимание.

— Ты прав, меня нет в списке. Я даже не подготовил тезисы для публикации.

Вильерс покраснел, и Тальяферро поспешил успокоить его:

— Будет тебе, Вильерс, пожалей нервы. У тебя нездоровый вид.

Вильерс резко повернулся к нему, губы его презрительно скривились:

— Благодарю за заботу. Мое сердце пока еще тянет.

— Послушай-ка, Вильерс, — произнес Конес, — если тебя не внесли в список докладчиков и не опубликовали тезисы, то...

— Нет, это ты послушай. Я ждал своего часа десять лет. У вас у всех есть работа в космосе, а я вынужден преподавать в какой-то паршивой школе на Земле, и это я, который способнее всех вас, вместе взятых.

— Допустим... — начал было Тальяферро.

— Я не нуждаюсь в вашем сочувствии. Я проделал свой эксперимент на глазах у самого Мендела. Полагаю, вам знакомо это имя. Здесь, на съезде, Мендел является председателем секции астронавтики. Я продемонстрировал ему свою аппаратуру.

Собранная наскоро, она сгорела после первого же эксперимента, однако... Вы меня слушаете?

— Да. Но настолько, насколько твои слова заслуживают внимания, — холодно ответил Райджер.

— Мендел даст мне возможность сделать доклад в той форме, которую я сочту удобной для себя. Бьюсь об заклад, он это сделает. Я буду говорить без предупреждения, без всякой рекламы. Я обрушусь на них, точно бомба. Как только я сообщу основную информацию, съезд закроется. Ученые тут же разбегутся по своим лабораториям, чтобы проверить мои расчеты, и с ходу начнут монтировать аппаратуру. И они убедятся, что она действует. С ее помощью живая мышь исчезала в одном конце лаборатории и мгновенно появлялась в другом. Мендел видел это.

Он пристально посмотрел в лицо каждого:

— Я вижу, вы мне не верите.

— Если ты не хочешь, чтобы об этом изобретении стало известно до твоего выступления на съезде, почему ты решил рассказать нам о нем сегодня? — поинтересовался Райджер.

— О, вы — другое дело. Вы мои друзья, мои однокашники. Бросив меня на Земле, вы отправились в космос.

— А что нам оставалось делать? — каким-то не своим, тонким голосом возразил Конес.

Вильерс не обратил на его слова никакого внимания.

— Я желаю, чтобы вы узнали обо всем сейчас. Аппарат, проделавший такое с мышью, в принципе годен и для человека. Сила, которая может перенести предмет на расстояние в десять футов в стенах лаборатории, перенесет его и через миллионы километров космоса. Я побываю и на Луне, и на Меркурии, и на Церере — везде, где захочу. Я стану таким же, как вы. Я превзойду вас. Хочу заметить, что уже теперь я, школьный учитель, сделал больший вклад в астрономию, чем все вы, вместе взятые, с вашими обсерваториями, телескопами, фотокамерами и космическими кораблями.

— Лично меня это только радует, — сказал Тальяферро. — Желаю тебе успеха. А нельзя ли ознакомиться с твоим докладом?

— О нет! — Вильерс прижал руки к груди, словно пытаясь защититься от посторонних взглядов невидимые листы с записями. — Вы будете ждате, как остальные. Существует всего лишь один экземпляр моего доклада, и никто не увидит его до тех пор, пока он не будет зачитан. Никто. Даже Мендел.

— Один экземпляр! — воскликнул Тальяферро. — А если ты потеряешь его?

— Этого не случится. А если даже с ним что-либо произойдет, это не катастрофа — я все помню наизусть.

— Но если ты... — Тальяферро чуть было не сказал «умрешь», но вовремя спохватился и после едва заметной паузы закончил фразу: — ...не последний дурак, ты должен на всякий случай хотя бы заснять текст на пленку.

— Нет, — отрезал Вильерс. — Вы услышите меня послезавтра и станете свидетелями того, как в мгновение ока перед человеком распахнутся необъятные дали, беспредельно расширятся его возможности.

Он еще раз внимательно посмотрел в глаза каждому.

— Подумать только, прошло целых десять лет, — произнес он. — До свидания.

— Он рехнулся! — взорвался Райджер, глядя на захлопнувшуюся дверь с таким выражением, будто там еще стоял Вильерс.

— В самом деле? — задумчиво отозвался Тальяферро. — Пожалуй, отчасти ты прав. Он ненавидит нас вопреки разуму, не имея на то никаких оснований. К тому же как еще можно расценить тот факт, что он отказывается сфотографировать свои записи — ведь это необходимо сделать из простой предосторожности...

Произнося последнюю фразу, Тальяферро вертел в руках собственный микрофотоаппарат. Это был ничем не примечательный небольшой цилиндрок чуть толще и короче обычного карандаша. В последние годы такой аппарат стал непременным атрибутом каждого ученого. Скорее можно было представить врача без фонендоскопа или статистика без микрокалькулятора, чем ученого без такого фотоаппарата. Обычно его носили в нагрудном кармане пиджака или специальным зажимом прикрепляли к рукаву, иногда закладывали за ухо, а у некоторых он болтался на шнурке, обмотанном вокруг пуговицы.

Порой, когда на него находило философское настроение, Тальяферро пытался осмыслить, как в былые времена ученые могли тратить столько времени и сил на выписки из трудов своих коллег или на подборку литературы — огромных фолиантов, отпечатанных типографским способом. До чего же это было громоздко! Теперь же достаточно было сфотографировать любой печатный или написанный от руки текст, а в свободное время без труда проявить пленку. Тальяферро уже успел снять тезисы всех докладов, включенных в программу съезда. И он не сомневался, что двое его друзей поступили точно так же.

— Во всех случаях отказ сфотографировать записи смахивает на бред душевнобольного, — сказал Тальяферро.

— Клянусь космосом, никаких записей не существует! — в сердцах воскликнул Райджер. — Так же как не существует никакого изобретения! Он готов на любую ложь, только бы вызвать в нас зависть и хоть недолго потешить свое самолюбие.

— Допустим. Но тогда как он послезавтра выкрутится? — спросил Конес.

— Почем я знаю? Он же сумасшедший.

Тальяферро все еще машинально поигрывал фотоаппаратом, лениво размышляя, не занялся ли ему проявлением кое-каких микропленок, которые находились в специальной кассете, но решил отложить это занятие до более подходящего времени.

— Вы недооцениваете Вильерса. Он очень умен, — сказал он.

— Возможно, десять лет назад так оно и было, — возразил Райджер, — а сейчас он — форменный идиот. Я предлагаю раз и навсегда забыть о его существовании.

Он говорил нарочито громко, как бы стараясь изгнать тем самым все воспоминания о Вильерсе и обо всем, что с ним связано. Он начал рассказывать о Церере и о своей работе, заключавшейся в простукивании Млечного Пути с помощью новых радиоскопов.

Конес, внимательно слушая, время от времени кивал головой, а затем сам пустился в пространные рассуждения о радиационном излучении солнечных пятен и о своем собственном научном труде, который вот-вот должен выйти. Темой его было исследование связи между протонными бурями и гигантскими вспышками на солнечной поверхности.

Что касается Тальяферро, то ему в общем-то рассказывать было не о чем. По сравнению с работой бывших одноклассников деятельность Лунной обсерватории была лишена романтического ореола. Последние данные о составлении метеорологических сводок на основе непосредственных наблюдений за воздушными потоками в околоземном пространстве не выдерживали никакого сравнения с радиоскопами и протонными бурями. К тому же его мысли все время возвращались к Вильерсу. Вильерс действительно был очень умен. Все они знали это. Даже Райджер, который все время лез в бутылку, не мог не сознавать, что если телепортация в принципе возможна, то по всем законам логики именно Вильерс мог открыть способ ее осуществления.

Из обсуждения их собственной научной деятельности напрашивался печальный вывод, что никто из друзей не внес в науку сколько-нибудь значительного вклада. Тальяферро внимательно следил за новинками специальной литературы и не питал на этот счет никаких иллюзий. Сам он печатался мало, да и те двое не могли похвастаться трудами, содержащими сколь-нибудь важные научные открытия.

Приходилось признать, что никто из них не произвел переворота в науке об изучении космоса. То, о чем они самозабвенно мечтали в годы учебы, так и не свершилось. Из них получились просто знающие свое дело труженики. Этого у них не отнимешь, но, увы, и большего о них не скажешь, и они отлично сознавали это.

Другое дело — Вильерс. Они не сомневались, что он намного обогнал бы их. В этом-то и крылась причина их неприязни, которая углублялась еще и невольным чувством вины перед бывшим товарищем.

В глубине души Тальяферро был уверен, что вопреки всему Вильерсу еще предстоит великое будущее, и эта мысль лишила его покоя.

Райджер и Конес, несомненно, были того же мнения, и сознание собственной заурядности могло вскоре перерасти в невыносимые муки уязвленного самолюбия. Если по ходу доклада выяснится, что Вильерс на самом деле открыл способ телепортации, он станет признанным гением и произойдет то, что было ему предопределено с самого начала, а его бывших соучеников, несмотря на все их заслуги, предадут забвению. Им останется всего лишь роль простых зрителей, затерявшихся в толпе, которая до небес превознесет великого ученого.

Тальяферро почувствовал, как душа его корчится от зависти. Ему было стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

Разговор постепенно угасал.

— Послушайте, а почему бы нам не заглянуть к старине Вильерсу? — отводя глаза, спросил Конес.

Он пытался говорить тепло и непринужденно, но его фальшивая сердечность никого не могла обмануть.

— К чему эта вражда?.. Какой в ней смысл?..

«Конес хочет выяснить, правда ли то, о чем нам сказал Вильерс, — подумал Тальяферро. — Пока он еще не теряет надежды, что это всего лишь бред сумасшедшего, и хочет убедиться в этом немедленно, иначе ему сегодня не заснуть».

Но Тальяферро и сам сторал от любопытства, а потому не стал возражать против предложения Конеса, и даже Райджер, неловко пожав плечами, сказал:

— Черт возьми, это неплохая идея.

Было около одиннадцати вечера.

Тальяферро разбудил настойчивый звонок в дверь. Мысленно проклиная того, кто посмел нарушить его сон, он поднялся на локте. С потолка лился мягкий свет индикатора времени — еще не было четырех.

— Кто там?! — крикнул Тальяферро

Прерывистые резкие звонки не умолкали.

Тальяферро ворча набросил халат. Он открыл дверь, и яркий свет, хлынувший из коридора, заставил его на секунду зажмуриться. Лицо стоявшего перед ним человека было ему хорошо знакомо по часто попадавшимся на глаза трехмерным фотографиям.

— Мое имя — Хьюберт Мендел, — отрывистым шепотом представился тот.

— Знаю, — сказал Тальяферро.

Мендел был одним из крупнейших астрономов современности, достаточно выдающимся, чтобы занимать важный пост во Всемирном бюро астронавтики, и достаточно деятельным, чтобы стать председателем секции астронавтики нынешнего съезда.

Тальяферро вдруг вспомнил, что, по словам Вильерса, именно Менделу демонстрировал он свой опыт по перенесению массы. Мысль о Вильерсе окончательно отогнала сон.

— Вы доктор Эдвард Тальяферро?

— Да, сэр.

— Одевайтесь. Вы пойдете со мной. Произошло очень важное событие, которое касается одного нашего общего знакомого.

— Доктора Вильерса?

Беки Мендела слегка дрогнули. На редкость светлые брови и ресницы делали его глаза какими-то странно незащищенными. У него были мягкие редкие волосы. На вид ему было лет пятьдесят.

— Почему вы называли Вильерса? — спросил он.

— Он упомянул вчера вечером ваше имя. Кроме него, я не могу вспомнить ни одного человека, с которым мы были бы знакомы оба.

Мендел кивнул и, подождя, пока Тальяферро оденется, вышел следом за ним в коридор. Райджер и Конес ожидали их в номере этажом выше. В покрасневших глазах Конеса застыло тревожное выражение. Нетерпеливо затягиваясь, Райджер курил сигарету.

— Вот мы и снова вместе. Еще один вечер встречи, — произнес Тальяферро, но его острота повисла в воздухе.

Он сел, и все трое молча уставились друг на друга. Райджер пожал плечами.

Глубоко засунув руки в карманы, Мендел зашагал взад-вперед по комнате.

— Господа, я приношу свои извинения за причиненное вам беспокойство, — начал он, — и благодарю за то, что вы не отказали мне в моей просьбе. Но я жду от вас большего. Дело в том, что около часа назад умер наш общий друг — Ромеро Вильерс. Тело его уже увезли из отеля. Врачи считают, что смерть произошла от острой сердечной недостаточности.

Воцарилось напряженное молчание. Райджер попытался было поднести ко рту сигарету, но его рука остановилась на полпути и медленно опустилась.

— Вот бедняга, — произнес Тальяферро.

— Какой ужас, — хрипло прошептал Конес. — Он был...

Слова замерли у него на губах.

— Что поделаться, у него было больное сердце, — стряхивая с себя оцепенение, произнес Райджер.

— Следует уточнить кое-какие детали, — спокойно возразил Мендел.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Райджер.

— Когда все вы видели его в последний раз? — поинтересовался Мендел.

— Вчера вечером, — ответил Тальяферро. — Мы встретились как бывшие однокашники — до этого дня мы не видели друг друга десять лет. К сожалению, не могу сказать, что это была приятная встреча. Вильерс считал, что у него имелись основания быть в обиде на нас, и он очень раскипятился.

— И в котором часу это произошло?

— Первая встреча состоялась около девяти вечера.

— Первая?

— Позже мы повидались еще раз.

— Он ушел очень возбужденным, — взволнованно объяснил Конес. — Мы не могли примириться с этим и решили попросить объясниться с ним начистоту. Ведь когда-то мы были друзьями. Поэтому мы отправились к нему в номер...

— Вы пошли к нему все вместе? — быстро спросил Мендел.

— Да, — с удивлением ответил Конес.

— В котором часу это было?

— Что-то около одиннадцати. — Конес обвел взглядом остальных. Тальяферро кивнул.

— И как долго вы оставались у него?

— Не больше двух минут, — сказал Райджер. — Он велел нам убираться вон. Похоже, он вообразил, будто мы явились отнять у него его записи. — Он остановился, как бы ожидая, что Мендел поинтересуется, о каких записях идет речь, но тот промолчал, и Райджер продолжил: — Мне кажется, Вильерс хранил эти записи под подушкой, потому что, выгоняя нас, он как-то странно пытался прикрыть ее телом.

— Возможно, как раз в ту минуту он уже умирал, — с трудом прошептал Конес.

— Тогда еще нет, — решительно сказал Мендел. — Раз вы были у него в номере, значит, там, вероятно, остались отпечатки ваших пальцев.

— Не исключено, — согласился Тальяферро.

Его почтительное отношение к Менделу постепенно сменялось нетерпением: было четыре часа утра, и плевать он хотел на то, Мендел это или кто другой.

— Может, вы наконец скажете, что означает этот допрос? — спросил он.

— Так вот, господа, — произнес Мендел, — я собрал вас не только для того, чтобы сообщить о смерти Вильерса. Необходимо выяснить ряд обстоятельств. Насколько мне известно,

существовал всего один экземпляр его записей. Как оказалось, этот единственный экземпляр был вложен кем-то в окуркосжигатель и от него остались лишь обгоревшие клочки. Я не читал этих записей и даже никогда их не видел, но достаточно знаком с открытием Вильерса, чтобы, если понадобится, подтвердить на суде под присягой, что найденные обрывки бумаги с сохранившимся на них текстом являются остатками того самого доклада, который он должен был сделать на съезде... Кажется, у вас, доктор Райджер, есть на этот счет какие-то сомнения. Правильно ли я вас понял?

— Я далеко не уверен, собирался ли он всерьез выступать с докладом, — кисло улыбнулся Райджер. — Если хотите знать мое мнение, сэр, Вильерс был душевнобольным. В течение десяти лет он в отчаянии бился о преграду, возникшую между ним и космосом, и в результате им овладела фантастическая идея мгновенного перенесения массы, — идея, в которой он увидел свое единственное спасение, единственную цель жизни. Ему удалось путем каких-то махинаций продемонстрировать эксперимент. К стати, я не утверждаю, что он старался надуть вас умышленно. Он мог быть с вами искренен и в своей искренности безумен. Вчера вечером кипевшая в его душе буря достигла своей кульминации. Он возненавидел нас за то, что нам посчастливилось работать на других планетах, и пришел к нам, чтобы, торжествуя, показать свое превосходство над нами. Для этой минуты он и жил все прошедшие десять лет. Потрясение от встречи с нами могло в какой-то мере вернуть ему разум, и Вильерс понял, что на самом деле он — полный банкрот, что никакого открытия не существует. Поэтому он сжег записи, и сердце его, не выдержав такого напряжения, остановилось. Как же все это скверно!

Лицо внимательно слушавшего Мендела выражало глубокое неодобрение.

— Ваша версия звучит очень складно, — сказал он, — но вы не правы. Меня, как это вам, вероятно, кажется, не так-то легко провести, демонстрируя мнимый опыт. А теперь я хочу высказать кое-что еще. Согласно книге регистрации, вы, все трое, являетесь соучениками Вильерса по колледжу. Это верно?

Они кивнули.

— Есть ли среди приехавших на съезд ученых еще кто-нибудь, кто когда-то учился с вами в одной группе?

— Нет, — ответил Конес. — В год нашего выпуска только нам четверым должны были дать диплом астронома. Он тоже получил бы его, если бы...

— Да-да, я знаю, — перебил его Мендел. — В таком случае кто-то из вас троих побывал еще один раз в номере Вильерса в полночь.

Его слова были встречены молчанием.

— Только не я, — наконец холодно произнес Райджер. Конес, широко раскрыв глаза, отрицательно покачал головой.

— На что вы намекаете? — спросил Тальяферро.

— Один из вас пришел к Вильерсу в полночь и стал настаивать, чтобы тот показал ему свои записи. Мне не известны мотивы, которые двигали этим человеком. Возможно, все делалось с заранее продуманным намерением довести Вильерса до такого состояния, которое неизбежно приведет к смерти. Когда Вильерс потерял сознание, преступник — будем называть вещи своими именами — не теряя времени, завладел рукописью, которая действительно могла быть спрятана под подушкой, и сфотографировал ее. После этого он уничтожил рукопись в окуркосжигателе, но в спешке не успел сжечь бумагу до конца.

— Откуда вам известно, что там произошло? — перебил его Райджер. — Можно подумать, что вы при этом присутствовали.

— Вы не далеки от истины, — ответил Мендел. — Случилось так, что Вильерс, потеряв сознание в первый раз, вскоре очнулся. Когда преступник ушел, ему удалось доползти до телефона, и он позвонил мне в номер. Он с трудом выдавил из себя несколько слов, но этого достаточно, чтобы представить, как развернулись события. К несчастью, меня в это время в номере не было: я задержался на конференции. Однако все, что пытался мне сообщить Вильерс, было записано на пленку. Я всегда, идя домой или на работу, первым делом включаю запись телефонного секретаря. Такая уж у меня бюрократическая привычка. Я сразу позвонил ему, но он не отозвался.

— Тогда кто же, по его словам, там был? — спросил Райджер.

— В том-то и беда, что он этого не сказал. Вильерс говорил с трудом, невнятно, и все разобрать оказалось невозможно. Но одно слово Вильерс произнес совершенно отчетливо. Это слово — «одноклассник».

Тальяферро достал из внутреннего кармана пиджака свой фотоаппарат и протянул его Менделу.

— Пожалуйста, можете проявить мои пленки, — спокойно сказал он. — Я не возражаю. Записей Вильерса вы здесь не найдете.

Конес последовал его примеру. Нахмурившись, то же самое сделал и Райджер.

Мендел взял все три аппарата и холодно сказал:

— Полагаю, что тот из вас, кто это совершил, уже успел сменить пленку, но все же...

Тальяферро пренебрежительно поднял брови:

— Можете обыскать меня и номер, в котором я остановился.

С лица Райджера не сходило выражение недовольства.

— Погодите-ка минутку, черт вас дерит. Вы что, служите в полиции?

Мендел удивленно взглянул на него:

— А вам очень хочется, чтобы вмешалась полиция? Вам нужен скандал и обвинение в убийстве? Вы хотите сорвать работу съезда и дать мировой прессе сведения, воспользовавшись которыми она смеяет астрономов и астрономию с грязью? Смерть Вильерса вполне можно объяснить естественными причинами. У него на самом деле было большое сердце. Предположим, тот из вас, кто был у него в полночь, действовал под влиянием импульса и совершил преступление непреднамеренно. Если этот человек вернет пленку, нам удастся избежать больших неприятностей.

— И преступник не понесет никакого наказания? — спросил Тальяферро.

Мендел пожал плечами:

— Я не стану обещать, что он выйдет сухим из воды, но, как бы там ни было, если он вовремя сообразит, ему не грозит публичное бесчестье и пожизненное тюремное заключение, что произойдет неизбежно, если мы заявим в полицию.

Никто не проронил ни слова.

— Это сделал один из вас, — произнес Мендел.

Снова молчание.

— Я думаю, мне понятны соображения, которыми руководствовался виновный, и я попытаюсь их вам обрисовать. Рукопись уничтожена. Только мы четверо знаем об открытии Вильерса, и только один я присутствовал при эксперименте. Скажу больше — единственным доказательством того, что я был свидетелем этого эксперимента, являются слова самого Вильерса — человека, который, возможно, страдал психическим расстройством. Поскольку Вильерс умер от сердечной недостаточности, а его записи уничтожены, легко можно будет поверить в гипотезу доктора Райджера, который утверждает, что не существует и никогда не существовало никакого способа телепортации. Через один-два года наш преступник, в руках которого находится рукопись Вильерса, начнет постепенно использовать ее, причем не скрываясь, публично. Он будет ставить опыты, осторожно выступать в печати с соответствующими статьями, и дело кончится тем, что именно он окажется автором этого открытия, прославится и получит немалые деньги. Даже его бывшие соученики, и те ничего не заподозрят. В крайнем случае они решат, что давнишняя история с Вильерсом побудила его начать исследование в этой области. Но не более.

Мендел пристально всматривался в их лица.

— Но теперь у него ничего не выйдет. Любой из вас, кто когда-либо осмелится от своего имени опубликовать данные о способе телепортации, тем самым объявит себя преступником. Я присутствовал при опыте и уверен, что там не было подтасовки. Я знаю, что у одного из вас находится пленка, на которой

написана рукопись Вильерса. Как видите, эта рукопись теперь потеряла для вас ценность. Отдайте же мне эту пленку.

Молчание.

Мендел направился к двери, но, прежде чем уйти, еще раз обернулся к ним:

— Я буду вам очень признателен, если вы останетесь здесь до моего возвращения. Я вас долго не задержу. Надеюсь, что виновный воспользуется этим перерывом в наших переговорах и обдумает свое дальнейшее поведение.

Если он опасается, что, сознавшись, потеряет работу, пусть вспомнит, что при встрече с полицией его подвергнут зондированию памяти и он лишится свободы.

Взвесив на руке три фотоаппарата, Мендел добавил:

— Я проявлю эти пленки.

Он выглядел мрачным и невыспавшимся.

— А что, если мы сбежим в ваше отсутствие? — с вымученной улыбкой спросил Конес.

— Только у одного из вас есть к этому основания, — сказал Мендел. — Мне думается, я вполне могу положиться на двух невиновных. Они проследят за третьим — хотя бы во имя собственных интересов.

И он ушел.

Было пять часов утра.

— Проклятая история! Я хочу спать! — воскликнул Райджер, бросив взгляд на часы.

— При желании мы можем поспать и здесь, — философски заметил Тальяферро. — Кто-нибудь собирается сознаться в содеянном?

Конес отвел взгляд, Райджер презрительно скривил губы.

— Я так и думал. — Тальяферро закрыл глаза и, откинув свою массивную голову на спинку кресла, устало произнес: — Там, на Луне, сейчас период бездействия. Когда ночь, а она у нас длится две недели, работы хоть отбавляй. Но с наступлением лунного дня в течение двух недель не заходит Солнце, и нам остается только заседать да заниматься расчетами и поисками корреляций. Это тяжелое время. Я его ненавижу. Если б там было побольше женщин и если б мне посчастливилось вступить в одной из них в более или менее длительную связь...

Конес шепотом принимался рассказывать о том, что на Меркурии до сих пор не удается рассмотреть в телескоп весь солнечный диск — какая-то часть его постоянно скрыта за горизонтом. Правда, если еще на две мили удлинит дорогу, можно будет передвинуть обсерваторию, но для этого придется провернуть колоссальную работу, используя солнечную энергию. Только

тогда Солнце полностью откроется для наблюдений. Он уверен, что в конце концов это будет сделано.

Вскоре к их бормотанию присоединился голос Райджера, который, не выдержав, начал рассказывать о Церере. Работа там осложнялась слишком кратким периодом обращения Цереры вокруг своей оси, который длился всего лишь два часа. Благодаря этому звезды проносятся по небу с угловой скоростью, в двенадцать раз превышающей скорость движения звезд на земном небосклоне. Поэтому пришлось создать настоящую цепь приборов, состоящую из трех телескопов, трех радиоскопов и прочей аппаратуры, чтобы они по очереди вели наблюдения.

— Почему вы не используете один из полюсов? — спросил Конес.

— Ты подходишь к вопросу, исходя из условий, к которым привык на Меркурии, — нетерпеливо возразил Райджер. — Даже на полюсах небо там напоминает водоворот... К тому же половина его всегда скрыта от наблюдений. Если б Церера, подобно Меркурию, была обращена к Солнцу только одной стороной, мы имели бы над головой относительно стабильное небо, картина которого менялась бы полностью раз в три года.

За окном постепенно серело, медленно наступал рассвет.

Тальяферро задремал, усилием воли не позволяя сознанию отключиться полностью. Он опасался заснуть, пока бодрствуют остальные. В голове у него мелькнуло, что все они сейчас задают себе один и тот же вопрос: «Кто? Кто же из нас?» Все — за исключением виновного.

Вошел Мендел, и Тальяферро быстро открыл глаза. Видимый из окна кусок неба принял голубой оттенок. Тальяферро был рад, что окно плотно закрыто. В отеле, конечно, имелось кондиционирование, но те из жителей Земли, которые питали, с его точки зрения, странное пристрастие к свежему воздуху, в теплую погоду открывали окна. Тальяферро, который никак не мог забыть об окружающем Луну безвоздушном пространстве, при одной мысли об этом содрогнулся от ужаса.

— Кто-нибудь из вас желает что-то сказать? — спросил Мендел.

Все молча смотрели на него, а Райджер отрицательно покачал головой.

— Я проявил пленки, господа, и ознакомился с заснятым вами материалом. — Мендел бросил на кровать аппараты и проявленные пленки. — И ничего не обнаружил! Боюсь, что у вас теперь будут трудности с монтажом. Приношу вам за это свои извинения. Вопрос о пропавшей пленке остается открытым.

— Если она вообще существует, — широко зевнув, заметил Райджер.

— Господа, я предлагаю спуститься в номер Вильерса, — сказал Мендел.

— Зачем? — испуганно воскликнул Конес.

— Не собираетесь ли вы пустить в ход испытанный психологический прием — привести виновного на место преступления, чтобы раскаяние в содеянном заставило его сознаться? — ехидно поинтересовался Тальяферро.

— Цель, с которой я приглашаю вас в номер Вильерса, далеко не столь мелодраматична. Я просто хотел бы, чтобы двое виновных помогли мне найти пропавшую пленку.

— Вы считаете, что она находится именно там? — вызывающе спросил Райджер.

— Вполне возможно. Наше расследование только начинается. Потом мы обыщем и ваши номера. Симпозиум по астронавтике не начнется раньше десяти часов завтрашнего утра, и нам нужно уложиться в оставшееся время.

— А если мы до тех пор ничего не выясним?

— Тогда мы обратимся за помощью к полиции.

Они осторожно вошли в номер Вильерса. Райджер покраснел, Конес был очень бледен. Тальяферро пытался сохранять спокойствие.

Прошлой ночью они видели комнату при искусственном освещении. Тогда озлобленный растрепанный Вильерс, судорожно обхватив руками подушку и устремив на них полный ненависти взгляд, потребовал, чтобы они убирались вон. Сейчас здесь едва уловимо пахло смертью.

Чтобы улучшить освещение, Мендел занялся оконным поляризатором, и в помещение хлынули лучи восходящего солнца.

Конес быстрым движением закрыл рукой глаза.

— Солнце! — воскликнул он так, что остальные замерли. Лицо его исказил неподдельный ужас, словно он вдруг взглянул незащищенными глазами на то Солнце, которое мгновенно ослепляет в условиях Меркурия.

Вспомнив собственное отношение к возможности выходить из помещения без скафандра, Тальяферро скрипнул зубами. Те десять лет, которые они провели вне Земли, изрядно деформировали их психику.

Конес бросился к окну, ощупью отыскивая рычаг поляризатора, но тут воздух с шумом вырвался из его груди, и он окаменел.

— Что случилось? — кинувшись к нему, спросил Мендел. Остальные последовали за ним.

Далеко внизу, простираясь до самого горизонта, лежала каменно-кирпичная громада города, контуры его четко прорисовывались в лучах восходящего солнца. Сейчас он был обращен к ним своей теневой стороной. Тальяферро исподтишка окинул эту картину тревожным взглядом.

Конес, грудь которого стеснило настолько, что он не мог даже вскрикнуть, не отрываясь смотрел на что-то, находившееся совсем близко.

Снаружи на подоконнике лежал дюймовый кусочек светлосерой пленки, которого коснулись первые лучи солнца. Уголок ее, попавший в трещину, пока еще оставался в тени. Вскрикнув, Мендел в ярости распахнул окно и схватил пленку. Бережно прикрыв ее рукой, он приказал:

— Ждите меня здесь!

Говорить им было не о чем. Когда Мендел ушел, они сели и молча уставились друг на друга.

Мендел вернулся через двадцать минут.

— Та небольшая часть пленки, что находилась в трещине, не успела засветиться, и мне удалось разобрать несколько слов. На эту пленку действительно кто-то заснял рукопись Вильерса. Остальные записи навсегда погибли, и спасти их невозможно. Открытия Вильерса больше не существует, — спокойно произнес Мендел.

Он был настолько потрясен, что его эмоции уже были за гранью их внешнего проявления.

— Что же дальше? — спросил Тальяферро.

Мендел устало пожал плечами:

— Мне теперь все безразлично — ведь способ телепортации опять стал для человека нерешенной задачей, пока кто-нибудь, обладающий такими же блестящими способностями, как Вильерс, не откроет его заново. Я сам займусь этой проблемой, но я не питаю никаких иллюзий относительно собственных возможностей. Мне кажется, что, поскольку открытия Вильерса больше не существует, не имеет значения, кто из вас в этом виноват. Что даст нам дальнейшее расследование?

Отчаяние Мендела было настолько глубоко, что он весь сник.

— Нет, постойте, — раздался твердый голос Тальяферро. — В ваших глазах каждый из нас троих останется на подозрении. В том числе и я. Вы занимаете высокое положение, и у вас для меня никогда не найдется доброго слова. Меня можно будет обвинить в некомпетентности, а то и приклеить ярлык похуже. Я не желаю, чтобы мою карьеру погубил призрак недоказанной вины. Поэтому я предлагаю довести расследование до конца.

— Я не следователь, — устало возразил Мендел.

— Тогда, черт возьми, пригласите полицию.

— Минутку, Тал, не намекаешь ли ты на то, что преступление совершил я? — спросил Райджер.

— Я только хочу доказать свою невиновность.

— Если мы обратимся в полицию, каждого из нас подвергнут зондированию памяти! — в ужасе воскликнул Конес. — А это может привести к нарушению мозговой деятельности.

Мендел высоко поднял руки.

— Господа! Прошу вас, давайте обойдемся без склок! Осталась еще единственная возможность избежать вмешательства полиции. Вы правы, доктор Тальяферро. Было бы несправедливо по отношению к невиновным оставить вопрос открытым.

Повернувшиеся к нему лица отражали недоверие и враждебность.

— Что вы хотите нам предложить? — спросил Райджер.

— У меня есть друг по имени Уэнделл Эрт. Быть может, вы слышали о нем, а если и нет, это сейчас не имеет значения. Так или иначе, я постараюсь устроить, чтобы сегодня вечером он нас принял.

— Какой в этом смысл? — с неприязнью спросил Тальяферро. — Что это нам даст?

— Он странный человек, — неуверенно произнес Мендел. — Очень странный. И в своем роде гениальный. Ему не раз приходилось помогать полиции, и кто знает, вдруг сейчас удастся помочь и нам.

2

Когда они вошли в комнату, Эдвард Тальяферро не смог побороть глубочайшего изумления, которое в нем вызывали и само помещение, и находившийся в нем человек. Казалось, и то и другое существовало в полной изоляции от окружающего и являлось частью какого-то иного, непонятного мира. Ни один земной звук не проникал сюда через мягкую обивку лишенных окон стен. Свет и воздух Земли заменяли искусственное освещение и система кондиционирования.

В этой большой, тонувшей в полумраке комнате царил немислимый беспорядок. Они с трудом пробрались между разбросанными по полу предметами к дивану, с которого стремлились свалили рядом в кучу микропленки с книжными текстами.

У хозяина комнаты было большое круглое лицо и приземистое шарообразное тело. Он быстро передвигался на своих коротких ножках, так энергично вертя во все стороны головой, что очки едва удерживались на том крохотном бугорке, который был его носом. Усевшись наконец за письменный стол — единственное достаточно освещенное место, он устремил на них добродушный взгляд своих выпуклых близоруких глаз, полускрытых тяжелыми веками.

— Я очень рад вашему приходу, господа, и прошу извинить за беспорядок, — он взмахнул короткопалой рукой. — Сейчас я занимаюсь составлением каталога собранных мною объектов

внеземного происхождения, которые имеют огромное значение для науки. Это колоссальная работа. Вот, например...

Он вскочил с места и стал рыться в куче каких-то непонятных предметов, в беспорядке сваленных возле письменного стола, и вскоре извлек дымчато-серый полупрозрачный цилиндр неправильной формы.

— Может оказаться, что этот цилиндр с Каллисто является наследием неведомой нам внеземной культуры. Вопрос о его происхождении еще окончательно не решен. Таких цилиндров было найдено не больше дюжины, и из всех известных мне образцов данный экземпляр — самый совершенный по форме.

Он небрежно отбросил его в сторону, и Тальяферро вздрогнул.

— Цилиндр сделан из небьющегося материала, — сказал толстяк и проворно уселся обратно за свой стол; его крепко прижатые к животу руки поднимались и опускались в такт дыханию. — Так чем же я могу быть вам полезен? — спросил он.

Пока Мендел представлял их хозяину, Тальяферро упорно старался вспомнить, откуда ему знакомо имя Уэнделл Эрт. Несомненно, это был тот самый Уэнделл Эрт, который написал недавно опубликованный труд под названием «Сравнительное исследование эволюционных процессов на водно-кислородных планетах», однако в сознании как-то не укладывалось, что это был именно он.

— Доктор Эрт, не вы ли являетесь автором «Сравнительного исследования эволюционных процессов»? — не выдержав, спросил он.

Лицо Эрта расплылось в блаженной улыбке.

— Вы читали эту книгу?

— Нет, но...

Радостный блеск в глазах Эрта мгновенно погас, уступив место осуждению.

— Тогда вам необходимо ее прочесть сейчас же, немедленно. У меня есть здесь один экземпляр...

Он снова вскочил со стула, но тут вмешался Мендел:

— Подождите, Эрт, не все сразу. Мы пришли к вам по серьезному вопросу.

Он почти насильно заставил Эрта сесть и быстро стал излагать суть дела, как бы боясь, чтобы тот не перебил его, снова увлекшись какой-нибудь посторонней темой. Предельная лаконичность, с которой Мендел обрисовал события, заслуживала восхищения.

Лицо Эрта побагровело. Он нервно схватил очки и прочно укрепил их на носу.

— Мгновенное перенесение массы! — воскликнул он.

— Я видел это собственными глазами, — подтвердил Мендел.

— А мне ни звука не сказали!

— Я поклялся хранить тайну. Как я уже отметил, изобретатель был... не без странностей.

— Как же вы могли позволить, чтобы такое ценное открытие осталось в распоряжении заведомого чудака? В крайнем случае, чтобы получить необходимые сведения, надо было подвергнуть его зондированию памяти.

— Это бы его убило, — запротестовал Мендел.

Но Эрт, прижав ладони к щекам и в отчаянии раскачиваясь взад и вперед, продолжал:

— Телепортация! Единственный пригодный для нормального цивилизованного человека способ передвижения. Единственно возможный способ! Если б я только знал! Если б я только был в отеле! Но, увы, он почти в тридцати милях отсюда.

— Насколько мне известно, — раздраженно перебил эту тираду Райджер, — между вашим домом и отелем существует регулярное воздушное сообщение. У вас ушло бы на дорогу десять минут.

Тело Эрта вдруг напряглось, и, бросив на Райджера какой-то странный взгляд, он вскочил с места и опрометью выбежал из комнаты.

— Что за черт! — воскликнул Райджер.

— Проклятие, я должен был предупредить вас, — пробормотал Мендел.

— О чем?

— У доктора Эрта есть свой пунктик — он никогда не пользуется никакими транспортными средствами. Он всегда ходит пешком.

— Но ведь он, насколько я понимаю, занимается изучением жизни на других планетах, — шурясь в полумраке, заметил Конес.

Тальяферро, который минуты две назад поднялся с дивана, стоял теперь перед укрепленной на пьедестале чечевицеобразной моделью Галактики, устремив взгляд на мерцающее сияние звездных систем. Никогда в жизни ему не приходилось видеть такую большую и так тщательно выполненную модель.

— Верно. Но он ни разу не посетил ни одной из тех планет, изучением которых занимается, и никогда этого не сделает. Я сомневаюсь, отходил ли он за последние тридцать лет дальше чем за милю от этого дома.

Райджер расхохотался.

Мендел вспыхнул.

— Пусть вам такое положение вещей кажется смешным, — рассерженно произнес он, — но я буду вам очень признателен, если впредь в присутствии доктора Эрта вы постараетесь избегать этой темы.

Через минуту появился сам Эрт.

— Приношу мои извинения, господа, — прошептал он. — А теперь займемся нашей проблемой. Может, кто-нибудь из вас желает сознаться сам?

Тальяферро презрительно поджал губы. Едва ли этот толстенький специалист по внеземным формам жизни, добровольно приговоривший себя к домашнему аресту, обладает достаточной твердостью, чтобы заставить кого бы то ни было признаться в совершенном преступлении. К счастью, дело обстоит так, что он им как талантливый следователь не понадобится. Если вообще у него есть такой талант.

— Скажите, доктор Эрт, вы связаны с полицией? — спросил Тальяферро.

На красном лице Эрта появилось самодовольное выражение.

— Официально нет, но тем не менее мы находимся в наилучших отношениях.

— В таком случае я сообщу вам кое-какие сведения, которые вы сможете передать.

Втянув живот, Эрт стал рывками вытаскивать из брюк подол рубашки, которым он принялся медленно протирать очки. Покончив с этим занятием и небрежно водрузив очки обратно на нос, он произнес:

— Итак, я вас слушаю.

— Я скажу вам, кто был у Вильерса в момент его смерти и кто заснял записи.

— Выходит, вам посчастливилось раскрыть тайну?

— Я думал об этом весь день и, кажется, пришел к правильному выводу.

Тальяферро явно наслаждался произведенным его словами эффектом.

— Что же вы собираетесь нам сообщить?

Тальяферро глубоко вздохнул. Несмотря на то что он готовился к этому несколько часов, не так-то легко было наконец решиться.

— В происшедшем, по всей видимости, виновен не кто иной, как доктор Мендел, — наконец произнес он.

Мендел задохнулся от возмущения.

— Послушайте, доктор, — громко начал он, — если у вас есть какие-либо основания для такого страшного...

— Пусть он говорит, Хьюберт, — перебил его высокий голос Эрта. — Я предлагаю выслушать его. Ведь вы сами его подозреваете, и нет такого закона, который запретил бы ему подозревать вас.

Мендел зло поджал губы.

— Это больше чем простое подозрение, доктор Эрт, — начал Тальяферро, усилием воли заставляя свой голос звучать ровно. — Доказательства налицо. Нам всем четверым было известно об изобретении Вильерса, но только один из нас, доктор Мендел,

присутствовал при эксперименте. Только он один знал, что оно не является плодом большого воображения. Только он знал, что записи действительно существуют. Вильерс обладал слишком неуравновешенным характером, и для нас вероятность того, что он говорит правду, была слишком мала. Мы зашли к нему в одиннадцать, чтобы, как мне кажется, окончательно убедиться в этом, хотя никто из нас не назвал вслух истинную причину нашего визита. Но Вильерс был невменяем. Таким мы его прежде никогда не видели.

А теперь рассмотрим этот же вопрос с другой стороны. Что знал доктор Мендел и каковы были его мотивы? Представим себе, доктор Эрт, следующее. Человек, который пришел к Вильерсу в полночь, увидел, что тот потерял сознание, и заснял рукопись. Это лицо (не будем пока называть его по имени), вероятно, пришло в ужас, когда Вильерс очнулся от обморока и стал звонить кому-то по телефону. Охваченному паникой преступнику мгновенно приходит в голову мысль, что необходимо как можно скорее отделаться от единственного вещественного доказательства.

Он должен был немедленно избавиться от непроявленной пленки с заснятыми записями, причем таким образом, чтобы эта пленка не была найдена и он в том случае, если его ни в чем не заподозрят, смог бы снова завладеть ею. Идеальным местом для этого был наружный подоконник. Быстро раскрыв окно, он положил на подоконник пленку и ушел. А если б Вильерс остался жив или если б его телефонный разговор дал какие-нибудь результаты, единственным доказательством вины этого человека были бы показания самого Вильерса и можно было бы легко убедить всех в том, что Вильерс — человек с большими странностями.

Тальяферро умолк, смакуя неоспоримость приведенных им доводов.

Уэнделл Эрт, сощурившись, взглянул на него и похлопал пальцами прижатых к животу рук по вытащенному из брюк подолу рубашки.

— В чем же вы видите главное доказательство вины доктора Мендела? — спросил он.

— На мой взгляд, самое важное здесь то, что лицо, совершившее преступление, открыло окно и положило пленку на подоконник снаружи. Судите сами Райджер жил десять лет на Церере, Конес — на Меркурии, я — на Луне, и за этот период нам очень редко случалось бывать на Земле — только во время кратких отпусков, да и сколько их там было! Вчера мы не раз жаловались друг другу, как трудно нам привыкнуть к земным условиям.

Планеты, на которых мы работаем, лишены атмосферы. Мы никогда не выходим из помещения без скафандра. Мы отвыкли

даже от мысли, что можно выйти наружу без защитного костюма. Ни один из нас не смог бы открыть окно без отчаянной внутренней борьбы. Что касается доктора Мендела, то он жил только на Земле и для него открыть окно — всего лишь приложение мускульной силы. Он способен сделать это не задумываясь, а мы — нет. Отсюда логический вывод — преступление совершил он.

Тальяферро откинулся на спинку стула и позволил себе слегка улыбнуться.

— Клянусь космосом, он прав! — восторженно вскричал Райджер.

— Ни в коей мере! — приподнявшись с дивана, взревел Мендел. Казалось, он вот-вот бросится на Тальяферро с кулаками. — Я категорически протестую против этих жалких измышлений. А имеющаяся у меня запись телефонного звонка Вильерса? Там есть слово «однокашник»... А это как вы объясните?

— Вильерс в ту минуту умирал, — возразил Тальяферро. — Вы ведь сами говорите, что большую часть из сказанного им понять невозможно. Этой записи я не слышал, поэтому я спрашиваю вас, доктор Мендел, в самом ли деле голос Вильерса был искажен до неузнаваемости?

— Видите ли... — смущенно начал Мендел.

— Я уверен, что это так. У меня нет оснований исключить вероятность того, что вы сами заранее сфабриковали запись, вернув туда это проклятое слово «однокашник».

— О Господи, откуда я знал, что на съезд приехали бывшие соученики Вильерса? — воскликнул Мендел.

— Это мог вам сказать сам Вильерс. Я беру на себя смелость утверждать, что он действительно сделал это.

— Послушайте, — решительно начал Мендел. — Вы трое видели Вильерса живым в одиннадцать вечера. Врач, осмотревший его тело вскоре после трех ночи, заявил, что умер он около двух часов назад. Отсюда — смерть наступила между одиннадцатью вечера и часом ночи. В это время я присутствовал на вечернем заседании, и не меньше дюжины свидетелей могут показать, что с десяти часов вечера до двух ночи я находился в нескольких милях от отеля. Вам этого достаточно?

— Даже если это подтвердится, — немного помолчав, упрямо продолжал Тальяферро, — можно предположить, что вы вернулись в отель в половине третьего и тут же отправились к Вильерсу, чтобы обсудить какие-то вопросы, связанные с его будущим докладом. Вы нашли дверь открытой или пустили в ход дубликат ключа — это не имеет значения. Главное — вы нашли Вильерса мертвым и, воспользовавшись случаем, засняли рукопись...

— Но если он был уже мертв и не мог никому позвонить, зачем мне тогда понадобилось прятать пленку?

— Чтобы отвести от себя подозрение. Не исключено, что у вас есть второй экземпляр пленки. Кстати, о том, что она засвечена, мы знаем только с ваших слов.

— Хватит! — вмешался Эрт. — Вы выдвинули интересную гипотезу, доктор Тальяферро, но она рассыпается под тяжестью приведенных в ее защиту доказательств...

— Это с вашей точки зрения... — нахмурившись, попытался возразить Тальяферро.

— Это точка зрения каждого, кто обладает способностью к аналитическому мышлению. Неужели вы не заметили, что для преступника Хьюберт Мендел был излишне активен?

— Нет, — сказал Тальяферро.

Уэнделл Эрт мягко улыбнулся.

— Видите ли, доктор Тальяферро, я не сомневаюсь, что в процессе своей научной деятельности вы вряд ли настолько увлекаетесь собственными гипотезами, что начисто отбрасываете противоречащие им факты и логические умозаключения. Очень вас прошу не изменять этому золотому правилу, когда вы выступаете в роли следователя.

А теперь представьте себе, насколько проще была бы стоявшая перед доктором Менделом задача, если б его действия, как вы утверждаете, и впрямь стали причиной смерти Вильерса и он обеспечил себе алиби. Или же, как опять-таки следует из ваших слов, не застав Вильерса в живых, он воспользовался этим в своих интересах. Зачем ему понадобилось бы фотографировать рукопись или приписать это кому-нибудь из вас? Он же мог просто-напросто взять записи и уйти. Кто еще знал об их существовании? Практически никто. У доктора Мендела не было никаких оснований предполагать, что Вильерс рассказал о них еще кому-нибудь. Ведь известно, что он был патологически скрытен.

Никто, кроме доктора Мендела, не знал, что Вильерс собирался делать доклад. О его выступлении не было объявлено, тезисы доклада не опубликованы. Отсюда следует, что доктор Мендел мог без опаски забрать рукопись и спокойно удалиться. Даже если б он узнал, что Вильерс поделился своей тайной с бывшими одноклассниками, что из того? Какими доказательствами располагали его бывшие соученики? На что они могли сослаться, кроме как на слова человека, которого они сами считали душевнобольным?

Однако доктор Мендел поступает иначе. Он заявляет, что бумаги Вильерса уничтожены, он утверждает, что смерть Вильерса нельзя признать в полном смысле слова естественной. Он ищет пленку, на которую была заснята рукопись. Короче, он делает все, чтобы навести на себя подозрение, в то время как единственное, что ему следовало, — это остаться в тени. Если б он и вправду совершил это преступление, а потом выбрал для

себя такую линию поведения, он был бы самым тупым, самым убогомыслящим человеком из всех, кого я знаю. А о докторе Менделе этого никак не скажешь.

При всем желании Тальяферро не мог опровергнуть очевидную справедливость приведенных Эртом аргументов.

— Тогда кто же совершил это преступление? — спросил Райджер.

— Один из вас троих.

— Но кто именно?

— О, для меня этот вопрос давно решен. Я понял, кто из вас виновен, в ту самую минуту, когда доктор Мендел закончил свой рассказ.

Тальяферро с неприязнью взглянул на толстенького специалиста по изучению внеземных форм жизни. Его не испугали последние слова ученого, но они, судя по всему, произвели сильное впечатление на остальных. У Конеса отвисла челюсть, придав его лицу идиотское выражение, а губы Райджера как-то странно вытянулись в ниточку. Оба они стали похожи на рыб.

— Вы наконец скажете, кто это? — спросил Тальяферро.

Эрт сощурился.

— Во-первых, я хочу, чтобы вы уяснили себе, что самое важное сейчас — это открытие Вильерса. Оно еще может быть восстановлено.

— Черт вас дерит, Эрт, что за чушь вы несете? — с раздражением воскликнул Мендел, еще не забывший нанесенной ему обиды.

— Вполне возможно, что этот человек, прежде чем сфотографировать записи, пробежал их взглядом. Сомневаюсь, хватило ли у него времени и присутствия духа прочесть их, а если он даже и успел их просмотреть, вряд ли он что-либо запомнил, во всяком случае сознательно. Но существует зондирование памяти. Если он бросил хоть один взгляд на записи, их можно будет восстановить.

Присутствующие невольно поежились.

— Вы напрасно так боитесь зондирования, — поспешно продолжал Эрт. — Если его проводят по всем правилам, оно совершенно безопасно, особенно когда человек идет на него добровольно. Причиной вредных последствий является внутреннее сопротивление, своего рода духовный отказ подчиниться. Поэтому, если виновный признается сам и добровольно отдаст себя в мои руки...

В тишине слабо освещенной комнаты неожиданно раздался хохот Тальяферро, которого развеселила примитивность этого психологического трюка.

Реакция Тальяферро привела Эрта в замешательство, и он с искренним недоумением воззрился на него поверх очков.

— Я имею достаточное влияние на полицию и могу устроить, чтобы зондирование не стало достоянием гласности, — сказал он.

— Я не виновен! — зло выкрикнул Райджер.

Конес отрицательно мотнул головой.

Тальяферро хранил презрительное молчание.

— Что ж, тогда придется мне самому указать виновного, — вздохнув, произнес Эрт. — Увы, ничего хорошего из этого не получится. Человек будет травмирован, и возникнет много нежелательных осложнений.

Он теснее прижал к животу руки и пошевелил пальцами.

— Доктор Тальяферро сказал, что пленка была положена на наружный выступ подоконника с целью сокрытия и предохранения от возможных повреждений. В этом я с ним совершенно согласен.

— Благодарю вас, — сухо произнес Тальяферро.

— Однако почему кому-то пришло в голову, что это место является столь безопасным тайником? Явись туда полицейские, они бы несомненно нашли пленку. Фактически она была найдена без их помощи. У кого же могла возникнуть мысль, что предмет, хранящийся вне помещения, находится в полной безопасности? Только у человека, жившего долгое время на планете, лишенной атмосферы, и свикшегося с тем, что нельзя выйти из закрытого помещения без тщательной подготовки.

Например, если на Луне спрятать какой-нибудь предмет вне Лунного купола, можно считать, что его вряд ли найдут. Люди там редко выходят наружу, да и то с определенной целью, связанной с их работой. Поэтому человек, живший в условиях Луны, чтобы спрятать пленку, мог преодолеть внутреннее сопротивление и, открыв окно, оказаться лицом к лицу со средой, которую он подсознательно воспринимал бы как безвоздушное пространство. «Если какую-нибудь вещь поместить вне жилого помещения, уже одно это обеспечит ее полную сохранность», — такова суть импульса, заставившего преступника положить пленку за окно.

— Доктор Эрт, почему вы заговорили именно о Луне? — сквозь стиснутые зубы спросил Тальяферро.

— О, я упомянул о Луне только в качестве примера, — добродушно пояснил Эрт. — Все, о чем я говорил до сих пор, в равной мере относится к вам троим. А теперь я перехожу к вопросу об умирающей ночи.

Тальяферро нахмурился:

— Вы имеете в виду ту ночь, когда умер Вильерс?

— Я имею в виду любую ночь. Сейчас я вам объясню. Если даже мы допустим, что наружный выступ подоконника действительно является вполне надежным тайником, то кто из вас мог до такой степени потерять всякое ощущение реальности, чтобы признать его таковым для непроявленной пленки? Хочу

вам напомнить, что пленка, которую используют в наших микрофотоаппаратах, не обладает большой чувствительностью и рассчитана на то, чтобы ее можно было проявлять в самых разнообразных условиях. Всем нам известно, что рассеянное вечернее освещение не может нанести ей серьезных повреждений, однако рассеянный дневной свет погубит ее за минуты, а что касается прямых солнечных лучей, то они засветят ее мгновенно.

— Объясните же наконец, Эрт, к чему вы клоните? — прервал его Мендел.

— Не торопите меня! — обиженно воскликнул Эрт. — Я хочу дать вам возможность как следует во всем разобраться. Самым большим желанием преступника было обеспечить полную сохранность пленки, которая в этот момент стала для него бесценным сокровищем, ведь от нее зависело все его будущее — его вклад в мировую науку. Так почему, спрашивается, он положил пленку туда, где ее неизбежно должно было разрушить утреннее солнце?.. Только потому, что, как ему казалось, солнце никогда не взойдет. Он думал, что ночь, образно говоря, бессмертна.

Но ночи на Земле не бессмертны, они умирают и уступают место дню. Даже полярная ночь, которая тянется шесть месяцев, в конце концов умирает. Ночь на Церере длится всего лишь два часа, ночь на Луне — две недели. Это тоже умирающие ночи, и как доктор Тальяферро, так и доктор Райджер знают, что ночь всегда сменяется днем.

— Погодите... — вскочив, начал было Конес.

Уэнделл Эрт твердо взглянул ему в глаза.

— Ждать больше незачем, доктор Конес. Меркурий является единственным во всей Солнечной системе небесным телом, которое всегда повернуто к Солнцу одной стороной. Три восьмых его поверхности никогда не освещаются Солнцем, и там царит вечный мрак*. Полярная обсерватория расположена как раз на границе теневой части планеты. За десять лет своего пребывания на Меркурии вы, доктор Конес, привыкли считать ночь бессмертной. Вам казалось, что погруженная во тьму поверхность планеты будет оставаться такой вечно. И поэтому вы доверили непроявленную пленку земной ночи, забыв от волнения, что эта ночь обречена на смерть...

— Пойдите... — запинаясь, произнес Конес.

Но Эрт был неумолим.

— Мне сегодня рассказали, что в тот миг, когда доктор Мендел повернул рычаг оконного поляризатора, вы вскрикнули при

* Предлагаемый вниманию читателя рассказ написан в 1956 г., когда еще не были уточнены периоды вращения Меркурия вокруг своей оси и его обращения вокруг Солнца, позже стало известно, что каждая часть поверхности планеты в тот или иной момент времени освещается Солнцем. (Примеч. пер.)

виде солнечного света. Что вас побудило к этому — страх перед меркурианским Солнцем или вы вдруг поняли, как солнечный свет нарушит ваши планы? Вы бросились к окну. Почему? Чтобы вернуть рычаг в исходное положение или чтобы взглянуть на испорченную пленку?

Конес упал на колени.

— Я не хотел этого. Я собирался только поговорить с ним, только поговорить! Но он закричал и потерял сознание. Мне показалось, что он умер. Записи были под подушкой, и все остальное произошло само собой. Одно потянуло за собой другое, и, прежде чем я понял, что делаю, было уже поздно. Клянусь, я не хотел этого.

Они окружили его, а Уэнделл Эрт устремил на рыдающего Конеса взгляд, полный глубокой жалости.

После того как уехала карета «скорой помощи», Тальяферро заставил себя заговорить с Менделом.

— Надеюсь, сэр, то, что было здесь сказано, не посеет между нами вражды, — натянуто произнес он.

— Я думаю, всем нам следует забыть о событиях последних суток, — столь же натянуто ответил Мендел.

Когда они, собираясь уходить, уже стояли в дверях, Уэнделл Эрт, склонив голову набок, с улыбкой произнес:

— Мы еще не уточнили вопрос о моем гонораре

От удивления Мендел лишился дара речи.

— Я не имею в виду деньги, — поспешно сказал Эрт. — Я только хочу, чтобы в будущем, когда сконструируют первый рассчитанный на человека аппарат для телепортации, мне позволили совершить путешествие.

— Но до мгновенного перенесения массы в космос пока очень далеко, — еще окончательно не придя в себя возразил Мендел.

Эрт отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, я не имею в виду космическое путешествие. Мне хотелось бы побывать в Лоуерфоллз, что в Нью-Гемпшире.

— По рукам, Эрт, будет сделано. Но почему вы хотите отправиться именно туда?

Эрт вскинул голову. К своему глубочайшему изумлению, Тальяферро увидел на лице специалиста по изучению внеземных форм жизни смущение.

— Когда-то... довольно давно... я ухаживал там за одной девушкой. С тех пор прошло много лет... Но иногда меня мучает вопрос...

Я В МАРСОПОРТЕ БЕЗ ХИЛЬДЫ

Сначала все шло просто сказочно. Без всяких усилий, само собою. Вообще без моего участия. Я и пальцем не шевельнул — удача сама плыла в руки. Тут-то я и должен был почувать, что добром это не кончится!

Был первый день моего отпуска. Месяц работы — месяц отдыха: все как положено в Галактической безопасности. И этот месяц отдыха, как всегда, начинался тремя днями в Марсопорте. А уж потом была Земля.

Обычно Хильда (благослови ее Бог, она лучшая из всех жен на свете) уже дожидалась меня, и мы славно проводили время, — такая миленькая маленькая прелюдия к отпуску. Все дело лишь в том, что Марсопорт — самое буйное местечко во всей Системе и для миленькой маленькой прелюдии не совсем подходит. Только как втолковать это Хильде?

На сей раз моя теща (Боже, если уж без этого никак не обойтись, благослови и ее) заболела за пару дней до моего прилета на Марс, и в ночь перед посадкой я получил от Хильды космограмму, что она останется на Земле подле своей мамочки и меня не встретит.

Я послал ответ, полный сожалений, любви и озабоченности здоровьем ее обожаемой мамашы, а когда спустился с трапа, оказался.

Я ОКАЗАЛСЯ В МАРСОПОРТЕ БЕЗ ХИЛЬДЫ!

Это еще не все, как вы понимаете. Что-то вроде рамы без картины или женского скелета. В раму просятся линии и краски, на скелет — соблазнительная плоть.

И тогда я решил позвонить Флоре — той самой Флоре, о которой у меня сохранилось несколько замечательных воспоминаний.

I'm in Marsport Without Hilda
© 1957 by Isaac Asimov
Я в Марсопорте без Хильды
© Е Гаркави, перевод, 1992

Решил — и рванул к ближайшему видеофону (к чертям экономии, полный вперед!).

Я прикинул шансы. Десять против одного, что ее не окажется дома, что она занята и отключила аппарат или что она, скажем, вообще умерла.

Но видеофон был включен, она была дома и — о, Великая Галактика! — до того жива, что дух захватывало.

Она была бесподобна. Ни время, ни привычка над дивной новизной ее не властны, как кто-то когда-то сказал.

Уж не знаю, искренним ли был ее восторг, но, увидев меня, она так и взвизгнула.

— Макс! Сколько лет!

— Много, Флора, много. Но это я, и у меня вопрос — к тебе можно? Я в Марсопорте... и, представь себе, без Хильды!

— Вот это да! Приезжай!

Я ошалело вытаращился на экран. Это уж слишком. Понимаете, Флора пользовалась сногшибательным успехом и всегда была занята.

— Ты что... свободна?

— Ну, намечалось тут у меня кое-что. Но, Макс, я все улажу, давай ко мне!

— Еду! — отозвался я с чувством.

Флора — это такая девушка. К тому же у нее в квартире марсианская гравитация — 0,4 земной. Аппаратура для нейтрализации псевдогравитационного поля Марсопорта, конечно, штука дорогая, но она того стоит, а трудностей с оплатой у Флоры никогда не было. Да что там, если вы хоть раз держали в объятиях девушку при 0,4 g, так ничего объяснить не требуется, а если не держали, так и объяснять бесполезно, могу только посочувствовать, что толку рассказывать, как летают в облаках!

Я отключил видеофон — зачем паяться на изображение, если есть возможность увидеть оригинал во плоти, — и шагнул из кабинки.

Вот тут-то, в этот самый момент, на меня и дохнуло катастрофой. Это дуновение приняло мерзкий облик Рога Кринтона из Марсианского управления службы безопасности — лысина, сияющая над блекло-голубыми глазами, тускло-желтая физиономия и непотребного окраса усы. Впрочем, я и не подумал падать на карачки и отбивать ему поклоны. Мой отпуск начался с той самой минутой, как я сошел с корабля.

Так что я поинтересовался вполне вежливо.

— Какого тебе черта? У меня свидание. Я тороплюсь.

— У тебя свидание со мной. Я ждал еще у трапа, — ответил, вал мой плешивый шеф.

— Я тебя не видел.

— Ты вообще ничего не видел.

Он был прав. Если он пытался перехватить меня в шлюзе, так у него голова кружится до сих пор, наверное: я проскочил через камеру быстрее, чем комета Галлея сквозь солнечную корону.

— Ладно. Что тебе от меня нужно?

— Есть тут одно дельце, приятель.

Я выдал ему точную анатомическую характеристику того места, куда он может засунуть свое дельце, и предложил помочь, если он сам не справится.

— У меня отпуск, приятель.

А он мне:

— Готовность номер один, друг мой!

Это могло значить только одно — мой отпуск кончился, не начавшись. Я не поверил. Я взмолился:

— Рог, имей совесть! У меня самого готовность номер один!

— И думать забудь.

— Рог! — взвыл я. — Неужели нельзя вызвать кого-нибудь другого?

— На Марсе ты единственный агент класса А.

— Так запросите с Земли. У них же в штабе куча агентов.

— А нам надо с этим разделаться до двадцати трех ноль-ноль. Да что у тебя — трех часов не найдется?

Он был непробиваем. Оставалось вернуться к видеофону, гордо бросив Рогу через плечо: «Частный разговор!»

Флора снова засияла на экране, словно мираж на астероиде:

— Что-нибудь не так, Макс? Только не вздумай сказать, что не приедешь. Я уже отказалась от приглашения.

— Флора, детка, — сказал я. — Я буду. Я в любом случае буду. Но тут надо кое-что уладить.

Ее не интересовало, что я там собрался улаживать. Она задала самый естественный вопрос. И голос у нее был обиженный.

— Нет никакой другой девушки, — тоскливо ответил я. — В одном с тобой городе не бывает других девушек. Существа женского пола — возможно, но не девушки. Флора, сладость моя, это — работа. Подожди. Совсем недолго!

— Хорошо, — ответила она, но от ее ответа я вздрогнул.

Я выбрался из кабины и вяло поинтересовался:

— Ну, Рог, какую кашу мне предстоит расхлебывать?

Мы пошли в бар космопорта, заняли отдельный кабинет, и Рог Кринтон наконец сказал:

— В восемь по местному времени, то есть через полчаса, с Сириуса прибывает «Гигант Антареса».

— О'кей.

— Среди прочих с него сойдут три человека. Они останутся ждать «Пожирателя пространства», который сядет в одиннадцать

и немного погода уйдет к Капелле. Стоит этой троице ступить на «Пожирателя», как она окажется вне нашей юрисдикции.

— Так.

— Между восемью и одиннадцатью им предстоит сидеть в отдельном зале ожидания, и тебе вместе с ними. У меня с собой голограммы всех троих, так что ты не ошибешься. За это время тебе надо узнать, кто из них везет контрабанду.

— Какую?

— Самую скверную. Измененный спейсолин

— Что?

Все. Нокаут. Я знал, что такое спейсолин. Если вы хоть раз бывали в космосе, вы тоже знаете. И даже если никогда не покидали Земли, все равно знаете. Он необходим для путешествий в Пространстве. Первую дюжину полетов в нем нуждаются почти все, а многие вообще без него не обходятся. Боятся головокружения в невесомости, тошноты, а то и психоза. Спейсолин все это снимает, а привыкания и побочных эффектов не дает. Спейсолин идеален и незаменим.

— Вот именно, — сказал Рог, — обработанный спейсолин. Простейшая химическая реакция в простейших условиях превращает его в препарат, с первого раза делающий человека наркоманом. Эта штука страшнее самых опасных алкалоидов.

— И мы только сейчас об этом узнали?

— Служба знает об этом уже несколько лет. Но прежде удавалось прихлопнуть любое заведение, где додумывались до такого. А сейчас дело зашло слишком далеко.

— Каким образом?

— Один из троих везет с собой немного обработанного спейсолина. Система Капеллы не входит в Федерацию — ее химики легко сделают анализ образца и еще легче его синтезируют. После этого нам останется либо бороться с торговлей самым опасным наркотиком без всяких шансов на успех, либо сразу закрыть лавочку, запретив исходный продукт — спейсолин, — и поставить крест на полетах в Пространстве.

— И кто же из них его везет?

Рог осклабился:

— Да если бы мы это знали, на что бы ты понадобился? Ты и разберешься — кто.

— Ну и работенку ты мне подсунал.

— Смотри не ошибись. Каждый из них — большая шишка на своей планете. Первый — Эдвард Харпонастер, второй — Джоаккин Липски, третий — Анджамо Ферручи. Ну как?

— Он был прав. Я слышал обо всех. Вы, наверное, тоже. И без серьезных улик ни к одному из них не подступиться.

— Неужели кто-то из них связался с такой гадостью? — спросил я.

— Тут пахнет миллиардами, — ответил Рог. — А значит, каждый из них мог связаться. И один связался — Джек Хоук установил это прежде, чем его убили.

— Джека Хоука убили?! — На минуту я забыл о новом наркотике. На минуту я забыл даже о Флоре.

— Да. Именно один из этих типов и организовал убийство. Теперь слушай. Ткнешь в него пальцем до одиннадцати — получишь повышение, прибавку к жалованью, сочтешься за беднягу Джека и в придачу — спасешь всю Галактику. Ошибешься — будет скандал галактических масштабов, а ты вылетишь из Службы и угодишь во все черные списки отсюда до Антареса и дальше.

— А если я ни в кого не ткну?

— Для тебя это ничем не будет отличаться от ошибки, обещаю тебе от лица Службы.

— То есть мне просто снимут голову?

— Снимут и ломтиками нарежут. Наконец-то ты начал меня понимать, Макс.

Рог Кринтон всегда был уродом, но сейчас он выглядел омерзительно даже для уроды. Глядя на него, я утешался только мыслью, что он тоже женат и уж его-то половина круглый год безвылазно торчит в Марсопорте. И он это заслужил. Быть может, я к нему жесток, но он заслужил!

Как только Рог отправился восвояси, я позвонил Флоре.

— Бэби, сладость моя! Есть дело, которое я обязан проверить, но говорить об этом я не имею права. Ты только подожди, а я буду у тебя, даже если мне придется проплыть через весь Большой канал до полярной шапки в одних подштанниках, скрывшись Фобос с неба или разрезать себя на кусочки и послать тебе бандеролью...

— Ха! — сказала она. — Если б я знала, что меня заставят ждать...

Я поморщился. Флора явно не относится к поэтическим натурам. Но когда я поплыву с ней в облаке жасминового аромата при 0,4g, романтика окажется не самым главным...

— Ну подожди чуть-чуть, Флора, — только и сказал я. — Это не займет много времени. Я искуплю свою вину

Я был раздосадован, но не слишком горевал. Рог предоставил мне разбираться, кто из троих — преступник. Дело не стоило выведенного яйца. Оно было настолько простым, что я мог бы сразу вернуть Рога и выложить ему все. Но, собственно, чего ради? Пусть этот умник двигает меня по службе, а не наоборот. Я потрачу на все это пять минут и поеду к Флоре, слегка опоздав, зато с повышением, симпатичным чеком в кармане и слюнявыми поцелуями Службы на щеках.

Весь фокус в том, что большие шишки недолюбливают космические перелеты, предпочитая видеосвязь. А если им так уж

необходимо присутствовать на какой-нибудь суперконференции лично, то они без спейсолина не обходятся. Во-первых, без него они не рискнут лететь, во-вторых, спейсолин дорог, а крупные промышленники любят все дорогое — знаю я их психологию.

Но это относится только к двоим. Тот, третий, что везет контрабанду, не рискнет принять спейсолин даже под страхом подхватить букет неврозоз. Под спейсолиновым кайфом можно не только проболтаться о наркотике, но вообще выпрыгнуть его или отдать по первой просьбе; так что он должен быть в ясном уме. Вот и вся премудрость.

«Гигант Антареса» прибыл точно в восемь. Я принял боевую стойку, готовясь прищемить хвост ядовитой крысе и проводить с миром двух почтенных акул галактического бизнеса.

Первым передо мной предстал Липски. Плотоядные губы, седеющие волосы и внушительные брови. Он глянул сквозь меня и... сел.

— Добрый вечер, сэр! — радушно поздоровался я.

— Вечерняя чашечка кофе панамцев сердца горячи и перебор сердечный, — последовал сонный ответ.

Вот это и есть спейсолин: в мозгах короткое замыкание, а слова сплетаются в немыслимых ассоциациях.

Вторым явился Анджамо Ферручи. Черные усы, длинные и набриолиненные, оливковая кожа, испещренная оспинами. И тоже сел.

— Как путешествие? — поинтересовался я.

— Шестиве под бой часов кукушка куковала, — было мне ответом на этот раз.

— Кукушка путь лет предсказала, — донеслось от Липски.

Я усмехнулся. Значит, остается Харпонастер. Что ж, для него у меня наготове пистолет с хорошей дозой снотворного и магнитные наручники.

В дверях обрисовалась худощавая фигура. Лысый и моложе, чем на голограмме. Харпонастер. И он был напичкан спейсолином под завязку.

— Проклятье! — вырвалось у меня.

— Клятвы выполняют клятвенно клянутся, — заявил Харпонастер.

— Минуты наполнили вазы цветами, — сказал Ферручи.

— Стая в цвету на вишневых ветках, — закончил Липски.

Я смотрел то на одного, то на другого, пока вся эта чушь наконец не стихла.

Я понял, в чем дело. Кто-то из них притворяется. Этот кто-то все продумал и решил, что выдаст себя, если откажется от спейсолина. Он хорошо заплатил врачу, чтобы вместо спейсолина ему впрыснули, скажем, физиологический раствор. А может, придумал еще что-то.

Один из них притворялся. Не так уж и трудно это имитировать. Комики по визиону частенько разыгрывают такие сценки. Вы их наверняка видели.

Тут я впервые спросил себя: «А вдруг это дело окажется мне не по зубам?»

На часах поддевятиго. На карту поставлена моя работа, моя репутация, а заодно и бедная моя голова. Я отложил эту проблему на потом и подумал о Флоре. Она-то вечно ждать не будет. Да что там вечно, она не станет ждать и полчаса!

Интересно, а сможет притворщик и дальше играть со мной в ассоциации, если его подвести вплотную к опасной теме? А, черт, надо попробовать.

— Выключи сонар, котик! — крикнул я в коридор.

— По крышам котики охотятся поодиночке, — с готовностью откликнулся Липски.

— Котики кошки будут котята, — дополнил Ферручи

Харпонастер был совсем краток

— Котята — утята.

Я попытался снова — очень осторожно, ведь, очухавшись, они вспомнят всю эту странную беседу:

— Я думаю, здесь сходятся сотни космических линий...

Это должно было развернуть их извилины в сторону спейсолина.

— Линии по глине или звери к водопою шкуры принесут большую пользу прибыль по лесам...

— Полосатые преступники глину месили...

— Мешали шоколад с жареным картофелем на седле барашка...

Дальше они принялись неразборчиво вторить друг другу. Из всех их откровений я уловил только «карты» и «рты». Негусто.

Я подбросил им еще пару фраз, но ничего не добился. Преступник, кто бы он ни был, хорошо попрактиковался или от природы умел подбирать свободные ассоциации. И он постарался, чтобы слова уводили в сторону. Тем более что все уже понял — и кто я такой, и что мне нужно. Двух других можно не опасаться — этот — ЗНАЕТ. И дразнит меня. Все трое наговорили такого, что могло указывать на вину. «Охотятся поодиночке», «большая прибыль», «преступники». Двое честно несли околесицу, третий забавлялся. Кто? Как найти этого третьего?

Крыса была готова погубить Галактику. Больше того — крыса убила моего друга. Более того — она не пускает меня к Флоре.

Проще всего было бы обыскать их. Двое под спейсолином не пошевелились, не почувствуют ни страха, ни злобы и уж тем более не станут сопротивляться.

Если хоть один из них шевельнется — он попался. Невинные потом все вспомнят. Вспомнят обыск. И устроят грандиозный скандал. Вонь пойдет на всю Галактику. Служба огребет

очередную порцию оплеух, в шуме и неразберихе выплывет секрет обработанного спейсолина — так какого черта?!

Я вздохнул. Один шанс из трех — наткнуться сразу на того, кто нужен. Один из трех — а я не всемогущ.

О, бедная моя голова!

О, Флора!

Я тоскливо посмотрел на часы: четверть десятого. Куда, к чертям, ушло время? И что мне делать?

Метнувшись к ближайшей видеокабине, я позвонил Флоре — немножко поговорить с ней, понимаете, чтобы как-то оживить дела, если их еще можно было оживить. Я говорил себе: «Она не ответит». Я старался подготовить себя к этому. Есть же другие девушки, есть же другие...

Правда, других девушек не было.

Будь Хильда в Марсопорте, мне бы и в голову не пришло связываться с Флорой, но Я БЫЛ В МАРСОПОРТЕ БЕЗ ХИЛЬДЫ и с Флорой уже связался.

Сигнал гудел и гудел, а я все не решался разъединиться.

Ответь! Ответь! И она ответила.

— Это ты? — сказала она.

— Конечно, душа моя. Кто же еще?

— Многие. Те, что не заставляют девушек ждать.

— У меня почти все в ажуре, дорогая. Еще чуть-чуть...

— Что у тебя в ажуре? Опять этот твой пластон?

Господи, при чем тут пластон? Ах да, вспомнил: когда-то меня уговорили лапнуть, что я работаю агентом по сбыту пластоновых изделий. Еще и ночную рубашку пластоновую приволок в доказательство. Чудо, как она в ней смотрелась!

— Слушай, дай мне еще полчаса, — простонал я.

Ее губы задрожали:

— Я тут сию одну...

— Я тебя утешу. — С отчаяния я готов был ринуться в ювелирный магазин, стараясь не вспоминать, что для зоркого глаза Хильды любая прореха в моем банковском счете будет заметнее туманности Конская Голова на фоне Млечного Пути. Вот до чего я дошел.

— У меня было назначено такое классное свидание, и я им пожертвовала, — добавила Флора.

— Ты только сказала, что у тебя кое-что намечалось...

Это было непростительной глупостью.

— Кое-что намечалось?!

Она действительно сказала так. Но упаси вас Бог спорить с женщиной! Можно подумать, я этого не знал.

— Он обещал мне целое состояние на Земле!..

Флора говорила и говорила об этом состоянии на Земле. Не было в Марсопорте девчонки, которая не надеялась бы рано или поздно получить состояние на Земле. Но сосчитать, кому это

удалось, можно по шестым пальцам ваших рук. Я пытался остановить ее. Куда там!

— ...и вот я сижу совсем одна, — закончила она и отключилась.

Она была права. Стоит кому-то проведать, что к ней не пришли, и все будут говорить, что к ней не приходят, а значит — она уже не та. Такой вечер и впрямь может обойтись ей дорого. Я чувствовал себя последним пакостником во всей Галактике.

Когда я возвращался в зал ожидания, часовой у двери отдал мне честь. Я разглядывал трех бизнесменов и меланхолично размышлял, с кого бы я начал, если бы удалось разжиться ордером на их удушение. Пожалуй, с Харпонастера. Так славно обхватить руками его тонкую длинную шею, упираясь большими пальцами в кадык...

При этой вдохновляющей картине у меня вырвалось восторженное «у-мм» — и мои клиенты зашевелились.

Ферручи сказал:

— Ум животных расположен горизонтально, как если видеть многомерный танец...

Длинношей Харпонастер сказал:

— Танец занятие племянниц и по столбам лез кот...

Липски сказал:

— Скот держат в краале деньги в банке...

— Банка пива хорошая вещь...

— Вещи надо беречь...

— Беречь если честь...

— Есть ..

И все.

Они смотрели на меня. Я — на них. У них не было никаких эмоций (во всяком случае, у двоих). У меня — никаких мыслей. А время шло.

Я смотрел на них и думал о Флоре. Мне пришло в голову, что терять, пожалуй, больше нечего, так почему бы...

— Джентльмены, — начал я, — в этом городе живет девушка. Имени ее вам не называю, чтобы не скомпрометировать, но позвольте, джентльмены, вам ее описать...

Так я и сделал. Последние два часа до того меня разгорячили, что вдохновенное описание прелестей Флоры изливалось прямо из глубин моего мужского подсознания. Троица не перебивала. Люди под спейсолином становятся по-своему вежливыми и никогда не перебивают говорящего. Поэтому-то они и изъяснялись по очереди.

Иногда я делал паузы в слабой надежде, что один из них скажет нечто новое.

— Океаны шампанского со взбитыми сливками ..

— Округлых и нежных, как полет в облаках...

— Леопарды насилия с марсианского девичьего флота ..

Они были безнадежны. Я продолжал:

— Эта девушка, джентльмены, снимает квартиру с низкой гравитацией. Вы можете спросить, на что ей низкая гравитация? Позволю себе объяснить вам это, джентльмены...

И уж я постарался, чтобы им ничего не пришлось додумывать. Я им не оставил простора для фантазии. Они, конечно, все это запомнят, но не думаю, чтобы кому-нибудь пришло в голову преследовать меня за это: уж скорее начнут разыскивать, чтобы спросить телефончик...

Я расписывал им все в мельчайших подробностях с тщательностью и любовной тоской в голосе, пока динамик не объявил о прибытии «Пожирателя пространства».

— Вставайте, джентльмены, — сказал я громко. — К тебе, убийца, это не относится!

Мои магнитные наручники защелкнулись на запястьях Ферручи прежде, чем я закончил фразу.

Ферручи отбивался, как дьявол. Он-то не был под спейсолином. Обработанный спейсолин нашли в плоских пластиковых пакетиках, прикрепленных к внутренней стороне бедер. На вид они не отличались от кожи, их можно было только нащупать. А для того чтобы окончательно убедиться в их содержимом, оказалось достаточно простого ножа.

...Потом Рог Кринтон, сияющий, одуревший от радости, взял меня за лацкан мертвой хваткой:

— Как ты это сделал? Чем он себя выдал?

— Один из них только притворялся наспейсолинным, — объяснил я, безуспешно пытаясь высвободиться. — Так я им рассказал (тут я придержал язык: детали его, знаете ли, не касались), ну, об одной знакомой. Двое, напичканные спейсолином, никак не отреагировали. А у Ферручи дыхание участилось, на лбу выступила испарина. Ну а раз мой увлекательный рассказ его пробрал, значит, он не принимал спейсолина. Теперь ты меня отпустишь?

Он отпустил, и я чуть не сел на пол.

Я так нацелился исчезнуть, что ноги несли меня прочь, но я все-таки заставил себя обернуться.

— Эй, Рог, — поинтересовался я, — не мог бы ты мне черкнуть чек кредитов этак на тысячу? Без занесения на мой счет... За службу, сослуженную Службе?

Тут я убедился, что он действительно не в себе от радости и очень своевременной благодарности. Скупердяй Рог Кринтон вдруг выпалил:

— Конечно, Макс, конечно. Десять тысяч, если хочешь!

— Хочу, — ответил я. — Еще как хочу.

Он заполнил официальный чек Службы на 10 000 кредитов — деньги лучшего сорта в доброй половине Галактики. Вручая его,

он широко улыбался, и можете быть уверены, что я улыбался еще шире.

Как он собирался отчитываться за этот чек — его дело. Главное, я не должен был отчитываться перед Хильдой!

В который раз я стоял в кабине видеофона и звонил Флоре. Мне нельзя было рисковать полчасом на дорогу. За эти полчаса она вполне могла подцепить кого-нибудь, если уже не подцепила. Хоть бы она ответила, хоть бы она...

Она ответила, но к долгому разговору была не расположена. Судя по всему, я застал ее в последнюю минуту.

— Я ухожу, — заявила она. — На свете есть еще порядочные мужчины. А тебя я не желаю больше видеть! И я буду вам очень признательна, мистер Как-вас-там, если вы отключитесь от моего аппарата и не станете поганить его своей...

Я молчал. Стоял, затаив дыхание и держа чек так, чтобы он был ей виден. Просто стоял и просто держал чек.

На слове «поганить» она его заметила. Флора вообще редко что-нибудь читала, но слова «десять тысяч кредитов» умела прочесть быстрее самого башковитого ученого в Солнечной системе.

Она ахнула:

— Макс! Это мне?!

— Все тебе, детка. Я же говорил, что мне надо проверить небольшое дельце. Хотел сделать тебе сюрприз.

— Ой, Макс, какой ты милый! Я никуда не собиралась, просто пошутила. Приезжай! — Она сняла жакет.

— А как насчет твоего свидания? — поинтересовался я.

— Я же сказала, что пошутила, — промурлыкала она. Жакет соскользнул на пол, и пальцы Флоры взялись за брошь, составившую большую часть ее блузки.

— Еду, — сказал я слабым голосом.

— Со всеми этими кредитами? — иронично добавила она. — Не растрять же по пути?

— Со всеми до единого, — ответил я и вывалился из кабины. Теперь все. Теперь уже все.

Кто-то окликнул меня. И этот кто-то бежал ко мне.

— Макс! Макс! Рог Кринтон сказал, что ты еще здесь. Маме уже лучше, и я взяла билет на «Пожирателя пространства». А что это за десять тысяч?

Я застыл.

— Здравствуй, Хильда, — сказал я, не оборачиваясь.

Только потом я обернулся и сделал самое трудное за всю свою злосчастную службу в Космосе.

Я ей улыбнулся.

СЕРДОБОЛЬНЫЕ СТЕРВЯТНИКИ

Прошло пятнадцать лет, а харриане все еще не покинули своей базы на обратной стороне Луны. Это было просто неслыханно! Невероятно! Ни один харрианин и представить себе не мог такой провоочки. Специальные отряды находились в состоянии боевой готовности уже целых пятнадцать лет! Они были готовы устремиться вниз сквозь радиоактивные облака и спасти то, что еще возможно для тех немногих, кто уцелеет... Разумеется, за приличное вознаграждение.

Но планета совершила уже пятнадцать оборотов вокруг своего Солнца, а ее спутник всякий раз делал без малого тринадцать кругов, и за все это время атомная война так и не началась!

Крупные мыслящие приматы, обитатели этой планеты, то тут то там производили атомные взрывы. Стратосфера была до предела насыщена радиоактивными продуктами распада. А войны все нет и нет!

Девушка Ен горячо надеялась, что ему пришлют замену. Он был четвертым по счету капитаном, возглавлявшим эту колонизаторскую экспедицию (если ее все еще можно было так назвать после пятнадцати лет бесплодного ожидания), и весьма приветствовал бы появление пятого. Поскольку с родины, из Харрии, должен был прибыть Главный инспектор, чтобы лично ознакомиться с положением, ждать оставалось недолго. И прекрасно!

Девушка Ен стояла на Луне, облаченный в скафандр, и думал о Харрии. Его длинные тонкие руки беспокойно двигались, словно стремились, следуя зову далеких предков, ухватиться за ветви деревьев. Ростом он был не более метра. Сквозь прозрачную пластину в передней части шлема можно было видеть черное сморщенное лицо с мясистым подвижным носом. Маленькая борода кисточкой по контрасту с лицом казалась белоснежной.

The Gentle Vultures

© 1957 by Isaac Asimov

Сердобольные стервятники

© Г. Островская, перевод, 1965

Сзади, немного ниже пояса, в костюме был мешочек, в котором с удобством покоился короткий, похожий на обрубок хвост.

Девии Ен, естественно, не видел в своей наружности ничего необыкновенного, хотя прекрасно знал, что харриане отличаются от прочих мыслящих существ, населяющих Галактику. Только одни харриане так малы ростом, только у них есть хвост, только они не употребляют в пищу мяса... только они одни избежали неотвратимой атомной войны, которая приносила гибель прочим разновидностям мыслящих особей.

Он стоял на дне низины, похожей на чашу (будь она меньше, на Харрии ее называли бы кратером); она простиралась так далеко, что обрамлявшая ее кольцом высокая гряда терялась за горизонтом. У южного края кольца, лучше всего защищенного от прямых лучей солнца, вырос город. Сначала это, понятно, был лишь временный лагерь, но позднее туда привезли женщин, и появились дети. Теперь здесь были школы, и сложные гидропонные установки, и огромные резервуары, наполненные водой, — словом, все, что полагается иметь городу на спутнике, лишенном атмосферы.

Просто смехотворно! Целый город — и только потому, что какая-то там планета не желает начинать атомную войну, хотя и владеет атомным оружием!

Главный инспектор — его ждали с минуты на минуту, — несомненно, сразу же задаст вопрос, который и сам Деви Ен задавал себе несчетное множество раз.

Почему же все-таки нет атомной войны?

Девии Ен обернулся и стал смотреть, как огромные неуклюжие маувы готовят посадочную площадку, разравнивая почву и покрывая ее слоем керамической массы, которая должна максимально поглотить реактивную отдачу гиператомного поля и избавить от неприятных ощущений пассажиров межзвездного корабля.

Даже скафандры не могли скрыть силы, которую словно источало все существо маувов, но это была чисто физическая сила. Рядом с ними виднелась маленькая фигурка харрианина, отдававшего приказание, и маувы послушно повиновались. А как же иначе?

Раса маувов, единственная из всех крупных мыслящих приматов, платила Харрии самую необычную дань, посылая вместо материальных ценностей определенное число обитателей своей планеты. Это была удивительно выгодная дань, во многих отношениях лучше, чем сталь, алюминий или лекарственные препараты.

Радиотелефон в шлеме Деви Ена вдруг ожил.

— Корабль показался, капитан, — донеслось до него. — Он идет меньше чем через час.

— Отлично, — сказал Деви Ен. — Пусть мне приготовят машину. Я поеду, как только начнется посадка.

Однако ему вовсе не казалось, что все идет отлично.

Главный инспектор прибыл в сопровождении свиты из пяти маувов. Они вошли вместе с ним в город, два по бокам, три следом. Помогли ему снять скафандр, затем разоблачились сами.

Их тела, на которых почти не росли волосы, крупные лица с грубыми чертами, широкие носы и плоские скулы отталкивали своим уродством, но не внушали страха. Они были в два раза выше харриан и чуть не в три раза массивнее, но глаза их смотрели безучастно, и весь их вид, когда они стояли, слегка склонив мускулистые шеи и апатично уронив тяжелые руки, выражал покорность.

Главный инспектор отпустил маувов, и они один за другим вышли из комнаты. Ему, конечно, вовсе не нужна была охрана, но его положение требовало свиты из пяти маувов, и говорить тут было не о чем.

Ни во время бесконечного приветственного ритуала, ни во время еды Главный инспектор ничего не спрашивал о делах. Лишь когда настало время, куда более подходящее для сна, потерев пальцами бородку, он спросил:

— Сколько нам еще ждать, капитан?

Он был, по-видимому, очень стар. Шерсть у него на руках почти вся поседела, а длинные пучки волос у локтей стали такими же белыми, как борода.

— Не могу сказать, Ваше главенство, — смиренно проговорил Деви Ен. — Они сошли с обычного пути.

— Это само собой очевидно. Нас интересует, почему именно они сошли с обычного пути. Совету ясно, что в своих донесениях вы пишете меньше того, что знаете. Вы разводите теории, но не даете никаких фактов. Нам, в Харрии, все это надоело. Если вам что-либо известно, сейчас настало время сообщить об этом.

— Тут, Ваше главенство, трудно говорить наверняка. Мы ведь впервые имеем возможность наблюдать за планетой в течение такого долгого периода. До самого последнего времени не обращалось должного внимания на то, что там происходит. Из года в год мы ждали, что атомная война вот-вот начнется, и, только когда командование принял я, мы стали более внимательно приглядываться к обитателям планеты. Хотя в одном длительном ожидании пошло нам на пользу — мы изучили несколько их основных языков.

— Как? Даже не спускаясь на планету?

Деви Ен объяснил:

— Наши корабли, проникавшие в атмосферу планеты для наблюдений, записывали радиосигналы. Особенно в первые годы. Я дал их для расшифровки лингвистическим вычислительным машинам и весь этот год потратил на то, что пытался разобраться в их смысле.

Главный инспектор слегка поднял брови. Этого было более чем достаточно, чтобы показать, до какой степени он изумлен.

— И то, что вы узнали, представляет какой-нибудь интерес?

— Возможно, Ваше главенство, но сведения, которые мне удалось получить, настолько странны, а материал, из которого они извлечены, так ненадежен, что я не решался писать обо всем этом в своих официальных донесениях.

Главный инспектор понял:

— Надеюсь, вы сочтете возможным изложить свои взгляды неофициально... мне? — немного натянуто произнес он.

— Буду рад это сделать, — тут же ответил Деви Ен. — Обитатели этой планеты, как мы и предполагали, относятся к крупным приматам. Им в полной мере присущ захватнический инстинкт.

Главный инспектор облегченно вздохнул и быстро облизал языком нос.

— Я почему-то вообразил, что они лишены этого инстинкта, и поэтому... но продолжайте, продолжайте.

— Нет, захватнический инстинкт развит у них как раз очень сильно, — заверил его Деви Ен, — куда сильнее даже, чем свойственно обычным крупным приматам.

— Почему же это не привело к должным последствиям?

— Привело, Ваше главенство, но не до конца. Как всегда, после длительного инкубационного периода у них началось развитие техники, и обычные у крупных приматов побоища превратились в поистине катастрофические войны. В конце последней войны, охватившей всю планету, у них было изобретено атомное оружие, и войны сразу же прекратились.

Главный инспектор кивнул:

— А дальше?

— Вскоре после этого, — продолжал Деви Ен, — должна была вспыхнуть новая война; атомное оружие стало более смертоносным и все же было бы пущено в ход, как это водится у крупных приматов; в результате планета погибла бы, а из всего населения осталась бы горстка умирающих от голода особей.

— Совершенно верно. Но этого не произошло. Почему?

— Нужно учесть одно обстоятельство, — заметил Деви Ен. — Мне кажется, когда у этих крупных приматов начала развиваться техника, ее развитие пошло необычайно быстро.

— Ну и что же? — возразил собеседник. — Тем скорее они изобрели атомное оружие.

— Верно. Но по окончании самой последней всепланетной войны они продолжали совершенствовать атомное оружие с

поразительной быстротой. В том-то и беда. Смертоносный потенциал возрос прежде, чем представился случай начать военные действия, а сейчас он достиг такого уровня, что даже эти крупные приматы не рискуют развязать войну.

Главный инспектор широко раскрыл маленькие черные глазки.

— Ерунда! Одаренность этих особей в области техники ничего не может изменить. Военная наука развивается быстро только во время войны.

— По-видимому, данные приматы — исключение из общего правила. Но дело не в том, — они, судя по всему, все-таки ведут войну. Не настоящую войну, но все-таки войну.

— Не настоящую войну, но все-таки войну, — недоуменно повторил инспектор. — Что это значит?

— Я не могу сказать наверняка, — Деви Ен раздраженно пошел носом. — Именно в этом пункте мои попытки извлечь смысл из отрывочных материалов, которые нам удалось собрать, оказались наименее успешными. То, что происходит на этой планете, называется «холодной войной». Какова бы ни была сущность этой странной войны, она в бешеном темпе подгоняет жителей планеты вперед, к новым изысканиям, и вместе с тем не приводит к окончательной катастрофе.

— Немыслимо! — воскликнул Главный инспектор.

— Вон она, планета, — возразил Деви Ен. — А мы все здесь. Мы ждем уже пятнадцать лет.

Главный инспектор поднял длинные руки и, скрестив их за головой, опустил себе на плечи.

— Тогда нам остается только одно. Совет предусмотрел, что планета могла застрять на мертвой точке в состоянии неустойчивого мира, от которого только один шаг до атомной войны. Нечто вроде того, о чем говорите вы, хотя никому, кроме вас, пока не удалось предложить сколько-нибудь разумного объяснения. Но мы не можем этого допустить.

— Не можем, Ваше главенство?

— Да. — Казалось, каждое слово причиняет инспектору боль. — Чем дольше данные приматы будут находиться на этой мертвой точке, тем больше вероятность того, что они раскроют тайну межзвездных полетов и со всем присущим им стремлением к захватничеству проникнут в Галактику. Ясно?

— Что из этого следует?

Главный инспектор крепко стиснул голову руками, словно боясь услышать то, что сам сейчас произнесет. Голос его звучал приглушенно.

— Поскольку равновесие, в котором они находятся, неустойчиво, мы должны их слегка подтолкнуть. Да, капитан, слегка подтолкнуть!

Желудок Деви Ена конвульсивно сжался, он вдруг снова ощутил во рту вкус съеденного обеда.

— Подтолкнуть их, Ваше главенство? — Он отказывался принимать.

Но Главный инспектор был беспощаден.

— Мы должны помочь им начать атомную войну. — Его, видимо, так же мучило от этой мысли, как и Деви Ена. Он прошептал: — Мы должны.

У Деви Ена чуть не отнялся язык. Он проговорил еле слышно:

— Но как это сделать, Ваше главенство?

— Не знаю... И не глядите на меня так. Это не мое решение. Это решение Совета. Вы сами должны понять, что грозит Галактике, если крупные мыслящие приматы проникнут в космос во всей своей силе, не укрощенные атомной войной.

Деви Ен содрогнулся. Крупные приматы на просторах Галактики! Но он продолжал допытываться:

— А как начинают атомную войну? Как это делается?

— Не знаю, говорю вам. Но какой-нибудь способ должен быть. Ну, к примеру, м-м, направим им послание или, м-м, напустим туч и вызовем ураган. Мы могли бы многого добиться, воздействуя на метеорологические условия планеты.

— Да разве из-за этого вспыхнет война? — спросил Деви Ен, которому слова Главного инспектора показались не очень убедительными.

— Возможно, что и не вспыхнет. Я привел все это в качестве примера. Но крупные приматы должны сами знать. В конце концов, именно они развязывают атомные войны. Инстинкт взаимоистребления у них в крови... Учитывая все это, Совет и принял решение.

Деви Ен почувствовал, что его хвост начал медленно и почти бесшумно постукивать по стулу. Попытался взять себя в руки, но безуспешно.

— Какое же решение, Ваше главенство?

— Увести одного крупного примата с планеты. Похитить его.

— Дикого?

— Других в настоящее время на планете не водится. Конечно, дикого.

— А что он, думаете, нам скажет?

— Это не имеет значения. Важно, чтобы он вообще о чем-нибудь говорил, безразлично о чем; психоанализаторы ответят на интересующий нас вопрос.

Деви Ен как можно глубже втянул голову в плечи. От отвращения он весь покрылся гусиной кожей. Дикий крупный примат! Он постарался представить себе, как должна выглядеть особь, которой не коснулись ошеломляющие последствия атомной войны и не затронуло цивилизующее воздействие харрианской евгеники.

Главный инспектор и не пытался скрыть, что разделяет отчуждение Деви Ена, но, несмотря на это, сказал:

— Вам придется возглавить экспедицию на планету, капитан. Это делается ради блага Галактики.

Деви Ен много раз видел планету, но всегда, как только космический корабль огибал Луну и этот мир открывался его взору, Деви Ена захлестывала волна невыносимой тоски по родине.

Это была прекрасная планета, очень похожая на Харрию по размерам и природным условиям, но более дикая и величественная. Ее вид, после пустынных пейзажей Луны, разил в самое сердце.

«Сколько еще планет, подобных этой, занесено в реестры владений Харрии! — думал Деви Ен. — Сколько планет, на которых после тщательного наблюдения обнаруживали последовательную смену окраски, что могло быть объяснено лишь искусственным разведением пригодных в пищу растений! Сколько еще раз в будущем мы столкнемся с тем, что в один прекрасный день радиоактивность в атмосфере какой-нибудь из этих планет начнет повышаться и туда потребуются немедленно послать колонизационные отряды... Так же как в свое время они были посланы к этой планете».

Самонадеянность, с которой поначалу действовали харриане, была просто трогательной. Деви Ен смеялся бы, читая первые донесения, не окажись он сам в той же ловушке. Чтобы собрать географические данные и установить местонахождение населенных пунктов, корабли-разведчики харриан спускались чуть ли не на самую планету. Их, конечно, заметили, но какое это имело значение? В самом ближайшем будущем, думали харриане, произойдет окончательный взрыв.

В самом ближайшем будущем... но годы шли, а взрыва все не было, и корабли-разведчики решили, что не мешает, пожалуй, быть поосторожней. Один за другим они вернулись обратно на базу.

Корабль Деви Ена сейчас тоже соблюдал осторожность. Команда волновалась, ей не по душе было полученное задание. Как ни уверял Деви Ен, что крупному примату не причинят никакого вреда, она не успокаивалась. Во всяком случае, нельзя было торопить события. Несколько дней подряд корабль парил на высоте шестнадцати километров, нарочно выбрав уединенное, дикое холмистое место, — и команда волновалась все больше; только флегматичные маувы, как всегда, сохраняли спокойствие.

Наконец в поле зрения телескопа показался крупный примат. В руке у него была длинная палка, на верхней части задней стороны туловища — какая-то ноша.

Они спустились бесшумно, со сверхзвуковой скоростью. Деви Ен сам, хотя тело его покрылось мурашками, сидел у рычагов управления. В момент похищения крупный примат произнес две фразы, тут же зафиксированные для дальнейшего психоанализа. Первая, сказанная в тот миг, когда он увидел корабль харриан чуть ли не у себя над головой, была схвачена телемикрофоном направленного действия. Вот как она звучала: «Боже! Летящее блюдо!»

Деви Ен понял все, кроме первого слова. Так крупные приматы обычно называли корабли харриан в первые годы их пребывания на Луне, когда они легкомысленно спускались к самой планете.

Вторую фразу он произнес, когда его вталкивали в корабль, — хотя дикарь яростно сопротивлялся, он был беспомощен в железных руках невозмутимых маувов.

Когда Деви Ен, тяжело дыша, подрагивая от возбуждения мясистым носом, сделал несколько шагов ему навстречу, крупный примат (его морда, отталкивающе безволосая, лоснилась от каких-то жидких выделений) воскликнул: «Разрази меня гром, обезьяна!»

Тут Деви Ен понял только последнее слово. «Обезьяна» — так называли мелких приматов на одном из основных языков планеты.

С диким приматом почти невозможно было сладить. Требовалось безграничное терпение, чтобы заставить его слушать разумные речи. Вначале он находился в совершенно невменяемом состоянии. Он сразу понял, что его увозят с Земли, и, к удивлению Деви Ена, вовсе не желал рассматривать это как увлекательное приключение. Напротив, он только и говорил, что о своем детеныше и самке.

(«У них тоже есть жены и дети, — сочувственно подумал Деви Ен, — и хоть они и крупные приматы, а семью по-своему любят».)

Прежде всего надо было довести до его сознания, что маувы, которые сторожили его и в случае необходимости сдерживали его дикие вспышки, вовсе не хотят нанести ему увечье и что вообще ему никоим образом не будет причинено зло.

(Деви Ена приводила в содрогание сама мысль о том, что одно разумное существо может учинить насилие над другим. Обсуждать этот вопрос с приматом было крайне трудно, так как, чтобы отрицать эту возможность, Деви Ен должен был на какое-то мгновение допустить ее, а обитатель планеты даже к минут-

ному колебанию относился с величайшим недоверием. Так уж были устроены крупные приматы.)

На пятый день дикарь, возможно, просто от усталости, довольно долго оставался спокойным. Они беседовали с Деви Еном в его личном кабинете, и вдруг он снова впал в бешенство, когда Деви Ен впервые упомянул как о чем-то само собой разумеющемся, что харриане ждут начала атомной войны.

— Ждете?! — воскликнул дикарь. — А почему вы так уверены, что она обязательно будет?

Деви Ен вовсе не был в этом уверен, но ответил:

— Атомная война происходит всегда. Наша цель — помочь вам после нее.

— Помочь вам после нее! — изо рта примата стали вылетать бессвязные звуки; он принялся дико размахивать руками, и маувам, стоящим по обеим сторонам, пришлось осторожно связать его — в который уж раз! — и вывести из комнаты.

Деви Ен вздохнул. Крупный примат наговорил уже достаточно много; возможно, психоанализаторы извлекут из этого какую-нибудь пользу. Сам Деви Ен не видел в словах дикаря никакого смысла.

А примат понемногу хирел. На теле его почти не было растительности; это не удавалось обнаружить раньше, при наблюдении с далекого расстояния, так как приматы носили искусственные шкуры, то ли для тепла, то ли из бессознательного отвращения к безволосой коже. (Интересно было бы побеседовать с ним на эту тему; психоанализаторам ведь безразлично, о чем идет разговор.)

А на лице примата, как это ни странно, стали прорастать волосы; в большем количестве даже, чем у харриан, и более темного цвета.

Но главное — с каждым днем он все больше хирел. Он исхудал, так как почти ничего не брал в рот, и дальнейшее пребывание на корабле могло пагубно отразиться на его здоровье. Деви Ену вовсе не хотелось, чтобы это лежало у него на совести.

На следующий день примат казался вполне спокойным. Чуть ли не сразу сам перевел разговор на атомную войну. («Видимо, вопрос этот имеет для крупных приматов особую притягательную силу», — подумал Деви Ен.)

— Вы упомянули, — начал дикарь, — что атомные войны неизбежны. Значит ли это, что существуют другие мыслящие существа, кроме вас, нас и... их? — Он указал на стоящих неподалеку маувов.

— Существуют тысячи разновидностей мыслящих существ, живущих на тысячах различных миров. Много тысяч, — пояснил Деви Ен.

— И у всех бывают атомные войны?

— У всех, кто достиг определенного уровня развития техники. У всех, кроме нас. Мы иные. Мы лишены захватнического инстинкта. Нам присущ инстинкт сотрудничества.

— Вы хотите сказать, что знаете об угрозе атомной войны и все же сидите сложа руки?

— Как это сидим сложа руки? — обиделся Деви Эн. — Мы стараемся помочь. На заре нашей истории, когда только начали осваивать космос, мы еще не понимали природы крупных приматов. Они отвергали все наши попытки завязать с ними дружбу, и в конце концов мы отступились. Затем мы обнаружили миры, лежащие в радиоактивных руинах. И наконец натолкнулись на планету, где атомная война была в разгаре. Мы пришли в ужас, но ничего не могли сделать. Мало-помалу мы становились умнее, и теперь, когда находим какой-нибудь мир в стадии овладения атомной энергией, у нас все наготове — и спасательное противорадиоактивное снаряжение, и генетикоанализаторы.

— Что такое генетикоанализаторы?

При беседе с крупным приматом Деви Эн строил фразы по законам его языка. Он сказал, осторожно выбирая слова:

— Мы держим под своим контролем спаривание и производим стерилизацию, чтобы, насколько возможно, вытравить захватнический инстинкт у немногих оставшихся в живых после атомного взрыва.

Какую-то секунду Деви Эн думал, что дикарь снова взбесится.

Однако тот лишь произнес сдавленным голосом:

— Вы хотите сказать, что делаете их покорными вам вроде этих? — Он снова указал на маувов.

— Нет, нет. С этими другое дело. Мы просто хотим, чтобы уцелевшие после войны не стремились к захватам и жили в мире и согласии под нашим руководством. Без нас они сами себя уничтожали и снова дошли бы до самоуничтожения.

— А что это дает вам?

Деви Эн в сомнении посмотрел на дикаря. Неужели ему надо объяснять, в чем состоит главное наслаждение в жизни? Он спросил:

— А разве вам неприятно оказывать другим помощь?

— Бросьте. Не об этом речь. Какую выгоду из этой помощи извлекаете вы?

— Ну, понятно, Харрия получает определенную контрибуцию.

— Ха-ха!

— Разве получить плату за спасение целого биологического рода несправедливо? — запротестовал Деви Эн. — Кроме того, мы должны покрывать издержки.

Контрибуция невелика и соответствует природным условиям каждого данного мира. С одной планеты, к примеру, мы ежегодно получаем запас леса, с другой — марганцевые руды. Мир этих маувов беден природными ресурсами, и они сами предлагали нам поставлять определенное число своих жителей для услуг, — они очень сильны физически даже для крупных приматов. Мы безболезненно вводим им определенные антицеребральные препараты, чтобы...

— Чтобы сделать из них кретинов!

Деви Эн догадался, что значит слово, и сказал с негодованием:

— Ничего подобного. Просто для того, чтобы они не тяготились своей ролью слуг и не скучали по дому. Мы хотим, чтобы они были счастливы, — ведь они разумные существа.

— А как бы вы поступили с Землей, если бы произошла война?

— У нас было пятнадцать лет, чтобы решить это. Ваш мир богат железом, и у вас хорошо развита технология производства стали. Я думаю, вы платили бы свою контрибуцию сталью. — Он вздохнул. — Но в данном случае, мне кажется, контрибуция не покрывает издержек. Мы пересидели здесь по крайней мере десять лишних лет.

— И сколько народов вы облагаете таким налогом? — спросил примат.

— Не знаю точно, но наверняка не меньше тысячи.

— Значит, вы — маленькие повелители Галактики, да? Тысячи миров доводят себя до гибели, чтобы способствовать вашему благоденствию. Но вас можно назвать и иначе... — Дикарь пронзительно закричал: — Вы — стервятники!

— Стервятники? — переспросил Деви Эн, стараясь соотнести это слово с чем-нибудь знакомым.

— Пожиратели падали. Птицы, живущие в пустыне, которые ждут, пока какая-нибудь несчастная тварь не погибнет от жажды, а потом опускаются и пожирают ее.

От нарисованной картины Деви Эн чуть не стало худо, к горлу подступила тошнота.

— Нет, нет, мы помогаем всему живому, — едва слышно прошептал он.

— Вы, как стервятники, ждете, пока разразится война. Если хотите помочь — предотвратите войну. Не спасайте горсточку выживших. Спасите всех.

Хвост у Деви Эна задергался от внезапного волнения.

— А как предотвратить войну? Вы можете сказать мне это? (Что такое предотвращение войны, как не противоположность развязыванию войны? Чтобы узнать одно, необходимо понять другое.)

Но дикарь медлил. Наконец неуверенно сказал:

— Высадитесь на планету. Объясните положение вещей.

Деву Ен почувствовал острое разочарование. Из этого много не извлечешь. К тому же...

— Приземлитесь среди вас? — воскликнул он. — Об этом не может быть и речи.

При мысли о том, что он вдруг очутится среди миллионов неприрученных крупных приматов, по телу его пробежала дрожь.

Возможно, отвращение так ясно отразилось на физиономии Деву Ена, что, несмотря на разделявший их биологический барьер, дикарь понял это. Он попытался кинуться на харрианина, но был буквально пойман в воздухе одним из маувов, которому стоило лишь чуть-чуть напрячь мускулы, чтобы сделать дикаря недвижимым.

Однако он успел крикнуть:

— Так сидите и ждите. Стервятник! Стервятник!

Прошло немало дней, прежде чем Деву Ен смог заставить себя вновь повиноваться дикаря.

Он чуть было не забыл проявить должную почтительность по отношению к Главному инспектору, когда тот потребовал дополнительных данных, необходимых для полного анализа психики диких крупных приматов.

— Я не сомневаюсь, — осмелился сказать Деву Ен, — что материала для ответа на наш вопрос более чем достаточно.

Нос Главного инспектора задергался; он задумчиво облизал его розовым языком.

— Для приблизительного ответа, возможно, да, но я не могу полагаться на такой ответ. Мы имеем дело с очень своеобразным видом крупных приматов. Это мы знаем. И не можем позволить себе ошибаться... Ясно одно: мы случайно напали на дикаря с высоким уровнем умственного развития. Если... если только это не норма для данной разновидности. — Мысль эта, видимо, привела Главного инспектора в расстройство.

Деву Ен заметил:

— Дикарь нарисовал мне ужасную картину... этот... эта птица... этот...

— Стервятник, — подсказал Главный инспектор.

— Если так рассуждать, вся наша миссия здесь предстает в совершенно ложном свете. С тех пор я почти ничего не ем и не сплю. Боюсь, мне придется просить отставки.

— Не раньше, чем мы окончим дело, которое на нас возложено, — твердо заявил Главный инспектор. — Полагаете, мне доставляет удовольствие думать об этом... этом пожирателе пад... Вы должны, вы обязаны получить больше данных.

Деву Ен кивнул. Он все прекрасно понимал. Главному инспектору, как и любому другому харрианину, не очень-то улыбалась мысль искусственно развязать атомную войну. Вот он и оттягивал решение, насколько возможно.

Деву Ен свылся с мыслью, что он должен еще раз увидеть крупного примата. Свидание это оказалось совершенно невыносимым и было последним.

На щеке дикаря красовался кровоподтек, словно он снова сопротивлялся маувам. Так оно и было. Он делал это бесчисленное множество раз, и как ни старались маувы не причинять ему вреда, время от времени они случайно задевали его. Казалось бы, видя, как его оберегают, дикарь должен был утихомириться. А вместо этого уверенность в своей безопасности словно толкала его на дальнейшее сопротивление.

«Эти крупные приматы злы, злы», — печально думал Деву Ен. Больше часа разговор вертелся вокруг малоинтересных предметов, и вдруг дикарь произнес воинственным тоном:

— Сколько времени, говорите, вы, макаки, пробьете здесь?

— Пятнадцать лет по вашему календарю.

— Подходит. Первые летающие блюдца были замечены сразу после второй мировой войны. Сколько еще осталось до атомной?

Деву Ен машинально сказал правду:

— Мы бы и сами хотели это знать... — и вдруг остановился.

Дикарь произнес:

— Я думал, атомная война неизбежна. В прошлый раз вы сказали, что ждете лишних десять лет. Значит, вы уже десять лет назад надеялись, что война начнется?

— Я не могу обсуждать с вами этот вопрос.

— Да? — дикарь снова кричал. — Что же вы намерены предпринять? Сколько вы еще будете дожидаться? А почему бы вам не ускорить события? Вы не ждите, стервятник, вы сами начинайте войну.

Деву Ен вскочил на ноги.

— Что вы сказали?

— А почему же тогда вы еще здесь, чертовы... — он проглотил совершенно непонятное Деву Ену бранное слово, затем продолжал: — Разве не так поступают стервятники, когда несчастное животное, а иногда и человек никак не могут расстаться с жизнью? Им некогда мешкать. Они кружат над своей жертвой и выклевывают у нее глаза. Они дожидаются, пока она окончательно не обессилит, а потом помогают ей побыстрее сделать последний шаг.

Деву Ен приказал немедленно увести его, а сам удалился в свою спальню. Его мучило. Всю ночь он не спал. В ушах у него

пронзительно звучало слово «стервятник», а перед глазами неотступно стояла нарисованная приматом картина.

— Ваше главенство, — твердо сказал Деви Ен, — я больше не могу иметь дело с дикарем. Если вам нужна еще информация, обратитесь к кому-нибудь другому.

Главный инспектор заметно осунулся.

— Я знаю. Вся эта история насчет стервятников... Ее трудно переварить. А ему, вы заметили, хоть бы что. Для крупных приматов все это в порядке вещей. Они бесчувственны, бессердечны. Таков, видно, склад их ума. Ужасно!

— Я больше не могу представлять вам данные.

— Успокойтесь. Я вас понимаю... Кроме того, все дополнительные данные только подкрепляют первоначальный ответ, ответ, который я считал предварительным, от всего сердца надеялся, что он лишь предварительный. — Он обхватил голову поросшими седой шерстью руками. — Мы уже выяснили, как помочь им развязать атомную войну.

— О! Что же для этого нужно?

— Все так просто, так примитивно. Мне никогда не пришло бы это в голову. И вам тоже.

— Что же это, Ваше главенство? — Деви Ена уже заранее била дрожь.

— Почему они не начинают войну? А потому что ни одна из почти равных по силе сторон не решается взять на себя ответственность за нарушение мира. Однако, если бы одна сторона начала, другая — будем глядеть правде в глаза — отплатила бы ей той же монетой.

Деви Ен кивнул.

Главный инспектор продолжал:

— Если одна-единственная атомная бомба упадет на территорию любой из враждующих сторон, пострадавшие предположат, что сбросила ее другая сторона. Вряд ли они станут дожидаться дальнейших атак; не пройдет и часа, как последует мощный удар. Другая сторона ответит тем же. И через несколько недель все будет кончено.

— Но как же мы заставим их бросить первую бомбу?

— Это вовсе не обязательно, капитан. В том-то и штука. Мы сами бросим эту первую бомбу.

— Что?! — У Деви Ена подкосились ноги.

— Это единственный выход. Проанализируйте склад ума крупных приматов, и вы увидите, что иного и ждать нельзя.

— Но как это осуществить?

— Мы изготовим бомбу. Это нетрудно. Затем наш корабль спустится вниз и сбросит ее над каким-нибудь населенным пунктом.

— Населенным?!!

Главный инспектор отвел глаза и виновато сказал:

— В противном случае это не даст нужного эффекта.

— Да, конечно, — пробормотал Деви Ен. Перед его глазами парили стервятники; он ничего не мог с этим поделать. Он представлял их себе в виде огромных чешуйчатых птиц (вроде маленьких безвредных летающих созданий в Харрии, но во много раз больше), с крыльями, которые обтянуты кожей, напоминающей резину, с длинными, острыми клювами. Они кружились спускались вниз и выклевывали глаза у умирающих животных.

Он прикрыл руками лицо и сказал дрожащим голосом:

— Кто поведет корабль? Кто сбросит бомбу?

Голос Главного инспектора дрожал не меньше, чем у Деви Ена.

— Не знаю.

— Только не я, — прошептал Деви Ен. — Я не могу. И ни один харрианин не согласится на это. Ни за что на свете!

Главный инспектор стал раскачиваться взад и вперед. На него жалко было смотреть.

— Может быть, дать приказ маувам...

— Кто решится дать им такой приказ?

Главный инспектор тяжело вздохнул:

— Я вызову Совет. Сообщу им все данные. Пусть они что-нибудь придумают.

И вот, пробыв на Луне без малого пятнадцать лет, харриане демонтировали свою базу.

Ничего так и не было сделано. Крупные приматы Земли так и не начали атомную войну. Возможно, они ее никогда и не начнут.

И, несмотря на то что ему предстояло пережить, Деви Ен был вне себя от счастья. К чему думать о будущем, когда сейчас, в настоящем, он улетал все дальше от этого самого жуткого из всех жутких миров.

Он смотрел, как Луна остается позади и превращается в сверкающую крупинку, а затем и планета и само солнце этой системы, пока вся она не затерялась среди остальных созвездий.

И только тогда в душе его проснулись и другие чувства, помимо чувства облегчения. И только тогда в уме его шевельнулась мысль о том, что все могло быть иначе.

— А вдруг все бы еще кончилось хорошо, если бы мы проявили побольше терпения, — сказал он Главному инспектору. — Как знать, возможно, они все-таки начали бы атомную войну.

— Сомневаюсь, — ответил Главный инспектор. — Психоанализ...

Он остановился, и Деви Ен понял, что он имел в виду. Дикаря спустили на планету, постаравшись причинить ему при этом как можно меньше вреда. События последних недель были стерты из его памяти. Его оставили возле небольшого населенного пункта, неподалеку от того места, где его похитили. Его соотечественники решат, что он заблудился, и сочтут, что он исхудал и потерял память из-за лишений, которые ему пришлось испытать.

Но какой вред причинил он сам!

Если бы они только не привозили его на Луну! Быть может, они примирились бы с мыслью, что им придется начать войну. Быть может, сами додумались бы сбросить бомбу и разработали бы для этого какую-нибудь сложную систему, пригодную для дальних расстояний.

Но картина, нарисованная перед ними диким приматом, особенно одно слово, всему положило конец. Когда все сведения были отосланы домой, в Харрию, впечатление, произведенное на Совет, было настолько сильным, что приказ демонтировать базу не заставил себя ждать.

Деви Ен сказал:

— Я никогда больше не буду принимать участие в колонизации.

— Боюсь, никому из нас не придется этого делать, — мрачно заметил Главный инспектор. — Дикари этой планеты выйдут в космос, а если крупные приматы, при их образе мышления, окажутся на свободе в Галактике, это будет конец... конец...

Нос Деви Ена передернула судорога. Конец всему: всем тем благодеяниям, которые Харрия уже совершила в Галактике, всем благодеяниям, которые она продолжала бы оказывать в будущем.

Он произнес: «Мы должны были сбросить...» — и не кончил.

Какой смысл было говорить это? Они не могли сбросить бомбу даже ради блага всей Галактики. Иначе они сами уподобились бы крупным приматам, а есть вещи похуже, чем просто конец всему.

Деви Ен думал о стервятниках.

ВСЕ ГРЕХИ МИРА

Главные отрасли промышленности Земли работали на Мультивак — исполинскую вычислительную машину, которая за пятьдесят лет выросла до невиданных размеров и, заполнив Вашингтон с его предместьями, протянула бесчисленные шупальца во все большие и малые города мира.

Целая армия гражданских служащих непрерывно снабжала Мультивак информацией, другая армия уточняла и интерпретировала получаемые от него данные. Корпус инженеров поддерживал порядок во внутренностях машины, а рудники и заводы выбивались из сил, стараясь, чтобы резервные фонды бесперебойно пополнялись безупречными деталями.

Мультивак управлял экономикой Земли и оказывал помощь науке. И, что важнее всего, он служил справочным центром, источником сведений о любом жителе земного шара. Помимо всего прочего, Мультивак должен был ежедневно обрабатывать данные о четырех миллиардах людей, населяющих Землю, и экстраполировать эти данные на сутки вперед.

Каждый из многочисленных Отделов контроля и управления получал от Мультивака сведения, соответствующие его профилю, а потом уже в виде суммарного отчета они поступали в Вашингтон, в Центральный совет контроля и управления.

Уже четвертую неделю Бернард Галлимен занимал пост председателя Центрального совета контроля и управления (председатель избирался на год). Он настолько свыкся с утренними отчетами, что они больше не пугали его. Как обычно, отчет представлял собой стопу бумаг толщиной около пятнадцати сантиметров. Галлимен уже знал, что от него и не требуется читать

все подряд (ни один человек не в силах был бы это делать). Но заглянуть в них было все-таки любопытно.

Как всегда, в отчете находился и список предугадываемых преступлений: всякого рода мошенничества, кражи, нарушения общественного порядка, непредумышленные убийства, поджоги. Галлимен поискал глазами единственный интересующий его заголовок и ужаснулся, найдя его в отчете. Затем ужаснулся еще больше, увидев против заголовка цифру «два». Да, не один, а целых два, два случая убийства первой категории! За все то время, что он был председателем, ему еще не встречалось два предполагаемых убийства за один день.

Он ткнул пальцем в кнопку двухсторонней внутренней связи и стал ждать, когда на экране видефона появится гладко выбритое лицо главного координатора.

— Али, — сказал Галлимен, — сегодня два убийства первой категории. Что это значит? Возникла какая-нибудь необычная проблема?

— Нет, сэр. — Смуглое лицо с черными пронизательными глазами показало Галлимену спокойным. — В обоих случаях выполнение весьма маловероятно.

— Знаю, — ответил Галлимен. — Я заметил, что вероятность в обоих случаях не превышает пятнадцати процентов. Все равно репутацию Мультивака надо поддержать. Он фактически ликвидировал преступления, а общественность судит об этом по количеству убийств первой категории, — это преступление, как известно, самое эффективное.

Али Отман кивнул:

— Да, сэр, я вполне это сознаю.

— Надеюсь, вы сознаете также, что, пока я занимаю этот пост, ни одно подобное убийство не должно иметь места. Если проскочит любое другое преступление, я готов посмотреть на это сквозь пальцы. Но если кто-нибудь совершит убийство первой категории, я с вас шкуру спущу. Поняли?

— Да, сэр. Подробные анализы потенциальных убийств уже переданы в районные учреждения по месту ожидаемых преступлений. Потенциальные преступники и жертвы находятся под наблюдением. Я еще раз подсчитал вероятность осуществления убийств — она уже понижается.

— Отлично, — произнес Галлимен и отключился.

Он вернулся к списку, но его не оставляло неприятное ощущение, что, пожалуй, он взял чересчур начальнический тон. Что делать, с этими постоянными служащими приходится проявлять строгость, чтобы они не вообразили, будто заправляют решительно всем, включая председателя. Особенно Отман, он работает с Мультиваком с того времени, когда оба они были еще совсем молодыми. У него такой вид, будто Мультивак — его собственность. Есть от чего прийти в бешенство...

Для Галлимена ликвидация преступлений первой категории была вопросом его политической карьеры. До сих пор ни у одного председателя не обходилось без того, чтобы в то или иное время в каком-нибудь уголке Земли не произошло убийство. Предыдущий председатель подошел к концу срока с восемью убийствами — на три больше (больше — подумать страшно), чем при его предшественнике.

Галлимен твердо решил, что на его счету не окажется ни одного. Он будет первым председателем без единого убийства за весь срок. Если к этому добавить еще благоприятное общественное мнение, то...

Остальную часть отчета он едва пробежал. Подсчитал мимоходом, что в списке стояло по меньшей мере 2000 предполагаемых случаев нанесения побоев женам. Несомненно, не все случаи удастся предотвратить. Возможно, процентов тридцать и будет осуществлено. Но таких случаев неизменно становилось все меньше и меньше, а выполнить задуманное удавалось все реже и реже.

Мультивак лишь пять лет назад присоединил нанесение побоев женам к числу предугадываемых преступлений, и далеко не каждый мужчина успел привыкнуть к мысли, что, если ему придет в голову поколотить свою жену, это будет известно заранее. По мере того как эта мысль станет укореняться в сознании общества, женщинам будет доставаться все меньше тумачков, а в конце концов они и вовсе перестанут их получать.

Нанесение побоев мужьям тоже фигурировало в отчете, правда, в небольшом количестве.

Али Отман отключился, но продолжал сидеть, не сводя глаз с экрана, на котором уже исчезла лысая голова Галлимена и его двойной подбородок. Затем перевел взгляд на своего помощника Рейфа Лими и сказал:

— Так как же нам быть?

— Не спрашивайте. И он еще беспокоится из-за каких-то двух пустяковых убийств, когда...

— Мы отчаянно рискуем, взявшись уладить это собственными силами. Но, если мы ему скажем, его от ярости хватит удар. Этим выборным деятелям приходится все время думать о своей шкуре. Галлимен непременно вмешается и все испортит.

Лими кивнул и прикусил толстую нижнюю губу.

— Да, но что, если мы дадим маху? Это, знаете, будет грозить концом света.

— Если мы дадим маху, тогда не все ли равно, что будет с нами? Нас просто втянет во всеобщую катастрофу. — И добавил уже бодрее — Черт побери, как-никак вероятность не выше двенадцати и трех десятых процента. В любом другом случае, кроме, пожалуй, убийства, мы дали бы вероятности немного

возрасти, прежде чем принимать те или иные меры. Ведь не исключено и самопроизвольное исправление.

— Вряд ли на это стоит рассчитывать, — сухо вато заметил Лими.

— Да я и не рассчитываю. Просто констатирую факт. Во всяком случае, при той степени вероятности, какая наблюдается сейчас, я предлагаю ограничиться простым наблюдением. Подобные преступления не задумывают в одиночку, где-то должны быть сообщники.

— Но Мультивак никого не назвал.

— Знаю. Но все же... — он не закончил фразы.

Так они сидели и изучали подробности того преступления, которое не было включено в список, врученный Галимену. Преступления во сто крат более страшного, чем убийство первой категории. Преступления, на которое за всю историю Мультивака не отважился ни один человек. И мучительно думали, как им поступить.

Бен Мэннерс считал себя самым счастливым из всех шестнадцатилетних подростков Балтимора. Возможно, он преувеличивал. Но зато уж наверняка он был одним из самых счастливых и самых взбудораженных.

Он входил в горстку тех, кого допустили на галерею стадиона во время торжественного приведения к присяге восемнадцатилетних. Присягу должен был давать его старший брат, и их родители заранее заказали билеты на церемонию и позволили сделать то же Бену. Но, когда Мультивак стал отбирать гостей, как ни странно, из всей семьи Мэннерсов его выбор пал именно на Бена.

Через два года Бену и самому предстояло присягать, но наблюдать, как это делает старший брат, Майкл Мэннерс, было почти так же интересно. Родители тщательно проследили за процедурой одевания Бена, чтобы представитель семьи не ударил в грязь лицом. Потом отправили, снабдив уймой наставлений для Майкла, который уехал из дома несколько дней назад, чтобы пройти предварительный врачебный и неврологический осмотр.

Стадион находился на окраине города. Бена, которого распирало от сознания своей значительности, провели на место. Ниже, ряд за рядом, сидели сотни и сотни восемнадцатилетних (мальчики направо, девочки налево) — все были из второго округа Балтимора. В разное время года подобные торжества проходили по всей Земле, но здесь был родной Балтимор, и, конечно, это самое главное торжество. Где-то там, внизу, сидел и Майкл, брат Бена.

Бен обводил взглядом затылки, надеясь высмотреть брата. Разумеется, это ему не удалось. Но тут на высокий помост,

установленный перед трибунами, поднялся человек, и Бен перестал вертеть головой, приготовившись слушать.

Человек заговорил:

— Добрый день, участники торжества и гости. Я — Рэндолф Хоч. В этом году я отвечаю за балтиморские церемонии. С их участниками я уже неоднократно встречался в ходе врачебных и неврологических исследований. Большая часть задач выполнена, но главное еще впереди. Личность дающего присягу должна быть зарегистрирована Мультиваком.

Ежегодно эту процедуру приходится разъяснять молодежи, достигающей совершеннолетия. До сих пор, — он обращался теперь только к сидящим перед ним и перестал смотреть на галерею, — вы не были взрослыми людьми, не были личностями в глазах Мультивака, если только по какому-то особому поводу кого-либо из вас не выделяли как личность ваши родители или правительство.

До сих пор, когда приходило время ежегодного обновления информации о населении, необходимые сведения о вас давали ваши родители. Теперь настала пора, когда вы должны взять эту обязанность на себя. Это большая честь, но и большая ответственность. Ваши родители рассказали нам, в какой школе вы учились, какими болезнями болели, каковы ваши привычки — словом, массу подробностей. Но вы поведаете нам сейчас гораздо больше: ваши сокровенные мысли, ваши тайные, никому не известные поступки.

Поначалу это нелегко, даже тягостно, но это необходимо сделать. Тогда Мультивак сможет дать исчерпывающий анализ каждого из вас. Мультиваку будут ясны не только все ваши поступки и желания, но он даже сможет с достаточной точностью предугадывать многие из них.

И благодаря всему этому Мультивак станет охранять вас. Если вам будет грозить несчастье, Мультивак узнает об этом заранее. Если кто-нибудь задумает против вас недоброе, это станет известно. Если вы задумаете недоброе, он тоже будет знать, и вас вовремя остановит, так что не возникнет необходимости применять наказание.

Располагая сведениями обо всех вас, Мультивак поможет человечеству управлять экономикой и использовать законы Земли для всеобщего блага. Если вас будет мучить какой-нибудь личный вопрос, вы придете с ним к Мультиваку, и он вам поможет.

Сейчас вам придется заполнить много анкет. Тщательно продумывайте ответы, чтобы они были как можно точнее. Пусть вас не останавливает стыд или осторожность. Никто, кроме Мультивака, никогда не узнает о ваших ответах, если только не придется ознакомиться с ними для того, чтобы охранять вас. Но и тогда они станут известны только специальным уполномоченным.

Вам, может быть, захочется кое-где извратить правду. Не делайте этого. Мы все равно обнаружим обман. Все ваши ответы, взятые вместе, создадут определенную картину. Если некоторые из ответов не будут правдивы, они выпадут из общей картины, и Мультивак выявит это. Если все ответы будут неправильны, получится искаженное представление о человеке, и Мультивак без труда изобличит обман. Поэтому говорите только правду.

Но вот все было закончено: заполнение анкет, последующие церемонии, речи. И тогда Бен, стоя на цыпочках, все-таки увидел Майкла: тот все еще держал в руках одежду, которая была на нем во время «парада совершеннолетних». Братья радостно кинулись друг к другу.

Поеживав, они отправились по скоростной автостраде домой, оживленные, взбудораженные событиями дня.

Они совсем не были подготовлены к тому, что ожидало их дома. Оба были ошеломлены, когда перед входной дверью их остановил бесстрастный молодой человек в форме, когда у них потребовали документы, прежде чем впустить в родной дом, когда они увидели родителей, с потерянными видами одиноко сидящих в столовой.

Джозеф Мэннерс постарел за один день, глаза у него глубоко западали. Он недоумевающе посмотрел на сыновей и сказал:

— По-видимому, я под домашним арестом.

Бернард Галлимен не стал читать отчет целиком. Он прочел только сводку, и она бесконечно обрадовала его.

Для всех людей стала привычной мысль, что Мультивак способен предугадать совершение серьезных преступлений. Люди знали, что агенты Отдела контроля и управления окажутся на месте преступления раньше, чем оно будет совершено. Они усвоили, что любое преступление неизбежно повлекло бы за собой наказание. И постепенно у них выработалось убеждение, что нет никаких способов перехитрить Мультивак.

В результате редкостью стали даже преступные умыслы. По мере того как преступления замыслились все реже, а емкость памяти Мультивака становилась все больше, к списку предугадываемых преступлений присоединялись более мелкие проступки, число которых, в свою очередь, все уменьшалось.

И вот недавно Галлимен приказал выяснить, способен ли Мультивак заняться еще и проблемой предугадывания заболеваний, и выяснить это, естественно, должен был сам Мультивак. Тогда внимание врачей можно было бы обратить на тех пациентов, которым в следующем году грозит опасность заболеть диабетом, раком или туберкулезом.

Береженого, как известно...

Отчет был очень благоприятным.

Наконец получили список возможных преступлений на этот день — опять-таки ни одного убийства первой категории!

В приподнятом настроении Галлимен вызвал Али Отмана.

— Отман, каково среднее число преступлений в ежедневном списке за истекшую неделю, если сравнить его с первой неделей моего председательства?

Оказалось, что среднее число снизилось на восемь процентов. Галлимен почувствовал себя на седьмом небе. От него это, правда, не зависит, но ведь избиратели этого не знают. Он благословлял судьбу за то, что ему посчастливилось вступить в должность в удачную эпоху, в самый расцвет деятельности Мультивака, когда даже от болезней можно укрыться под защитой его всеобъемлющего опыта.

Галлимен сделает на этом карьеру.

Отман пожал плечами:

— Как видите, он счастлив.

— Когда же мы ему все выложим? — спросил Лими. — Мы установили наблюдение за Мэннерсом — и вероятность возросла, а домашний арест дал новый скачок.

— Что я, сам не знаю? — раздраженно ответил Отман. — Мне не известно только одно: отчего такое происходит.

— Может быть, как вы и предполагали, дело в сообщниках? Мэннерс попался, вот остальные и понимают, что нужно нанести удар сразу либо никогда.

— Как раз наоборот. Из-за того, что один у нас в руках, остальные должны разбежаться кто куда. Кстати, почему Мультивак никого не назвал?

Лими пожал плечами.

— Так что же, скажем Галлимену?

— Подождем еще немного. Вероятность пока — семнадцать и три десятых процента. Сначала попытаемся принять более решительные меры.

Элизабет Мэннерс сказала младшему сыну:

— Иди к себе, Бен.

— Но что случилось, ма? — прерывающимся голосом спросил Бен, убитый тем, что этот чудесный день завершился такими невероятными событиями.

— Прошу тебя!

Он неохотно вышел из комнаты, топая ногами, поднялся по лестнице, потом бесшумно спустился обратно.

А Майкл Мэннерс, старший сын, новоиспеченный взрослый мужчина и надежда семьи, повторил точно таким же тоном, как и брат:

— Что случилось?

Джо Мэннерс ответил ему:

— Бог свидетель, сын мой, не знаю. Я не сделал ничего дурного.

— Ясно, не сделал. — Майкл в недоумении взглянул на своего тщедушного кроткого отца. — Они, наверно, явились сюда из-за того, что ты что-то задумал.

— Ничего я не задумывал.

Тут вмешалась возмущенная миссис Мэннерс:

— О чем ему надо было думать, чтобы заварилось такое? — Она повела рукой, указывая на цепь охранников вокруг дома. — Когда я была маленькой, помню, отец моей подруги служил в банке. Однажды ему позвонили и велели не трогать денег. Он так и сделал. Денег было пятьдесят тысяч долларов. Он вовсе не брал их. Только подумывал, не взять ли. В те времена все делалось не так тихо, как теперь. История вышла наружу, и я тоже услышала о ней.

Но я хочу сказать вот что, — продолжала она, заламывая руки, — тогда речь шла о пятидесяти тысячах. Пятьдесят тысяч долларов... И тем не менее они всего-навсего позвонили тому человеку. Один телефонный звонок — и все. Что же такое мог задумать ваш отец, ради чего стоило бы присылать больше десятка охранников и изолировать наш дом от всего мира?

В глазах Джо Мэннерса застыла боль. Он произнес:

— Клянусь вам, у меня и в мыслях не было никакого преступления, даже самого незначительного.

Майкл, исполненный сознания своей новоприобретенной мудрости совершеннолетнего, сказал:

— Может, тут что-нибудь подсознательное, па? Наверно, ты затаил злобу против своего начальника.

— И потому хочу его убить? Нет!

— И они не говорят, в чем дело, па?

— Нет, не говорят, — опять вмешалась мать. — Мы спрашивали. Я сказала, что одним своим присутствием они губят нас в глазах общества. Они по крайней мере могли бы сказать, в чем дело, чтобы мы сумели защищаться, объяснить.

— А они не говорят?

— Не говорят.

Майкл стоял, широко расставив ноги, засунув руки глубоко в карманы. Он обеспокоенно произнес:

— Слушай, ма, Мультивак никогда не ошибается.

Отец беспомощно уронил руку на подлокотник дивана:

— Говорю тебе, я не думаю ни о каком преступлении.

Дверь без стука открылась, и в комнату энергичным, уверенным шагом вошел человек в форме. Лицо его было холодно и официально.

— Вы Джозеф Мэннерс?

Джо Мэннерс поднялся:

— Да. Что вы еще от меня хотите?

— Джозеф Мэннерс, по распоряжению правительства вы арестованы. — И он показал удостоверение офицера Отдела контроля и управления. — Я вынужден просить вас отправиться со мной.

— Но почему? Что я сделал?

— Я не уполномочен обсуждать этот вопрос.

— Допустим даже, что я задумал преступление, нельзя арестовать за одну только мысль о нем. Для этого я должен действительно совершить преступление. Иначе арестовать нельзя. Это противоречит закону.

Но агент оставался глух ко всем доводам.

— Вам придется отправиться со мной.

Миссис Мэннерс вскрикнула и, упав на диван, истерически зарыдала.

У Джозефа Мэннерса не хватило смелости оказать прямое сопротивление агенту — это значило бы нарушить законы, к которым его приучали всю жизнь. Но все же он стал упираться, и офицеру пришлось, прибегнув к силе, тащить его за собой. Голос Мэннерса был слышен даже за дверью:

— Скажите мне, в чем дело? Только скажите. Если бы я знал... Это убийство? Скажите, предполагают, что я замышляю убийство?

Дверь захлопнулась. Побледневший Майкл Мэннерс совсем по-детски, растерянно поглядел сперва на дверь, а потом на плачущую мать.

Стоявший за дверью Бен Мэннерс внезапно почувствовал себя главой семьи и решительно сжал губы, твердо зная, как ему поступить.

Если Мультивак отнимал, то он мог и давать. Только сегодня Бен присутствовал на торжестве. Он слышал, как тот человек, Рэндолф Хоч, рассказывал про Мультивак и про то, что он может делать. Он отдает приказания правительству и в то же время не игнорирует простых людей и выручает их, когда они обращаются к нему за помощью. Любой может просить помощи у Мультивака, а любой — это значит и Бен. Ни матери, ни Майклу не удержать его. У него есть немного денег из тех, что были ему даны на сегодняшний праздник. Если позднее они хватятся его и будут волноваться — что ж, ничего не поделаешь. Сейчас для него на первом месте отец.

Он вышел с черного хода. Караульный в дверях проверил документы и пропустил его.

Гарольд Куимби заведовал сектором жалоб на балтиморской подстанции Мультивака. Этот отдел гражданской службы Куимби считал самым важным. Отчасти он был, пожалуй, прав;

во всяком случае, когда Куимби рассуждал на эту тему, почти никто не мог остаться равнодушным

Во-первых, как сказал бы Куимби, Мультивак, по сути дела, вторгается в частную жизнь людей. Приходится признать, что последние пятьдесят лет мысли и побуждения человека больше не принадлежат ему одному, в душе у него нет таких тайников, которые можно было бы скрыть. Но человечеству требуется что-то взамен утраченного. Конечно, мы живем в условиях материального благополучия, покоя и безопасности, но все-таки эти блага — нечто обезличенное. Каждый мужчина, каждая женщина нуждаются в каком-то личном вознаграждении за то, что они доверили Мультиваку свои тайны. И все получают это вознаграждение. Ведь каждый имеет доступ к Мультиваку, которому можно свободно доверить все личные проблемы и вопросы, без всякого контроля и помех, и буквально через несколько минут получить ответ.

В любой нужный момент в эту систему вопросов—ответов вовлекались пять миллионов цепей из квадрильона цепей Мультивака. Может быть, ответы и не всегда бывали абсолютно верны, но они были лучшими из возможных, и каждый спрашивающий знал, что это лучший из возможных ответов, и целиком на него полагался. А это было главное.

Отстояв в медленно двигавшейся очереди (на лице каждого мужчины и каждой женщины отражалась надежда, смешанная со страхом, или с волнением, или даже с болью, но всегда по мере приближения к Мультиваку надежда одерживала верх), Бен наконец подошел к Куимби.

Не поднимая глаз, Куимби взял протянутый ему заполненный бланк и сказал:

— Кабина 5-Б.

Тогда Бен спросил:

— А как задавать вопросы, сэр?

Куимби с некоторым удивлением поднял голову. Подростки, как правило, не пользовались службой Мультивака. Он добродушно сказал:

— Приходилось когда-нибудь это делать, сынок?

— Нет, сэр.

Куимби показал модель, стоявшую у него на столе:

— Там будет такая штука. Видишь, как она работает? В точности как пишущая машинка. Ничего не пиши от руки, пользуйся клавишами. А теперь иди в кабину 5-Б. Если понадобится помощь, просто нажми красную кнопку — кто-нибудь придет. Направо, сынок, по этому проходу.

Он следил за мальчиком, пока тот не скрылся, потом улыбнулся. Еще не было случая, чтобы кого-нибудь не допустили к Мультиваку. Конечно, всегда находятся людишки, которые задают нескромные вопросы о жизни своих соседей или о разных

известных лицах. Юнцы из колледжей пытаются перехитрить преподавателей или считают весьма остроумным огоршить Мультивак, поставив перед ним парадокс Рассела о множестве всех множеств, не содержащих самих себя в качестве своего элемента*.

Но Мультивак может справиться со всем этим сам. Помощь ему не требуется. Кроме того, все вопросы и ответы регистрируются и добавляются к совокупности сведений о каждом отдельном индивидууме. Любой, даже самый пошлый или самый дерзкий вопрос, поскольку он отражает индивидуальность спрашивающего, идет на пользу, помогая Мультиваку познавать человечество.

Подошла очередь пожилой женщины, изможденной, костлявой, с испуганным выражением в глазах, и Куимби занялся ею.

Али Отман мерял шагами свой кабинет, с каким-то отчаянием вдавливая каблучки в ковер.

— Вероятность все еще растет. Уже двадцать два и четыре десятых процента! Проклятье! Джозеф Мэннерс арестован и изолирован, а вероятность все поднимается!

Он обливался потом.

Лими отвернулся от видеофона.

— Признание до сих пор не получено. Сейчас Мэннерс проходит психические испытания, но никаких признаков преступления нет. Похоже, что он говорит правду.

— Выходит, Мультивак сошел с ума? — возмутился Отман.

Зазвонил другой аппарат. Отман обрадовался передышке. На экране возникло лицо агента Отдела контроля и управления.

— Сэр, будут ли какие-нибудь новые распоряжения относительно Мэннерсов? Или им можно по-прежнему приходить и уходить?

— Что значит «по-прежнему»?

— В первоначальных инструкциях речь шла только о домашнем аресте Джозефа Мэннерса. Остальные члены семьи не упоминались, сэр.

— Ну так распространите приказ на остальных до получения других инструкций.

— Тут есть некоторое осложнение, сэр. Мать и старший сын требуют сведений о младшем сыне. Он исчез, и они утверждают, что его арестовали. Они хотят идти в Главное управление наводить справки.

Отман нахмурился и произнес почти шепотом:

— Младший сын? Сколько ему?

* Неразрешимая задача математики, поставленная известным английским философом и математиком Б. Расселом. (Примеч. ред.)

— Шестнадцать, сэр.
 — Шестнадцать, и он исчез. Где он, неизвестно?
 — Ему разрешили покинуть дом, сэр, так как не было приказа задерживать его.

— Ждите у аппарата.

Отман, не разъединяя связи, выключил экран. Вдруг он обеими руками схватился за голову и застонал:

— Идиот! Какой идиот!

Лими оторопел:

— Что за черт?

— У арестованного есть шестнадцатилетний сын, — выдавил из себя Отман. — А это значит, что сын как несовершеннолетний еще не зарегистрирован Мультиваком отдельно, а только вместе с отцом, в отцовских документах. — Он с яростью взглянул на Лими. — Каждому человеку известно, что до восемнадцати лет подростки сами не заполняют анкеты для Мультивака, это делают за них отцы. Разве я об этом не знаю? Разве вы не знаете?

— Вы хотите сказать, что Мультивак имел в виду не Джо Мэннерса?

— Мультивак имел в виду младшего сына, а теперь мальчишка исчез. Вокруг дома стена из наших агентов, а он беспокойно выходит из дома и отправляется сами знаете по какому делу.

Он резко повернулся к видеофону, к которому все еще был подключен агент Отдела контроля и управления. Минутная передышка позволила Отману взять себя в руки и принять уверенный, невозмутимый вид. Не к чему было закатывать истерику на глазах у агента, хотя Отману, может, и полезно было бы дать выход бушевавшей внутри буре. Он сказал:

— Установите, где находится младший сын. Пошлите всех ваших людей. Если понадобится, привлечите всех жителей округа. Я дам соответствующие приказания. Вы обязаны во что бы то ни стало найти мальчика.

— Слушаю, сэр.

Отключившись, Отман приказал:

— А теперь проверьте вероятность, Лими.

Через несколько минут Лими произнес:

— Упала до девятнадцати и шести десятых. Упала.

Отман вздохнул с облегчением:

— Наконец-то мы на правильном пути.

Бен Мэннерс сидел в кабине 5-Б и медленно выстукивал: «Меня зовут Бенджамен Мэннерс, мой номер МБ71833412. Мой отец, Джозеф Мэннерс, арестован, но мы не знаем, какое преступление он замышляет. Как нам помочь ему?»

Он кончил и принялся ждать. В свои шестнадцать лет он уже понимал, что где-то там внутри его слова циркулируют по цепям

сложнейшей из систем, когда-либо созданных человеком, понимал, что триллион данных сольются в единое целое, из него Мультивак извлечет наилучший ответ и тем самым поможет Бену.

Машина щелкнула, из нее выпала карточка — длинный предлинный ответ. Начинался он так: «Немедленно отправляйся скоростным транспортом в Вашингтон. Сойди у Коннектикут-авеню. Там увидишь здание, найди особый вход с надписью "Мультивак", где стоит часовый. Скажи часовому, что ты нарочный, к доктору Трамбулу, он пропустит тебя. Оказавшись в коридоре, иди по нему, пока не очутишься у небольшой двери с табличкой "Внутренние помещения". Войди и скажи людям, которые там окажутся: "Донесение доктору Трамбулу". Тебя пропустят. Иди прямо..."»

И так далее и так далее. Бен пока не понимал, какое это имеет отношение к его вопросу, но он безгранично верил в Мультивак. И он бегом бросился к вашингтонской автостраде.

Поиски Бена Мэннерса привели агентов Отдела контроля и управления на балтиморскую станцию Мультивака через час после того, как Бен ее покинул. Гарольд Куимби оробел, оказавшись в центре внимания такого количества важных особ, и все из-за шестнадцатилетнего мальчишки.

— Да, мальчик здесь был, — подтвердил он, — но куда он девался, неизвестно. Не мог же я знать, что его разыскивают. Мы принимаем всех, кто приходит. Да, конечно, получить запись вопроса и ответа можно.

Едва взглянув на запись, они, не теряя времени, передали ее по телевидению в Центральное управление.

Отман прочел ее, закатил глаза и лишился чувств. Его быстро привели в себя, и он сказал слабым голосом:

— Мальчика нужно перехватить. Сделайте для меня копию ответа Мультивака. Больше тянуть нельзя, я должен немедленно связаться с Галлименом.

Бернард Галлимен никогда не видел Али Отмана таким взволнованным. И теперь, взглянув в безумные глаза координатора, почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

Он пробормотал, заикаясь:

— Что вы хотите сказать? Что может быть хуже убийства?

— Много хуже, чем простое убийство.

Галлимен побледнел.

— Вы имеете в виду убийство одного из важных государственных деятелей? («А что, если это я сам...» — пронеслось у него в голове.)

Отман кивнул:

— Не просто одного из деятелей, а самого главного.

— Неужели генерального секретаря? — прошептал в ужасе Галлимен.

— Хуже. Неизмеримо хуже. Речь идет об уничтожении Мультивака.

— Что?!

— Впервые в истории Мультивак доложил о том, что ему самому грозит опасность.

— Почему же меня сразу не поставили в известность?

Отман вышел из положения, отделившись полуправдой:

— Случай беспрецедентный, сэр, мы решили расследовать дело, прежде чем поместить в отчет.

— Но теперь, разумеется, Мультивак спасен? Ведь он спасен?

— Вероятность опасности упала ниже четырех процентов. Сейчас я жду нового сообщения.

— Донесение доктору Трамбулу, — сказал Бен Мэннерс человеку на высоком табурете, который увлеченно работал, сидя перед громадой, напоминавшей во много раз увеличенный пульт управления стратокрейсера.

— Валий, Джим, — ответил человек. — Двигай.

Бен взглянул на инструкцию и поспешил дальше. В конце концов, в ту минуту, когда в одном из индикаторов загорится красный свет, Бен найдет незаметный рычажок и передвинет его в положение «вниз».

Он услышал за своей спиной взволнованный голос, затем еще один, и вдруг его схватили под мышки и за ноги, подняли, и мужской голос сказал:

— Поехали, сынок.

Лицо Али Отмана нисколько не прояснилось при известии, что мальчик пойман, но Галлимен с облегчением заметил:

— Раз мальчик в наших руках, Мультивак в безопасности.

— До поры до времени.

Галлимен приложил ко лбу трясущуюся руку:

— Какие полчаса я пережил! Вы представляете себе, что произошло бы, если бы хоть на короткое время Мультивак вышел из строя? Крах правительства, упадок экономики! Это была бы катастрофа страшнее, чем... — Он дернул головой. — Почему вы сказали «до поры до времени»?

— Этот мальчик, Бен Мэннерс, не собирался причинять вред Мультиваку. Он и его семья должны быть освобождены, и придется выдать им компенсацию за ошибочный арест. Мальчик следовал указаниям Мультивака только потому, что хотел помочь отцу, и он этого добился. Его отец уже освобожден.

— Неужели вы хотите сказать, что Мультивак сознательно вынуждал мальчика дернуть рычаг? И при этом неминуемо

можно было сгореть столько цепей, что на починку ушел бы целый месяц? То есть Мультивак готов был уничтожить себя ради освобождения одного человека?

— Хуже, сэр. Мультивак не только дал такие инструкции, но он выбрал именно семью Мэннерсов, потому что Бен Мэннерс как две капли воды походит на посыльного доктора Трамбула и мог беспрепятственно проникнуть к Мультиваку.

— Что значит «выбрал именно эту семью»?

— А то, что мальчик никогда бы сам не пошел со своим вопросом к Мультиваку, если бы его отца не арестовали. Отца не арестовали бы, если бы Мультивак не обвинил его в преступных замыслах относительно самого Мультивака. Собственные действия Мультивака дали толчок событиям, которые чуть не привели к его гибели.

— Но в этом нет никакого смысла, — умоляющим голосом произнес Галлимен. Он чувствовал себя маленьким и беспомощным, он как бы стоял на коленях перед Отманом, умоляя этого человека, который почти всю жизнь провел с Мультиваком, успокоить его, Галлимена.

Но Отман не стал этого делать. Он сказал:

— Насколько я знаю, со стороны Мультивака это первая попытка подобного рода. До известной степени он все продумал неплохо. Удачно выбрал семью. Намеренно не сделал различия между отцом и сыном, чтобы сбить нас с толку. Однако в этой игре он еще новичок. Он не сумел обойти им же самим установленные правила и поэтому сообщил о том, что вероятность его гибели растет с каждым шагом, сделанным нами по неправильному пути. Он не сумел утаить ответ, который дал мальчику. В дальнейшем он, вероятно, научится обманывать. Научится скрывать одни факты, не станет регистрировать другие. Начиная с этого дня каждая из его инструкций может содержать в себе семена его гибели. Нам об этом не узнать. Как бы мы ни были настороже, в конце концов Мультивак добьется своего. Мне думается, мистер Галлимен, вы будете последним председателем этой организации.

Галлимен в бешенстве стукнул кулаком по столу:

— Но почему, почему, черт вас побери? С ним что-нибудь неладно? Разве нельзя исправить его?

— Вряд ли, — ответил Отман с какой-то безнадежностью в голосе. — Я никогда раньше об этом не задумывался, просто не представлялось случая. Но теперь мне кажется, что мы подошли к концу, так как Мультивак слишком совершенен. Он стал таким сложным, что способен мыслить и чувствовать, подобно человеку.

— Вы с ума сошли. Но даже если и так, что из этого?

— Уже более пятидесяти лет мы взваливаем на Мультивака все человеческие горести. Мы заставляем его заботиться о нас,

обо всех вместе и о каждом в отдельности. Навязываем ему свои тайны. Без конца упрашиваем отвести таящееся в нас самих зло. Все мы идем к нему со своими неприятностями, с каждым разом увеличивая его бремя. А теперь мы еще задумали взвалить на него бремя людских болезней.

Отман замолчал на минуту, потом взорвался:

— Мистер Галлимен, Мультивак несет на своих плечах все грехи мира — он устал!

— Бред. Настоящий бред, — пробормотал Галлимен.

— Хотите, я вам кое-что покажу? Давайте я проверю свою догадку. Разрешите мне воспользоваться линией связи с Мультиваком прямо у вас в кабинете.

— Зачем?

— Я задам ему вопрос, который никто до меня не задавал.

— А это ему не повредит? — Галлимен был в панике.

— Нет. Просто он скажет нам то, что мы хотим знать.

Председатель колебался. Потом сказал:

— Давайте.

Отман подошел к аппарату, стоявшему на столе у Галлимена. Пальцы его уверенно выстукали вопрос: «Мультивак, что хочешь тебе самому больше всего на свете?»

Пауза между вопросом и ответом тянулась мучительно долго. Отман и Галлимен затаили дыхание.

И вот послышалось щелканье, выпала карточка. Маленькая карточка, на которой четкими буквами было написано:

«Я хочу умереть».

ПИШИТЕ МОЕ ИМЯ ЧЕРЕЗ БУКВУ «С»

Маршалл Жебатински чувствовал себя полнейшим идиотом. У него было такое ощущение, что тысячи глаз разглядывают его сквозь грязное стекло лавки, нахально пляшут из-за щербатой деревянной загородки. Ему было ужасно не по себе в старом костюме, который он выгашил из шкафа, и в шляпе с опущенными полями — он в жизни не надел бы ее в любой другой ситуации. Да еще очки — Маршалл решил обойтись без них и не стал вынимать из футляра.

Жебатински чувствовал себя полнейшим идиотом, и морщины на его бледном лице юноши-старика стали особенно заметны.

Вряд ли он смог бы объяснить кому-нибудь, почему физик-ядерщик его уровня решил посетить «специалиста» по математическим числам — нумеролога. («Никогда, — думал он. — Ни за что на свете».) Проклятье, он и себе-то не мог это объяснить. Разве что поддался на уговоры жены?

Нумеролог сидел за старым столом, наверняка купленным в магазине подержанных вещей. Никакой стол не может прийти в такое состояние, будучи собственностью одного человека. То же самое можно было сказать и про одежду невысокого темно-золотого человечка, который рассматривал Жебатински живыми черными глазками.

— Среди моих клиентов еще ни разу не попадались физики, доктор Жебатински, — произнес он.

— Надеюсь, вы понимаете, что никто не должен знать о моем визите, — вспыхнув, быстро проговорил Жебатински.

Нумеролог улыбнулся, возле рта появились морщинки, а кожа на подбородке натянулась.

— Я работаю строго конфиденциально.

Spell my Name With an S

© 1958 by Isaac Asimov

Пишите мое имя через букву «С»

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

— Знаете, полагаю, мне нужно вам сразу кое-что сказать. Я не верю в нумерологию и не рассчитываю поверить после визита к вам, — заявил Жебатински.

— В таком случае, что вы тут делаете?

— Моя жена думает, что вы чем-то там обладаете, не знаю уж чем именно... Я пообещал ей — вот и пришел. — Он пожал плечами, и ощущение идиотизма всего происходящего стало почти невыносимым.

— А чего вы хотите? Денег? Безопасности? Более долгой жизни?

Жебатински долго сидел молча, пока нумеролог разглядывал его — спокойно, без признаков нетерпения, не стараясь подтолкнуть клиента, заставить заговорить поскорее.

«Интересно, — думал Жебатински, — и что же я ему скажу? Что мне тридцать четыре года и никаких перспектив, никакого будущего?»

— Я мечтаю об успехе, — ответил он наконец. — Мне нужно признание.

— Лучшая работа?

— Другая работа. Другой тип работы. Сейчас я являюсь членом команды и мной руководят. Команда!.. Исследовательская работа, субсидированная правительством, всегда делается командами. Ты превращаешься в скрипача, затерянного в огромном симфоническом оркестре.

— А вы мечтаете солировать?

— У меня больше нет желания быть членом команды, я хочу стать собой. — Жебатински вдруг охватило невероятное волнение, у него даже немного закружилась голова — ведь впервые в жизни он рассказывал о своих сокровенных мыслях не жене, а другому, совершенно чужому человеку. Он продолжал: — Двадцать пять лет назад с моим образованием и способностями я получил бы работу на одном из первых заводов, где применяется атомная энергия. Сегодня я бы руководил таким заводом или возглавлял бы исследовательскую группу в университете. А что ждет меня через двадцать пять лет? Ничего. Я по-прежнему останусь членом команды — который приносит пользы примерно на два процента. Я тону в безымянной толпе физиков-ядерщиков! Мне просто необходимо выбраться на сушу, если вы понимаете, о чем я говорю.

Нумеролог кивнул:

— Надеюсь, вы осознаете, доктор Жебатински, что я не гарантирую успех.

Несмотря на то что Жебатински не верил в затею жены, его охватило разочарование.

— Не гарантируете успех? А что же тогда, черт побери, вы гарантируете?

— Иные возможности. В основе моего метода лежит статистика. Вы ведь имеете дело с атомами, следовательно, как мне кажется, должны понимать законы статистики.

— Вам так кажется? — ядовито переспросил физик

— По правде говоря, именно так я и думаю. Я математик и имею дело с математикой. И говорю вам это вовсе не потому, что намерен повысить плату за свои услуги. Она стандартна. Пятьдесят долларов. Однако будучи ученым, вы лучше других своих клиентов сможете понять суть того, что я делаю. Если честно, я даже рад, что смогу вам все объяснить.

— Вот этого, честно говоря, не хотелось бы, — сказал Жебатински. — Числовое значение букв, их мистический смысл и тому подобные вещи меня не интересуют. Давайте перейдем к делу...

— Значит, я должен вам помочь, но не обременять ваше сознание всякими ненаучными глупостями и рассказывать, каким образом действует моя система, так что ли?

— Вот именно. Вы все правильно понимаете.

— И вы считаете, что я нумеролог... Однако я таковым не являюсь. Просто не хочу, чтобы меня беспокоила полиция и, — маленький человечек сухо рассмеялся, — психиатры. Я математик, и больше ничего.

Жебатински улыбнулся.

— Я занимаюсь компьютерами, — продолжал нумеролог. — И изучаю варианты будущего.

— Что?

— Вы считаете, что это еще хуже, чем нумерология? Почему? Если есть достаточно информации и компьютер, способный производить некоторое количество операций за определенное время, можно предсказывать будущее — по крайней мере, с точки зрения теории вероятности. Когда вы вводите в компьютер данные о передвижении ракеты, чтобы запустить противоракету, разве в этом случае вы не предсказываете будущее? Ракета-перехватчик не встретится с целью, если ваше предсказание окажется ошибочным. Я занимаюсь тем же самым. Поскольку я имею дело с большим количеством переменных величин, результаты моих исследований менее точны.

— Иными словами, вы собираетесь предсказать мое будущее?

— Весьма приблизительно. Сделав это, я модифицирую данные, изменив только ваше имя и больше ничего. После этого запущу новую информацию в операционную систему. Потом попробую проделать то же самое с другими именами. Изучу все полученные варианты будущего и постараюсь отыскать тот, в котором для вас имеется возможность стать знаменитым. Нет, нет, подождите, я попытаюсь объяснить иначе. Я отыщу вариант

будущего, в котором возможность признания ваших способностей будет выше, чем в настоящем.

— А зачем менять имя?

— По нескольким причинам. Во-первых, это совсем простое изменение. Ведь если я внесу какие-нибудь серьезные модификации, или их будет слишком много, мне придется иметь дело с таким количеством переменных величин, что я буду не в состоянии интерпретировать результат. У меня не очень мощный компьютер. Во-вторых, это вполне разумный подход к решению проблемы. Ведь я же не в состоянии изменить ваш рост, цвет глаз или темперамент, правда? В-третьих, изменение имени — достаточно серьезная вещь. Имена играют исключительно важную роль в жизни людей. И наконец, в-четвертых, в наше время многие берут себе новые имена.

— А если вам не удастся найти для меня лучшего будущего? — спросил Жебатински.

— Хуже-то вам не станет, друг мой.

— Я не верю ни единому вашему слову. Скорее я готов проникнуться уважением к нумерологии. — Жебатински с сомнением посмотрел на маленького человечка.

— Мне казалось, — вздохнув, проговорил нумеролог, — что физик будет чувствовать себя спокойнее, если узнает правду. Я очень хочу помочь, и вам предстоит еще немало сделать. Если бы вы считали меня нумерологом, у нас бы ничего не получилось. Я не сомневался, что, узнав правду, вы позволите мне оказать вам помощь.

— Если вы можете увидеть будущее... — начал Жебатински.

— Почему я тогда не самый богатый человек на свете? Вас это интересует? Знаете, я очень богат — у меня есть все, что нужно. Вы нуждаетесь в признании, а я люблю одиночество. Я делаю свою работу. Меня никто не трогает. И от этого я чувствую себя миллиардером. Денег мне нужно совсем немного, и я их получаю от людей вроде вас. Помогать другим приятно — психиатр, вероятно, сказал бы, что моя деятельность дает мне ощущение власти над людьми и тешит самолюбие. Итак, вы хотите, чтобы я вам помог?

— Сколько, вы сказали, это будет стоить?

— Пятьдесят долларов. Мне понадобятся ваши подробные биографические данные; я подготовил список вопросов, который облегчит вашу задачу. Он достаточно длинный, но тут уж ничего не поделаешь. Однако, если вы сможете послать ответы почтой к концу этой недели, мы получим результат к... — Нумеролог выставил вперед нижнюю губу и нахмурился, производя устные расчеты, — к двадцатому числу следующего месяца.

— Пять недель? Так долго?

— У меня ведь есть и другая работа, друг мой, вы не единственный клиент. Если бы я был мошенником, то проделал бы все гораздо быстрее. Ну, договорились?

Жебатински встал.

— Хорошо, договорились... Строго между нами.

— Не сомневайтесь. Вы получите назад все свои анкеты, когда я сообщу вам, какие изменения необходимо внести. И еще — даю честное слово, что не стану использовать полученные сведения в собственных интересах.

Физик остановился в дверях.

— А вы не боитесь, что я вас разоблачу?

— А кто вам поверит, друг мой? — покачивая головой, ответил нумеролог. — Даже если на минуточку представить себе, что вы кому-нибудь расскажете о своем визите ко мне.

Двадцатого Маршалл Жебатински стоял у облезлой двери, искоса поглядывая на маленькую табличку, гласившую: «Нумерология»; сквозь толстый слой пыли буквы были едва различимы. Жебатински осторожно заглянул внутрь, тайно надеясь, что там окажется какой-нибудь посетитель и тогда можно будет со спокойной совестью отправиться домой.

Он несколько раз пытался выбросить из головы мысли о своем первом визите сюда. Несколько раз принимался за анкету и откладывал ее в сторону. Почему-то это занятие его раздражало. Он чувствовал себя как-то глупо, переписывая имена друзей, отвечая на вопросы о том, сколько стоил дом и были ли у его жены выкидыши, а если были, то когда. Да, Маршалл Жебатински несколько раз откладывал анкету в сторону.

Но и забыть о ней окончательно и бесповоротно тоже не мог. И возвращался к ее дурацким вопросам каждый вечер.

Возможно, дело было в компьютере; в том, что наглый маленький человечек утверждал, будто у него есть компьютер. Жебатински не удержался перед соблазном рискнуть и посмотреть, что из всего этого получится.

В конце концов он послал сведения о себе почтой, решив, не взвешивая конверт, наклеить на него марок на девять центов. «Если письмо вернется, — решил он, — больше ничего делать не буду».

Письмо не вернулось.

А сейчас Жебатински стоял и заглядывал в лавку — там было пусто. Не оставалось ничего иного, как войти. Звякнул звонок.

Из-за занавески, прикрывавшей какую-то внутреннюю дверь, появился нумеролог.

— Да? Ах, это вы, доктор Жебатински.

— Вы меня помните? — Жебатински попытался улыбнуться.

— Конечно.

— Ну и каков приговор?
 Старик потер руки с неровными шишковатыми пальцами.
 — Прежде... сэр, одно маленькое дельце...

— Вы имеете в виду плату?
 — Я же сделал работу, сэр. И заработал деньги.

Жебатински не стал возражать. Он был готов заплатить. Уж если он так далеко зашел, нет смысла поворачивать назад из-за денег.

Он достал пять десятидолларовых купюр и положил их на прилавок.

— Ну?

Нумеролог тщательно пересчитал деньги, а потом засунул их в ящичек кассы, стоявшей на прилавке.

— Ваш случай оказался невероятно интересным, — сказал он. — Я советую вам поменять имя на Себатински.

— Себа... Как это пишется?

— С-е-б-а-т-и-н-с-к-и.

Жебатински был искренне возмущен.

— Что, поменять первую букву? Изменить «Ж» на «С»? И все?

— Да. Если такой маленькой замены оказывается достаточно, это просто замечательно, потому что вносить небольшие изменения всегда безопаснее.

— Послушайте, как может такая замена хоть на что-нибудь повлиять?

— А как вообще имя влияет на судьбу человека? — тихо спросил нумеролог. — Не знаю. И тем не менее это вполне возможно, больше мне нечего вам сказать. Я же вас предупреждал, что не даю никаких гарантий, не забыли? Естественно, если вы не хотите менять имя, оставьте все как есть. Но в этом случае я не верну вам ваших денег.

— И что же мне делать? — поинтересовался Жебатински. — Заявить всем, что теперь мое имя пишется с буквы «С»?

— Я бы посоветовал обратиться к адвокату. Измените имя законным путем. Адвокат посоветует, как это сделать.

— И сколько уйдет времени? Я имею в виду... ну, прежде чем моя жизнь станет другой?

— Откуда мне знать? Может быть, этого никогда не произойдет. А может быть, все изменится завтра.

— Но ведь вы же видели будущее. Вы утверждаете, что видели его.

— Ну, совсем не так, как вы думаете — будто ваше будущее предстало передо мной в мерцающем хрустальном шаре. Нет, нет, доктор Жебатински. Мой компьютер выдал серию закодированных цифр. Я могу сообщить вам о возможных вариантах, но никаких красочных картин я не видел.

Жебатински повернулся и быстро вышел из лавки. Пятьдесят долларов за то, чтобы поменять одну букву в фамилии! Пятьдесят долларов за «Себатински»! Господи, ну и имя! Еще хуже, чем Жебатински.

Прошел еще целый месяц, прежде чем Жебатински решился отправиться к адвокату. Он убеждал себя, что всегда сможет еще раз изменить имя, получить свое старое назад.

Нужно попробовать, убеждал он себя.

Черт подери, это ведь не запрещено законом.

Генри Бренд просматривал папку страницу за страницей, он был профессионалом и посвятил Службе безопасности четырнадцать лет своей жизни. Ему не требовалось обращать внимание на каждое слово. Любое несоответствие, любая странность сами привлекли бы его внимание.

— Этот парень кажется мне абсолютно чистым, — сказал он.

Генри Бренд тоже был абсолютно чистым; большое симпатичное брюшко, розовое, тщательно выбритое, словно только что умытое, лицо. Точно тот факт, что ему приходится иметь дело с разного рода неблагоприятными поступками, начиная от простого недомыслия и кончая возможным предательством, вынуждает его мыться чаще, чем это принято.

Лейтенант Альберт Квинси, который принес ему папку, был молод и исполнен чувства ответственности — он гордился тем, что является представителем Службы безопасности.

— Но почему Себатински? — настойчиво требовал он ответа.

— А почему бы и нет?

— Потому что это бессмыслица какая-то. Жебатински — иностранное имя, я бы и сам его изменил, но на что-нибудь англосаксонское. Если бы Жебатински сделал так, это было бы понятно, я бы даже и внимания на него не обратил. Но зачем менять «Ж» на «С»? Мне кажется, мы должны это выяснить.

— А его самого кто-нибудь спрашивал?

— Конечно. Естественно, в частной беседе. Я за этим проследил. Он говорил только, что ему ужасно надоело носить фамилию, которая начинается на последнюю букву алфавита*.

— Почему бы и нет, лейтенант?

— Это возможно, но ведь он мог поменять имя на Сэндс или Смит, если ему уж так хотелось, чтобы его фамилия начиналась с «С». И вообще, коли парень так утомился от буквы «Ж», почему бы не изменить имя совсем и не взять букву «А»? Например... ну... Ааронс?

* Z (Zebatinsky) — последняя буква английского алфавита.

— Я бы сказал, что это не очень англосаксонское имя, — проворчал Бренд, а потом добавил: — Но ведь у нас ничего на него нет. Вряд ли мы можем предъявить ему обвинение только на том основании, что он хочет изменить фамилию, каким бы странным не казалось нам его поведение.

У лейтенанта Квинси сделался ужасно несчастный вид.

— Ну-ка, выкладывайте, лейтенант, — проговорил Бренд, — у меня такое ощущение, что вас беспокоит что-то конкретное. Какие-то идеи? У вас есть теория относительно Жебатински? Признавайтесь, в чем дело?

Лейтенант нахмурился, светлые брови сошлись у переносицы, губы превратились в тонкую ниточку.

— Ну... проклятье, сэр, он же русский

— Вовсе нет, — возразил Бренд. — Он американец в третьем поколении.

— Я хотел сказать, что у него русское имя.

Обманчиво мягкое выражение покинуло лицо Бренда.

— И снова ошибка, лейтенант. Это польское имя.

Лейтенант сердито вскинул руки, ладонями вверх.

— Какая разница!

Девичья фамилия матери Бренда была Вижевская, поэтому он повысил голос:

— Никогда не говорите этого поляку, лейтенант, — а потом, немного подумав, добавил: — Или русскому.

— Я только имел в виду, сэр, — лейтенант покраснел, — что поляки и русские находятся по другую сторону Железного Занавеса.

— Кто же этого не знает?

— А у Жебатински или Себатински, не важно, как мы станем его называть, там могут быть родственники.

— Уже три поколения Жебатински живет в нашей стране. У него, конечно, могут быть там какие-нибудь троюродные братья. Ну, и что из того?

— Само по себе это ничего не значит. Многие имеют там дальних родственников. Только вот Жебатински решил изменить имя.

— Продолжайте.

— Может быть, он хочет отвлечь внимание. Может быть, какой-нибудь троюродный брат Жебатински стал там слишком знаменит, и наш боится, что это помешает ему здесь, лишит его возможности продвижения по службе или еще что-нибудь в таком же духе.

— Изменение имени тут не поможет. Они же все равно останутся родственниками.

— Конечно, но он, возможно, думает, что это не будет так бросаться в глаза.

— Вы что-нибудь слышали о каком-нибудь Жебатински, на той стороне?

— Нет, сэр.

— В таком случае вряд ли он очень знаменит. И откуда может наш Жебатински знать о нем?

— А почему бы ему не поддерживать связи со своими родственниками? Это, конечно, выглядело бы весьма подозрительно — он же физик-ядерщик.

Бренд снова и весьма методично просмотрел папку.

— По-моему, все это притянута за уши, лейтенант. Очень маловероятно.

— А у вас есть какое-нибудь другое объяснение, сэр, почему он решил изменить свою фамилию именно таким образом?

— Нет. Согласен, я не могу этого никак объяснить.

— В таком случае, сэр, я считаю, нам следует немножко покопаться в этом деле. Поищем человека по имени Жебатински там, у них, и посмотрим, можно ли как-нибудь связать его с нашим. — Лейтенанту пришла новая идея, и он заговорил немного громче: — Возможно, парень решил изменить фамилию, чтобы отвлечь наше внимание от них. Ну, чтобы защитить их.

— Мне кажется, он добился прямо противоположного результата.

— Может быть, он этого не понимает, и все же такой мотив нельзя сбрасывать со счетов.

— Ладно, — вздохнул Бренд, — займемся этими Жебатински. Но если нам не удастся отыскать ничего определенного, закроем дело, лейтенант. Оставьте мне папку.

Когда информация наконец добралась до Бренда, он успел забыть о лейтенанте с его теориями. Получив список польских и русских граждан, носящих фамилию Жебатински, и их подробные биографии, он первым делом подумал: «А это еще что такое, черт возьми?»

Потом вспомнил, выругался про себя и принялся читать.

Начиналось все с американского Жебатински: Маршалл Жебатински (отпечатки пальцев прилагаются) родился в Буффало, штат Нью-Йорк (дата рождения, выписка из больничной карты). Его отец тоже родился в Буффало, мать в Осуиго, штат Нью-Йорк. Родители его отца родились в Белостоке, Польша (дата въезда в Соединенные Штаты, дата получения гражданства, фотографии).

Семнадцать русских и польских граждан по фамилии Жебатински все до единого были потомками людей, которые примерно полвека назад жили неподалеку от Белостока. Можно предположить, что все они родственники, но ни в одном случае это не доказано определенно. (Статистические данные в Восточной

Европе после первой мировой войны собирались и хранились весьма недобросовестно, если вообще кто-нибудь этим занимался.)

Бренд просмотрел истории жизни современных Жебатински, мужчин и женщин (просто потрясаяще, с какой тщательностью была проделана работа; наверное, русская служба безопасности работает так же). Бренда заинтересовала одна биография — брови тут же полезли вверх, он нахмурился. Отложил папку в сторону и продолжил изучение остальных. В конце концов сложил все папки в стопку, все, кроме той, которая заинтересовала его, и, задумчиво глядя вдаль, долго постукивал аккуратным, ухоженным ногтем по своему столу. Потом неохотно отправился звонить доктору Полу Кристову из Комиссии по атомной энергии.

Доктор Кристов слушал его с каменным выражением на лице. Только время от времени касался мизинцем носа, напоминающего огромную картофелину, словно хотел смахнуть крошечную пылинку. У него были стального цвета седые волосы, коротко остриженные и весьма немногочисленные.

— Нет, я ничего не слышал о русском Жебатински. Впрочем, я и об американском ничего не слышал, — признался он.

— Ну, — Бренд почесал висок, — лично я не думаю, что в этом что-то есть, но мне не хочется откладывать в сторону расследование. На меня насаждает один молодой лейтенант — вы же знаете, они бывают весьма настырными. В мои планы совсем не входит отчитываться перед комиссией конгресса. Кроме того, один из русских Жебатински, Михаил Андреевич, является физиком-ядерщиком. Вы уверены, что никогда о нем не слышали?

— Михаил Андреевич Жебатински? Нет... нет, никогда.

— Можно было бы посчитать все это простым совпадением, но выглядит оно как-то странно. Один Жебатински здесь и еще один Жебатински там, оба физики-ядерщики, а наш вдруг решает поменять фамилию на Себатински, причем ведет себя чрезвычайно настойчиво. Ни за что не соглашается на другое написание. Требуется: «Пишите мое имя через "С"». Этого вполне достаточно, чтобы некий подозрительный лейтенант, которому всюду мерещатся шпионы, оказался на минуточку прав... И вот еще что странно — русский Жебатински около года назад неожиданно куда-то исчез.

— Его казнили! — уверенно проговорил доктор Кристов.

— Может быть. При обычных обстоятельствах я бы именно так и подумал, хотя русские не глупее нас и не убивают физиков-ядерщиков в ситуациях, когда тем можно сохранить жизнь. Существует другая причина, по которой физик может неожиданно пропасть из виду. Надеюсь, нет необходимости объяснять вам, что это за причина.

— Исследования, сверхсекретные. Вы это имеете в виду?

— Если рассматривать все в совокупности, добавить сюда интуицию лейтенанта... Знаете, у меня появились определенные сомнения.

— Ну-ка, дайте мне эту биографию! — Доктор Кристов потянулся за листком бумаги и дважды внимательно прочитал написанное. Покачал головой, а потом сказал: — Нужно проверить в «Статьях по ядерным исследованиям».

«Статьи по ядерным исследованиям» занимали целую стенку в кабинете доктора Кристова, где микрофильмы лежали в аккуратных маленьких ящичках.

Представитель Комитета по атомным исследованиям занялся проектором, а Бренд призвал на помощь все терпение, которое только имелось у него в наличии.

— Некий Михаил Жебатински был автором и соавтором дюжины статей, напечатанных в советских журналах за последние шесть лет. Сейчас найдем эти статьи и посмотрим, что можно из них извлечь. Вряд ли это что-нибудь серьезное.

Селекторное устройство отобрало нужные микрофильмы. Доктор Кристов сложил их, потом запустил в проектор, и вдруг у него на лице появилось удивление.

— Как странно...

— Что странно? — спросил Бренд.

Доктор Кристов откинулся на спинку кресла.

— Пока еще рано что-либо говорить, но не могли бы вы достать мне список имен других физиков-ядерщиков, пропавших из виду в Советском Союзе за последний год?

— Иными словами, вам удалось кое-что нащупать?

— Не совсем. По крайней мере, сами эти статьи мне ни о чем не говорят. Только вот если рассматривать их с точки зрения секретного исследования и учесть подозрения, которые вы во мне поселили своими вопросами... — Он пожал плечами. — Пока ничего конкретного.

— Может, расскажете, что у вас на уме? — серьезно проговорил Бренд. — Я ведь могу составить вам компанию — будем вдвоем чувствовать себя идиотами.

— Ну, если вам так хочется... Существует возможность, что этот человек заинтересовался гамма-излучением.

— Разъясните.

— Если удастся создать экран против гамма-лучей, возникнет возможность построить индивидуальное убежище, которое будут защищать от радиоактивных осадков. Вы же должны знать, что главную опасность представляют именно радиоактивные осадки. Водородная бомба может уничтожить город, а вот осадки в состоянии покончить с населением на огромных территориях.

— А мы занимаемся подобными исследованиями? — быстро спросил Бренд.

— Нет.

— И если они получают такой экран, а мы нет, они смогут уничтожить Соединенные Штаты, потеряв, скажем, всего десять городов?

— Ну, это дело далекого будущего... Кроме того, на чем основаны наши с вами подозрения? На том, что какой-то человек решил изменить одну букву в своей фамилии.

— Ну хорошо, предположим, я спятил, — согласился Бренд. — Но я не собираюсь закрывать это дело на данном этапе. Только не на данном этапе. Я достану вам список исчезнувших физиков, даже если мне придется слетать за ним в Москву.

Бренд достал список. Они с доктором Кристовым внимательно просмотрели работы этих физиков. Собрали всех членов Комиссии, а потом лучших физиков-ядерщиков страны. Доктор Кристов ушел с ночного заседания, которое посетил сам президент.

Его поджидал Бренд. У обоих был измученный вид, в последнее время они явно недосыпали.

— Ну? — спросил Бренд.

— Большинство с нами согласны, — кивнул Кристов. — Кто еще сомневается, но большинство согласны.

— А вы? Вы уверены?

— Я ни в чем не уверен, но вот что я вам скажу: гораздо легче поверить в то, что русские работают над защитой от гамма-лучей, чем в то, что все обнаруженные нами данные никак не связаны между собой.

— Приняли решение, что и мы должны заняться такими же исследованиями?

— Да. — Кристов попытался пригладить свои короткие, похожие на щетину волосы. — Мы собираемся уделить этой проблеме самое серьезное внимание. Изучив работы тех физиков, что исчезли с горизонта, мы сможем быстро догнать русских. Может быть, нам даже удастся их обойти... Они, естественно, узнают о том, чем мы занимаемся.

— Ну и отлично, — сказал Бренд. — Пусть узнают. Тогда не станут на нас нападать. Не думаю, что будет правильно отдать им десять наших городов, чтобы взамен получить десять их; если им станет известно, что мы изобрели защитный экран, — замечательно.

— Только не слишком рано. Мы же не хотим, чтобы они обо всем узнали слишком рано. А как насчет американского Жебатински-Себатински?

Бренд покачал головой:

— Он никак со всем этим не связан, мы ничего не нашли — пока. О Господи, мы искали, тут вы можете не сомневаться! Естественно, с вами согласен. Сейчас он находится в весьма неподходящем месте, и мы не можем себе позволить, чтобы он там оставался, даже если он и абсолютно чист.

— Но и выбросить его с работы просто так, без причины, мы тоже не можем, потому что тогда у русских возникнут подозрения.

— У вас есть какие-нибудь идеи?

Они шли по пустому, длинному коридору в сторону лифта, было четыре часа утра.

— Я интересовался его деятельностью, — сказал доктор Кристов. — Жебатински хороший работник, лучше многих, но недоволен своим положением. Он не создан для работы в команде.

— И что?

— Этот человек скорее подходит для академической карьеры. Если мы сможем устроить так, что какой-нибудь большой университет предложит ему преподавать физику, он с удовольствием согласится. Там он будет занят интересным делом, а мы вытащим его из «неподходящего» места. Кроме того, мы сможем за ним присматривать, да и вообще, это будет настоящее продвижение по службе. И русские ничего не заподозрят. Ну как?

— Отличная идея, — согласился Бренд. — Звучит великолепно. Доложу шефу.

Они вошли в лифт, и только тут Бренд подумал о том, к какому забавному повороту событий привело желание человека поменять одну букву в своей фамилии.

Маршалл Себатински был так взволнован, что с трудом мог говорить.

— Клянусь, понятия не имею, как все это произошло, — сказал он жене. — Я был уверен, что меня и не замечают... О Господи, Софи, адъюнкт-профессор, преподаватель физики в Принстоне. Ты только подумай!

— Может быть, это благодаря твоему выступлению на заседании Американской ассоциации физиков? — предположила Софи.

— Сомневаюсь. Доклад стал таким тоскливым после того, как его раскрытировали все, кому не лень, в нашей группе. — Он щелкнул пальцами. — Это, наверное, Принстон меня проверял. Вот именно. Знаешь, за последние полгода мне пришлось заполнить целое море анкет; да и разные интервью, о целях которых мне не говорили. Честно говоря, я уже решил, что попал под подозрение и меня вот-вот обвинят в шпионаже... а на самом

деле мной заинтересовался Принстон! Надо сказать, они делают свою работу весьма тщательно.

— А может, дело в твоём имени, — сказала Софи. — Я имею в виду, что ты поменял фамилию.

— Ну, вот теперь ты увидишь. Наконец-то моя профессиональная жизнь будет принадлежать только мне. Уж я развернусь! Как только у меня появится возможность работать без... — Он неожиданно замолчал и повернулся к жене: — Имя! Ты имела в виду «С»?

— Ты ведь получил это предложение после того, как поменял фамилию, разве не так?

— Ну, по правде говоря, далеко не сразу. Нет, это наверняка лишь совпадение. Я и раньше тебе говорил, что выбросил на ветер пятьдесят долларов исключительно ради того, чтобы ублажить тебя. Господи, каким идиотом я себя чувствовал последнее время, настаивая на том, чтобы мою фамилию теперь писали с этой дурацкой буквы «С».

Софи немедленно бросилась в атаку.

— Я не заставляла тебя, Маршалл. Просто предложила, и все, я ни на чем не настаивала. И не надо утверждать, что это все из-за меня. Кроме того, получилось-то как нельзя лучше. Я не сомневаюсь, что дело в твоём имени.

— По-моему, это предрассудки, — снисходительно улыбнулся Себатински.

— А мне наплевать, как ты это называешь, ты ведь не собираешься менять фамилию назад?

— Ну нет, зачем? Мне с таким трудом удалось приучить всех писать ее с буквы «С»; что я даже боюсь подумать о том, что придется возвращать все назад и, следовательно, подвергнуться новым страданиям. Может быть, следовало взять фамилию Джонс, а? — Он истерично рассмеялся.

Но Софи была совершенно серьезна.

— И думать забудь.

— Да ладно, ладно, я пошутил. Знаешь, зайду-ка я к тому старикашке как-нибудь на днях, скажу, что все получилось, и дам ему еще десятку. Ну, довольна?

Себатински был настолько счастлив, что на следующей неделе отправился выполнять свое обещание. На этот раз он не стал одеваться так, чтобы его никто не узнал. Был в очках, своем обычном костюме и без шляпы.

Подходя к лавке, он даже что-то тихонько мурлыкал себе под нос, а увидев женщину с измученным тоскливым лицом, толкающую перед собой коляску с близнецами, галантно отошел в сторону и уступил ей дорогу.

Положил ладонь на ручку двери, но она почему-то не поддавалась — дверь была закрыта на замок. Пыльная, потускневшая табличка с надписью «Нумеролог» исчезла, Себатински заметил

то только сейчас, когда принялся разглядывать дверь, на которой теперь красовалась другая надпись на бумажке, уже слегка пожелтевшей на солнце и истрепанной ветром: «Сдается». Себатински пожал плечами. Ну что же, он ведь попытался.

Хэраунд был счастлив, что наконец избавился от телесной оболочки, и весело резвился, а его энергетическое облако бледно-пурпурным сиянием освещало кубические гипермилли.

— Я победил? Я победил?

Местак был задумчив, его облако напоминало яркую сферу в гиперпространстве.

— Я еще не сделал всех необходимых расчетов.

— Так давай, не тяни. Результат не изменится, сколько не считай. Ох, приятно все-таки снова оказаться в чистой энергии. Конечно, я находился в телесной оболочке всего микроцикла, но эта оболочка была такой старой, почти негодной. Зато я тебе доказал, что был прав, так что стоило и помучиться немного!

— Ну хорошо, я готов признать, что ты предотвратил ядерную войну на этой планете, — согласился Местак.

— Разве это не эффект Класа А?

— Это эффект класса А. Я и не спорю.

— Отлично. А теперь тебе придется согласиться, что мне удалось получить эффект класса А при помощи стимула класса F. Я изменил одну букву всего в одной фамилии.

— Что?

— А, да ладно. Вот оно все здесь, перед тобой. Посмотри, я сделал это специально для тебя.

— Сдаюсь, — неохотно сказал Местак. — Стимул класса F.

— Значит, я победил. Ну же, признай!

— Как только Наблюдателю об этом станет известно, нам обоим не поздоровится.

Хэраунд, который изображал старого нумеролога на Земле и еще не очень пришел в себя от облегчения, когда перестал им быть, сказал:

— Когда ты заключал со мной пари, тебя это не очень беспокоило.

— Ну, я был уверен, что ты не настолько глуп, чтобы заниматься подобными вещами.

— Фу, кончай расходовать энергию попусту! Кроме того, чего беспокоиться? Наблюдатель в жизни не заметит стимул класса F.

— Может, и не заметит, зато он обязательно обратит внимание на эффект класса А. Эти телесные будут тут и через дюжину микроциклов. Наблюдатель обязательно обратит на них внимание.

— Проблема заключается в том, Местак, что ты не хочешь платить. Вот и придумываешь всякие причины.

— Да заплачу я тебе! Вот посмотришь, что будет, когда Наблюдатель узнает, что мы с тобой взялись за проблему, решать которую нам никто не поручал, да еще и внесли недозволенное изменение. Конечно, если бы мы... — Он замолчал.

— Ладно, — сказал Хэраунд, — вернем все обратно. Он ничего и не узнает.

Энергетическое облако Местака засветилось ярче, в нем появился плутоватый блеск.

— Тебе понадобится другой стимул класса F, если ты хочешь, чтобы он ничего не заметил.

— Ну и что, с этим я справлюсь без особых проблем, — не совсем уверенно проговорил Хэраунд.

— Сомневаюсь.

— А вот и справлюсь.

— Давай заключим пари? — В сиянии Местака появилось ликование.

— Почему бы и нет? — Хэраунда раззадорил спор. — Я сделаю так, что эти телесные окажутся ровно там, где были, а Наблюдатель ничего и не заподозрит.

— В таком случае, — Местак решил воспользоваться своей победой на максимум, — давай забудем о первом пари. Утроим ставку за второе.

Возбуждение охватило Хэраунда.

— Отлично, согласен. Ставка утроена.

— Значит, договорились?

— Договорились.

ПОСЛЕДНИЙ ВОПРОС

Впервые Последний вопрос был задан в шутку двадцать первого мая 2061 года в то время, когда человечество наконец увидело свет. Вопрос возник в результате пари на пять долларов.

Дело обстояло примерно так.

Александр Адель и Бертрам Лупов были верными слугами Мультивака. Насколько это доступно человеческому существу, оба знали, что лежит за холодным мерцающим ликом гигантского компьютера. Однако они имели лишь смутные представления общего плана о бесчисленных реле и цепях, которые уже давным-давно в такой степени разрослись, что человеку было не под силу представить себе полную картину.

Мультивак обладал способностью самосовершенствования и самонастройки. Иначе и быть не могло — ни один человек не в состоянии достаточно быстро и эффективно проделать подобную работу. Поэтому Адель и Лупов ухаживали за могучим исполином лишь поверхностно, решая незначительные вопросы; однако следует заметить, что занимались они своим делом весьма старательно. Сообщали Мультиваку новую информацию, более четко формулировали вопросы и переводили полученные ответы. И, уж конечно, лучи славы Мультивака заслуженно сопровождали и всех тех, кто обслуживал это чудесное творение рук человеческих.

Десятилетия Мультивак помогал конструировать корабли и рассчитывать траектории их полетов — человек сумел добраться до Луны, Марса и Венеры; дальше не позволяли пробиться скромные ресурсы Земли, поскольку для таких путешествий требовалось слишком много энергии. Земля все эффективнее

The Last Question

© 1956 by Isaac Asimov

Последний вопрос

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1996

вела разработку месторождений угля и урана, но и этот ресурс был небеспредельным.

Постепенно Мультивак обрел способность отвечать на все более и более сложные вопросы, и четырнадцатого мая 2061 года то, что раньше было теорией, превратилось в факт.

Теперь солнечная энергия запасалась, конвертировалась и использовалась в планетарном масштабе. На Земле отказались от угля и урана, общая энергосистема переключилась на маленькую станцию диаметром в одну милю, которая вращалась вокруг Земли примерно на половине пути от Луны. Необходимой энергией людей обеспечивали невидимые солнечные лучи.

С момента пуска станции прошла неделя, но всеобщее ликование еще не утихло, так что Аделью и Лупову было совсем непросто освободиться, чтобы спокойно посидеть в каком-нибудь тихом месте, где никто на них не глазел бы. Такое место нашлось среди пустынных подземных помещений — части огромного, спрятанного под землей тела Мультивака. Колоссальную машину наконец тоже оставили в покое, чтобы она могла немного отдохнуть, и парни были очень довольны. Поначалу Адель и Лупов и не собирались беспокоить Мультивак.

Они захватили с собой бутылку, единственное, чего им хотелось — спокойно посидеть, поболтать и расслабиться.

— Знаешь, это ведь просто потрясающе, — заявил Адель. На его широком лице были заметны следы усталости, он медленно помещивал стеклянной палочкой в своем бокале, лениво наблюдая за тем, как перемещаются в жидкости кубики льда. — Трудно представить себе: столько энергии, пользуйся бесконечно, да еще задаром. Можно превратить Землю в огромную каплю жидкого металла — а энергии на это уйдет так мало, что никто даже и не заметит. Нам ее хватит на долгие, долгие годы. Иными словами, навсегда.

Лупов наклонил голову набок. Он неизменно так делал, когда с кем-нибудь не соглашался, а сейчас ему очень хотелось не согласиться — частично из-за того, что пришла его очередь идти за новой порцией льда.

— Нет, не навсегда.

— Черт возьми, почти навсегда. До тех пор, пока не погаснет солнце, Берт.

— Ну, это же и значит, что не навсегда.

— Ладно. На миллиарды и миллиарды лет. Может быть, на двадцать миллиардов. Теперь ты доволен?

Лупов провел ладонью по редеющим волосам, словно хотел убедиться в том, что еще не окончательно облысел, сделал большой глоток из своего стакана.

— Двадцать миллиардов лет — это еще не навсегда.

— На наш век хватит, не так ли?

— То же самое можно было бы сказать про уголь и уран.

— Не спорю, зато теперь мы можем подсоединить каждый космический корабль к Солнечной станции и слетать на Плутон и обратно миллион раз, совершенно не беспокоясь о расходе топлива. Если бы мы продолжали использовать уголь и уран, это было бы невозможно. Спроси Мультивак, если мне не веришь.

— Зачем спрашивать Мультивак, я и сам знаю.

— Тогда перестань принижать то, что Мультивак для нас сделал! — рассердился Адель. — На сей раз он был на высоте.

— Кто же с этим спорит? Я просто утверждаю, что солнце не вечно. Вот и все. Мы можем жить спокойно двадцать миллиардов лет, а что будет потом? — Лупов показал слегка трепещущим пальцем на приятеля. — Только не говори мне, что мы можем подключиться к другому солнцу.

На некоторое время оба замолчали. Адель изредка подносил стакан к губам, а Лупов закрыл глаза. Они отдыхали. Затем Лупов подскочил на месте, удивленно глядя на приятеля.

— Ты думаешь, мы подключимся к другому солнцу, когда нашему придет конец, ведь так?

— Я ничего не думаю.

— Конечно, думаешь. С логикой у тебя всегда были проблемы. Ты похож на того парня, который неожиданно попал под дождь, побежал к рошчице и спрятался под деревом. Понимаешь, он ни о чем не беспокоится: считает, что как только одно дерево промокнет, он перебежит под другое.

— Я тебя понял, — отозвался Адель. — Не кричи. Когда нашему солнцу придет конец, остальные звезды тоже погаснут.

— Именно так, черт возьми, — пробормотал Лупов. — Они возникли во время исходного космического взрыва, или как там это называлось, и все закончится тогда, когда погаснет последняя звезда. Одни это сделают раньше, чем другие. Проклятье, гиганты не продержатся и ста миллионов лет. Солнце проживет двадцать миллиардов лет, а карлики протянут в лучшем случае сто миллиардов. Через триллион лет наступит полнейший мрак. Энтропия достигнет максимума, вот и все.

— Я прекрасно знаю, что такое энтропия, — заявил Адель, вставая и расправляя плечи.

— Ни черта ты не знаешь.

— Знаю не меньше тебя.

— Тогда ты знаешь, что рано или поздно всему приходит конец.

— Ладно, никто с этим и не спорит.

— Ты сам согласишься, несчастный балбес! Ты сказал, что в нашем распоряжении вся энергия, которая когда-либо понадобится. Ты сказал, что мы обеспечены энергией навсегда. Это твое слово: «навсегда».

Теперь пришел черед Аделя не соглашаться

— Возможно, мы сумеем найти способ снова все отстроить, — упрямо возразил он.

— Никогда.

— А почему бы и нет? Со временем...

— Никогда.

— Спроси у Мультивака.

— Сам спроси у Мультивака. Рискни, если ты такой смелый. Спорим на пять долларов, что это невозможно.

Адель уже достаточно выпил, чтобы предпринять подобную попытку, и в то же время оставался достаточно трезвым, чтобы грамотно сформулировать вопрос, обращенный к Мультиваку: «Сумеет ли когда-нибудь человечество, лишившись всех источников энергии, создать новое, юное солнце после того, как последняя звезда умрет от старости?»

Или, может быть, лучше спросить попроще: «Как уменьшить общее количество энтропии во Вселенной?»

Мультивак долго молчал. Огоньки перестали мерцать, перестали щелкать многочисленные реле.

Затем, когда перепуганные техники почувствовали, что больше не в состоянии задерживать дыхание, Мультивак ожил, заработал телетайп. Появилось всего пять слов:

«НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА».

— И никаких тебе пари, — прошептал Лупов.

Они поспешно вышли из комнаты.

На следующее утро их поджидало тяжкое похмелье, голова раскалывалась от боли, язык не слушался. Они напроочь забыли о том, что произошло.

Джеррод, Джерродэйн и Джерродэтт I и II наблюдали за меняющейся звездной картинкой на экране — скачок сквозь гиперпространство был завершен. В одно мгновение вместо россыпи звезд на экране появился огромный светящийся мраморный диск.

— Это X-23, — уверенно заявил Джеррод.

Он так сжал за спиной худые руки, что побелели костяшки пальцев. Две маленькие девочки Джерродэтт впервые в жизни участвовали в гиперпространственном скачке и еще не совсем пришли в себя от короткого, но непередаваемого ощущения, когда тебя выворачивает наизнанку, а потом все снова встает на свои места. Они с трудом подавили смех и начали с громкими, радостными воплями гоняться друг за дружкой вокруг матери.

— Мы добрались до X-23... мы добрались до X-23... мы...

— Успокойтесь, дети! — резко сказала Джерродэйн. — Ты уверен, Джеррод?

— А какие еще возможны варианты? — спросил Джеррод, глядя на металлическую полосу под потолком. Она шла через всю каюту и уходила в стены по обе стороны. Полоса была длиной в целый корабль.

Джеррод знал лишь, что этот толстый металлический прут называется Микровак, ему, при желании, можно задавать вопросы; а даже если ты ничего не спрашиваешь, он все равно ведет корабль к месту назначения. Кроме того, Джеррод знал, что Микровак питается энергией от различных субгалактических энергетических станций и делает все необходимые вычисления для гиперпространственных скачков.

Джерроду и его семье оставалось только жить в удобных каютах корабля и дожидаться, когда они прилетят в нужное место.

Однажды кто-то рассказал Джерроду, что «ак» на конце слова «Микровак» означает «аналоговый компьютер» на древнеанглийском, но он уже практически забыл эту информацию.

Глаза Джерродэйн увлажнились, когда она посмотрела на экран.

— Ничего не могу с собой поделать. Я чувствую себя так странно из-за того, что мы покинули Землю.

— Почему? — удивился Джеррод. — У нас там ничего нет. А на X-23 будет все. И ты не окажешься там одна, мы же не пионеры. На планете уже живет около миллиона людей. Видит Бог, нашим прапраправнукам придется еще искать новые миры, на X-23 станет слишком тесно. — Потом, немного подумав, он добавил: — Знаешь, нам очень повезло, что компьютеры помогли вовремя освоить межзвездные путешествия — ведь население Земли увеличивается даже слишком быстро.

— Я знаю, знаю, — грустно сказала Джерродэйн.

— Наш Микровак — самый лучший Микровак в мире! — вставила свое веское слово Джерродэтт I.

— Я тоже так считаю, — сказал Джеррод, погладив дочурку по голове.

Это действительно было здорово — иметь свой собственный Микровак, и Джеррод радовался, что живет в такое чудесное время. Когда его отец был молодым человеком, компьютеры занимали сотни квадратных миль. На всей Земле был всего один такой грандиозный компьютер. Его называли планетарным АК. В течение тысячи лет машины росли, увеличивались в размерах, а потом, за совсем короткое время, произошел мощный скачок. Вместо транзисторов появились молекулярные диоды, после чего даже самый большой планетарный АК вполне можно было запускать в космос, причем он занимал лишь половину корабля.

Джеррод почувствовал прилив сил — это ощущение охватывало его всякий раз, когда он думал о своем собственном Микроваке, который был во много раз мощнее, чем древний,

примитивный Мультивак, сумевший множество веков назад приручить солнце; его Микровак был почти таким же сложным, как планетарный АК Земли, решивший проблему гиперпространственных скачков и сделавший возможными межзвездные путешествия.

— Так много звезд, так много планет, — вздохнула Джерродэйн, погруженная в собственные мысли. — Наверное, в будущем семьи станут спокойно переселяться на новые планеты, словно из одной квартиры в другую.

— Так будет продолжаться не всегда, — с улыбкой ответил Джеррод. — Когда-нибудь все кончится, но сначала пройдут миллиарды лет. Много миллиардов. Даже звезды рано или поздно гаснут, ты же знаешь. Энтропия должна увеличиться.

— А что такое энтропия, папочка? — звонко прокричала Джерродэйт II.

— Энтропия, малышка, всего лишь слово, означающее степень пассивности Вселенной. Рано или поздно все перестает работать, как твой маленький говорящий робот — помнишь его?

— А разве нельзя вставить новую батарейку, как мы сделали с моим роботом?

— Звезды и есть такие батарейки, милая. Когда все они погаснут, больше не останется батареек.

Джерродэйт I немедленно подняла вой:

— Не разрешай им, папочка! Не разрешай им гаснуть!

— Ну, видишь, что ты надела, — в отчаянии прошептала Джерродэйн.

— Откуда же я мог знать, что их это так напугает, — прошептал Джеррод в ответ.

— Спроси у Микровака, — продолжала рыдать Джерродэйт I. — Спроси у него, как снова зажечь звезды.

— Давай, спроси, — предложила Джерродэйн, — может, тогда они успокоятся.

(К этому моменту Джерродэйт II тоже расплакалась.)

Джеррод пожал плечами:

— Ну-ну, милые. Я спрошу у Микровака. Не беспокойтесь, он нам скажет.

Он задал Микроваку вопрос, быстро добавив:

— Ответ напечатать.

Джеррод подхватил кусок выпавшей микропленки и весело заявил:

— Вот видите, Микровак говорит, что обо всем позаботится, когда в этом возникнет необходимость. Так что вам не о чем волноваться.

— А теперь, дети, — вмешалась Джерродэйн, пора спать. Скоро мы прибудем в наш новый дом.

Джеррод еще раз прочитал слова на микропленке, прежде чем уничтожить ее:

«НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА».

Он пожал плечами и посмотрел на экран. X-23 была уже совсем рядом.

VJ-23X из Ламеты взгляделся в черные глубины трехмерной мелкомасштабной карты Галактики и сказал:

— Может быть, мы зря уже сейчас волнуемся по этому поводу?

MQ-17J из Никрона покачал головой:

— Думаю, нет. Ты же знаешь, через пять лет в Галактике больше не останется свободного места, если учесть, с какой скоростью осваиваются новые планеты.

Обоим было около двадцати лет. Высокие, красивые молодые люди.

— И все же, — не сдавался VJ-23X, — я не готов смириться с пессимистическим прогнозом Галактического Совета.

— Другой вариант ответа я бы даже не стал рассматривать. Их просто необходимо немного взбодрить.

— Космос бесконечен, — вздохнул VJ-23X. — Мы можем занять сто миллиардов галактик. Даже больше.

— Сто миллиардов — отнюдь не бесконечное число, к тому же оно постоянно уменьшается. Поразмысли как следует! Двадцать тысяч лет назад человечество решило проблему использования энергии звезд, уже через несколько столетий стали возможны путешествия к самым далеким созвездиям. Людям потребовалось более миллиона лет, чтобы заполнить один маленький мир; на освоение оставшейся части галактики ушло всего пятнадцать тысяч лет. Сейчас каждые десять лет население удваивается...

— Тут мы должны благодарить бессмертие, — прервал его VJ-23X.

— Совершенно верно. Мы овладели секретом бессмертия, никуда от этого факта не денешься. Нельзя не признать, что бессмертие имеет и оборотную сторону. Галактический АК решил для нас множество проблем, но, избавив человечество от старости и смерти, он лишил нас возможности искать иные варианты.

— Однако ты вряд ли согласишься бы отказаться от жизни, как мне кажется.

— Конечно, не согласился бы, — проворчал MQ-17J, заметно смягчаясь. — Во всяком случае, пока. Но я еще не так стар. Тебе сколько лет?

— Двести двадцать три. А тебе?

— Мне еще и двухсот не исполнилось. Однако вернемся к моим исходным рассуждениям. Население удваивается каждые десять лет. Как только эта галактика будет заселена, нам

потребуется всего десять лет, чтобы полностью освоить следующую. Еще через десять лет возникнет необходимость сразу в двух. Пройдет новое десятилетие — ищи четыре неизведанных галактики. За сто лет мы будем вынуждены освоить более тысячи галактик. За тысячу — миллион. За десять тысяч лет — всю Вселенную. А дальше?

— Кроме того, — добавил VJ-23X, — возникает проблема транспорта. Интересно, сколько энергии потребуется, чтобы переместить население одной галактики в другую?

— Отличный довод. Уже сегодня человечество потребляет энергию двух солнц в год только для решения транспортных проблем.

— Большая ее часть расходуется зря. В конце концов, в нашей галактике тысячи звезд, каждая из которых постоянно излучает энергию, а мы нуждаемся только в двух.

— Согласен, но, даже употребляя энергию со стопроцентной эффективностью, мы только отодвигаем конец. Наши потребности будут увеличиваться в геометрической прогрессии, намного быстрее, чем рост населения. Энергия кончится даже раньше, чем галактики. Отличный довод. Просто превосходный.

— Значит, придется создавать новые звезды из межзвездного газа.

— Ты еще скажи «из рассеянного тепла»! — язвительно предложил MQ-17J.

— Должен же существовать способ борьбы с энтропией. Следует запросить галактический АК.

VJ-23X бросил эту фразу в шутку, но MQ-17J достал из кармана крошечный передатчик для связи с АК и положил его перед собой на стол.

— Может, и стоит это сделать, — сказал он. — Рано или поздно человеческой расе придется заняться решением вопроса выживания.

Он посмотрел на свой маленький АК-передатчик, который представлял из себя куб с ребром в два дюйма, но был подсоединен через гиперпространство к огромному галактическому АК, который служил всему человечеству. В некотором смысле можно было рассматривать передатчик как некую частичку галактического АК.

MQ-17J вдруг задумался о том, соберется ли он когда-нибудь за свою бесконечную жизнь посетить галактический АК. Это был целый мир — паук на паутине силовых лучей, поддерживающих среду, в которой путешествуют суб-мезоны, пришедшие на смену неуклюжим молекулярным диодам. Однако, несмотря на то что галактический АК был великим достижением инженерной мысли, он занимал в поперечнике более тысячи футов.

— Можно ли повернуть энтропию вспять? — неожиданно задал свой вопрос MQ-17J.

VJ-23X удивленно на него посмотрел:

— Ну, по правде говоря, я совсем не всерьез предлагал тебе обратиться к АК.

— А почему бы и нет?

— Мы оба знаем, что энтропия необратима. Нельзя превратить дым и золу в дерево.

— А в вашем мире есть деревья? — поинтересовался MQ-17J.

В этот момент заговорил галактический АК, и оба замолчали. Голос, исходящий из маленького АК-передатчика, был звонким и приятным. Он сказал:

— НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА.

— Вот видишь! — воскликнул VJ-23X.

И они вернулись к обсуждению отчета, который должны были сделать для Галактического Совета.

Разум Зи Прайма рассеянно обзирал новую галактику и ее бесчисленные звезды, дающие энергию и жизнь. Ранее он никогда не видел этой галактики. Доведется ли ему когда-нибудь посмотреть их все? Галактик так много — и каждая населена людьми. Однако все чаще и чаще истинная сущность человека оказывалась в космосе.

Только разумы, не тела! Бессмертные тела оставались на планетах, приостановив обычную деятельность на миллиарды лет. Иногда они возобновляли материальную активность, но это происходило все реже и реже. Совсем немного новых людей появлялось на свет, чтобы присоединиться к огромному числу живущих, но разве теперь это имело какое-нибудь значение? Во Вселенной почти не осталось места для поселенцев.

Зи Прайм отвлекся от глубоких раздумий, его легонько коснулся другой разум.

— Меня зовут Зи Прайм. А тебя?

— А меня Ди Саб Ван. Из какой ты галактики?

— Мы называем ее просто Галактика. А ты?

— Свою мы зовем так же. Все люди теперь называют место своего обитания просто Галактика. Почему бы и нет?

— Верно. Особенно если учесть, что все галактики одинаковы.

— Не все. В одной из галактик зародилась человеческая раса. Вот она то и отличается от остальных.

— И в какой же именно? — поинтересовался Зи Прайм.

— Не могу сказать. Вселенский АК должен знать.

— Может, спросим у него? Мне вдруг стало любопытно.

Восприятие Зи Прайма стало расширяться, пока галактики не превратились в небольшие пятнышки, разбросанные по Вселенной. Многие сотни миллиардов галактик, населенных бессмертными существами, разумы которых свободно дрейфовали в пространстве. Но одна из этих бесчисленных галактик была

уникальной. На ней в далеком, невероятно далеком прошлом зародились первые люди. Тогда только эта галактика была населена разумными существами.

Зи Прайма охватило нетерпение: ему захотелось увидеть эту галактику, и он позвал:

— Вселенский АК! В какой галактике зародилось человечество?

Вселенский АК услышал — на каждой планете, в каждой галактике у него были рецепторы, которые через гиперпространство связывали с ним множество миров.

Зи Прайм знал, что мыслям только одного человека удалось проникнуть в пространства, окружающие вселенский АК, и он сумел смутно разглядеть лишь сияющую сферу диаметром всего в два фута.

— Но как такая маленькая сфера может быть вселенским АК? — спросил тогда Зи Прайм.

— Большая его часть, — последовал ответ, — находится в гиперпространстве. А в какой именно форме, я даже и представить себе не могу.

Да и никто не мог, поскольку Зи Прайм знал, что прошли эпохи с тех пор, как человек имел какое-то отношение к конструкции вселенского АК. Каждый новый вселенский АК проектировался и строился своим предшественником. Каждый за миллионы лет существования собирал информацию и идеи, необходимые для того, чтобы построить новый, более изощренный и дееспособный компьютер, в котором оживет его собственная индивидуальность.

Вселенский АК прервал размышления Зи Прайма, но не словами — он повел за собой его разум через множество галактик, пока они не оказались в той, где впервые появились люди.

И явилась мысль, очень далекая, но кристально ясная:

— ЗДЕСЬ ЗАРОДИЛАСЬ РАСА ЛЮДЕЙ.

Однако эта галактика ничем не отличалась от всех других, и Зи Прайм был разочарован.

Ди Саб Ван, чей разум сопровождал разум Зи Прайма, неожиданно сказал:

— А одна из этих звезд была той, что светила первым людям?

Вселенский АК ответил:

— ТА ЗВЕЗДА ПРЕВРАТИЛАСЬ В СВЕРХНОВУЮ. ТЕПЕРЬ ЭТО БЕЛЫЙ КАРЛИК.

— А люди погибли? — не подумав, спросил удивленный Зи Прайм.

Вселенский АК ответил:

— БЫЛ СОЗДАН НОВЫЙ МИР, КАК И ВСЕГДА В ПОДОБНЫХ СЛУЧАЯХ. ИХ ФИЗИЧЕСКИЕ ТЕЛА УСПЕЛИ ВОВРЕМЯ НА НЕГО ПЕРЕБРАТЬСЯ.

— Да, конечно, — сказал Зи Прайм, но ему все равно стало грустно.

Его сознание покинуло галактическую колыбель человечества и вернулось обратно, чтобы вновь распылиться среди бесчисленных звезд. Зи Прайм больше не хотел видеть ту галактику.

— Что-то не так? — спросил Ди Саб Ван.

— Звезды умирают. Первая звезда человечества мертва.

— Они все должны умереть. Почему бы и нет?

— Но когда иссякнет энергия всех звезд, наши физические тела наконец умрут, а вместе с ними и мы с тобой.

— На это уйдут миллиарды лет.

— А я не хочу, чтобы это произошло и через миллиард лет!.. Вселенский АК! Как можно предотвратить смерть звезд?

— Ты спрашиваешь о том, можно ли реверсировать энтропию! — воскликнул Ди Саб Ван.

А Вселенский АК ответил:

— НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА.

Мысли Зи Прайма вновь обратились к его собственной галактике. Он больше не думал о Ди Саб Ване, телесная оболочка которого могла находиться в иной галактике в триллионах световых лет от него или рядом с соседней звездой. Это не имело значения.

Расстроенный Зи Прайм начал собирать межзвездный водород, из которого решил создать звезду. Звезды должны когда-нибудь умереть, но сейчас он может построить еще одну, новую.

Человек посоветовался сам с собой, поскольку в некотором роде Человек в интеллектуальном смысле был единым. Он состоял из триллионов-триллионов-триллионов лишенных возраста тел, каждое из которых занимало свое место, каждое было надеждено вечной жизнью, и за каждым ухаживали безупречные вечные роботы, в то время как сознания всех этих тел свободно соединялись друг с другом, так что их невозможно было разделить.

Человек сказал:

— Вселенная умирает.

Человек посмотрел вокруг и увидел тусклые галактики. Гигантские звезды, чья энергия была растратчена, погасли в далекие, далекие времена. Почти все они превратились в тихо затухающих белых карликов.

Из межзвездной пыли родились новые звезды: одни в результате естественных процессов, какие-то построил сам Человек — они тоже умирали. Белые карлики можно было сжать вместе, в результате чего высвобождались могущие силы, появлялись новые звезды, но для создания такой звезды требовалось уничтожить тысячу белых карликов, а рано или поздно погибнут и они.

Человек сказал:

— Даже если космический АК будет самым тщательным образом следить за распределением энергии, нам хватит ее лишь на миллиарды лет.

Но все равно, — продолжал Человек, — наступит время, когда и этому придет конец. Как бы мы ни старались растянуть ее, потраченная энергия исчезает, и ее невозможно восстановить. Энтропия должна достигнуть максимума.

И тогда Человек спросил:

— А нельзя ли реверсировать энтропию? Давайте обратимся к космическому АК!

Космический АК окружал Человека повсюду, но ни единой его части не находилось в космосе. Он пребывал в гиперпространстве и состоял из некоей субстанции — не материи и не энергии. Вопрос о его размерах и природе уже давно стал недоступен пониманию Человека.

— Космический АК, — спросил Человек, — как можно реверсировать энтропию?

Космический АК ответил:

— НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА.

— Тогда собери необходимую информацию, — сказал Человек.

Космический АК ответил:

— Я ТАК И СДЕЛАЮ. УЖЕ СТО МИЛЛИАРДОВ ЛЕТ Я ЗАНИМАЮСЬ ЭТИМ. МОИМ ПРЕДШЕСТВЕННИКАМ И МНЕ ЗАДАВАЛИ ЭТОТ ВОПРОС МНОЖЕСТВО РАЗ. ОДНАКО ДО СИХ ПОР НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА.

— Наступит ли такой момент, — спросил Человек, — когда данных будет достаточно, или проблема не разрешима ни при каких обстоятельствах?

Космический АК ответил:

— НЕТ НЕРАЗРЕШИМЫХ ПРОБЛЕМ.

— Когда ты соберешь достаточно данных, чтобы дать ответ на вопрос? — поинтересовался Человек.

Космический АК сказал:

— НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА.

— Ты будешь работать над этой проблемой? — спросил Человек.

И Космический АК заявил:

— БУДУ.

— Мы подождем, — сказал Человек.

Звезды и галактики умирали и гасли, космос становился все чернее и чернее после десяти триллионов лет постепенного увядания

Один за другим люди сливались с АК, при этом физические тела теряли индивидуальность таким образом, что каждый приобретал больше, чем терял.

Разум последнего Человека остановился перед слиянием, бросил прощальный взгляд на окружающий космос, в котором остались лишь частички последней темной звезды — энергия асимптотически стремилась к абсолютному нулю.

— АК, это конец? Возможно ли из хаоса создать новую Вселенную?

АК ответил:

— НЕ ХВАТАЕТ ДАННЫХ ДЛЯ ОСМЫСЛЕННОГО ОТВЕТА.

Разум последнего Человека произвел слияние, теперь существовал лишь АК — да и то в гиперпространстве.

Материя и энергия кончились, а вместе с ними пространство и время. Даже АК существовал только для того, чтобы найти ответ на последний вопрос, над которым он думал с тех незапамятных времен, когда его впервые задал подвыпивший программист десять триллионов лет назад. Задал компьютеру, который походил на АК гораздо меньше, чем человек на Человека.

На все остальные вопросы ответы были найдены, но до тех пор, пока АК не ответит на этот, последний, вопрос, он не мог прекратить своего существования.

Наконец он собрал все сведения. Дальше делать было нечего. Оставалось соотнести все данные, найти связь между ними.

И прошел отрезок времени, лишенный продолжительности. И АК узнал, как реверсировать энтропию.

Но ведь не осталось ни одного человека, которому АК мог бы ответить на этот, последний, вопрос. Не осталось материи. Впрочем, ответ — на примере — позаботится и об этом тоже.

И прошел еще один лишенный продолжительности отрезок времени, пока АК думал о том, как лучше сделать это. Тщательно, стараясь не совершить ошибки, АК запустил программу.

Сознание АК охватило все, что когда-то было Вселенной, и размышляло о том, что теперь стало Хаосом. Необходимо все исправить, постепенно, шаг за шагом.

И АК сказал:

— ДА БУДЕТ СВЕТ!

И был свет...

УРОДЛИВЫЙ МАЛЬЧУГАН

Как всегда, прежде чем открыть тщательно запертую дверь, Эдит Феллоуз поправила свой рабочий халат и только после этого переступила ту невидимую линию, что отделяла реальный мир от несуществующего. При ней были ее записная книжка и авторучка, хотя она с некоторого времени не вела больше систематических записей, прибегая к ним только в случае крайней необходимости.

На этот раз она несла с собой чемодан. «Это игры для мальчиков», — улыбнувшись, объяснила она охраннику, который давным-давно уже перестал задавать ей какие бы то ни было вопросы и лишь махнул рукой, пропуская ее.

Как всегда, уродливый мальчуган сразу же почувствовал ее присутствие и, плача, бросился ей навстречу.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, — бормотал он, произнося слова мягко и слегка невнятно, в свойственной одному ему манере.

— Что случилось, Тимми? — спросила она, проводя рукой по его бесформенной головке, поросшей густыми коричневыми космами.

— Джерри вернется, чтобы опять играть со мной? Мне очень совестно за то, что произошло.

— Не думай больше об этом, Тимми. Из-за этого ты и плачешь?

Он отвернулся:

— Не совсем, мисс Феллоуз. Дело в том, что я снова видел сон.

— Опять тот же сон? — Мисс Феллоуз стиснула зубы.

Конечно же, эта история с Джерри должна была вызвать у мальчика старое сновидение.

The Ugly Little Boy
© 1958 by Isaac Asimov
Уродливый мальчуган
© С. Васильева, перевод, 1973

Он кивнул, пытаясь улыбнуться, и его широко растянувшиеся, выдающиеся вперед губы обнажили слишком большие зубы.

— Когда же я наконец достаточно подрасту, чтобы выйти отсюда, мисс Феллоуз?

— Скоро, — мягко ответила она, чувствуя, как сжимается ее сердце, — скоро.

Мисс Феллоуз позволила Тимми взять себя за руку и с удовольствием ощутила теплое прикосновение грубой сухой кожи его ладони. Он повел ее через комнаты, которые составляли Первую Секцию Стасиса, комнаты, несомненно, достаточно комфортабельные, но тем не менее являвшиеся для семилетнего (семилетнего ли?) уродца местом вечного заключения.

Он подвел ее к одному из окон, выходившему на покрытую низкорослым кустарником лесистую местность (скрытую сейчас от взоров ночной мглой). Прикрепленные к забору специальные объявления запрещали кому бы то ни было находиться поблизости без особого на то разрешения.

Он прижался носом к оконному стеклу:

— Я смогу выйти туда, мисс Феллоуз?

— Ты увидишь места гораздо лучше, красивее, чем это, — грустно ответила она, глядя на несчастное лицо маленького заключенного.

На его низкий скошенный лоб пучками свисали спутанные пряди волос. Затылочная часть черепа образовывала большой выступ, голова ребенка казалась непомерно тяжелой, склоняясь вперед, заставляя его сутулиться. Уже начали разрастаться, растягивая кожу, надбровные дуги. Его массивный рот гораздо больше выдавался вперед, чем широкий приплюснутый нос, а подбородка не было и в помине, только челюстная кость, мягко уходящая вниз. Он был слишком мал для своего возраста, неуклюж и кривоног.

Это был невероятно уродливый мальчик, и Эдит Феллоуз очень любила его.

Губы ее задрожали — она могла позволить себе сейчас такую роскошь, ее собственное лицо находилось вне поля зрения ребенка.

Нет, они не убьют его. Она пойдет на все, чтобы воспрепятствовать этому. На все. Она открыла чемодан и начала вынимать оттуда одежду для мальчика.

Эдит Феллоуз впервые переступила порог акционерного общества «Стасис Инкорпорейтэд» немногим более трех лет назад. Тогда у нее не было ни малейшего представления о том, что крылось за этим названием. Впрочем, этого в то время не знал никто, за исключением тех, кто там работал. И действительно,

ошеломляющее известие потрясло мир только на следующий день после ее поступления. А незадолго до этого они дали лишь лаконичное объявление, в котором приглашали на работу женщину, обладающую знаниями в области физиологии, опытом в медицинской химии и любящую детей. Эдит Феллоуз работала сестрой в родильном отделении и посему пришла к выводу, что отвечает всем этим требованиям.

Джеральд Хоскинс, доктор физических наук, о чем свидетельствовала укрепленная на его письменном столе пластинка с соответствующей надписью, потер щеку большим пальцем и принялся внимательно ее разглядывать.

Инстинктивно сжавшись, мисс Феллоуз почувствовала, что у нее начинает подергиваться лицо.

Сам-то он отнюдь не красавец, с обидой подумала она, лысеет, начинает полнеть, да вдобавок выражение губ у него какое-то угрюмое, замкнутое... Но так как сумма, предложенная за работу, оказалась значительно выше той, на которую она рассчитывала, мисс Феллоуз решила не торопиться с выводами...

— Итак, значит, вы действительно любите детей? — спросил Хоскинс.

— В противном случае я не стала бы притворяться.

— А может быть, вы любите только хорошеньких детей? Эдаких прелестных сюсюкающих херувимчиков с крошечными носиками?

— Дети всегда остаются детьми, доктор Хоскинс, — ответила мисс Феллоуз, — и случается, что именно некрасивые дети больше других нуждаются в поддержке.

— Предположим, что мы возьмем вас...

— Вы хотите сказать, что согласны нанять меня?

На его широком лице мелькнула улыбка, придав ему на какой-то миг странную привлекательность.

— Я быстро принимаю решения, — сказал он. — Пока что я еще ничего не предлагаю вам и вполне могу отпустить вас ни с чем. А сами-то вы готовы принять мое предложение?

Стиснув руками сумочку, мисс Феллоуз со всей быстротой, на которую она была способна, стала подсчитывать в уме те выгоды, которые сулила ей новая работа, но, повинуясь внезапному импульсу, отбросила вдруг все расчеты.

— Да.

— Прекрасно. Сегодня вечером мы собираемся пустить Стасис в ход, и я думаю, что вам следует присутствовать при этом, чтобы сразу же приступить к своим обязанностям. Это произойдет в восемь часов вечера, и я надеюсь, что увижу вас здесь в семь тридцать.

— Но, что...

— Ладно, ладно. Пока все.

По сигналу вошла улыбающаяся секретарша и выпроводила ее из кабинета.

Выйдя, мисс Феллоуз какое-то время молча смотрела на закрытую дверь, за которой остался мистер Хоскинс. Что такое Стасис? Какое отношение к детям имеет это огромное, напоминающее сарай здание, служащие с прикрепленными к одежде непонятными значками, длинные коридоры и та характерная атмосфера технического производства, которую невозможно ни чем спутать?

Она спрашивала себя, стоит ли ей возвращаться сюда вечером или же лучше не приходить совсем, проучив тем самым этого человека за его высокомерную снисходительность. Но в то же время она не сомневалась, что вернется, хотя бы только из чувства неудовольственного любопытства. Она должна выяснить, при чем же здесь все-таки дети.

Когда ровно в половине восьмого она снова пришла туда, она сразу обратила внимание на то, что ей не понадобилось ничего о себе сообщать. Все, кто попадался ей на пути, как мужчины, так и женщины, казалось, отлично знали не только, кто она, но и характер ее будущей работы. Ее немедленно провели внутрь здания.

Она увидела доктора Хоскинса, но он, рассеянно взглянув на нее и невнятно произнеся ее имя, даже не предложил ей сесть. Она сама спокойно подошла к стулу и села.

Они находились на балконе, с которого открывался вид на обширную шахту, заполненную какими-то приборами, представлявшими собой на первый взгляд нечто среднее между пультом управления космического корабля и контрольной панелью электронной счетной машины.

В другой части шахты высились перегородки, служившие стенами для лишенной потолка квартиры. Это был как бы гигантский кукольный домик, внутреннее убранство которого просматривалось как на ладони с того места, где сидела мисс Феллоуз.

Ей ясно были видны стоявшие в одной из комнат электронная плита и холодильная установка и расположенное в другом помещении оборудование ванной. А предмет, который ей удалось рассмотреть в третьей комнате, мог быть только частью кровати, маленькой кровати...

Хоскинс разговаривал с каким-то мужчиной. Вместе с мисс Феллоуз на балконе их было трое. Хоскинс не представил ей незнакомца, и мисс Феллоуз оставалось, лишь исподтишка разглядывать его. Это был худой мужчина средних лет, довольно приятной наружности, у него были маленькие усики и живые глаза, казалось, ничего не упускающие из виду.

— Я отнюдь не собираюсь, доктор Хоскинс, делать вид, что мне все это понятно, — говорил он. — Я хочу сказать, что понимаю

кое-что лишь в тех пределах, которые доступны достаточно интеллигентному неспециалисту. Но, даже учитывая границы моей компетенции, я хочу заметить, что одна сторона проблемы мне менее ясна, чем другая. Я имею в виду выборочность. Вы в состоянии проникнуть очень далеко; допустим, это можно понять. Чем дальше вы продвигаетесь, тем туманнее, расплывчатее становятся объекты, а это требует большей затраты энергии. Хорошо. Но в то же время вы не можете достичь более близкого объекта. Вот что является загадкой для меня.

— Если вы позволите мне воспользоваться аналогией, Девеней, я постараюсь представить вам проблему в таком свете, чтобы она казалась менее парадоксальной.

Проскользнувшее в разговоре имя незнакомца помимо ее воли произвело на мисс Феллоуз впечатление, и ей тут же стало ясно, кто он. Это, видимо, был сам Кандид Девеней, писавший для телевизионных новостей очерки на научные темы, тот Кандид Девеней, личным присутствием которого были отмечены все крупнейшие события в научном мире. Теперь его лицо даже показалось ей знакомым. Конечно же, это именно его видела она на экране, когда объявили о посадке космического корабля на Марс. А если это действительно тот самый Девеней, то это могло означать только то, что доктор Хоскинс собирается сейчас продемонстрировать нечто очень важное.

— Если вы считаете, что это поможет, то почему бы вам и не воспользоваться аналогией? — спросил Девеней.

— Ну хорошо. Итак, вам, конечно, известно, что вы не в состоянии читать книгу со шрифтом обычного формата, если эта книга находится от вас на расстоянии шести футов, но это сразу же становится возможным, как только расстояние между вашими глазами и книгой сократится до одного фута. Как вы видите, в данном случае пока действует правило — чем ближе, тем лучше. Но если вы приблизите книгу настолько, что между нею и вашими глазами останется всего лишь один дюйм, вы снова потеряете способность читать ее. Отсюда вам должно быть ясно, что существует такое препятствие, как слишком большая близость.

— Хм, — произнес Девеней.

— А вот вам другой пример. Расстояние от вашего правого плеча до кончика указательного пальца правой руки составляет примерно тридцать дюймов, и вы можете свободно коснуться этим пальцем правого плеча. Расстояние же от вашего правого локтя до кончика указательного пальца той же руки в половину меньше, и если руководствоваться простейшей логикой, то получается, что коснуться правым указательным пальцем правого локтя легче, чем правого плеча, однако же вы этого сделать не можете. И снова мешает та же слишком большая близость.

— Вы разрешите использовать эти аналогии в моем рассказе? — спросил Девеней.

— Пожалуйста. Я только буду рад, ведь я достаточно долго ждал кого-нибудь вроде вас, кто написал бы о нашей работе. Я дам все необходимые вам сведения. Наконец-то наступило время, когда мы можем разрешить всему миру заглянуть через наше плечо. И мир кое-что увидит.

(Мисс Феллоуз поймала себя на том, что вопреки собственному желанию восхищается его спокойствием и уверенностью. В нем угадывалась огромная сила.)

— Каков предел ваших возможностей? — спросил Девеней.

— Сорок тысяч лет.

У мисс Феллоуз перехватило дыхание.

— Лет?!

Казалось, сам воздух застыл в напряжении. Люди у приборов управления почти не двигались. Кто-то монотонно бросал в микрофон короткие фразы, смысл которых мисс Феллоуз не могла уловить.

Перегнувшись через перила балкона. Девеней внимательно рассматривался в то, что происходило внизу.

— Мы увидим что-нибудь, доктор Хоскинс? — спросил он.

— Что вы сказали? Нет, мы ничего не увидим до тех пор, пока все не свершится. Мы обнаруживаем объект косвенно, как мы по принципу радарной установки с той разницей, что вместо электромагнитных волн предпочитаем пользоваться мезонами. При наличии соответствующих условий мезоны возвращаются, причем некоторая часть их отражается от каких-либо объектов, а наша задача состоит в исследовании характера этих отражений.

— Должно быть, это довольно трудная задача. На лице Хоскинса промелькнула его обычная улыбка.

— Перед вами результат пятидесяти лет упорных исканий. Лично я занялся этой проблемой десять лет назад. Да, все это действительно очень нелегко.

Человек у микрофона поднял руку.

— Уже несколько недель мы фиксируем один определенный момент, удаленный от нас во времени. Предварительно рассчитав наши собственные перемещения во времени, мы то теряем опыт, то воссоздаем его заново, еще и еще раз проверяя нашу способность с достаточной точностью ориентироваться во времени. Теперь это должно сработать безотказно.

Но лоб его блестел от пота.

Эдит Феллоуз вдруг заметила, что она машинально оставила свой стул и тоже стоит у перил, но смотреть пока было не на что.

— Сейчас, — спокойно произнес человек у микрофона.

Наступила тишина, продолжавшаяся ровно столько, сколько требуется времени на один вздох, и из кукольного домика раздался пронзительный вопль смертельно испуганного ребенка.

— Ужас! Непередаваемый ужас!

Мисс Феллоуз резко повернула голову в направлении крика. Она забыла, что во всем этом был замешан ребенок.

А Хоскинс, стукнув кулаком по перилам, голосом, изменившимся и дрожащим от торжества, произнес:

— Сработало.

Подталкиваемая в спину твердой рукой Хоскинса, который не соизволил даже заговорить в ней, мисс Феллоуз спустилась по короткой винтовой лестнице в шахту.

Те, кто до этого момента находился у приборов управления, собрались теперь здесь. Они курили и, улыбаясь, наблюдали за появившейся в главном помещении троицей. Со стороны кукольного домика доносилось слабое жужжание.*

— Вхождение в Стасис не представляет ни малейшей опасности, — обратился Хоскинс к Девеню. — Я сам продельывал это множество раз. На какой-то миг у вас появится странное ощущение, которое не оказывает абсолютно никакого влияния на организм.

Как бы желая продемонстрировать правильность своих слов, он вошел в открытую дверь. Напряженно улыбаясь и почему-то сдалав глубокий вдох, за ним последовал Девеней.

— Идите же сюда, мисс Феллоуз! — нетерпеливо воскликнул Хоскинс, поманив ее пальцем.

Мисс Феллоуз кивнула и неловко переступила порог. Ей показалось, что тело ее потрясла какая-то внутренняя дрожь, но как только она очутилась внутри дома, это ощущение полностью исчезло. В доме пахло свежей древесиной и влажной почвой.

Теперь здесь было тихо, во всяком случае, не слышно было больше голоса ребенка, но зато откуда-то раздавалось шарканье ног и шорох, будто кто-то проводил рукой по дереву. Потом послышался стон.

— Где же он? — в отчаянии воскликнула мисс Феллоуз. Неужели этим глупцам безразлично, что там происходит?

Мальчик находился в спальне, или, вернее, в комнате, где стояла кровать.

Он был совершенно обнажен, и его забрызганная грязью грудь неровно вздымалась. Охапка смешанной с грязью жесткой травы рассыпалась по полу у его босых коричневых ног. От этой травы исходил запах земли с примесью какого-то зловония.

Хоскинс прочел нескрываемый ужас в ее устремленных на ребенка глазах и с раздражением произнес:

— Не было никакой возможности, мисс Феллоуз, вытащить мальчишку чистым из такой глубины веков. Мы вынуждены были захватить для безопасности кое-что из того, что его окру-

жало. Может, вы предпочли бы, чтоб он явился сюда без ноги или части черепа?

— Прошу вас, не надо! — воскликнула мисс Феллоуз, изнемогая от желания прекратить этот разговор. — Почему мы бездействуем? Бедный ребенок испуган. И он грязный.

Она была права. Мальчик был покрыт кусками засохшей грязи и какого-то жира, а его бедро пересекала воспаленная царапина.

Когда Хоскинс приблизился к нему, ребенок, которому на вид было немногим более трех лет, низко пригнулся и быстро отскочил назад. Его верхняя губа оттопырилась, и он издал какой-то странный звук, нечто среднее между ворчанием и кошачьим шипением.

Хоскинс быстрым движением схватил за руки и оторвал отчаянно кричащего и извивающегося ребенка от пола.

— Держите его так, — сказала мисс Феллоуз. — Прежде всего ему необходима теплая ванна. Его нужно как следует отмыть. У вас есть здесь все необходимое? Если да, то попросите принести вещи сюда и хотя бы вначале помогите мне с ним управиться. Кроме того, ради всех святых, распорядитесь, чтобы отсюда убрали всю эту грязь и мусор.

Теперь настал ее черед отдавать приказания, и чувствовала она себя в новой роли прекрасно. И, поскольку растерянная наблюдательница уступила место опытной медицинской сестре, она взглянула на ребенка уже другими глазами, с профессиональной точки зрения, и на какой-то миг замерла в замешательстве. Грязь, которой он был покрыт, его вопли, извивающееся в тщетной борьбе тело — все это куда-то отступило. Она рассмотрела самого ребенка.

Это был самый уродливый мальчуган из всех, которых ей приходилось когда-либо видеть. Он весь был невероятно безобразен — от макушки бесформенной головы до изогнутых колесом ног.

С помощью трех мужчин ей удалось выкупать мальчика. Остальные в это время пытались очистить помещение от мусора. Она работала молча, с чувством оскорбленного достоинства, раздраженная ни на минуту не прекращающимися криками и сопротивлением.

Доктор Хоскинс намекнул ей, что ребенок будет некрасивым, но кто мог предположить, что он окажется столь уродливым. И ни мыло, ни вода не в состоянии были до конца уничтожить исходивший от него отвратительный запах, он лишь постепенно становился слабее.

Ей вдруг страстно захотелось швырнуть намыленного мальчишку Хоскинсу на руки и уйти, но ее удержала от этого профессиональная гордость. В конце концов, ведь она сама согласилась на эту работу... А кроме того, она представила,

какими глазами посмотрит на нее доктор Хоскинс, его холодный взгляд, в котором она прочтет неизбежный вопрос: «Так, значит, вы все-таки любите только красивых детей, мисс Феллоуз?»

Он стоял в некотором отдалении, с холодной улыбкой наблюдая за ними. Когда она встретила с ним взглядом, ей показалось, что кипевшее в ее душе чувство оскорбленного достоинства забавляет его.

Она тут же решила, что немного повременит с уходом. Сейчас это только унизило бы ее.

Когда кожа ребенка приняла наконец вполне сносный розовый оттенок и запахла душистым мылом, она, несмотря на все переживания, почувствовала себя лучше. Кричать мальчик уже был не в состоянии; он лишь устало скулил, в то время как его испуганный, настороженный взгляд быстро перебегал с одного лица на другое, не упуская из виду никого из тех, кто находился в комнате. То, что он был теперь чист, только подчеркивало худобу его обнаженного, дрожащего от холода после ванны тела.

— Дайте же наконец ночную рубашку для ребенка! — резко сказала мисс Феллоуз.

В тот же миг откуда-то появилась ночная рубашка. Казалось, что все было подготовлено заранее, однако никто не трогался с места до ее приказа, как будто умышленно оставляя за ней право распоряжаться и тем самым испытывая ее.

— Я поддержу его, мисс, — подойдя к ней, сказал Девеней. — Одна вы не справитесь.

— Благодарю вас.

Прежде чем удалось надеть на ребенка рубашку, им пришлось выдержать настоящую битву, а когда мальчик попытался сорвать ее, мисс Феллоуз сильно ударила его по руке.

Ребенок покраснел, но не заплакал. Он во все глаза уставился на нее, ощупывая неловкими пальцами фланель рубашки, как бы исследуя этот неведомый ему предмет.

«А теперь что?» — в отчаянии подумала мисс Феллоуз.

Все они, даже уродливый мальчуган, замерли, как бы ожидая, что она будет делать дальше.

— Вы позаботились о пище, о молоке? — решительно спросила мисс Феллоуз.

Они предусмотрели и это. В комнату вкатили специальный передвижной агрегат, состоявший из холодильного отделения, в котором стояло три куварты молока, и нагревательного устройства; в нем имелось также значительное количество укрепляющих средств: витаминизированные капли, медно-кобальтово-железистый сироп и много других препаратов, рассмотреть которые она не успела. Кроме того, там находился набор самосогревающегося детского питания.

Для начала она взяла одно только молоко. Электронная установка за каких-нибудь десять секунд согрела его до необходимой температуры и автоматически выключилась. Она налила немного молока в блюдце, не сомневаясь в том, что уровень развития ребенка очень низок и он не умеет обращаться с чашкой.

Мисс Феллоуз кивнула мальчику и, обращаясь к нему, произнесла:

— Пей, ну пей же. — Она жестом показала ему, как поднести блюдце ко рту. Глаза ребенка следили за ее движениями, но он не шевельнулся.

Внезапно она решилась. Схватив мальчика за руку повыше локтя, она опустила свою свободную руку в молоко и затем провела ею по его губам, так что капли жидкости потекли по его щекам и подбородку.

Он отчаянно завопил, но, вдруг умолкнув, начал облизывать свои влажные губы. Мисс Феллоуз отступила назад.

Мальчик приблизился к блюдцу, наклонился к нему и затем, быстро оглянувшись по сторонам, как бы высматривая притаившегося врага, снова нагнулся к молоку и начал его жадно лопать, как кошка, издавая при этом какой-то неопределенный звук. Он даже не попытался приподнять блюдце руками.

Мисс Феллоуз не в силах была до конца скрыть охватившее ее при виде этого чувство, и, видимо, кое-что отразилось на ее лице, потому что Девеней, взглянув на нее, произнес:

— Доктор Хоскинс, а сестра в курсе того, что происходит?

— В курсе чего? — поинтересовалась мисс Феллоуз.

Девеней заколебался, но Хоскинс, по выражению лица которого снова можно было заподозрить, что все это втайне его забавляло, сказал:

— Ну что ж, можете ей сказать.

— Вы, по всей вероятности, даже не подозреваете, — обратился Девеней к мисс Феллоуз, — что волею случая вы — первая в истории цивилизованная женщина, которой пришлось ухаживать за ребенком-неандертальцем.

Сдерживая охвативший ее гнев, мисс Феллоуз повернулась к Хоскинсу:

— Вы могли бы предупредить меня заранее, доктор.

— А зачем? Какая вам разница?

— Речь шла о ребенке.

— А разве это не ребенок? У вас когда-нибудь был щенок или котенок, мисс Феллоуз? Неужели в них больше человеческого? А если бы это оказался детеныш шимпанзе, вы бы почувствовали к нему отвращение? Вы медицинская сестра, мисс Феллоуз. Судя по вашим документам, вы работали три года в родильном отделении. Вы когда-нибудь отказывались ухаживать за ребенком-уродом?

— Вы все-таки могли бы сказать мне это раньше, — уже менее решительно произнесла она.

— Для того чтобы вы вовремя успели отказаться от этой работы? Не следует ли из этого, что вы хотите это сделать теперь?

Он холодно посмотрел ей прямо в глаза. С другого конца комнаты за ними наблюдал Девеней, а маленький неандерталец, покончив с молоком и вылизав начисто блюдо, поднял к ней мокрое лицо с широко раскрытыми, о чем-то молящими глазами.

Мальчик жестом указал на молоко, и вдруг из его рта посыпались все время повторяющиеся одни и те же отрывистые гортанные звуки вперемежку с искусным прицеливанием языком.

— А ведь он говорит! — удивленно воскликнула мисс Феллоуз.

— Конечно, — сказал Хоскинс. — Homo neanderthalensis в действительности является не отдельным видом, а скорее разновидностью Homo sapiens. Так почему бы ему не уметь говорить? Вполне возможно, что он просит еще молока.

Мисс Феллоуз машинально потянулась за бутылкой, но Хоскинс схватил ее за руку:

— А теперь, мисс Феллоуз, прежде чем вы сделаете еще хоть одно движение, вы должны сказать, остаетесь вы или нет.

Мисс Феллоуз раздраженно высвободила руку.

— А если я уйду, вы что, не собираетесь в этом случае кормить его? Я побуду с ним... некоторое время.

Она налила ребенку молока.

— Мы намереваемся оставить вас здесь с мальчиком, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс. — Это единственный вход в Первую Секцию Стасиса. Дверь тщательно запирается и охраняется снаружи. Я хотел бы, чтобы вы изучили систему замка, который будет, конечно, соответствующе настроен на отпечатки ваших пальцев, так же как он настроен на отпечатки моих собственных. Пространство наверху (он поднял взгляд к несущемуся потолку кукольного домика) охраняется тоже, и мы будем предупреждены в любом случае, если здесь произойдет что-либо необычное.

— Вы хотите сказать, что я все время буду находиться под наблюдением? — возмущенно воскликнула мисс Феллоуз, вдруг вспомнив, как она сама рассматривала с балкона внутреннюю часть помещения.

— О нет, — серьезно заверил ее Хоскинс, — мы гарантируем, что ни один посторонний наблюдатель не будет свидетелем вашей частной жизни. Все объекты в виде электронных символов передаются вычислительной машине, и только она будет иметь с ними дело. Вы проведете с ним эту ночь, мисс Феллоуз,

а также все последующие, впредь до особого распоряжения. Мы предоставим вам несколько свободных часов в дневное время и дадим вам возможность самой составить их расписание в соответствии с вашими личными потребностями.

Мисс Феллоуз в недоумении окинула взглядом кукольный домик:

— А для чего все это, доктор Хоскинс? Разве мальчик представляет собой какую-нибудь опасность?

— Видите ли, мисс Феллоуз, все дело в энергии. Он никогда не должен покидать это помещение. Никогда. Ни на секунду. Ни по какой причине, даже если от этого зависит его жизнь. Даже для того, чтобы спасти вашу жизнь, мисс Феллоуз. Вы поняли меня?

Мисс Феллоуз гордо вскинула голову:

— Я знаю, что такое приказ, доктор Хоскинс. Медицинская сестра привыкает к тому, чтобы во имя долга жертвовать собственной безопасностью.

— Отлично. Вы всегда можете просигнализировать, если вам что-нибудь понадобится.

И двое мужчин покинули Стасис.

Обернувшись, мисс Феллоуз увидела, что мальчик, не прирагиваясь к молоку, по-прежнему не спускает с нее напряженного взгляда. Она попыталась жестами показать ему, как поднять блюдо ко рту. Он не последовал ее примеру, однако на этот раз, когда она прикоснулась к нему, он уже не закричал.

Его испуганные глаза ни на секунду не переставали следить за ней, подстерегая малейшее неверное движение. Она вдруг заметила, что инстинктивно пытается успокоить его, медленно приближая руку к его волосам, стараясь, однако, чтобы рука эта была все время в поле его зрения. Тем самым она давала ему понять, что в этом жесте не кроется никакой для него опасности.

И ей удалось погладить его по голове.

— Я хочу показать тебе, как пользоваться туалетом, — произнесла она. — Как ты считаешь, сможешь ты этому научиться?

Она говорила очень мягко и осторожно, отлично сознавая, что он не поймет ни одного слова, однако надеясь на то, что сам звук ее голоса успокаивающе повлияет на него.

Мальчик снова зашелкал языком.

— Можно взять тебя за руку? — спросила она.

Она протянула ему обе руки и замерла в ожидании. Рука ребенка медленно двинулась навстречу ее руке.

— Правильно, — кивнула она.

Когда рука мальчика была уже в каком-нибудь дюйме от ее собственных рук, смелость оставила его, и он отдернул свою руку назад.

— Ну что ж, — спокойно сказала мисс Феллоуз, — позже мы попробуем еще раз. Не хочешь ли тебе посидеть? — она похлопала рукой по кровати.

Медленно текло время, еще медленнее продвигалось воспитание ребенка. Ей не удалось приучить его ни к туалету, ни к кровати. Когда мальчику явно захотелось спать, он опустился на ничем не покрытый пол и быстрым движением юркнул под кровать.

Она нагнулась, чтобы взглянуть на него, и из темноты на нее уставились два горящих глаза, и она услышала знакомое прищелкивание.

— Ладно, — сказала она, — если ты чувствуешь себя там в большей безопасности, можешь спать под кроватью.

Она прикрыла дверь спальни и удалилась в самую большую из трех комнат, где для нее была приготовлена койка, над которой по ее требованию натянули временный тент.

«Если эти глупцы хотят, чтобы я здесь ночевала, — подумала она, — они должны повесить в этой комнате зеркало, заменить шкаф более вместительным и оборудовать отдельный туалет».

Она никак не могла заснуть, помимо своей воли напрягая слух, чтобы не упустить ни одного звука, который мог раздаться из соседней комнаты. Она убеждала себя в том, что ребенок не в состоянии выбраться из дома, но, несмотря на это, ее грызли сомнения. Совершенно гладкие стены были, безусловно, очень высоки, ну а вдруг мальчишка лазает, как обезьяна? Впрочем, Хоскинс заверил ее, что за всем происходящим внизу следят специальные наблюдательные устройства.

Неожиданно ей пришла в голову новая мысль: а что, если мальчик все-таки опасен? Опасен в самом прямом смысле этого слова? Нет, Хоскинс не скрыл бы это от нее, не оставил бы ее с ним одну, если бы...

Она попыталась разубедить себя, внутренне смеясь над своими страхами. Ведь это был всего лишь трех- или четырехлетний ребенок. Однако ей, несмотря на все усилия, не удалось обрезать ему ногти. А что, если, когда она заснет, он вздумает напасть на нее, пустив в ход зубы и ногти...

У нее участилось дыхание. Как странно, и все же... Она мучительно напрягла слух, и на этот раз ей удалось уловить какой-то звук.

Мальчик плакал.

Не кричал от страха или злобы, не выл и не визжал, а именно тихо плакал, как убитый горем, глубоко несчастный одинокий ребенок.

«Бедняжка», — подумала мисс Феллоуз, и впервые с момента встречи с ним сердце ее пронзила острая жалость.

Ведь это настоящий ребенок, так какое же, по сути дела, значение имеет форма его головы? И это не просто ребенок, а ребенок осиротевший, как ни одно дитя за всю историю человечества. Тысячи лет назад не только умерли его родители, но безвозвратно исчезло все, что его когда-то окружало. Грубо выхваченный из давно ушедшего времени, он был теперь единственным во всем мире существом такого рода. Последним и единственным.

Она почувствовала, как ее все больше охватывает глубокое сострадание и стыд за собственное бессердечие. Тщательно поправив ночную рубашку, постаравшись, чтобы она по возможности лучше прикрывала ей ноги (ловя себя в то же время на совершенно неуместной мысли о том, что завтра же необходимо принести сюда халат), она встала с постели и направилась в соседнюю комнату.

— Мальчик, а мальчик! — шепотом позвала она.

Она совсем уж было собралась просунуть под кровать руку, но, сообразив, что он может укунить ее, решила не делать этого. Она зажгла ночник и отодвинула кровать.

Несчастный ребенок, прижав колени к подбородку, комочком свернулся в углу, глядя на нее заплаканными, полными страха глазами.

В полумраке его внешность показалась ей менее отталкивающей.

— Ах ты, бедняга, бедняга, — произнесла она, осторожно гладя его по голове, чувствуя, как мгновенно напряглось, а потом постепенно расслабилось его тело. — Бедный мальчуган. Можно мне побыть с тобой?

Она села рядом с ним на пол и начала медленно и ритмично гладить его волосы, щеку, руку, тихо напевая какую-то ласковую песенку.

Услышав ее пение, ребенок поднял голову, пытаясь разглядеть при слабом свете ночника ее губы, как бы заинтересовавшись этим совершенно новым для него звуком.

Воспользовавшись этим, она притянула его поближе, и ласковым, но решительным движением ей удалось постепенно приблизить его голову к своему плечу. Она просунула руку под его ноги и не спеша, плавно подняла его к себе на колени. Снова и снова повторяя все тот же один несложный куплет и не выпуская из рук ребенка, она медленно качалась вперед и назад, баюкая его. Он постепенно успокоился, и вскоре по его ровному дыханию она поняла, что мальчик заснул.

Очень осторожно, стараясь не шуметь, она подвинула на место кровать и положила на нее ребенка. Укрыв спящего, она внимательно посмотрела на него. Во сне его лицо казалось таким мирным, таким ребячьим, что, право же, его безобразие как-то меньше бросалось в глаза.

Уже направившись на цыпочках к двери, она вдруг подумала: «А что, если он вдруг проснется» — и повернула назад.

Преодолев внутреннее сопротивление и справившись с охватившими ее разноречивыми чувствами, она вздохнула и медленно опустилась на кровать рядом с ребенком.

Кровать была для нее слишком мала, и ей пришлось скорчиться, чтобы как-то улезть на ней. Кроме того, она не могла избавиться от чувства неловкости, причиной которого было отсутствие над кроватью тента. Но рука ребенка робко скользнула в ее ладонь, и через некоторое время ей все-таки удалось задремать.

Она проснулась, как от внезапного толчка, и с трудом сдержала чуть было не сорвавшийся с ее губ крик ужаса. Мальчик смотрел на нее в упор широко раскрытыми глазами, и ей понадобилось довольно много времени, чтобы вспомнить, как она очутилась на его кровати. Медленно, не отрывая от него взгляда, она спустила на пол сначала одну, потом другую ногу.

Бросив быстрый испуганный взгляд в сторону лишенного покрытия потолка, она напрягла мускулы для последнего решительного движения, собираясь окончательно выбраться из кровати.

Но в этот момент мальчик, вытянув руку, коснулся ее губ своими похожими на обрубки пальцами и что-то произнес.

Это прикосновение заставило ее отпрянуть. При дневном освещении он был непередаваемо безобразен.

Мальчик опять повторил какую-то фразу, а затем, открыв широко рот, движением руки пытался показать, будто что-то вытекает у него изо рта.

Мисс Феллоуз задумалась, стараясь отгадать значение этого жеста, и вдруг взволнованно воскликнула:

— Ты хочешь, чтобы я пела?

Мальчик молча продолжал смотреть на ее губы.

Несколько фальшивя от напряжения, мисс Феллоуз начала ту самую песенку, что пела ему накануне ночью, и маленький урод улыбнулся, неуклюже раскачиваясь в такт музыке и издавая при этом какой-то булькающий звук, который можно было истолковать как смех.

Мисс Феллоуз незаметно вздохнула. Да, правильно говорят, что музыка умиряет сердце дикаря. Она может помочь...

— Подожди немного, — сказала она, — дай мне привести себя в порядок, это займет не больше минуты. А потом я приготовлю тебе завтрак.

Ни на секунду не забывая об отсутствии потолка, она быстро покончила со своими делами. Мальчик оставался в постели, внимательно наблюдая за ней, когда она появлялась в поле его зрения. И каждый раз в эти моменты она улыбалась и махала ему рукой. В конце концов он тоже помахал ей в ответ, и она нашла этот жест очаровательным.

— Ты хочешь молочную овсяную кашу? — спросила она, покончив со своими делами.

Приготовление каши было делом нескольких секунд, и когда еда была на столе, она поманила его рукой.

Неизвестно, понял ли он значение ее жеста или же его привлек запах пищи, но мальчик тут же вылез из кровати.

Она попыталась показать ему, как пользоваться ложкой, но он в страхе отпрянул. («Ничего, у нас впереди еще много времени», — подумала она.) Однако она настояла на том, чтобы он руками поднял миску ко рту. Он повиновался, но действовал так неловко, что страшно испачкался, хотя большая часть каши все-таки попала по назначению.

На этот раз она дала ему молоко в стакане, и мальчуган, обнаружив, что отверстие сосуда слишком мало, чтобы просунуть в него лицо, жалобно захныкал. Она взяла его за руку и, прижав его пальцы к стакану, заставила его поднести стакан ко рту.

Снова все было обито и испачкано, но, как и в первый раз, большая часть молока все-таки попала ему в рот, а что касается беспорядка, то она привыкла и не к такому.

К ее удивлению, освоить туалет оказалось более простой задачей, что принесло ей немалое облегчение. На этот раз он довольно быстро понял, чего она ждет от него. Она поймала себя на том, что гладит его по голове, приговаривая:

— Вот это хороший мальчик, вот это умица!

И ребенок улыбнулся, доставив ей неожиданное удовольствие.

«Когда он улыбается, он, право же, вполне сносен», — подумала она.

В этот же день после полудня прибыли представители прессы. Пока они устанавливали в дверях свою аппаратуру, она взяла мальчика на руки, и он крепко прижался к ней. Суэта испугала его, и он громко заплакал, но, несмотря на это, прошло не менее десяти минут, пока ей разрешили унести ребенка в соседнюю комнату.

Она вскоре вернулась, покраснев от возмущения, и в первый раз за восемнадцать часов вышла из домика, плотно закрыв за собой дверь.

— Я думаю, что с вас на сегодня хватит. Теперь мне понадобится Бог знает сколько времени, чтобы успокоить его. Уходите.

— Ладно, ладно, — произнес джентльмен из «Таймс геральда». — А это действительно неандерталец или какое-нибудь жульничество?

— Уверяю вас, что это не мистификация, — раздался откуда-то сзади голос Хоскинса. — Ребенок — настоящий *Homo neanderthalensis*.

— Это мальчик или девочка?

— Это мальчик-обезьяна, — вмешался джентльмен из «Ньюс». — Нам сейчас показывают не что иное, как мальчика-обезьяну. Как он себя ведет, сестра?

— Он ведет себя точно так же, как любой другой маленький мальчик, — отрезала мисс Феллоуз. Раздражение заставило ее стать на защиту ребенка, — и он вовсе не мальчик-обезьяна. Его зовут... Тимоти, Тимми, и он абсолютно нормален в своих действиях.

Имя Тимоти было выбрано ею совершенно случайно — оно просто первым пришло ей в голову...

— Тимми — мальчик-обезьяна, — изрек джентльмен из «Ньюс», и, как оказалось впоследствии, именно под этой кличкой ребенок впервые стал известен всему миру.

— Скажите, док, что вы собираетесь делать с этой обезьяной? — спросил, обращаясь к Хоскинсу, джентльмен из «Глоба».

Хоскинс пожал плечами:

— Видите ли, моя первоначальная задача заключалась в том, чтобы доказать возможность перенесения его в наше время. Однако я полагаю, что он заинтересует антропологов и физиологов. Ведь перед нами находится существо, по своему развитию стоящее на грани между животным и человеком. Нам представляется возможность узнать многое о нас самих и о наших предках.

— Как долго намерены вы держать его здесь?

— Сколько нам понадобится на его изучение плюс еще какой-то период после завершения исследований. Не исключено, что на это потребуется довольно много времени.

— Не могли бы вы вывести его из дома? Тогда нам удалось бы установить телевизионную аппаратуру и состряпать настоящее зрелище.

— Очень сожалею, но ребенок не может покинуть пределы Стасиса.

— А что такое Стасис?

— Боюсь, джентльмены, что объяснение займет слишком много времени, — Хоскинс позволил себе улыбнуться. — А вкратце суть дела заключается в том, что время, каким мы его себе представляем, в Стасисе не существует. Эти комнаты как бы

покрыты невидимой оболочкой и не являются в полном смысле частью нашего мира. Именно благодаря этому и удалось извлечь, так сказать, ребенка из времени.

— Постойте-ка, — перебил джентльмен из «Ньюс», которого явно не удовлетворило объяснение Хоскинса, — что это вы там болтаете? Ведь сестра свободно входит и выходит из помещения.

— Это может сделать любой из вас, — небрежно ответил Хоскинс. — Вы будете двигаться параллельно временным силовым линиям, и это не повлечет за собой сколько-нибудь значительной потери или притока энергии. Ребенок же был доставлен сюда из далекого прошлого. Его движение происходило поперек силовых линий, и он получил временной потенциал. Для того чтобы переместить его в наш мир, в наше время, требуется израсходовать всю энергию, накопленную нашим акционерным обществом, а также, возможно, и все запасы энергии города Вашингтона. Мы были вынуждены сохранить доставленный сюда вместе с мальчиком мусор, и нам придется лишь постепенно, по крупным удалять его отсюда.

Пока Хоскинс давал объяснения, корреспонденты что-то деловито строчили в своих блокнотах. Из всего сказанного они ровным счетом ничего не поняли и были убеждены в том, что их читателей постигнет та же участь: однако все звучало очень научно, а именно это и требовалось.

— Вы сможете дать сегодня вечером интервью? — спросил представитель «Таймс геральда». — Оно будет передаваться по всем каналам.

— Думаю, что смогу, — быстро ответил Хоскинс, и корреспонденты удалились.

Мисс Феллоуз молча смотрела им вслед. Все, что было сказано о Стасисе и о временных силовых линиях, она поняла не лучше, чем корреспонденты. Но одно усвоила твердо. Тимми (она поймала себя на том, что уже думает о мальчике как о «Тимми») был действительно приговорен к вечному заключению в стенах Стасиса, причем это вовсе не было простым капризом Хоскинса. Видимо, и вправду невозможно было выпустить его отсюда. Никогда.

Бедный ребенок. Бедный ребенок.

Внезапно до ее сознания дошло, что он все еще плачет, и она поспешила назад, чтобы успокоить его.

Мисс Феллоуз не удалось увидеть выступление Хоскинса; хотя его интервью передавалось не только в самых отдаленных уголках Земли, но даже на станции на Луне, оно не проникло в маленькую квартирку, где жили теперь мисс Феллоуз и уродливый мальчуган.

На следующее утро Хоскинс спустился к ним, сияя от торжества.

— Интервью прошло удачно? — спросила мисс Феллоуз.

— Исключительно удачно. А как поживает... Тимми?

Услышав, что он назвал мальчика по имени, мисс Феллоуз была приятно удивлена.

— Все в порядке. Иди сюда, Тимми, это добрый дядя, он тебя не обидит.

Но Тимми не пожелал выйти из другой комнаты, и из-за дверей виднелся только клох его спутанных волос да время от времени робко показывался один блестящий глаз.

— Мальчик удивительно быстро привыкает к обстановке, право же, он весьма сообразителен.

— Вас это удивляет?

— Да. Боюсь, что вначале я приняла его за детеныша обезьяны, — секунду поколебавшись, ответила она.

— Кем бы он там ни был, а пока что он очень много для нас сделал. Ведь он создал славу «Стасис Инкорпорейтэд». Мы теперь на коне, да, мы на коне.

Видимо, ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своим торжеством, пусть даже с ней, с мисс Феллоуз.

— Каким же образом удалось ему это сделать? — спросила она, тем самым давая Хоскинсу возможность высказаться.

Засунув руки в карманы, Хоскинс продолжал:

— Десять лет мы работали, имея в своем распоряжении крайне ограниченные средства, добывая где только можно буквально по пенсу. Мы просто обязаны были создать сразу нечто очень эффективное, пусть нам для этого пришлось все поставить на карту. Уверю вас, это был каторжный труд. Попытка вылезти из глубины времени этого неандертальца стоила нам всех денег, которые удалось сколотить, где одалживая, а где и воруя, да, да, именно воруя. На осуществление этого эксперимента пошли средства, ассигнованные на другие цели. Их мы использовали без разрешения. Если бы опыт не удался, со мною было бы покончено.

— Поэтому-то у домика нет потолка? — прервала его мисс Феллоуз.

— Что вы сказали? — переспросил Хоскинс.

— Вам не хватило денег на потолок?

— А! Видите ли, это было не единственной причиной. По правде говоря, мы не в состоянии были угадать точный возраст неандертальца. Наши возможности четкого определения особенностей объекта, столь удаленного во времени, пока ограничены, и он вполне мог оказаться существом огромного роста и дикого нрава, а в этом случае нам пришлось бы общаться с ним на расстоянии, как с посаженным в клетку животным.

— Но, поскольку ваши опасения не оправдались, вы могли бы теперь, мне кажется, достроить потолок.

— Теперь да. У нас теперь много денег. Все это великолепно, мисс Феллоуз. — Улыбка не сходила с его широкого лица, и, когда он повернулся, чтобы уйти, казалось, даже спина его улыбалась.

«Он довольно приятный человек, когда забывается и сбрасывает маску отрешенного от всего земного ученого», — подумала мисс Феллоуз.

Ей вдруг захотелось узнать, женат ли он, но, спохватившись, она постаралась отогнать от себя эту мысль.

— Тимми, — позвала она, — иди сюда, Тимми!

За протекшие с того дня месяцы мисс Феллоуз все больше и больше начинала чувствовать себя неотъемлемой частью объединенной компании Стасис. Ей был предоставлен отдельный маленький кабинет, на двери которого красовалась табличка с ее именем и который находился довольно близко от кукольного домика (как она продолжала называть служившую для Тимми жильем камеру Стасиса). Ей теперь платили намного больше, чем вначале, а у кукольного домика был наконец достроен потолок и улучшено внутреннее оборудование: была выстроена вторая туалетная комната, и, мало того, она получила собственную квартиру на территории Стасиса, и иногда ей даже удавалось там ночевать. Между кукольным домиком и этой ее новой квартирой провели внутренний телефон, и Тимми научился им пользоваться.

Мисс Феллоуз привыкла к Тимми настолько, что даже меньше стала замечать его безобразие. Однажды на улице она поймала себя на том, что какой-то встретившийся на пути обыкновенный мальчик показался ей крайне непривлекательным — у него был высокий выпуклый лоб и выступающий вперед резко очерченный подбородок. Ей пришлось сделать над собою усилие, чтобы избавиться от этого наваждения.

Гораздо приятнее было привыкать к случайным посещениям Хоскинса. Было совершенно очевидно, что он с удовольствием расставался на время со своей становившейся все более утомительной ролью главы акционерного общества «Стасис Инкорпорейтэд» и что ребенок, с появлением которого было связано нынешнее процветание общества, будил в нем какие-то особые чувства, граничащие с сентиментальностью. Но мисс Феллоуз казалось, что ему было приятно беседовать и с ней. (За это время ей удалось узнать, что Хоскинс разработал метод анализа отражения мезонного луча, проникающего в прошлое; его изобретением был и сам Стасис. Холодность его была чисто

внешней, ею он пытался замаскировать природную доброту, и, о да, он был женат.)

К чему мисс Феллоуз никак не могла привыкнуть, так это к мысли, что она участвует в научном эксперименте. Несмотря на все усилия, она все больше чувствовала себя лично связанной со всем происходящим, и дело подчас доходило до прямых стычек с физиологами.

Однажды, спустившись к ним, Хоскинс нашел ее в таком гневе, что, казалось, она способна была в этот момент совершить убийство. Они не имели права, они не имели права... Даже если это был неандерталец, все равно это был человек, а не животное.

Она следила за ними через открытую дверь. Почти ослепнув от охватившей ее ярости, она прислушивалась к всхлипываниям Тимми. Друг она заметила стоящего рядом Хоскинса. Возможно, что он уже давно находился здесь.

— Можно войти? — спросил он.

Коротко кивнув, она поспешила к Тимми, который тесно прижался к ней, обвинив ее своими маленькими кривыми и все еще такими худыми ножками.

— Вы ведь знаете, что они не имеют права проделывать подобные опыты над человеком, — сказал Хоскинс.

— А я решительно заявляю, доктор Хоскинс, что они не имеют права проделывать это и над Тимми. Вы когда-то сказали мне, что именно появление Тимми дало жизнь Стасису. Если вы чувствуете хоть каплю благодарности, вы должны избавить беднягу от этих людей, по крайней мере до той поры, пока он не подрастет настолько, что начнет хоть немного больше понимать. После их манипуляций он не может спать, его душат кошмары. Я предупреждаю вас (ярость ее вдруг достигла кульминации), что я их больше сюда не впущу! (До ее сознания дошло, что под конец она перешла на крик, но она уже не владела собой.) Я знаю, что он неандерталец, — несколько успокоившись, продолжала она, — но мы их во многом недооцениваем. Я читала о неандертальцах. У них была своя культура и некоторые из величайших человеческих открытий, такие, как, например, одомашнивание животных, изобретение колеса и различных типов каменных жерновов, были сделаны именно в их эпоху. У них, несомненно, были даже духовные потребности. Это видно из того, что при погребении они клали вместе с умершими его личные вещи, — следовательно, они верили в загробную жизнь, может быть, у них уже была какая-то религия. Неужели все это не дает Тимми права на человеческое отношение?

Она ласково похлопала мальчика по спине и отослала его играть в комнату. Когда открылась дверь, взору Хоскинса представилось огромное количество разнообразных игрушек.

Он улынулся.

— Несчастный ребенок заслужил эти игрушки, — поспешно заняв оборонительную позицию, сказала мисс Феллоуз. — Это все, что у него есть, и он зарабатывает их теми мучениями, которым его здесь подвергают.

— Нет, нет, уверяю вас, я ничего не имею против этого. Я только подумал о том, как изменились вы сами с того первого дня, ведь вы были весьма недовольны тем, что я подсунил вам неандертальца.

— Мне кажется, что я не была до такой уж степени недовольна, — тихо возразила мисс Феллоуз, но тут же умолкла.

— Как вы считаете, мисс Феллоуз, сколько ему может быть лет? — переменял тему Хоскинс.

— Я не могу вам этого сказать с достаточной точностью — ведь мы не знаем, как развивались неандертальцы, — ответила мисс Феллоуз. — Если исходить из его роста, то ему не более трех лет, но неандертальцы вообще были низкорослыми, а если учесть характер проделываемых над ним опытов, то он, быть может, вовсе перестал расти. А исходя из того, как он усваивает английский язык, можно заключить, что ему больше четырех.

— Это правда? Я что-то не заметил в докладах ни слова о том, что он учится говорить.

— Он не станет говорить ни с кем, кроме меня, во всяком случае в настоящее время. Он всех ужасно боится, и это не удивительно. Он может, например, попросить какую-нибудь определенную пищу. Более того, он в состоянии высказать любое свое желание и понимает почти все, что я говорю ему. Впрочем, не исключено, что его развитие приостановится. (Произнося последнюю фразу, мисс Феллоуз напряженно следила за выражением его лица, стараясь определить, насколько вовремя коснулась она этого вопроса.)

— Почему?

— Каждому ребенку нужна определенная стимуляция, а Тимми живет здесь, как в одиночном заключении. Я делаю для него все, что в моих силах, но ведь я не все время нахожусь подле него, а кроме того, я не в состоянии дать ему все, в чем он нуждается. Я хочу сказать, доктор Хоскинс, что ему необходимо играть с каким-нибудь другим мальчиком.

Хоскинс медленно наклонил голову:

— К сожалению, у нас имеется всего лишь один такой ребенок. Бедное дитя!

Услышав это, мисс Феллоуз сразу смягчилась.

— Ведь вы любите Тимми, не правда ли? — Было так приятно сознавать, что еще кто-то испытывает к ребенку теплые чувства.

— О да, — ответил Хоскинс, на секунду теряя самоконтроль, и за этот краткий миг ей удалось заметить в его глазах усталость.

Мисс Феллоуз тут же оставила намерение довести свой план до конца.

— Вы выглядите очень утомленным, доктор Хоскинс, — с искренним участием произнесла она.

— Вы так думаете? Мне придется сделать над собой усилие, чтобы иметь более бодрый вид.

— Мне кажется, что «Стасис Инкорпорейтэд» не дает вам ни минуты покоя.

Хоскинс пожал плечами:

— Вы правы. В равной степени в этом повинны еще находящиеся у нас в настоящее время животные, растения и минералы. Кстати, мисс Феллоуз, вы, наверное, еще не видели наши экспонаты.

— По правде говоря, нет... Но вовсе не потому, что это меня не интересует. Я ведь была очень занята все это время.

— Ну теперь-то вы уже более свободны, — повинуясь какому-то внезапно принятому решению, сказал Хоскинс. — Я зайду за вами завтра утром в одиннадцать и сам все покажу вам. Вас это устраивает?

— Вполне, доктор Хоскинс, я буду очень рада, — улыбнувшись, ответила она.

Он кивнул и ушел, улыбнувшись в ответ.

Весь остаток дня мисс Феллоуз в свободное от работы время что-то про себя напевала. И в самом деле, хотя, безусловно, даже сама мысль об этом казалась ей в высшей степени странной, но ведь все это было похоже... почти похоже на то, что он назначил ей свидание.

Обаятельный и улыбающийся, он явился на следующий день точно в назначенное время. Вместо привычного рабочего халата она надела на этот раз платье. Кстати сказать, весьма старомодного покроя, но тем не менее уже много лет она не чувствовала себя столь женственной.

Он сделал ей несколько сдержанных комплиментов, и она приняла его похвалы в столь же сдержанной манере, подумав, что это прекрасное начало. Однако тут же ей пришла в голову другая мысль: «А собственно говоря, начало чего?»

Чтобы отогнать от себя эти мысли, она поспешила попрощаться с Тимми, пообещав ему, что скоро вернется.

Хоскинс повел ее в новое крыло здания, где она до сих пор ни разу не была. Здесь еще сохранился запах, свойственный новым, только что выстроенным помещениям. Доносившиеся откуда-то приглушенные звуки достаточно красноречиво свидетельствовали о том, что строительные работы еще не закончены.

— Животное, растения и минералы, — снова, как накануне, произнес Хоскинс. — Животное находится здесь — это наиболее живописный из наших экспонатов.

Вся внутренняя часть здания была разделена на несколько помещений, каждое из которых представляло собой отдельную камеру Стасиса. Хоскинс подвел ее к смотровому стеклу одной из них, и она заглянула внутрь. Существо, представившееся ее взору, показалось ей вначале чем-то вроде покрытой чешуей хвостатой курицы. Покачиваясь на двух тощих лапках, оно бегало по камере, быстро поворачивая из стороны в сторону изящную птичью голову. На небольшой голове странного существа был костный нарост, напоминающий петушиный гребень. Пальцеобразные отростки коротких передних конечностей непрерывно сжимались и разжимались.

— Это наш динозавр, — сказал Хоскинс. — Он находится здесь уже несколько месяцев, и я не знаю, когда мы сможем расстаться с ним.

— Динозавр?

— А вы ожидали увидеть гиганта?

Она улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки.

— Мне кажется, что некоторые именно так их себе и представляют. Я знаю, что существовали динозавры небольшого размера.

— Уверю вас, что мы старались достать именно маленького динозавра. Как правило, он все время подвергается исследованиям, но сейчас, по-видимому, ему дали передышку. С его помощью удалось сделать кое-какие интересные открытия. Так, например, он не является полностью холоднокровным животным. Он обладает способностью, правда, несовершенной, поддерживать внутреннюю температуру тела выше температуры окружающей среды. К сожалению, это самец. С того самого времени, когда он появился здесь, мы не прекращаем попыток зафиксировать другого динозавра, который может оказаться самкой, но до сих пор нам с этим не везло.

— А для чего нужна именно самка?

В его глазах промелькнула откровенная насмешка:

— В этом случае у нас появилась бы вполне реальная возможность получить оплодотворенные яйца, а следовательно, и детенышей динозавра.

— Ах да.

Он повел ее к отделению трилобитов.

— Перед вами профессор Дуйэн из Вашингтонского университета, — сказал Хоскинс. — Он специалист по ядерной химии. Если мне не изменяет память, он занимается определением изотопного состава кислорода воды.

— С какой целью?

— Это доисторическая вода; во всяком случае, возраст ее исчисляется по крайней мере полумиллиардом лет. Изотопный состав позволяет определить температуру океана в ту эпоху. Самого Дуйэна трилобиты не интересуют, их анатомированием занимаются другие ученые. Им повезло: ведь им нужны только скальпели и микроскопы, тогда как Дуйэну приходится для каждого опыта устанавливать сложный масс-спектрограф.

— Но почему же? Разве он не может?..

— Нет, не может. Ему нельзя ничего выносить из этого помещения до тех пор, пока существует хоть какая-то возможность избежать этого.

Здесь были также собраны образцы первобытной растительности и обломки скал — это и были растения и минералы, о которых ранее упоминал Хоскинс. У каждого экспоната имелся свой исследователь. Все это напоминало музей, оживший музей, ставший центром активной научной деятельности.

— И все это находится под вашим непосредственным руководством, доктор Хоскинс?

— О нет, мисс Феллоуз, слава Богу, в моем распоряжении большой штат сотрудников. Меня интересует только теоретическая сторона вопроса: сущность времени, техника мезонного обнаружения удаленных во времени объектов и так далее. Все это я охотно променял бы на метод обнаружения объектов, удаленных во времени менее чем на десять тысяч лет. Если бы нам удалось проникнуть в историческую эпоху...

Его прервал какой-то шум у одной из отдаленных камер, откуда донесся до них чей-то высокий раздраженный голос. Хоскинс нахмурился и, коротко извинившись, поспешно направился туда.

Со всей быстротой, на которую она была способна, мисс Феллоуз почти бегом бросилась за ним.

— Неужели вы не можете понять, что мне необходимо было закончить очень важную часть моих исследований? — крикливо вопрошал пожилой мужчина с красным, обрамленным жидкой бородкой лицом.

Одетый в форму служащий, на лабораторном халате которого были вышиты буквы «СИ» («Стасис Инкорпорейтэд»), сказал, обращаясь к Хоскинсу:

— Профессор Адемовский с самого начала был поставлен в известность, что этот экспонат будет находиться здесь только две недели.

— Я тогда еще не знал, сколько времени займут мои исследования, я не пророк! — возбужденно выкрикнул Адемовский.

— Вы ведь понимаете, профессор, что мы располагаем весьма ограниченным пространством, — сказал Хоскинс. — Поэтому мы вынуждены время от времени менять имеющиеся у нас об-

разцы. Этот обломок халкопирита должен вернуться туда, откуда он к нам прибыл. Ученые ждут новых экспонатов.

— Почему же я не могу получить его в личное пользование? Разрешите мне унести его отсюда.

— Вы знаете, что это невозможно.

— Вам жалко отдать мне кусок халкопирита, этот несчастный пятикилограммовый обломок? Но почему?

— Нам не по карману связанная с этим утечка энергии! — раздраженно воскликнул Хоскинс. — И вам это отлично известно.

— Дело в том, доктор Хоскинс, — прервал его служащий, — что вопреки правилам профессор пытался унести минерал с собой и чуть было не прорвал Стасис.

На мгновение все умолкло. Повернувшись к ученому, Хоскинс холодно спросил:

— Это правда, профессор?

Адемовский неловко кашлянул:

— Видите ли, я не думал, что это нанесет какой-либо ущерб...

Хоскинс протянул руку и дернул за шнур, свободно висевший на наружной стене камеры, о которой в данный момент шла речь.

У мисс Феллоуз, которая как раз в это время разглядывала этот ничем не примечательный, но вызвавший столь горячий спор кусок камня, перехватило дыхание — на ее глазах камень мгновенно исчез. Камера была пуста.

— Я очень сожалею, профессор, — сказал Хоскинс, — но выданное вам разрешение на исследование различных объектов, находящихся в Стасисе, аннулируется навсегда.

— Но погодите...

— Я еще раз очень сожалею. Вы нарушили одно из наших самых важных правил.

— Я подам жалобу в Международную Ассоциацию...

— Жалуйтесь кому угодно. Вы только убедитесь в том, что в случаях, подобных этому, никто не заставит меня отступить.

Он демонстративно отвернулся от продолжавшего протестовать профессора и, все еще бледный от гнева, сказал, обращаясь к мисс Феллоуз:

— Вы не откажетесь позавтракать со мной?

Он провел ее в ту часть кафетерия, которая была отведена для членов администрации. Он поздоровался с сидевшими за столиками знакомыми и спокойно представил им мисс Феллоуз, испытывавшую в этот момент мучительную неловкость. «Что они подумают?» — эта мысль не давала ей покоя, и она изо всех сил старалась принять по возможности деловой вид.

— Доктор Хоскинс, у вас часто случаются подобные неприятности? — спросила она, взяв вилку и принимаясь за еду. — Я имею в виду это происшествие с профессором.

— Нет, — с усилием ответил Хоскинс, — такое произошло впервые. Мне, правда, частенько приходилось спорить с желающими вынести из Стасиса тот или иной экспонат, но до сегодняшнего дня никто еще не пытался сделать это.

— Мне помнится, что вы однажды говорили о том, что с этим связан большой расход энергии.

— Совершенно верно. Мы, конечно, постарались учесть такую возможность, так как подобные случаи будут повторяться, и у нас имеется теперь специальный запас энергии, рассчитанный на покрытие утечки при непредусмотренном выносе из Стасиса какого-нибудь предмета. Но это вовсе не означает, что нам доставит удовольствие за полсекунды потерять годовой запас энергии. Ведь ущерб, нанесенный нашим средствам потерей такого количества энергии, заставил бы нас на долгие годы отложить дальнейшее претворение в жизнь планов проникновения в глубины времени... Кроме того, вы можете себе представить, что случилось бы, находишься профессор в камере в тот момент, когда собирались прорвать Стасис?

— А что бы с ним в этом случае произошло?

— Видите ли, мы экспериментировали на неодушевленных предметах и на мышах — они бесследно исчезают. Мы полагаем, что они отправляются назад, в глубину времени, как бы захватываемые тем объектом, который мгновенно переносится в то время, из которого его извлекли. Поэтому нам приходится как бы ставить на якорь те предметы, исчезновение которых из Стасиса нам нежелательно. Что касается профессора, то он отправился бы прямо в плиоцен вместе с исчезнувшим куском камня и очутился бы там в то самое время, из которого мы этот камень извлекли, плюс те две недели, что он находился у нас.

— Как это было бы ужасно!

— Уверю вас, что судьба самого профессора меня мало беспокоит: если он был настолько глуп, чтобы совершить подобный поступок, то туда ему и дорога, это послужило бы ему хорошим уроком. Но вы только представьте себе, какое это произвело бы впечатление на публику, если бы факт его исчезновения стал широко известен. Достаточно только людям узнать, что нашим опытом сопутствует столь большая опасность, как нас мгновенно лишат средств.

Хоскинс выразительно щелкнул пальцами и принялся мрачно ковырять вилкой стоявшую перед ним еду.

— А вы не могли бы вернуть его назад? — спросила мисс Феллоуз. — Тем же способом, каким вы вначале получили этот камень?

— Нет, потому что, как только предмет отправляется обратно, он уже больше не фиксируется, если только дальнейшая связь с ним не предусматривается заранее, а в данном случае у нас не было для этого никаких оснований. Да и вообще мы никогда к этому не прибегаем. Для того чтобы найти профессора, нужно было бы восстановить первоначальное направление поисков, а это все равно что забросить удочку в океан с целью поймать одну определенную рыбу. О Господи, когда я думаю о всех мерах предосторожности, принимаемых нами, чтобы избежать несчастных случаев, это сводит меня с ума. Каждая отдельная камера Стасиса имеет свое прорывающее устройство — без этого нельзя, так как все они фиксируют различные предметы и должны прекращать свои функции независимо друг от друга. Кроме того, ни одно прорывающее устройство не вводится в действие до последней минуты, причем мы тщательно разработали единственно возможный способ прорыва потенциального поля Стасиса — для этого необходимо дернуть за шнур, осторожно выведенный за пределы камеры. А чтобы это устройство сработало, нужно приложить значительную физическую силу, так что для этого недостаточно случайного движения.

— Скажите, а... не влияет ли на ход истории подобное перемещение объектов из прошлого в настоящее время и обратно? — спросила мисс Феллоуз.

Хоскинс пожал плечами:

— Если подходить к этому с точки зрения теории, то на ваш вопрос можно ответить утвердительно, но в действительности, если исключить из ряда вон выходящие случаи, это не имеет для развития истории никакого значения. Мы все время что-то удаляем из Стасиса — молекулы воздуха, бактерии, пыль. Около десяти процентов потребляемой энергии тратится на возмещение связанной с этим утечки. Но даже перемещение во времени сравнительно больших предметов вызывает изменения, которые быстро сходят на нет. Возьмите хотя бы этот халкопирит из плиоцена. За его двухнедельное отсутствие какое-нибудь насекомое могло остаться без крова и погибнуть, что, в свою очередь, могло повлечь за собой целую серию изменений. Наши математические расчеты указывают на то, что это самозатухающие изменения, которые со временем становятся все менее значительными, и постепенно все опять приходит в первоначальную норму.

— Вы хотите сказать, что природа сама восполняет нанесенный ей ущерб?

— До известной степени. Если вы перенесете человека из другой эпохи в настоящее время или, наоборот, отправите его назад в прошлое, то в последнем случае вы нанесете более существенный ущерб. Если вы проделаете это с обычным рядовым

человеком, то рана все же может залечиться сама. Мы ежедневно получаем множество писем с просьбой перенести в нынешнее время Авраама Линкольна, или Магомета, или Ленина. Это, конечно, осуществить невозможно. Даже если бы нам удалось их обнаружить, то в этом случае перемещение во времени одного из творцов истории человечества нанесло бы такой колоссальный ущерб действительности, который невозможно было бы ничем компенсировать. Существуют методы, помогающие нам делать соответствующие расчеты, которые, в свою очередь, определяют, не слишком ли велики будут изменения в развитии при перемещении того или иного объекта во времени, и мы делаем все, чтобы даже не приближаться к этому пределу.

— Значит, Тимми... — начала было мисс Феллоуз.

— Нет, в этом отношении с ним все обстоит благополучно. Действительность находится в полной безопасности. Но... — он бросил быстрый пронизывающий взгляд в ее сторону. — Нет, ничего. Вчера вы сказали мне, что Тимми необходимо общаться с детьми.

— Да, — мисс Феллоуз радостно улыбнулась. — Я не думала, что вы обратили внимание на мою просьбу.

— Но почему же? Я питаю к ребенку самые теплые чувства и ценю ваше к нему отношение. Все это меня достаточно интересует, и я вовсе не собирался замолчать этот вопрос, не объяснив вам, как обстоит дело. Теперь я выполнил эту задачу, вы видели, чем мы занимаемся, вам известны теперь до некоторой степени те трудности, которые нам приходится преодолевать, и вы должны понять, почему при всем желании мы не можем обеспечить Тимми общество его сверстников.

— Не можете? — растерявшись, воскликнула мисс Феллоуз.

— Но ведь я только что вам все объяснил. У нас не было бы ни малейшей надежды найти другого неандертальца его возраста, — на такую невероятную удачу не приходится даже рассчитывать. А если б нам и повезло, то совершенно неразумно было бы умножать риск, содержа в Стасисе еще одно человеческое существо.

— Но вы меня неправильно поняли, доктор Хоскинс, — отложив в сторону ложку, решительно сказала мисс Феллоуз. — Я вовсе не хочу, чтобы вы перенесли в настоящее время еще одного неандертальца. Я знаю, что это невозможно. Но зато ведь можно привести в Стасис другого ребенка, чтобы он играл с Тимми.

— Ребенка человека? — Хоскинс был потрясен.

— Другого ребенка, — отрезала мисс Феллоуз, чувствуя, как мгновенно все ее расположение к Хоскинсу сменилось враждебностью. — Тимми — человек!

— Мне это даже в голову не пришло.

— Почему? Почему вы не подумали именно об этом? Что в этом дурного? Вы вырвали ребенка из его эпохи, обрекли его на вечное заключение, так неужели вы не чувствуете себя в долгу перед ним? Доктор Хоскинс, если есть в этом мире человек, который по всем показателям, кроме биологического, может считаться отцом этого ребенка, то это — вы. Почему же вы не хотите сделать для него такую малость?

— Я — его отец? — спросил Хоскинс, как-то неловко поднимаясь из-за стола. — Если вы не возражаете, мисс Феллоуз, я провожу вас обратно в Стасис.

Они молча возвратились в кукольный домик. Никто из них не произнес больше ни слова.

Если не считать случайных, мимоходом брошенных взглядов, прошло много времени, пока ей снова удалось встретиться с Хоскинсом. Иногда она жалела об этом, но, когда Тимми бывал особенно грустен или молча стоял часами у окна, за которым почти ничего не было видно, она с возмущением думала: «Как же он глуп, этот человек!»

Тимми говорил с каждым днем все свободнее и правильнее. Правда, он так и не смог полностью избавиться от присущей ему с самого начала некоторой невнятности в произношении, в которой мисс Феллоуз находила даже своеобразную привлекательность. В минуты волнения он иногда по-прежнему прищелкивал, но это случилось все реже. Должно быть, он постепенно забывал те далекие дни, что предшествовали его появлению в нынешнем времени...

По мере того как Тимми подрастал, интерес к нему физиологов шел на убыль: зато теперь им стали больше заниматься психологи. Мисс Феллоуз не была уверена в том, кто из них вызывал в ней большую неприязнь. Со шприцами было покончено — уколы и выкачивания из организма жидкости прекратились; его перестали кормить согласно специально составленной диете. Но зато теперь Тимми, чтобы получить пищу и воду, приходилось преодолевать препятствия. Он должен был поднимать половицы, отодвигать нарочно установленные решетки, дергать за шнуры. Удары слабого электрического тока доводили его до истерики, и это приводило мисс Феллоуз в отчаяние.

Она не желала больше обращаться к Хоскинсу, — каждый раз, когда она думала о нем, перед ней всплывало его лицо, каким оно было в то утро за завтраком. Глаза ее наполнялись слезами, и она опять не могла удержаться, чтобы не подумать: «Глупый, глупый человек!»

.. И вот однажды возле кукольного домика совершенно неожиданно раздался его голос — он звал ее.

Поправляя на ходу свой форменный халат, она не спеша вышла из дома и, внезапно смутившись, остановилась, увидев перед собой стройную женщину среднего роста. Благодаря светлым волосам и бледному цвету лица незнакомка казалась очень хрупкой. За ее спиной, крепко уцепившись за ее юбку, стоял круглолицый большеглазый мальчуган лет четырех.

— Дорогая, это мисс Феллоуз, сестра, наблюдающая за мальчиком. Мисс Феллоуз, познакомьтесь с моей женой.

(Неужели это его жена? Мисс Феллоуз представляла ее совсем другой. Хотя почему бы и нет? Такой человек, как Хоскинс, вполне мог для контраста выбрать себе в жены слабое существо. Возможно, это было именно то, что ему требовалось...)

Она заставила себя непринужденно поздороваться.

— Добрый день, миссис Хоскинс. Это ваш... ваш малыш?

(Это было для нее полной неожиданностью. Она могла представить себе Хоскинса в роли мужа, но не отца, за исключением, конечно, того... Она вдруг поймала на себе мрачный взгляд Хоскинса и покраснела.)

— Да, это мой сын Джерри, — сказал Хоскинс. — Джерри, поздоровайся с мисс Феллоуз.

(Не подчеркнул ли он слегка слово «это»? Не хотел ли он дать ей понять, что это его сын, а не...)

Джерри немного подался вперед, не расставаясь, однако, с материнской юбкой, и пробормотал приветствие. Миссис Хоскинс явно пыталась заглянуть через плечо мисс Феллоуз в комнату, как бы ожидая найти там нечто весьма ее интересовавшее.

— Ну что ж, зайдем в Стасис, — сказал Хоскинс. — Входи, дорогая. На пороге тебя ждет несколько неприятное ощущение, но это быстро пройдет.

— Вы хотите, чтобы Джерри тоже вошел туда? — спросила мисс Феллоуз.

— Конечно. Он будет играть с Тимми. Вы ведь говорили, что Тимми нужен товарищ для игр. Может быть, вы уже забыли об этом?

— Но. — в ее взгляде, брошенном на него, отразилось глубочайшее удивление. — Ваш мальчик?

— А чей же еще? — раздраженно сказал он. — Разве не этого вы دنبались? Идем, дорогая. Входи же.

С явным усилием подняв Джерри на руки, миссис Хоскинс переступила через порог. Джерри захныкал — видимо, ему не понравилось испытываемое при входе в Стасис ощущение.

— Где же это существо? — тонким голосом спросила миссис Хоскинс. — Я не вижу его.

— Иди сюда, Тимми! — позвала мисс Феллоуз.

Тимми выглянул из-за двери, во все глаза уставившись на пожаловавшего к нему в гости мальчика. Мускулы на руках миссис Хоскинс заметно напряглись.

Обернувшись к мужу, она спросила:

— Ты уверен, Джеральд, что он не опасен?

— Если вы имеете в виду Тимми, то он не представляет никакой опасности, — тут же вмешалась мисс Феллоуз. — Он спокойный и послушный мальчик.

— Но ведь он ди... дикарь.

(Вот оно что! Это результат все тех же газетных историй о мальчике-обезьяне.)

— Он вовсе не дикарь, — с ударением произнесла мисс Феллоуз. — Он спокоен и рассудителен именно в той степени, в какой этого можно ожидать от пятилетнего ребенка. Очень великодушно с вашей стороны, миссис Хоскинс, разрешить вашему мальчику играть с Тимми, и я убедительно прошу вас не беспокоиться.

— Я не уверена, что соглашусь на это, — раздраженно произнесла миссис Хоскинс.

— Мы ведь уже обсудили этот вопрос, дорогая, — сказал Хоскинс, — и я думаю, что не стоит возобновлять наш спор. Спусти Джерри на пол.

Миссис Хоскинс повиновалась. Мальчик прижался к ней спиной и уставился на находившегося в соседней комнате ребенка, в свою очередь не спускавшего с него глаз.

— Тимми, иди-ка сюда, — сказала мисс Феллоуз, — иди, не бойся.

Тимми медленно вошел в комнату. Хоскинс наклонился, чтобы отцепить пальцы Джерри от материнской юбки.

— Отойди немного назад, дорогая, дай детям возможность познакомиться.

Мальчики очутились лицом к лицу. Несмотря на то что Джерри был младше, он был выше Тимми на целый дюйм, и на фоне его стройной фигурки и красиво посаженной пропорциональной головы гротескность облика Тимми вдруг бросилась в глаза, почти как в первые дни.

У мисс Феллоуз задрожали губы.

Первым заговорил маленький неандерталец.

— Как тебя зовут? — дискантом спросил он, быстро приблизив к Джерри свое лицо, как бы желая получше рассмотреть его.

Вздвогнув от неожиданности, Джерри вместо ответа дал Тимми сильного тумака, Тимми, отлетев назад и не удержавшись на ногах, упал на пол. Оба громко заревели, и миссис Хоскинс поспешила схватить Джерри на руки, в то время как мисс

Феллоуз, покраснев от сдерживаемого гнева, подняла Тимми, стараясь успокоить его.

— Они инстинктивно невзлюбили друг друга, — заявила миссис Хоскинс.

— Они инстинктивно относятся друг к другу точно так же, как любые другие дети, будь они на их месте, — устало сказал Хоскинс. — А теперь спусти Джерри с рук и дай ему привыкнуть к обстановке. По правде говоря, нам лучше сейчас уйти. Мисс Феллоуз может через некоторое время привести Джерри ко мне в кабинет, и я позабочусь, чтобы его доставили домой.

В последовавший за этим час дети ни на минуту не упускали друг друга из виду. Джерри плакал и звал мать, боясь отойти от мисс Феллоуз, и только спустя некоторое время позволил наконец себя утешить леденцом. Тимми тоже получил леденец, и через час мисс Феллоуз удалось добиться того, что оба они сели играть в кубики, правда, в разных концах комнаты.

Когда мисс Феллоуз в этот день повела Джерри к отцу, она до такой степени была исполнена благодарности Хоскинсу, что с трудом сдерживала слезы.

Мисс Феллоуз искала слова, чтобы выразить свои чувства, но подчеркнутая сдержанность Хоскинса помешала ей высказаться. Может быть, он до сих пор не простил ей того, что она заставила прочувствовать жестокость его отношения к Тимми. А может быть, он в конце концов привел собственного сына, чтобы доказать ей, как хорошо он относится к Тимми, и одновременно дать понять, что он вовсе не его отец. Да, именно это он и имел в виду!

Так что она ограничилась лишь несколькими словами.

— Спасибо, большое спасибо, доктор Хоскинс.

На что ему оставалось лишь ответить:

— Не за что, мисс Феллоуз. Все идет как нужно.

Постепенно это вошло в обычай. Два раза в неделю Джерри приводили на час поиграть с Тимми, потом этот срок был продлен до двух часов. Дети познакомились, постепенно изучили привычки друг друга и стали играть вместе.

И теперь, когда схлынула первая волна благодарности, мисс Феллоуз обнаружила, что Джерри ей явно не нравится. Физически он был значительно крупнее Тимми, да и вообще превосходил его во всех отношениях: он властвовал над Тимми, отводя ему во всем второстепенную роль. С создавшимся положением ее примиряло только то, что, несмотря на все трудности, Тимми все более нетерпеливо ждал очередного прихода своего товарища по играм.

— Это все, что у него есть в жизни, — с грустью говорила она себе.

И однажды, наблюдая за ними, она вдруг подумала: «Эти двое мальчиков — оба дети Хоскинса, один от жены, другой — от Стасиса. В то время как она сама...»

— О Господи, — сжав кулаками виски, со стыдом подумала она, — ведь я ревную!

— Мисс Феллоуз, — спросил однажды Тимми (она никогда не разрешала ему иначе называть себя), — когда я пойду в школу?

Она взглянула в его карие глаза, умоляюще смотревшие на нее в ожидании ответа, и мягко провела рукой по его густым волосам. Это была самая неаккуратная часть его наружности: она стригла его сама, и мальчик, не переставая, вертелся под ножницами и мешал ей. Она никогда не просила прислать для этой цели парикмахера, ибо эта ее неумелая стрижка удачно помогала маскировать низкий покатый лоб ребенка и чрезмерно выпуклый затылок.

— Откуда ты узнал о школе? — спросила она.

— Джерри ходит в школу. В детский сад, — старательно выговаривая слоги, ответил он. — Джерри бывает во многих местах там, на воле. Когда же я выйду отсюда на волю, мисс Феллоуз?

У мисс Феллоуз мучительно сжалось сердце. Она, конечно, понимала: ничто не сможет помешать тому, что Тимми неизбежно будет узнавать все больше и больше о внешнем мире, о том мире, в который ему никогда не суждено вступить.

Постаравшись придать своему голосу побольше бодрости, она спросила:

— А что бы ты стал делать в детском саду, Тимми?

— Джерри говорит, что они играют там в разные игры, что им показывают ленты с движущимися картинками. Он говорит, что там много-много детей. Он рассказывает... — Тимми на мгновение задумался, потом торжествующе развел в стороны обе руки с растопыренными пальцами и только тогда кончил фразу: — Вот как много он рассказывает!

— Тебе хотелось бы посмотреть движущиеся картинки? — спросила мисс Феллоуз. — Я принесу тебе эти ленты и ленты с записью музыки.

Так удалось на какое-то время успокоить его.

В отсутствие Джерри он жадно рассматривал движущиеся картинки, а мисс Феллоуз часами читала ему вслух книжки.

В самом простом рассказе содержалось столько для него непонятного, ему приходилось объяснять сущность самых обычных вещей, находившихся за пределами трех комнат Стасиса. Теперь, когда в его мысли вторгся внешний мир, он все чаще стал видеть сны.

Ему снилось всегда одно и то же — тот неведомый мир, что находился за пределами его домика. Он неумело пытался рассказать мисс Феллоуз содержание своих сновидений, в которых он всегда переносился в огромное пустое пространство, где, кроме него, были еще дети и какие-то странные, непонятные предметы, созданные его воображением на основе далеко не до конца понятых им книжных образов. Иногда ему снились картины из его полузабытого далекого прошлого, когда он жил еще среди неандертальцев.

Снившиеся ему дети и неведомые предметы не замечали его, хотя он чувствовал, что находится с ними за пределами Стасиса, он в то же время понимал, что не принадлежит внешнему миру, и оставался всегда в страшном одиночестве, как будто и не покидал своей комнаты. Он всегда просыпался в слезах.

Пытаясь успокоить Тимми, мисс Феллоуз старалась обратить его рассказы в шутку, смеялась над ними, но сколько ночей она сама проплакала в своей квартире.

Однажды, когда мисс Феллоуз читала вслух, Тимми протянул руку к ее подбородку и, осторожно приподняв ее лицо от книги, заставил ее взглянуть себе в глаза.

— Мисс Феллоуз, откуда вы узнаете, что нужно говорить? — спросил он.

— Ты видишь эти значки? Они-то и говорят мне о том, что я потом уже рассказываю тебе. Из этих значков составляются слова.

Взяв из ее рук книгу, Тимми долго с любопытством рассматривал буквы.

— Некоторые из значков совсем одинаковые, — произнес он наконец.

Она рассмеялась от радости, которую ей доставила его сообразительность.

— Правильно. Хочешь, я покажу тебе, как писать эти значки?

— Хорошо, покажите. Это будет интересная игра.

Ей даже в голову не пришло, что он может научиться читать. До того самого момента, когда он прочел ей вслух книжку, она отказывалась верить в это. Через несколько недель она внезапно осознала всю огромную важность этого события и была ошеломлена. Сидя у нее на коленях, Тимми читал ей вслух детскую книжку, не пропуская ни одного слова. Он читал!

Потрясенная, она поднялась со стула и сказала:

— Я скоро вернусь, Тимми. Мне необходимо повидать доктора Хоскинса.

Ее охватило граничащее с безумием возбуждение. Ей показалось, что теперь ей удастся наконец найти средство сделать Тимми в какой-то степени счастливым. Если Тимми нельзя войти в современную жизнь, то эта жизнь сама должна прийти к нему

в его трехкомнатную тюрьму, запечатленная в книгах, фильмах и звуках.

Ему необходимо дать образование, используя все его природные способности. Этим человечество могло бы как-то возместить то зло, которое оно ему причинило.

Она нашла Хоскинса в настроении, странно сходном с ее собственным; и все его существо излучало неприкрытую радость и торжество. В правлении царил необычный оживление, и мисс Феллоуз, когда она растерянно остановилась в приемной, даже подумала, что ей не удастся сегодня поговорить с Хоскинсом.

Но он заметил ее, и его широкое лицо расплылось в улыбке.

— Идите сюда, мисс Феллоуз, — позвал он.

Он быстро договорил что-то по интеркому и выключил его.

— Вы уже слышали?.. Ну, конечно, нет, вы еще ничего не можете знать. Мы таки добились своего! Нам удалось наконец совершить это! Мы теперь можем фиксировать объекты из недалекого прошлого.

— Вы хотите сказать, что теперь вы в состоянии перенести в настоящее время человека, жившего уже в историческую эпоху? — спросила мисс Феллоуз.

— Вы меня абсолютно правильно поняли. И в данный момент мы как раз зафиксировали одного индивидуума, жившего в четырнадцатом веке. Вы только представьте себе всю важность этого события! Если бы вы только знали, как я буду счастлив избавиться наконец от этой концентрации всех сил на мезозойской эре, которой, казалось, не будет конца; какое я получу удовольствие от замены палеонтологов историками... Вы, кажется, что-то хотели сообщить мне? Ну, давайте выкладывайте, что там у вас. Говорите же. Вы застали меня в хорошем настроении и можете получить все, что пожелаете.

— Я очень рада, — улыбнулась мисс Феллоуз. — Меня как раз интересует один вопрос: не могли бы мы разработать систему образования для Тимми?

— Образования? Какого еще образования?

— Ну, общего образования. Я имею в виду школу. Надо дать ему возможность учиться.

— Но может ли он учиться?

— Конечно, ведь он уже учится. Он умеет читать, этому я научила его сама.

Ей показалось, что настроение Хоскинса вдруг резко ухудшилось.

— Я, право, не знаю, что вам на это сказать, мисс Феллоуз, — произнес он.

— Но ведь вы только что пообещали, что исполните любую мою просьбу...

— Я это помню. К сожалению, в данном случае я поступил опрометчиво. Видите ли, мисс Феллоуз, я думаю, вы прекрасно понимаете, что мы не можем продолжать эксперимент с Тимми до бесконечности.

Охваченная внезапным ужасом, она в упор взглянула на него, еще до конца не осознав весь смысл сказанных только что слов. Что он подразумевал под этим «не можем продолжать»? Ее сознание вдруг озарила яркая вспышка — она вспомнила о профессоре Адемевском и минерале, отправленном назад после двухнедельного пребывания в Стасисе...

— Но сейчас ведь речь идет о мальчике, а не о куске камня... Хоскинс явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— В случаях, подобных этому, даже ребенку нельзя придавать слишком большое значение. Теперь, когда мы надеемся заполучить сюда людей, живших в историческую эпоху, нам понадобятся все помещения Стасиса.

Она все еще ничего не понимала.

— Но вы не сделаете этого. Тимми... Тимми...

— Ну, ну, не принимайте все так близко к сердцу, мисс Феллоуз. Быть может, Тимми пробудет здесь еще несколько месяцев, и за это время мы постараемся сделать для него все, что в наших силах.

Она продолжала молча смотреть на него.

— Не хотите ли вы выпить чего-нибудь, мисс Феллоуз?

— Нет, — прошептала она. — Мне ничего не нужно.

Едва сознавая, что делает, она с трудом поднялась на ноги и, словно во власти кошмара, вышла из комнаты.

«Ты не умрешь, Тимми, — думала она. — Ты не умрешь».

С той поры ее неотступно преследовала мысль о необходимости как-то предотвратить гибель Тимми. Но одно дело думать, а другое — осуществить задуманное. Первое время мисс Феллоуз упорно цеплялась за надежду, что попытка перенести кого-либо из XIV века в настоящее время потерпит полную неудачу. Хоскинс мог допустить ошибку с точки зрения теории эксперимента, могли также обнаружиться недостатки в методе его осуществления. И тогда все останется по-старому.

Остальная часть человечества, конечно, надеялась на противоположный исход, и мисс Феллоуз вопреки рассудку возненавидела за это весь мир. Ажиотаж, поднявшийся вокруг «Проекта Средневековье», достиг предельного накала. Печать и общественность изголодались по чему-либо из ряда вон выходящему. Акционерное общество «Стасис Инкорпорейтэд» давно уже не производило подобной сенсации. Какой-нибудь новый камень

или ископаемая рыба уже никого не волновали. А это было как раз то, что требовалось.

Человек, живший уже в историческую эпоху, взрослый индивид, говорящий на понятном и теперь языке, тот, кто поможет ученым воссоздать неведомую поныне страницу истории.

Решительный час приближался, и на сей раз уже не только трое на балконе должны были стать свидетелями столь важного события. Теперь весь мир превращался в гигантскую аудиторию, а техническому персоналу Стасиса предстояло играть свою роль на глазах почти у всего человечества.

Среди чувств, кипевших в душе мисс Феллоуз, отсутствовало лишь одно: она отнюдь не была охвачена всеобщим психозом радостного ожидания.

Когда Джерри пришел, как обычно, играть с Тимми, она едва узнала его. Секретарша, которая привела его, небрежно кивнув мисс Феллоуз, поспешила удалиться. Она торопилась занять хорошее место, откуда ей удастся без помех следить за воплощением в жизнь «Проекта Средневековье». Мисс Феллоуз с горечью подумала, что, если б наконец пришла эта глупая девчонка, она тоже уже могла бы быть там, причем у нее была более веская, чем простое любопытство, причина присутствовать при опыте.

— Мисс Феллоуз, — смущенно произнес Джерри, неуверенно, бочком приближаясь к ней и доставая из кармана какой-то обрывок газеты.

— Да! Что это там у тебя, Джерри?

— Это фотография Тимми.

Мисс Феллоуз внимательно посмотрела на ребенка и затем быстро выхватила из его рук клочок газеты. Всеобщее возбуждение, вызванное «Проектом Средневековье», возродило в печати некоторый интерес к личности Тимми.

Джерри внимательно следил за выражением ее лица.

— Тут говорится, что Тимми — мальчик-обезьяна. Что это значит, мисс Феллоуз?

Мисс Феллоуз схватила мальчишку за руку, с трудом подавив желание как следует встряхнуть его.

— Никогда не говори этого, Джерри. Никогда, ты понимаешь? Это гадкое слово, и ты не должен употреблять его.

Перепуганный Джерри отчаянно старался освободиться от ее руки.

Мисс Феллоуз с яростью разорвала бумагу.

— А теперь иди в дом и играй с Тимми. Он покажет тебе свою новую книжку.

Наконец появилась девушка. Мисс Феллоуз никогда раньше не видела ее. Дело в том, что никто из постоянных служащих Стасиса, иногда замещавших ее, когда ей необходимо было отлучиться по делу, сейчас, в связи с приближением момента

осуществления «Проекта Средневековье», не мог помочь. Однако секретарша Хоскинса обещала найти какую-нибудь девушку.

— Вы и есть та девушка, которую прикрепили к Первой Секции Стасиса? — стараясь сдержать дрожь в голосе, спросила мисс Феллоуз.

— Да, это я. Меня зовут Мэнди Террис. А вы — мисс Феллоуз, да?

— Совершенно верно.

— Простите, что я немного опоздала. Везде такая суматоха.

— Я знаю. Итак, я хочу, чтобы вы...

— Вы ведь будете смотреть, правда? — перебила ее Мэнди. На ее хорошеньком, тонком, но каком-то пустом лице отразилась жгучая зависть.

— Это не имеет значения. Я хочу, чтобы вы вошли в дом и познакомились с Тимми и Джерри. Они будут играть часа два и не причинят вам никакого беспокойства. Им оставлено молоко, у них много игрушек. Будет даже лучше, если вы по возможности предоставите их самим себе. А теперь я покажу вам, где что находится и...

— Этот Тимми — мальчик-обез?..

— Тимми — ребенок, который живет в Стасисе, — резко перебила ее мисс Феллоуз.

— Я хотела сказать, что Тимми — это тот, кому нельзя выходить из дома, не так ли?

— Да. А теперь заходите, у нас мало времени.

И когда ей наконец удалось уйти, ей вслед раздался пронзительный голос Мэнди Террис:

— Надеюсь, вам достанется хорошее местечко. Ей-Богу, мне так хочется, чтобы опыт удался.

Не будучи уверенной в том, что, если она попытается ответить Мэнди, ей удастся сохранить самообладание, мисс Феллоуз, даже не оглянувшись, поспешила поскорей уйти.

Но из-за того, что она задержалась, ей не удалось занять хорошее место. Она с трудом протолкалась только до экрана в Зале собраний. Если бы ей повезло очутиться поблизости от места, где проводился эксперимент, если бы она только могла подойти к какому-нибудь чувствительному прибору, если бы она как-нибудь ухитрилась сорвать опыт...

Она нашла в себе силы совладать с охватившим ее безумием. Ведь простое разрушение прибора ни к чему бы не привело. Они бы все равно исправили его и поставили бы эксперимент заново... А ей никогда бы не разрешили вернуться к Тимми.

Ничто не могло ей помочь. Ничто, за исключением естественного и притом непоправимого провала опыта.

И в те мгновения когда отсчитывались последние секунды, ей оставалось только ждать, напряженно следя за каждым движением на огромном экране, внимательно всматриваясь в лица занятых в опыте сотрудников, когда то один, то другой из них попадал в фокус; она старалась уловить в их взглядах выражение беспокойства и неуверенности, указывающих на возникновение неожиданных затруднений в осуществлении опыта; она ни на секунду не отрывала взгляд от экрана...

Но ее надежды не оправдались. Была отсчитана последняя секунда, и очень спокойно, без лишнего шума опыт был благополучно завершен!

В недавно отстроенном новом помещении Стасиса стоял бородатый сутулый крестьянин неопределенного возраста, в рваной, грязной одежде и деревянных башмаках; он с тупым ужасом озирался по сторонам, его сознание не в состоянии было воспринять внезапно обрушившуюся на него невероятную перемену обстановки.

И в тот момент когда весь мир обезумел от восторга, мисс Феллоуз, застывшая от горя, одна стояла неподвижно в поднявшейся сутолоке. Ее толкали, пинали, швыряли, только что не топтали ногами, она стояла в гуще ликующей толпы, вся сжавшись под бременем рухнувших надежд.

И когда скрипящий голос громкоговорителя назвал ее имя, это дошло до ее сознания только после трехкратного повторения.

— Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз, вас требуют в Первую Секцию Стасиса. Мисс Феллоуз, мисс Феллоуз...

— Пропустите меня! — задыхаясь, крикнула она, в то время как громкоговоритель, ни на секунду не останавливаясь, продолжал повторять все ту же фразу. Собрав все свои силы, она стала отчаянно пробиваться через толпу, расталкивая окружающих ее людей. Не останавливаясь ни перед чем, пустив в ход даже кулаки, раздавая направо и налево удары и поминутно застревая в людском водовороте, она медленно, как в кошмаре, но все же продвигалась к выходу.

Мэнди Террис рыдала.

— Я просто не могу себе представить, как это произошло. Я отлучилась всего лишь на одну минутку, чтобы взглянуть на тот маленький экран, который они установили в начале коридора. Только на одну минуту. И вдруг, прежде чем я успела что-либо сделать... Вы сами сказали мне, что они не причинят никакого беспокойства, вы сами посоветовали оставить их одних! — выкрикнула вдруг Мэнди, переходя в наступление.

— Где Тимми? — глядя на нее непонимающими глазами, спросила мисс Феллоуз, не замечая сотрясавшей ее тело нервной дрожи.

Одна сестра протираала плачущему Джерри руку дезинфицирующим средством, другая готовила шприц с противостолбнячной сывороткой.

— Он укусил меня, мисс Феллоуз! — задыхаясь от злости, крикнул Джерри. — Он укусил меня!

Но мисс Феллоуз даже не заметила его.

— Что вы сделали с Тимми? — крикнула она.

— Я заперла его в ванной комнате, — ответила Мэнди. — Я просто-напросто швырнула туда это маленькое чудовище и заперла его там.

Мисс Феллоуз бегом ринулась в кукольный домик. Она задержалась у дверей ванной, казалось, что прошла целая вечность, пока ей удалось наконец открыть дверь и отыскать забившегося в угол уродливого мальчугана.

— Не бейте меня, мисс Феллоуз, — прошептал он. Глаза его покраснели, губы дрожали. — Я не хотел сделать это.

— О Тимми, откуда ты взял, что я буду тебя бить? — Подхватив ребенка на руки, она крепко прижала его к себе.

— Она сказала, что вы выпорете меня длинной веревкой. Она сказала, что вы будете меня бить, бить, бить... — взволнованно ответил Тимми.

— Никто тебя не будет бить. С ее стороны очень дурно было говорить это. Но что случилось? Что случилось?

— Он назвал меня мальчиком-обезьяной. Он сказал, что я не настоящий мальчик, что я животное.

Из глаз Тимми хлынули слезы.

— Он сказал, что не хочет больше играть с обезьяной. А я сказал, что я не обезьяна. Я не обезьяна! Потом он сказал, что я очень смешно выгляжу, что я ужасно безобразен. Он повторил это много-много раз, и я укусил его.

Теперь они плакали оба.

— Но ведь ты же знаешь, Тимми, что это неправда, — всхлипывая, сказала мисс Феллоуз, — ты настоящий мальчик. Ты самый настоящий и самый хороший мальчик на свете. И никто, никто никогда тебя у меня не отнимет.

Теперь ей легко было решиться, она наконец знала, что делать. Но действовать нужно было быстро, Хоскинс не станет больше ждать, ведь пострадал его собственный ребенок..

Нет, это должно произойти ночью, сегодня ночью, когда почти все служащие Стасиса будут либо спать, либо веселиться в связи с успешным претворением в жизнь «Проекта Средневековье».

Она вернется в Стасис в необычное время, но это случалось и раньше. Охранник хорошо знал ее, и ему даже в голову не придет требовать от нее каких бы то ни было объяснений. Он и внимания не обратит на то, что у нее в руках будет чемодан. Она несколько раз прорепетировала эту простую фразу: «Игры для мальчиков» и последующую за ней спокойную улыбку. И он поверил.

Когда она снова появилась в кукольном домике, Тимми еще не спал, и она изо всех сил старалась вести себя, как обычно, чтобы не испугать его. Она поговорила с ним о его снах и выслушала его вопросы о Джерри.

Потом ее увидят немногие, и никому не будет никакого дела до узла, который она будет нести. Тимми поведет себя очень спокойно, а затем все уже станет *fait accompli**. Задуманное свершится, и что толку пытаться исправить то, что уже произошло. Ей дадут возможность существовать. Им обоим будет дарована жизнь.

Она открыла чемодан и вытащила из него пальто, шерстяную шапку с наушниками и еще кое-что.

— Мисс Феллоуз, почему вы надеваете на меня все эти вещи? — встревожившись, спросил Тимми.

— Я хочу вынести тебя отсюда, Тимми. Мы отправимся в страну твоих снов, — ответила мисс Феллоуз.

— Моих снов? — его лицо загорелось радостью, но он еще не мог полностью избавиться от страха.

— Не бойся, ты будешь со мной. Ты не должен бояться, когда ты со мной, не так ли, Тимми?

— Конечно, мисс Феллоуз, — он прижался к ней своей бесформенной головкой, и, обняв его, она ощутила под рукой биение его маленького сердца.

Наступила полночь. Мисс Феллоуз взяла ребенка на руки, выключила сигнализацию и осторожно открыла дверь.

И тут из ее груди вырвался крик ужаса — она очутилась лицом к лицу со стоявшим на пороге Хоскинсом!

С ним были еще двое, и, увидев ее, он был поражен в не меньшей степени, чем она сама.

Мисс Феллоуз пришла в себя на какую-то долю секунды раньше и попыталась быстро проскочить мимо него, но, не смотря на этот выигрыш во времени, он все же опередил ее. Он грубо схватил ее и оттолкнул назад в глубину комнаты по направлению к шкафу. Он знаком приказал остальным войти в помещение и сам стал у выхода, загородив дверь.

— Этого я не ожидал. Вы окончательно сошли с ума?

* Свершившийся факт (фр.).

Когда Хоскинс толкнул ее, она успела повернуться так, что ударилась о шкаф плечом и Тимми почти не ушибся.

— Что случится, если я возьму его с собой, доктор Хоскинс? — умоляюще произнесла она. — Неужели потеря энергии для вас важнее, чем человеческая жизнь?

Хоскинс решительно вырвал из ее рук Тимми.

— Потеря энергии в таком размере привела бы к утечке многих миллионов долларов из карманов вкладчиков. Это катастрофически затормозило бы работы, ведущиеся акционерным обществом «Стасис Инкорпорейтэд». Это означало бы то, что всем и каждому стала бы известна история чувствительной сестры, которая нанесла колоссальный ущерб обществу во имя спасения мальчика-обезьяны.

— Мальчика-обезьяны! — в бессильной ярости воскликнула мисс Феллоуз.

— Под таким именем он фигурировал бы в описаниях этого события.

Между тем один из пришедших с Хоскинсом мужчин начал протягивать через отверстия в верхней части стены нейлоновый шнур. Мисс Феллоуз вспомнила шнур, висевший на наружной стене камеры, где находился обломок камня профессора Адемевского, тот шнур, за который дернул в свое время Хоскинс.

— Нет! — вскричала она.

Но Хоскинс спустил Тимми на пол и, осторожно сняв с него пальто, сказал:

— Оставайся здесь, Тимми, с тобой ничего не случится. Мы только выйдем на минутку из комнаты. Хорошо?

Поблудневший и лишившийся дара речи Тимми, однако, нашел в себе силы утвердительно кивнуть головой. Хоскинс вывел мисс Феллоуз из кукольного домика, держась на всякий случай позади нее. На какой-то миг мисс Феллоуз утратила способность к сопротивлению. Она тупо следила за тем, как укрепляли снаружи конец шнура.

— Мне очень жаль, мисс Феллоуз, — сказал Хоскинс, — я охотно избавил бы вас от этого зрелища. Я намеревался сделать это ночью, чтобы вы узнали обо всем уже потом.

— И все из-за того, что пострадал ваш сын, который замучил этого ребенка до такой степени, что он уже не смог совладать с собой и поранил его?

— Поверьте мне, что дело не в этом. Мне понятна причина того, что здесь сегодня произошло, и я знаю, что во всем виноват Джерри. Но эта история уже получила огласку, да иначе и не могло быть при том количестве корреспондентов, которые собрались здесь в такой день. Я не могу пойти на риск и допустить, чтобы появившиеся в печати ложные слухи о нашей небрежности и о так называемых диких неандертальцах ума-

лили значение успеха «Проекта Средневековье». Так или иначе Тимми все равно должен скоро исчезнуть, так почему бы ему не исчезнуть сейчас, умерив тем самым пыл любителей сенсаций и сократив то количество грязи, которое они постараются на нас вылить?

— Но ведь это не то же самое, что отправить назад в прошлое осколок камня. Вы убьете человеческое существо.

— Это не убийство. Он ничего не почувствует, он просто опять станет мальчиком-неандертальцем и попадет в свою привычную среду. Он не будет больше чужаком, обреченным на вечное заключение. Ему представится возможность жить свободной жизнью.

— Какая же это возможность? Ему всего лишь семь лет, и он привык, чтоб о нем заботились, чтобы его кормили, одевали, оберегали. Он будет одинок, ведь за эти четыре года его племя могло уйти из тех мест, где он его покинул. А если даже племя еще там, ребенка никто не узнает, он должен будет сам о себе заботиться, а ведь ему нигде было научиться этому.

Хоскинс беспомощно покачал головой:

— О Господи, неужели вы считаете, мисс Феллоуз, что мы не думали об этом? Разве вы не понимаете, что мы вызвали из прошлого ребенка только потому, что это было первое человеческое или, вернее, получеловеческое существо, которое нам удалось зафиксировать, и мы боялись отказаться от этого, так как не были уверены, что нам удастся столь же удачно повторить эту попытку? Как вы думаете, неужели мы держали бы здесь Тимми так долго, если б нас не смущала необходимость отослать его обратно в прошлое! Мы делаем это сейчас потому, — в его голосе зазвучала решимость отчаяния, — что мы не в состоянии больше ждать. Тимми может послужить причиной компрометирующей нас шумихи. Мы находимся сейчас на пороге великих открытий, и мне очень жаль, мисс Феллоуз, но мы не можем допустить, чтобы Тимми помешал нам. Не можем. Я очень сожалею, мисс Феллоуз, но это так.

— Ну что ж, — грустно произнесла мисс Феллоуз. — Разрешите мне по крайней мере попроситься с ним. Дайте мне пять минут, я не прошу ничего больше.

— Идите, — после некоторого колебания сказал Хоскинс.

Тимми бросился ей навстречу. В последний раз он подбежал к ней, и она в последний раз прижала его к себе.

Какое-то мгновение она молча сжимала его в своих объятиях. Потом она ногой пододвинула к стене стул и села.

— Не бойся, Тимми.

— Я ничего не боюсь, когда вы со мной, мисс Феллоуз. Этот человек очень сердит на меня, тот, что остался за дверью?

— Нет. Он просто нас с тобой не понимает... Тимми, ты знаешь, что такое мать?

— Это как мама Джерри?

— Он рассказывал тебе о своей матери?

— Иногда. Мне кажется, что мать — это женщина, которая о тебе заботится, которая очень добра к тебе и делает для тебя много хорошего.

— Правильно. А тебе когда-нибудь хотелось иметь мать, Тимми?

Тимми откинул голову, чтобы увидеть ее лицо. Он медленно протянул руку и стал гладить ее по щеке и волосам, как давным-давно, в первый день его появления в Стасисе, она сама гладила его.

— А разве вы не моя мать? — спросил он.

— О Тимми!

— Вы сердитесь, что я так спросил?

— Нет, что ты, конечно, нет.

— Я знаю, что вас зовут мисс Феллоуз, но... иногда я про себя называю вас «мама». В этом нет ничего дурного?

— Нет, нет. Я никогда не покину тебя, и с тобой ничего не случится. Я всегда буду с тобой, всегда буду заботиться о тебе. Скажи мне «мама», но так, чтобы я слышала.

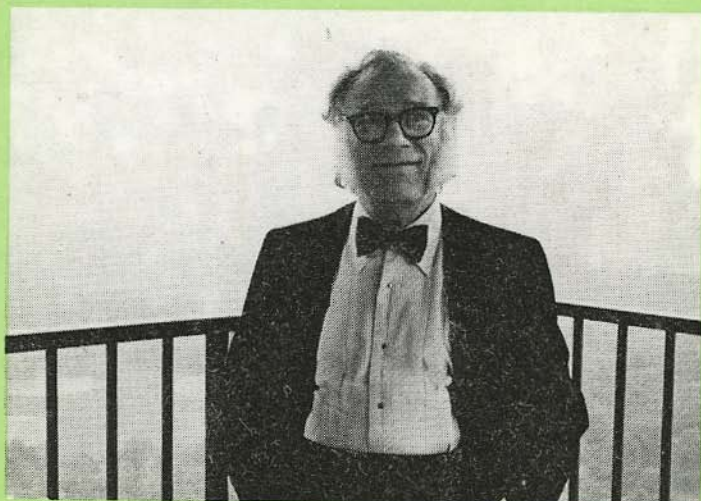
— Мама, — удовлетворенно произнес Тимми, прижавшись щекой к ее лицу.

Она поднялась и, не выпуская его из рук, взобралась на стул. Она уже не слышала внезапно поднявшегося за дверью шума и криков. Свободной рукой она ухватила за протянутый между двумя отверстиями в стене шнур и всей своей тяжестью повисла на нем.

Стасис был прорван, и комната опустела.

Содержание

На Земле достаточно места, рассказы	
Мертвое прошлое, перевод И. Гуровой	7
Выборы, перевод Н. Гвоздаревой	55
Секрет бронзовой комнаты, перевод И. Зивьевой	71
Небывальщина, перевод О. Битова	78
Место, где много воды, перевод А. Иорданского	91
Жизненное пространство, перевод И. Зивьевой	96
Послание, перевод И. Зивьевой	112
Адский огонь, перевод И. Зивьевой	115
Седьмая труба, перевод И. Зивьевой	117
Как им было весело, перевод С. Бережкова	135
Острик, перевод Н. Евдокимовой	138
Бессмертный бард, перевод Д. Жукова	152
Мечты — личное дело каждого, перевод И. Гуровой	155
Девять завтра, рассказы	
Профессия, перевод С. Васильевой	173
Чувство силы, перевод З. Бобырь	228
Ночь, которая умирает, перевод С. Васильевой	237
Я в Марсопорте без Хильды, перевод Е. Гаркави	266
Сердобольные стервятники, перевод Г. Островской	277
Все грехи мира, перевод Н. Рахмановой	293
Пишите мое имя через букву «С», перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	309
Последний вопрос, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой	325
Уродливый мальчуган, перевод С. Васильевой	338

РАССКАЗЫ

